

Федерация Независимых Профсоюзов России
Федерация Профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов

**ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА
КАК ФАКТОР
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
РОССИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
21–22 мая 1998 года**

Санкт-Петербург
1998

71
Д 34

ББК 71.0
Д 34

Материалы сборника продолжают, углубляя и расширяя, тематику проводимых СПбГУП традиционных международных научно-практических конференций: "Взаимодействие общества и государства как фактор социально-культурного развития" (1993), "Человек в современной социально-культурной ситуации" (1994), "Гуманитарная культура как фактор преобразования России" (1995—1997).

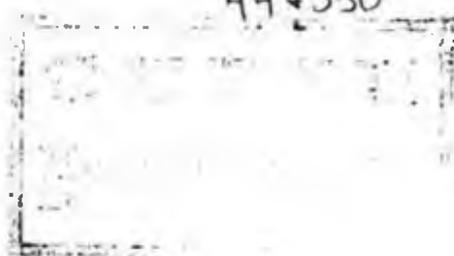
Актуальность обращения авторов сборника к проблемам гуманитарной культуры определяется ее важнейшими функциями в сохранении культурной преемственности и в духовном развитии личности. Гуманитарная культура — это основа основ нравственного совершенствования человека. Аккумулируя накопленный человечеством духовный потенциал, гуманитарная культура представляет своеобразную социально-генетическую программу взаимодействия человека и общества.

Авторами сборника являются крупнейшие отечественные ученые, выдающиеся мастера российской культуры и искусства, общепризнанные лидеры светской и духовной жизни, профсоюзные деятели, а также зарубежные ученые, писатели, представляющие культуру своих стран в Санкт-Петербурге. При всем многообразии оттенков авторских концепций их объединяет понимание приоритетности культуры, ее ведущей роли в духовном возрождении России.

Ответственный редактор

**Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов, действительный член Академии гуманитарных наук,
Международной академии информатизации, Международной академии акмеологических наук,
член-корреспондент Международной академии психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор В. Е. Триодин**

ISBN 5-7621-0074-X

© СПбГУП, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. С. Запесоцкий, председатель оргкомитета конференции, доктор культурологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	16
В. А. Яковлев, губернатор, председатель Правительства Санкт-Петербурга СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРУ, ЧТОБЫ НЕ РАЗРУШИТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН	19
В. А. Густов, губернатор Ленинградской области НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	20
М. В. Шмаков, председатель Федерации Независимых Профсоюзов России КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОФСОЮЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	21
Г. Н. Селезнев, председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Парламентского Собрания союза России и Беларуси, академик, почетный профессор Института молодежи ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИИ И ЕЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	23
Высокопреосвященнейший Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА — ЦЕМЕНТ ГОСУДАРСТВА	28
Н. Р. Романов, князь, председатель объединения Дома Романовых ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО	29
Н. П. Бехтерева, действительный член Российской академии наук и Российской академии медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор медицинских наук, профессор НАУКА О МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА К КОНЦУ XX СТОЛЕТИЯ И ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	31
Н. Н. Монсеев, действительный член Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР ГУМАНИЗМ — ЗАСЛОН ПРОТИВ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	34
В. С. Степин, действительный член Российской академии наук, директор Института философии РАН ФИЛОСОФИЯ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ	37
Т. И. Заславская, действительный член Российской академии наук К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ	39

М. М. Плисецкая, Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и России ПУТЬ К ПРАВДЕ ТВОРЧЕСТВА, ПРАВДЕ ЖИЗНИ	42
К. Ю. Лавров, Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, президент Международной конфедерации театральных союзов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, художественный руководитель Академического Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова ПОИСК ДУХОВНОЙ ИСТИНЫ	44
А. П. Петров, Народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и России, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга, президент Филармонического общества Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре, Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов МУЗЫКАЛЬНАЯ “СМЕНА ВЕХ”	45
А. И. Лукьянов, доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета по законодательству и судебной реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО	47
В. Б. Исаков, доктор юридических наук, профессор, начальник Правового управления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации ПРАВОМЕРНОЕ И НЕПРАВОМЕРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ	49
Н. Д. Никандров, доктор педагогических наук, профессор, президент Российской академии образования РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЯ И МИР	51
Н. Л. Дементьева, министр культуры Российской Федерации РАЗВИТИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА РОССИИ	53
М. В. Сеславинский, руководитель Федеральной службы по телевидению и радиовещанию ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	54
В. Г. Кинелев, действительный член Российской академии образования, доктор технических наук, профессор ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	56
А. А. Гусейнов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института философии РАН ВОЗМОЖНО ЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЕЗ ГЛОБАЛЬНОГО ЭТОСА?	57
Н. В. Карлов, член-корреспондент Российской Академии наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор физико-математических наук, профессор, председатель Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, ректор Московского физико-технического института РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	59

М. Б. Пиотровский, член-корреспондент Российской академии наук и Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор, директор Государственного Эрмитажа МЕЦЕНАТСТВО — ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	62
Н. Н. Скотов, доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), председатель Комиссии по литературному образованию Отделения русского языка и литературы РАН, заместитель председателя Совета по русской культуре при президенте РАН, заместитель председателя экспертного совета Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, главный редактор журнала “Русская литература” УНИВЕРСИТЕТ И КУЛЬТУРА	65
Ж. Т. Тощенко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала “Социологические исследования” ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?	66
С. П. Капица, доктор физико-математических наук, профессор ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ	68
А. В. Воронцов, доктор философских наук, профессор, вице-губернатор Ленинградской области, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга КРЕСТЬЯНСТВО И КУЛЬТУРА	69
В. А. Гусев, член-корреспондент Российской академии художеств, Заслуженный деятель искусств России, директор Государственного Русского музея РУССКИЙ МУЗЕЙ КАК ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ИСТОРИИ, ПАТРИОТИЗМА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА	70
И. Ю. Артемьев, первый вице-губернатор Санкт-Петербурга, председатель Комитета финансов Администрации Санкт-Петербурга ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	73
В. С. Гончаров, кандидат философских наук, заместитель председателя Федерации Независимых Профсоюзов России ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	79
И. В. Бестужев-Лада, доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования НОВАЯ СИТУАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	81
А. А. Бодалев, действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор ФОРМИРОВАТЬ СОЗИДАТЕЛЬНУЮ МОТИВАЦИЮ У ВСЕХ ГРАЖДАН РОССИИ	82
А. П. Беляева, действительный член Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института профессионально-технического образования РАО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	84

Ю. У. Фохт-Бабушкин, доктор философских наук, профессор ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА	86
С. А. Экштут, доктор философских наук, редактор отдела исторических иллюстраций журнала "Родина" ОПЫТ ИСТОРИСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ "ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА" РУССКОЙ ИСТОРИИ	88
В. Р. Асатиани, доктор филологических наук, профессор, министр культуры Грузии КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГРУЗИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ	90
Роберт Ляттелл, писатель (США) СИМВОЛ МАТЕРИ РОССИИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ	91
Жаки Роше, актер, режиссер, драматург, художественный руководитель и директор театра "Кронос", мэр г. Монтрегар (Франция) ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ РЫНКА	92

СЕКЦИЯ 1. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

М. С. Каган, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов СКОЛЬКО ЖЕ РОССИИ В РОССИИ?	96
Б. Д. Парыгин, действительный член Международной академии психологических наук, Академии гуманитарных наук, Балтийской педагогической академии, Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ	98
А. П. Марков, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	101
Л. М. Мосолова, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой художественной культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена НАРОДЫ И РЕГИОНЫ РОССИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: К ПРОЕКТУ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНГРЕССА	103
А. А. Анохин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии и социальной экологии Санкт-Петербургского государственного университета ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	104

Карен Гровер Даффи, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Государственного университета Нью-Йорка, Генезео (США) РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОМОЩЬЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА	105
Тереза Россель, председатель Европейской региональной группы Всемирной организации социальных работников, директор Школы социальной работы Университета Барселоны (Испания), Почетный доктор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор ЭТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	107
О. И. Карпунин, доктор социологических наук, профессор КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА	108
С. Н. Иконникова, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	112
Л. П. Романков, председатель Комиссии по образованию и культуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КУЛЬТУРА	115
А. С. Мыльников, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера) ЭТНИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	117
А. И. Чистобаев, доктор географических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института географии Санкт-Петербургского государственного университета КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	119
В. Д. Плахов, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена РОССИЯ: ЭТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ	120
И. Б. Орлов, действительный член Академии гуманитарных наук и Международной академии информатизации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук Санкт-Петербургского института кино и телевидения ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	122
Ю. Н. Гладкий, член-корреспондент Российской академии образования, доктор географических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена МОСКОВСКИЙ "СУБЭТНОС" КАК СЛЕДСТВИЕ АБЕРРАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ	124

А. С. Запесоцкий, доктор культурологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов КОНФЛИКТ КУЛЬТУР НЕИЗБЕЖЕН?	125
Ю. М. Шор, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ	129
К. З. Акопян, доктор философских наук, доцент кафедры философии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова НРАВСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ	130
А. Л. Казин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского института кино и телевидения, заведующий сектором Российского института истории искусств ДУХОВНЫЙ ИДЕАЛ РОССИИ	132
В. П. Петленко, действительный член Международной ассоциации медицины при ЮНЕСКО, академик Духовной академии наук, доктор медицинских наук, доктор философских наук, доктор психологических наук, профессор, главный ученый секретарь Петровской академии наук и искусств ДУХОВНЫЕ АКСИОМЫ РОССИИ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.....	134
Е. М. Бябосов, действительный член Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси КОНСТИТУТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОСФЕРЫ	137
А. В. Соколов, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов КОЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (постановка научной проблемы)	139
Ю. Д. Дмитревский, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской экологической академии, почетный член Российского географического общества, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов РОЛЬ ТУРИЗМА В ВОЗРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ	141
Г. С. Лебедев, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Министерства культуры Российской Федерации РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	142
О. П. Литовка, действительный член Российской экологической академии, доктор географических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем Российской академии наук ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	144

Г. П. Бутиков, доктор культурологических наук, профессор, президент Ассоциации музеев России ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА	145
В. А. Конев, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета ОБРАЗОВАНИЕ В НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ	146
Богдан Сойко, протоиерей, настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов КУЛЬТУРНЫЕ ЗАДАЧИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	148
В. М. Разумовский, действительный член Российской экологической академии, доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; О. В. Червяков, президент Ассоциации заповедников и национальных парков Северо-Запада России, директор национального парка "Водлозерский"; Н. В. Червякова, заведующая сектором культурного наследия национального парка "Водлозерский" ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ РУССКОГО СЕВЕРА	152
Г. М. Биржезник, профессор, заведующий кафедрой социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (опыт системного анализа)	153
В. П. Шестаков, директор Санкт-Петербургского научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов ИНВАЛИДЫ КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	155
М. А. Арнарский, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургской государственной академии культуры ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ	156
Н. Ф. Дмитриевская, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ УЧЕТ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ	158
В. И. Грачев, доцент кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов КОММУНИКАЦИОННО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	159
Н. Н. Королев, заведующий кафедрой управления Белорусского государственного университета культуры ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	160

Н. Ф. Максютин,
профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности
Казанской академии культуры и искусства
ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 161

Э. Л. Файбусович,
действительный член Академии туризма, доцент Санкт-Петербургского государственного университета
экономики и финансов
**РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
КАК ЗАДАЧА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ** 163

А. В. Поздняков,
проректор Белорусского университета культуры
**УЧЕТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛАРУСИ** 165

А. С. Зонин,
директор Санкт-Петербургского института культурных программ
**КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА РОССИИ:
ОТ МЕТАФОРЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ**..... 166

П. И. Бабочкин,
заместитель директора Научно-исследовательского центра при Институте молодежи;
Л. П. Рыбов,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института высшего образования
**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(на опыте зарубежной высшей школы)**..... 168

СЕКЦИЯ 2. КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

И. И. Елисеева,
член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой
статистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ 171

Н. И. Дяленко,
действительный член Академии экономики, управления, права и Международной академии промышленности,
культуры, искусства и образования, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой
экономики Санкт-Петербургского государственного технического университета
**КУЛЬТУРА, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ** 172

А. Д. Евменов,
доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной работе
Санкт-Петербургского института кино и телевидения
**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
К УПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАТИЗАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ** 175

А. В. Лабудин,
доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
**ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ** 177

Чеслав Глинковский, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики производства Экономической академии (Польша); Ян Сикора, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Экономической академии (Польша)	ИЗБРАННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ БИЗНЕСА	180
С. И. Иванов, доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена	РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	185
Р. А. Исляев, доктор экономических наук, профессор, директор Института региональной экономики и управления	ОБЩИЕ ЗАДАЧИ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ	187
В. А. Ланцов, действительный член Петровской академии наук и искусств, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов	ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	188
Г. А. Праздников, действительный член Академии гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ И КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ	190
Ф. Ф. Рыбаков, действительный член Академии гуманитарных наук и Нью-Йоркской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета	ГРАНИЦЫ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	191
Н. А. Черкасов, действительный член Международной академии информатизации ООН, научный консультант Межпарламентской ассамблеи СНГ, доктор экономических наук, профессор	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА	192
В. Я. Феодоритов, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов	ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА	194
Н. В. Кротова, заведующая кафедрой управления и экономики культуры Московского государственного университета культуры	ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ	197
Б. С. Жихаревич, доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем Российской академии наук, заместитель директора проектного бюро "Стратегический план для Санкт-Петербурга"	КУЛЬТУРА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	198

Ю. А. Матусов, действительный член Санкт-Петербургской инженерной академии и Международной академии наук, директор Санкт-Петербургского учебного центра курортов "Лахта", профессор кафедры высшей математики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; А. А. Боровников, руководитель научно-методического отдела Санкт-Петербургского учебного центра курортов "Лахта"	
КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА В УСЛОВИЯХ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ	202

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРА И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. Зиновьев, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
КОНСТИТУЦИОННОСТЬ КАК БАРОМЕТР ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	204

П. П. Глушенко, Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Международной славянской академии, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН КАК ИНСТИТУТ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	208

В. А. Сапун, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ	212

Б. П. Белозеров, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
НРАВСТВЕННОСТЬ КАК НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА	214

Ю. П. Иванов, заместитель председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	
РОЛЬ И МЕСТО "ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ" В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	215

В. Н. Смирнов, доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	217

И. Е. Тарханов, доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА	219

Н. А. Чечина, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета	
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	222
Ю. А. Лукичев, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА	225
Ю. Я. Баскин, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	227
В. В. Вандышев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права предпринимательской деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
О КУЛЬТУРЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	228
В. Г. Иванов, доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
МОРАЛЬ СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	230
А. М. Миклин, доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
БИОЭТИКА КАК ЕДИНСТВО НРАВСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ В МЕДИЦИНЕ	233
П. Д. Бараболя, Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции в отставке	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ “МИР ОКЕАНАМ” И ЕГО МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	235
Д. В. Ривман, доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
ЛИЧНОСТЬ И СИТУАЦИЯ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	237
В. И. Носач, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
ПРОФСОЮЗЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ	239
И. К. Стрелковский, доцент кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И НРАВСТВЕННОСТЬ	242

СЕКЦИЯ 4. ИСКУССТВО И РЫНОК
(проблемы менеджмента, правового и экономического обеспечения)

- В. А. Гуревич,**
доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ИСКУССТВО И РЫНОК В РОССИИ (к постановке проблемы) 243
- Т. В. Ильина,**
доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории искусства
Санкт-Петербургского государственного университета
СУДЬБА ОДНОЙ КАРТИНЫ (Андрей Матвеев. Портрет Петра I)..... 244
- Д. Н. Катыхова,**
Заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
**ТЕАТРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И СВОБОДА ВЫБОРА
В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 245**
- З. Я. Корогодский,**
Народный артист России, профессор, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ТЕАТР И ВРЕМЯ 247
- Ю. А. Смирнов-Несвицкий,**
доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
член Специального ученого совета Российского института истории искусства,
художественный руководитель Санкт-Петербургского театра "Суббота"
ИСКУССТВО—НЕ-ИСКУССТВО В МИРЕ-РЫНКЕ 248
- А. В. Рычков-Галактионов,**
действительный член Международной академии энергоинформационных наук, член Союза художников России
ЭНЕРГЕТИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕРНИЗМА 250
- И. А. Алдошина,**
доктор технических наук, профессор кафедры музыкального искусства
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;
Н. И. Дворко,
кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой музыкального искусства
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ЗВУКОРЕЖИССЕР В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 252
- Е. В. Герцман,**
доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории искусств
Российской академии наук, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов
РЫНОЧНАЯ ОДИССЕЯ "ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕОРЕТИКОНА" 253
- Р. Б. Громадский,**
Народный артист России, декан факультета искусств, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В УСЛОВИЯХ РЫНКА 257

О. Ф. Петрова, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов НОВОЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ВОПРОСАМ АРТМЕНЕДЖМЕНТА И АРТМАРКЕТИНГА	258
И. М. Гуревич, Заслуженный работник культуры России, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ, ИСКУССТВА И ТУРИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	259
Ю. В. Мулрова, заместитель директора по развитию и внешним связям Государственного музея истории религии, первый заместитель председателя Правления Санкт-Петербургского фонда культуры, член Международного совета музеев при ЮНЕСКО; И. А. Кормановская, референт Правления и эксперт Санкт-Петербургского фонда культуры, научный сотрудник издательства "БЛИЦ" АНТИКВАРНЫЙ РЫНОК ПЕТЕРБУРГА (начальный этап развития)	261
Г. И. Елинер, президент Ассоциации независимой экспертизы и реставрация АНТИКВАРНЫЙ БИЗНЕС В РОССИИ	264

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

председатель оргкомитета конференции, доктор культурологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Международная научно-практическая конференция 1998 года, участниками которой мы являемся, по традиции подводит итог научно-исследовательской деятельности ученых нашего Университета за истекший год, а также созданных на нашей базе временных творческих коллективов. В то же время у нас есть основания осмыслить сегодня некоторые предварительные результаты работы по теме “Гуманитарная культура как фактор преобразования России”, которая была начата в 1995 году.

В этом проекте практически все было новым и необычным. Необычным было то, что в условиях явного спада объема научных исследований в стране, особенно в гуманитарной области, вуз открывал фундаментальную тему, актуальность которой в тот момент была для многих неочевидной. Необычным было и то, что самофинансируемый вуз, существующий целиком на средства от образовательной деятельности, выделил 600 миллионов рублей (в ценах 1995 года) на научное исследование, т. е. инвестировал проект, экономической эффективности явно не обещающий.

Жизнь убедительно показала, что верно были выбраны тема исследований и основные тематические направления в ее рамках. Позволю себе их напомнить. Это «Гуманитарная культура в системе “Общество—образование—человек”», «Концепция гуманитарного образования», «Декларация прав культуры».

Почетный доктор нашего Университета Д. С. Лихачев обосновал для документов, имеющих международно-правовой характер, новое понимание культуры как главной ценности существования отдельных народов, этносов, государств, как основы их социального и экономического развития, духовного и нравственного возвышения человека нынешней и будущей цивилизаций.

Это позволило практически впервые поставить вопрос о правах культуры. В Декларации сформулированы права на целостность, на самобытность, на востребованность, а также на другие права, распространяющиеся как на отдельные категории объектов и социальные институты культуры, так и на субъекты культурной деятельности. Декларация акцентирует внимание правительства на том, что в сегодняшних условиях культура должна стать базовой предпосылкой и главным критерием выработки моделей общественных преобразований. Разработанный нами проект утверждает важнейший принцип целостности мировой культуры, согласно которому любой элемент культурного наследия, являющийся уникальным произведением народа, составляет богатство человечества, в связи с чем сохранение и развитие культуры каждого народа должно стать делом всего мирового сообщества. В связи с этим Декларация прав культуры содержит призыв квалифицировать любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры, как преступления против человечества.

Новым является и то, что предложена система гарантий по отношению к культуре со стороны государства как субъекта власти и как субъекта права. Особо подчеркивается, что государство несет не только юридические, но и моральные обязательства перед прошлым, настоящим и будущим за сохранение и развитие культурного наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории.

Проблема развития гуманитарного образования приобрела особую актуальность в связи с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в новых социально-политических, экономических, социально-культурных условиях обнаружила свою недостаточность ложно понимаемая в прошлые годы концепция светского образования, согласно которой могущество человека определялось знанием естественнонаучных законов природы и порядка в ней. Соответственно, обучение было направлено на формирование механически-детерминистской научной картины мира, выработку уверенности, что любая проблема имеет одно и только одно правильное решение. Слабость этой парадигмы заключается в том, что в такого рода картине мира нет места этике, морали и нравственности, поскольку каждая проблема имела только два варианта решения: «правильно—неправильно», и такой подход в принципе отрицает приоритет духовно-нравственных начал специалиста в подходе к решению практических задач.

Во-вторых, на рубеже XX и XXI веков практически исчерпала себя модель так называемого «поддерживающего обучения», в основе которого лежат фиксированные методы и правила, предназначенные для того, чтобы научить человека справляться с уже известными, повторяющимися ситуациями. Обращенность такой системы образования в прошлое, ориентированность ее на прошлый опыт, является одной из причин кризисов и шоковых ситуаций, через которые проходит молодой специалист. Особенно это проявилось в социально-культурной сфере, которая в России начала развиваться весьма быстро, в соответствии с законами рынка и учетом принципиально новой социальной, политической, культурной, идеологической ситуации. Подготовка специалистов для этой сферы требует новых, нетрадиционных подходов и технологий.

Главный вывод истории послевоенного развития стран мира состоит в том, что приоритетное положение образования является не следствием благосостояния государств, а его причиной. Более того, опыт ряда стран (Германии, Японии, США) убедительно показал, что наибольшего прогресса общество достигает в условиях, когда приоритетным является именно гуманитарное образование.

Все это придает особую значимость проблеме, включенной в общий исследовательский проект под названием «Концепция гуманитарного образования».

По каждому из направлений предусматривались конкретные результаты, и сегодня можно судить об эффективности нашей работы по проекту. Что же нами сделано?

— Разработана концепция гуманитарной культуры как фактора преобразований российского общества, включающая систему социальных, правовых и образовательно-педагогических механизмов ее сохранения, воспроизводства, освоения и развития.

— Изданы монографии и сборники по проблемам исследования, привлечшие внимание научной общественности и стимулировавшие развитие дальнейших научных поисков в намеченном проблемном поле.

— Разработан проект Декларации прав культуры, организована его экспертиза, с ним ознакомлена российская общественность, ряд зарубежных специалистов и создан благоприятный фон для его дальнейшего продвижения.

— Издан сборник международных нормативных актов по вопросам культуры.

— Создана целостная концепция развития гуманитарного образования в России, обосновывающая систему приоритетов и условий его совершенствования и предполагающая организационную координацию и функциональное взаимодополнение различных типов и уровней образовательных учреждений в масштабах города, субъекта федерации, региона, России в целом.

— Изданы и подготовлены к опубликованию учебники, учебно-методические пособия и программы курсов для вузов по предметам социально-гуманитарного цикла.

Данный исследовательский проект вступает сегодня в новый этап. Суть его определяется как накопленным нами опытом, так и новыми задачами, которые стали актуальными в связи с происходящими в обществе процессами.

Речь идет о регионализации российской экономики, управления, культуры и т. д. Регионы приобрели большие права, однако формы и механизмы регионального управления еще не выработаны. Особенно это заметно в области культуры. От предельной идеологизированности и централизованности культура перешла к состоянию аномии. Идет постепенное сокращение инфраструктуры культуры и одновременно — увеличение числа и разнообразия субъектов культурной жизни. Наряду с традиционными государственными театрами, музеями, библиотеками, клубами в культурной жизни стали активно участвовать различного рода негосударственные структуры — вся сфера игорно-развлекательного досуга, многочисленные негосударственные театры, картинные и фотогалереи, закрытые клубы и т. п. Это поставило на повестку дня вопрос об осмыслении всего комплекса проблем, связанных с формированием и реализацией территориальной культурной политики. Именно о них пойдет речь в докладе В. А. Яковлева “Сохранить культуру, чтобы не разрушить связь времен”. Правительство Санкт-Петербурга серьезно озабочено судьбой творческой интеллигенции. В 1998 году расходы городского бюджета на культуру увеличены вдвое. Более одного миллиарда шестисот миллионов рублей выделено на поддержку только актеров.

Экономический аспект региональной культурной политики, затронутый губернатором города, будет продолжен губернатором Ленинградской области В. А. Густовым, в чьем докладе подробно представлена целевая программа реструктуризации промышленности Ленинградской области, еще раз подчеркнута взаимообусловленность социальных, экономических и культурных проблем. И как комплексное решение целого ряда проблем можно рассматривать стратегию и кадровую политику профсоюзов России, которую в своем докладе изложит председатель Федерации Независимых Профсоюзов России М. В. Шмаков.

Не менее актуален вопрос о функционировании искусства в условиях рынка. В последние годы в этой области многое смещено с позиций не только науки, но и здравого смысла. Как известно, по определению, культура, искусство являются вне рыночным сектором экономики. По большинству параметров эти сферы поставлены в один ряд с предприятиями материального производства и бытового обслуживания. В итоге смещаются социальные функции искусства, художник попадает в сложную систему экономических, правовых, налоговых и прочих жерновов.

Еще одна проблема, которая с каждым днем высвечивает новые грани, — это построение правового государства. Глубоко прав председатель Государственной Думы Г. Н. Селезнев, который в своем докладе раскрывает проблему качества закона и культуры его исполнения. В первые годы перестройки эта формула — правовое государство — была неотъемлемой частью демократической риторики. Сегодня данное понятие употребляется крайне редко. Однако это не означает, что таковое государство уже построено. Скорее наоборот, стало ясно за последние годы, что это проблема не только и не столько юридическая или политологическая. Она находится на пересечении всех сфер социальной практики и научного знания. Стало очевидно, что правовая культура — это непреложное условие построения правового государства, что человек, знающий законы для того, чтобы их обходить или умело нарушать, — значительно более опасная фигура, чем человек, законов не знающий. Иными словами, культура и нравственность — столь же неотъемлемые атрибуты правового государства, как и хорошие законы и система их исполнения.

Все эти проблемы определили тематику секционных заседаний, которые будут проходить на базе факультетов Университета.

Внимание крупных отечественных и зарубежных ученых к нашей конференции, нашедшее выражение в присланных тезисах и непосредственном участии в работе, показывает, что Университет в своей научной деятельности находится в эпицентре научной жизни страны, во многом определяет ее содержание, и это вселяет уверенность в правильности избранного пути.

В. А. ЯКОВЛЕВ,
губернатор, председатель Правительства Санкт-Петербурга

СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРУ, ЧТОБЫ НЕ РАЗРУШИТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Санкт-Петербург — это город-музей, который строила вся Россия (и Европа). В Петербурге сосредоточены музеи и театры, библиотеки и архивы, учреждения образования и культуры, составляющие уникальную петербургскую школу классической культуры. Город хранит сокровища, созданные в лучшие для России времена. Здесь творили величайшие гении мира. В череде блистательных имен особое место принадлежит великому Пушкину, 200-летие со дня рождения которого весь мир отмечает в 1999 году.

Среди музеев Российской Федерации уникальное значение имеет Русский музей — сокровищница национального изобразительного искусства. Музей, представляющий в своем собрании тысячелетнюю историю России, воссозданную в произведениях лучших национальных мастеров, в 1998 году празднует свой столетний юбилей. Эта дата также должна стать важной вехой в подготовке к 300-летию нашего города.

Мы считаем необходимым утверждать и поддерживать неповторимость и значимость каждого культурного центра, которыми так богата Россия. Программа “Культурные столицы России” отнюдь не означает титулование Санкт-Петербурга. Есть десятилетний опыт Европы, когда один из городов объявляется “культурной столицей Европы”, и на общеевропейские и национальные деньги этот город являет Европе, а Европа ему — свои культурные достижения.

Мы предложили Министерству культуры Российской Федерации с 2000 года избирать один из городов “культурной столицей России” и начать эту программу с нашего города.

Правительству города часто задают вопрос: “Какова политика городских властей в отношении культуры? Как оно ей помогает?”

В этом году расходы городского бюджета на культуру увеличены вдвое. Более одного миллиарда шестисот миллионов рублей выделено на поддержку только актеров. Всем работникам учреждений культуры зарплата повышена в 1,5 раз, но как бы нам ни хотелось помочь всем сразу, во всем и по справедливости, всегда надо в первую очередь отдавать долги — долги памяти и признания. Какой смысл создавать новые ценности, если мы не научимся бережно относиться к старым? Надо уметь сохранять, чтобы окончательно не разрушить связь времен.

Сегодня общероссийское достояние брошено на плечи городского бюджета, но мы сумели не только сохранить, но и вернуть россиянам то, что они не имели возможности видеть десятилетиями: Спас-на-Крови, Александровский дворец в Царском Селе, ведется реставрация великолепных дворцов Строгановых, Юсуповых, Шереметевых. Мы оказываем поддержку Дому ветеранов сены. Увековечена в камне память о Достоевском и Гоголе, Шостаковиче и первом губернаторе Петербурга князе Меншикове, наконец-то отреставрирована музей-квартира Федора Шляпина. Присступили к ремонту Музея истории города. Введено в действие новое здание Публичной библиотеки. Особый упор мы делаем на реставрацию театральных зданий. Творцам не надо говорить, что им делать — надо уважать их труд и создавать соответствующие условия. Ведь впечатление от самого прекрасного спектакля может испортить обшарпанное фойе или осыпающийся фасад.

К сожалению, рыночные отношения привели к тому, что истинные культурные ценности не выдерживают сиюминутной конкуренции с тем, что заполонило сегодня все средства массовой информации. В этих условиях мы видим свою задачу в том, чтобы поддерживать в первую очередь тех, кто по объективным причинам сам не может за себя постоять. Я уверен, что это справедливо.

В. А. ГУСТОВ,
губернатор Ленинградской области

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Сегодня можно говорить об определенной стабилизации экономического положения в Ленинградской области. Спад производства в ведущей отрасли экономики — промышленности — в основном преодолен. По данным органов статистики, за 1997 год производство промышленной продукции составило на крупных и средних предприятиях 99,4 процента к уровню 1996 года, объемы выпуска продукции возросли практически на всех предприятиях ведущих отраслей. Рост производства составил в акционерных обществах “Волховский алюминиевый завод” — 23,5%, “Фосфорит” — 7,9%, “Ленинградсланец” — 29%, Ленинградская атомная электростанция — 19,1%, “Трансмаш” — 5,2%, “Глинозем” — 1%, “Бокситогорский глинозем” и “Киришинефтеоргсинтез” — на уровне прошлого года.

1997 год стал годом позитивных перемен на селе. В значительной мере удалось затормозить разрушение агрокомплекса. Впервые за долгие годы в хозяйства пошла новая, в том числе самая современная техника.

Оживилась строительная отрасль. После долгого застоя в эксплуатацию сданы более десятка крупных объектов социальной сферы: жилые дома, школы, медучреждения, интернаты для престарелых. Полным ходом идут работы в Усть-Луге на трех терминалах первого из трех запланированных на Балтийском побережье портовых комплексов.

Однако глубина кризиса, в котором оказалась экономика, требует удвоения, даже утроения усилий и применения новых подходов, особенно в ее базовых отраслях.

Руководство Ленинградской области, осознавая важность стоящих проблем, формирует региональную целевую программу реструктуризации промышленности с привлечением кредитных ресурсов коммерческих организаций. Для дальнейшей стабилизации и создания предпосылок роста экономики предстоит большая работа, в том числе и по привлечению инвесторов.

Политика Правительства области по активизации инвестиционного процесса строится в нескольких направлениях, главными из которых являются развитие регионального инвестиционного и налогового законодательства, формирование инвестиционной открытости.

С этой целью мы одними из первых регионов России пошли на беспрецедентный шаг. Ставка налога на прибыль в бюджет области с 1997 года снижена с 22 до 18% и является самой низкой по регионам России. Кроме того, по 40 хозяйствующим субъектам (промышленные предприятия различных форм собственности) было принято решение областного Правительства о консервации неиспользуемых в производстве основных фондов, позволившее предприятиям направлять высвобожденные финансовые средства на развитие производства.

Правительством области разработаны и приняты областные законы, позволяющие облегчить налоговое бремя для хозяйствующих субъектов: “О льготном налогообложении предприятий и организаций, расположенных на территории Ленинградской области”; “О некоторых вопросах налогообложения на территории Ленинградской области”; “Об инвестиционной деятельности в Ленинградской области”. Последний вобрал в себя все лучшее из апробированных на практике федеральных и местных законов об инвестиционной деятельности и пошел значительно дальше. Положениями этого закона определяются права и обязанности инвесторов, регламентируется режим наибольшего благоприятствования инвестиционной деятельности. Закон позволяет инвесторам пользоваться особыми льготами при больших инвестициях, естественно, за счет налоговой базы, формирующей областной бюджет. Также закон существенно снижает налоги для банков и финансовых институтов, представляющих кредиты для реализации инвестиционных проектов, определяет дополнительные государственные гарантии прав инвесторов.

Эти усилия оказались не напрасными. Область получила весьма высокий международный рейтинг инвестиционной привлекательности (ВВ+): налажено сотрудничество с рядом крупных фирм. Мы рады этому. Однако, к сожалению, "сливки" от снижения общего налогового бремени "снимает" не тот, кто пошел на снижение ставок, то есть областной бюджет, а тот, кто упорно не хочет понижать налоги — бюджет федеральный. Поэтому на федеральном уровне мы будем вносить целый блок разработанных законодательных инициатив.

Затрону коротко еще одну тему. Необходимо выбрать несколько так называемых национальных идей, но не столько политически, сколько экономически выверенных и окупаемых, таких, которые могли бы стать своеобразными "локомотивами" развития всей промышленности и экономики. Одной из таких идей, на мой взгляд, должен стать проект по расширению позиции России в 9-м интермодальном транспортном коридоре, определенном Кригской конференцией Евросоюза.

Можно сказать, что нам предоставлена уникальная возможность превратить регион, через который планируется провести этот транспортный коридор, в ключевое звено международного транзита грузов — в "торговый мост", соединяющий Западную Европу с территорией России, а также с наиболее динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

По нашей совместной с губернатором Санкт-Петербурга В. А. Яковлевым инициативе разработан проект межотраслевой программы "Транспортно-технологическое обеспечение транзита грузов через прибрежные территории Финского залива". В результате комплексной реконструкции действующих и строительства новых портов в Финском заливе планируется к 2010 году довести суммарный грузооборот до 150 млн тонн в год.

Программа не ограничивается только развитием портовых и терминальных мощностей, сюда включается целый ряд мероприятий, предусматривающих обеспечение транзита грузов через территорию Ленинградской области и Санкт-Петербурга с оказанием комплекса соответствующих услуг европейского качества. Это строительство и реконструкция автомобильных и железных дорог, грубопроводного, воздушного грузового и пассажирского транспорта, речных портов и внутренних судоходных путей, современных логистических терминальных комплексов по приему, переработке и распределению грузов, а также целый комплекс мер по информационно-аналитическому обеспечению транспортно-технологической деятельности.

Ленинградская область и Санкт-Петербург вместе с рядом других субъектов Российской Федерации приступили к подготовке организуемой Минтранс РФ Международной евроазиатской конференции по транспорту, которая состоится в Санкт-Петербурге в мае этого года. Поддержана также инициатива по формированию единой унифицированной таможенной и пограничной системы в странах Балтийского моря, развитию сотрудничества в области информационно-телекоммуникационных систем, систем навигации и т. д. Уверен, что этот "локомотив" сможет не только остановить падение промышленного производства, но и даст серьезный толчок развитию всей промышленности во многих и многих регионах России.

М. В. ШМАКОВ,
председатель Федерации Независимых Профсоюзов России

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОФСОЮЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

III съезд ФНПР выразил серьезную озабоченность состоянием дел по подготовке кадров как составной части кадровой политики профсоюзов в условиях перехода к рынку и подчеркнул, что эта работа требует новых подходов.

В результате мер, предпринятых ФНПР в последние три года, наметились определенные сдвиги в этом направлении деятельности профсоюзов. На активизацию работы по возрождению

системы профсоюзной учебы повлияло создание и практическая деятельность методического совета ФНПР по подготовке кадров, воссоздание в структуре Академии труда и социальных отношений ИПК профсоюзных кадров.

Методическим советом ФНПР принята Конституция профсоюзного образования, которая определила идеологию, стратегию и приоритетные направления деятельности профсоюзов и их образовательных учреждений по профессиональной подготовке и повышению квалификации профсоюзных кадров и актива.

В развитие Концепции методический совет принял:

— структуру системы повышения квалификации профсоюзных кадров и актива, которая одобрена исполкомом Генерального совета ФНПР;

— требования к содержанию повышения квалификации профсоюзных кадров и актива, разработанные ИПК профкадров.

Эти документы стали ориентиром в формировании учебных планов и программ, форм и методов их реализации, с учетом характера и специфики деятельности конкретных категорий профсоюзных лидеров и специалистов.

Существует немало примеров творческого отношения членских организаций к вопросам обучения профсоюзных кадров и актива: Росугленпроф, профсоюзы работников здравоохранения и народного образования и науки, местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий, авиационной промышленности. Электропрофсоюз, Совет межрегиональной Ассоциации первичных организаций профсоюза химических отраслей промышленности и ряд других. Мобильность и гибкость работы в новых условиях проявляют Федерации профсоюзов Оренбургской, Свердловской, Самарской областей, Краснодарского края и их учебно-методические центры.

Особо следует сказать о Московской федерации профсоюзов, которая 50% всего профбюджета расходует на обучение профсоюзного актива. Частичное финансирование деятельности учебных центров МФП предусмотрено в соответствии с законом "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности", Московским трехсторонним соглашением на 1998 год — между Правительством Москвы, московскими объединениями профсоюзов и московскими объединениями предпринимателей (работодателей). Ее учебные базы в идеальном порядке, количественные показатели не отличаются от доперестроечных; активно используются самые современные методы обучения.

Обогащению отечественной практики организации профсоюзной учебы, несомненно, способствовала и международная конференция, организованная МОТ и ФНПР в сентябре 1996 года в Новороссийске, семинары директоров учебно-методических центров в Крюково в 1997 году.

После съезда Федерация НПР вышла на качественно новый уровень сотрудничества с Международной организацией труда. Речь идет о крупном совместном проекте при участии Центрального объединения профсоюзов Норвегии в области подготовки профсоюзных кадров. Этот трехлетний проект призван помочь ФНПР продвинуться вперед в реализации новых подходов, одобренных съездом. Нет необходимости подчеркивать важность работы в этой области для того, чтобы решения съезда из благих намерений перешли в реальные дела.

В рамках этого проекта уже проведены несколько важных встреч и стажировок для руководителей общероссийской системы подготовки кадров по линии ФНПР, а также для работников профсоюзной прессы, подготовлены и в ближайшее время выйдут в свет несколько новых публикаций, предназначенных непосредственно для ФНПР. В частности, речь идет об учебном пособии на тему "Коллективные переговоры по заработной плате", о материалах по экологии и охране труда. Начата работа по оборудованию учебно-методических центров ФНПР компьютерной техникой с тем, чтобы в перспективе соединить их через Интернет в единую информационную систему.

Программу второго года проекта открывает цикл семинаров. В апреле текущего года будет проведен 2 недельный семинар для штатных преподавателей учебно-методических центров по вопросам подготовки и проведения коллективных переговоров. На него приглашаются освобожденные председатели (заместители председателей) профкомов, участвующие в обучении

профсоюзного актива и имеющие желание способствовать созданию системы подготовки кадров в регионе или профсоюзе в целом. Итогом этого семинара станет учебно-тематический план обучения актива, подготовленный самими слушателями. На основе учебно-тематического плана прошедшее обучение нештатные преподаватели должны будут провести 3-х дневные семинары в регионах. В дальнейшем предполагается разработать методические рекомендации по проведению семинаров по этой проблеме.

В этот же период пройдет второй семинар — для директоров учебно-методических центров. Темой этого семинара станет “Менеджмент в деятельности учебно-методических центров профсоюзов”, на котором его участники разработают конкретный план дальнейших действий УМЦ по совершенствованию системы обучения профкадров.

В мае этого года предполагается также провести ряд методических семинаров для нештатных преподавателей по профсоюзному строительству в регионах России. В рамках проекта будет проведена и научно-практическая конференция по проблемам занятости.

Итоги второго этапа проекта МОТ-ФНПР будут подведены на заседании коллегиального органа ФНПР в конце 1998 года.

Г. Н. СЕЛЕЗНЕВ.

председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Парламентского Собрания союза России и Беларуси, академик, почетный профессор Института молодежи

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИИ И ЕЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дата 11 января 1994 года вошла в летопись политической истории современной России как начало деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, ставшей наряду с Советом Федерации законной правопреемницей высших законодательных органов нашего Отечества, — четырех дооктябрьских дум и Советов России разных времен. Уже 19 января 1994 года избранные в ходе всенародных выборов депутаты после решения первоочередных организационных вопросов обсудили на пленарном заседании план законопроектных работ.

Спустя некоторое время Государственная Дума приняла проект Федерального закона “О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания”. Тем самым было положено начало реализации одной из основополагающих норм Конституции Российской Федерации, сформулированной в части 1 статьи 105: “Федеральные законы принимаются Государственной Думой”. Из чего исходит при этом Государственная Дума? Прежде всего, из состояния правового поля. Главные характеристики правового поля приводятся в трудах ученых (См.: Концепция развития российского законодательства; Концепция правовой реформы в Российской Федерации. М., 1994; Конституция. Закон. Подзаконный акт. М., 1994). Они отмечают противоречивость массива современных правовых актов. Разумеется, в условиях интенсивного правотворчества в период реформ разночтения между отдельными актами неизбежны. Приведение их в соответствие друг с другом — главная задача законодательной, а также судебной практики. Разночтения между законами и иными актами, если они не устраняются вовремя, становятся привычными. Создается благодатная почва для произвола различных органов власти, деформации хозяйственных и социальных связей, что, в конечном счете, ведет к хаосу, кризису в обществе. Создание стройной, логически увязанной, непротиворечивой системы законодательства — приоритетное звено в достижении стабильности и порядка в обществе.

Вторая серьезная проблема в развитии правового поля — пробел в законодательном регулировании ряда сфер общественной жизни. В частности, речь идет о становлении рыночной экономики и нового конституционного строя. Следует отметить также, что принимаемые законы порой неадекватны складывающимся отношениям. Кроме того, отмена прежнего (союзного) законодательства, к сожалению, не всегда подготовлена изданием новых российских законов.

Третья характерная черта современного правового поля — множественность законов по одним и тем же либо смежным, пересекающимся сферам регулирования. Решение этой проблемы представляется делом отдаленного будущего. Но и пускать на самотек не менее опасно для становления демократического правового государства. Опыт прошлого — от времен Петра I до наших дней — свидетельствует, что разрозненность законодательных актов подрывает самые основы законности и правопорядка. Как писал М. М. Сперанский, «многосложность, раздробленность, неизвестность — затруднение равно, и может быть еще важнейшее, нежели сам недостаток закона: ибо здесь гнездятся ябеда, неправые толки, пристрастные решения, покрытые видом законности: здесь необходимость непрестанных пояснений и разрешений, какие в свою черду рождают новую многосложность» (Обзор исторических сведений о Своде законов. Составлен из актов, хранящихся во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1833. С. 89—90).

Выбор приоритетов законопроектной работы — одна из сложных и трудно решаемых задач организации законодательной деятельности Государственной Думы. На него оказывают воздействие многообразные факторы: актуальность проблем политической, социальной, экономической сфер жизнедеятельности страны, требующих законодательного регулирования; необходимость совершенствования имеющейся законодательной базы; принятие конституционных федеральных законов; стремление к преемственности законопроектной работы и снижению ее незавершенных объемов.

Государственная Дума приобретает опыт, совершенствует подходы к систематизации приоритетов законотворческой работы. Статьей 45 Регламента Государственной Думы предусмотрено, что законопроектная работа ведется в соответствии с принимаемой на каждый год Примерной программой и календарями рассмотрения вопросов на очередной месяц и очередные две недели. Первый раздел Примерной программы составляют законопроекты, определенные Думой для первоочередного рассмотрения в соответствии с приоритетами законопроектной деятельности.

Согласно статье 46 Регламента внеочередному рассмотрению на заседании Думы подлежат: послания и обращения Президента Российской Федерации; законопроекты, внесенные в качестве срочных Президентом или Правительством Российской Федерации; проекты федеральных законов о федеральном бюджете и о бюджетной системе Российской Федерации; федеральные законы, возвращенные на повторное рассмотрение Думой в порядке, предусмотренном статьями 105 и 107 Конституции Российской Федерации; проекты федеральных законов о ратификации международных договоров; проекты Регламента Государственной Думы и постановлений Думы о внесении в него изменений и дополнений; решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации.

Формирование первого раздела Примерной программы осуществляется за счет отбора законопроектов в соответствии с их распределением по разделам законодательства и актуальностью регулируемых проблем, а также по степени проработанности законопроектов.

Такой подход позволяет в зависимости от складывающейся ситуации изменять состав приоритетов, делать программу достаточно гибкой, позволяющей законодателям оперативно реагировать на возникающие реалии, учитывать положение дел в законодательном процессе.

Так, в 1995 году Дума интенсивно работала над заполнением пробелов в законодательном регулировании процесса формирования новых отношений в обществе. На решение этой задачи были направлены приоритеты Примерной программы законопроектной работы.

Среди принятых законов из раздела «Развитие экономической реформы и гражданского законодательства» Примерной программы следующие: «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию», «О государственной поддержке малого

предпринимательства в Российской Федерации”, “О сельскохозяйственной кооперации”, “Об экологической безопасности”, Водный кодекс Российской Федерации и ряд других законов. Они в значительной мере способствуют созданию правовых основ производственной деятельности в условиях изменения экономических и трудовых отношений, формированию многообразия форм собственности и хозяйствования.

Работа Думы по реализации раздела “Социальная поддержка населения” Примерной программы позволила принять законодательные акты по наиболее актуальным проблемам: “О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов”, “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, о повышении минимального размера пенсии, порядке индексации и перерасчета государственных пенсий, о повышении минимального размера оплаты труда и другие.

Приняты законы, предусмотренные в разделах “Государственное и федеративное строительство” и “Развитие институтов гражданского общества”: “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”, “О выборах Президента Российской Федерации”, “Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации”, “О референдуме в Российской Федерации”, “Об общественных объединениях”, “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”. Они, во-первых, создали условия для проведения выборов и формирования федеральных органов государственной власти на законной демократической основе; во-вторых, стали каркасом в строительстве здания российской демократической государственности.

Необходимость первоочередного рассмотрения законов, выделенных в раздел “Формирование судебной системы и борьба с преступностью”, диктовалась сложнейшей криминогенной ситуацией в стране, требованием приведения судебной системы в соответствие с происходящими преобразованиями в обществе. На это нацелены принятые в 1995 году Законы “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, а также Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

В Примерной программе законопроектной деятельности на 1996 год приоритетные законопроекты классифицировались по восьми разделам:

1. Федеральные конституционные законы.
2. Федеральные законы, принятие которых вытекает из Конституции Российской Федерации.
3. Сводные кодифицированные акты.
4. Законопроекты, принятие которых вытекает из нового Гражданского кодекса Российской Федерации.
5. Законы, принятые Государственной Думой, но отклоненные Советом Федерации или Президентом.
6. Законопроекты, принятые Государственной Думой первого созыва в первом и во втором чтениях.
7. Законопроекты по вопросам ратификации международных договоров.
8. Законопроекты особо актуальные, по мнению комитетов Государственной Думы. При таком подходе структура приоритетов законопроектной работы Думы на 1996 год выглядела следующим образом.

Часть 1. Законопроекты приоритетного раздела Примерной программы законопроектных работ на 1996 год, которые:

- запланированы к рассмотрению на весенней сессии;
- запланированы к рассмотрению на осенней сессии;
- рассмотрены на весенней сессии в первом или во втором чтении;
- приняты на весенней сессии, но отклонены Советом Федерации или Президентом и возвращены в Государственную Думу.

Часть 2. Законопроекты, не вошедшие в перечень подлежащих рассмотрению в первую очередь, но которые:

— приняты на весенней сессии в первом или во втором чтении;

— приняты на весенней сессии, но отклонены Советом Федерации или Президентом.

Часть 3. Законопроекты по вопросам ратификации, внесенные Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации за период весенней сессии и не принятые Государственной Думой, а также законопроекты, внесенные за период, прошедший после весенней сессии.

Часть 4. Другие законопроекты, внесенные Правительством Российской Федерации за период, прошедший после весенней сессии.

К приоритетным законопроектам на осеннюю сессию было отнесено около 400 законопроектов. Пятая часть этих законопроектов перешла на осеннюю сессию после принятия их на весенней сессии в первом и во втором чтениях или после принятия в целом, но отклонения затем Советом Федерации или Президентом. При этом рассмотрение около трети приоритетных законопроектов было запланировано на весеннюю сессию, но перенесено на осеннюю без принятия в первом чтении. Только чуть более десятой части приоритетных законопроектов изначально запланированы в Примерной программе на 1996 год в разделе I как подлежащие первоочередному рассмотрению на осенней сессии.

Согласно Примерной программе законопроектной работы Государственной Думы, на 1995 год планировалось рассмотреть 68 законопроектов, подлежащих рассмотрению в первую очередь. Фактически на весенней сессии было рассмотрено свыше 400 законопроектов.

Согласно Примерной программе на 1996 год, на весеннюю сессию было запланировано немногим более 230 первоочередных законопроектов. Всего же за эту сессию было рассмотрено свыше 330 законопроектов, а принято — 144; подписано Президентом — 109.

На осеннюю сессию предполагалось вынести около 400 приоритетных законопроектов. При этом необходимо учесть, что в соответствии с принятыми принципами формирования приоритетов в первоочередном порядке рассматриваются законопроекты по ратификации международных договоров и соглашений, вносимые по ходу сессии Президентом и Правительством, а также иные законопроекты, которые нуждаются в оперативном рассмотрении.

Это потребовало осуществить в период осенней сессии переход к блочному принципу законопроектной работы, сгруппировать законопроекты (и сконцентрировать работу над ними) по пяти блокам:

1) государственное строительство и конституционные права граждан (41 законопроект);

2) экономическая политика (31 законопроект);

3) социальная политика (41 законопроект);

4) бюджетное, налоговое, финансовое законодательство (34 законопроекта);

5) оборона и безопасность (21 законопроект). Помимо очевидных преимуществ, которые дает организация законопроектной работы по блокам, удалось сократить с 400 до 168 число приоритетных законопроектов для рассмотрения на осенней сессии, что более соответствовало реальным возможностям палаты. На основе блочного принципа законопроектной работы построена деятельность Думы и в 1997 году. Но и данное решение, естественно, не снимает всех имеющихся проблем. Не претендуя на всеобъемлющий анализ планирования законопроектной деятельности и определения ее приоритетов, хотелось бы тем не менее назвать некоторые резервы в этой работе.

Первое — организовать предварительное согласование единых подходов к определению приоритетов с Президентом, в Совете Федерации, Государственной Думе, с Правительством Российской Федерации, а также с другими субъектами права законодательной инициативы и усилить координацию их действий. В настоящее время законодательные предложения Президента, содержащиеся в его ежегодных Посланиях о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства осуществляются достаточно вяло. Удельный вес законопроектов, внесенных Правительством, среди других рассматриваемых Думой законопроектов, значительно ниже, чем в странах с устоявшейся системой парламентаризма.

Второе — работу по планированию и выбору приоритетов законопроектной деятельности целесообразно обеспечить глубокими научными проработками и рекомендациями, предварительно собирая и систематизируя все предложения, запросы, программные заявления политических движений, партий, общественных организаций, научных учреждений, политических и государственных деятелей, хозяйствующих субъектов. Это позволит полнее учитывать потребность общества в законодательном обеспечении всех сторон его жизнедеятельности.

Дальнейшее совершенствование планирования, более точная и взвешенная расстановка приоритетов в законопроектной деятельности позволят, с одной стороны, интенсифицировать законотворческий процесс, с другой — повысить качество, общественную значимость и востребованность принимаемых законов.

Требуется практического разрешения проблема определения границ правового регулирования. В отношении государственных органов, наделенных правом издания общеобязательных законодательных и нормативных актов, должны быть определены пределы компетенции, конкретные сферы регулирования, разграничения полномочий между ними.

Тесно увязаны между собой вопросы о критериях выбора объекта правового регулирования и об определении уровня и формы правового регулирования.

Следует отметить, что проблема критериев разграничения объектов правового регулирования законом и подзаконным актом в юридической практике разработана недостаточно. Она осложняется отсутствием четкого разграничения правотворческих полномочий законодательных и исполнительных органов, в первую очередь Федерального Собрания и Президента Российской Федерации. Конституция Российской Федерации не дает ответа на этот вопрос. Статья 80, устанавливая полномочия Президента по определению основных направлений внутренней и внешней политики государства, предоставляет ему право издавать указы по обширной, четко не ограниченной сфере отношений, что осложняет взаимоотношения между участниками процесса создания правовых актов.

Нормотворческий процесс, особенно принятие законов, затрагивающих реализацию конституционных прав и свобод граждан, организацию и деятельность органов государственной власти, реализацию принципов федерализма, должен строиться на четких и публичных процедурах, обеспечивающих всесторонний анализ проектов, их комплексную экспертизу, в том числе общественными институтами.

Одной из ключевых проблем законотворческой деятельности остается обеспечение обоснованности законов и иных нормативных актов, то есть их соответствие реальным тенденциям развития общественных отношений, а также ресурсам общества. Законодательство призвано развиваться исходя из научно обоснованного прогноза развития общественных отношений, в тесной увязке с реальным экономическим и финансовым состоянием государства, закрепленным законом о бюджете.

Проблема качества закона — одна из самых существенных. Качество закона, его соответствие объективным закономерностям развития регулируемых отношений обеспечит его действенность, влияние на жизнь общества. Необходимым условием действенности закона является соблюдение требований юридической культуры и техники, призванных обеспечить четкость, ясность, определенность текста закона, его внутреннюю логику.

Организационными средствами, препятствующими дальнейшему нарастанию противоречий в законодательстве, могут стать: планирование и программирование законодательного процесса; "пакетный" принцип подготовки и внесения законопроектов; утверждение концепций "пакетов" законопроектов до начала подготовки последних; повышение роли правовой экспертизы, в первую очередь — экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации; сосредоточение всей работы по подготовке проектов законов о внесении изменений и дополнений в законодательные акты в данном комитете Государственной Думы. Осуществление этих мер позволит поднять эффективность законотворческой работы и ее качество.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДИМИР,
митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА — ЦЕМЕНТ ГОСУДАРСТВА

Демократия — свобода — народоправство — великое, бесценное жизненное благо. Они раскрепостили народную душу и человеческое слово, сделав его открытым и безбоязненным. Они вернули людям имя Божие. Никогда еще, ни на одном из этапов отечественной истории, Русская Церковь не была так свободна и самостоятельна, как сегодня.

Но, с другой стороны, и об этом нельзя забывать, демократия, особенно молодая, нетвердая, первоначальная, не только дарует обществу права, но и накладывает на него серьезные обязанности. К свободе людей надо готовить, как готовят юношу ко вступлению в зрелый возраст. Слишком резкие, слишком поспешные движения в большой политике не приводят к добру. Это старая истина. И оттого мы видим вокруг раскованную личность, но замечаем и разгул преступности. Наблюдаем похвальную частную инициативу, но фиксируем падение нравов и ледяное жестокосердие. Радует возмужанию людей, но печалимся всплеску порнографии и аморализма. Хвалим свободу передвижения и общения, но тревожимся ростом эпидемических заболеваний. Нельзя (ни под каким флагом!) культивировать вседозволенность и безнаказанность. Напротив, радио, телевидение, печатная продукция должны воспитывать скромность, стыдливость, стремление следовать заповедям Божиим — словом, ваять настоящего, а не ложного гражданина свободы. Это и есть подлинная демократия — враг всякой тирании.

В Федеральном законе “О свободе совести” справедливо говорится об исторической роли Православия в судьбах России. Именно данный тезис “подогрел” всяческие нападки на закон. Но разве он не верен? Любой человек, мало-мальски знакомый с тысячелетней русской историей, легко подтвердит правильность такой трактовки вопроса. Она не оскорбительна ни для какой другой религии.

На территории СНГ православные составляют самую крупную общину — 75 миллионов верующих. Так о чем спор? Закон дает равные права всем конфессиям, кроме, разумеется, тоталитарных, изуверских сект. Власти могут (обязаны!) контролировать общины, проверять то, чем они занимаются, не допускать нанесения вреда гражданам России. Скажу откровенно: крах партийно-государственного атеизма вовсе не означает “механического” торжества Веры, Надежды, Любви. Злонамеренная клевета деспотического правительства и его пропагандистской машины сменилась ныне более изощренным скрытым наступлением на Церковь, на семью, на устои. Наступлением, в котором не последнюю скрипку играют сомнительные секты, засезжие “доброхоты”, а то и просто недалёковидные, самонадеянные люди, крикливые дилетанты. Они забывают кошмарные уроки прошлого и в ослеплении не ведают, что творят. Вот почему новый закон — хорошая подмога в нашей нелегкой, будничной работе.

Нашей болью является большое количество разрушенных, разоренных храмов, возобновление деятельности которых осложняется, конечно, трудностями в экономике, нехваткой финансовых ресурсов. Однако мало-помалу Церковь мостит дорогу к храму. Так, если на излете эры Великого Октября в СССР имелось 6 тысяч церквей, то сейчас только в России их до 17 тысяч. Действовало 19 монастырей — теперь лишь в Российской Федерации их 300. У нас же, в Петербурге и области, работает 242 храма, из которых 180 капитально ремонтируются. Беда — в отсутствии денег. На приведение в порядок одной нашей Лавры требуется около 44 миллиардов рублей. Где их взять? Но мы не унываем: уже функционируют духовные школы, семинарии, гимназии, детские сады, больницы.

Церковь ставит целью воспитание доброго и чистого человека, патриота в самом светлом, благородном смысле слова. Мы также приветствуем начатое администрацией города экологическое

очищение града Петрова. Мы убеждены, что рано или поздно ситуация выправится, и народ, страна, город заживут достойной, обеспеченной, нравственной жизнью.

У нас одна перспектива — восстановить и возродить все то, что было разрушено. Возродить в России духовность, воспитать цельного человека, высокоморального, настоящего патриота. Мы, конечно, хотим, чтобы наш народ не забывал, что духовная культура в России существует тысячу лет. И она является тем цементом, на котором строится не только здание Церкви, но и здание Государства. За границей наши недруги (атеисты, политические деятели) отлично это понимали. Почему и Ленин так стремился разрушить Церковь, создать общество безрелигиозное, бездуховное. Первым делом во время революции и после нее разрушали Церковь, преследовали духовенство. Точно так же мыслят сейчас некоторые политические деятели за океаном, на Западе. Они откровенно заявляют даже в печати о том, что “победили коммунизм, мы должны победить и Православие”. Они послали сюда всю свою огромную армаду миссионерских проповедников для того, чтобы ослабить Церковь, разрушить. Поэтому наша задача — сохранить Русскую Православную Церковь. Если она будет разрушена или ослаблена, то сейчас же все эти идеологи к нам пойдут, разделят наше общество на маленькие ячейки и разрушат саму основу государственности. У нас не все политики это понимают, но это так.

Н. Р. РОМАНОВ,

князь, председатель объединения Дома Романовых

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Желаю напомнить тем, кто обсуждает вопрос о возможности восстановления монархии в России, что я уже неоднократно высказывал мнение о том, что восстановление монархии несвоевременно. Меня часто упрекают в республиканских убеждениях и предпочтениях. Это может казаться таковым, если мои слова изъять из контекста.

Я по-прежнему утверждаю, что президентская республика, то есть сильное, но демократическое правительство, необходима России теперь и в ближайшем будущем. В России же “ближайшее будущее” может значить даже полвека, так как в России время течет медленно.

Именно потому, что я верю в монархию как в наиболее полезнейшую форму правления, я считаю, что сейчас преждевременно о ней думать.

Причины моего предпочтения республиканской формы правления в нынешней России таковы.

1. Русский народ до сих пор не имел возможности хорошо понять правила демократического и конституционного правления. Монархи действительно не желали сделать даже первые шаги по пути к настоящей демократии, но без сомнения наши преемники еще хуже поступили и вовсе уничтожили рождающиеся демократические надежды.

Только недавно, с Перестройкой и Гласностью, Россия начала обнаруживать путь к настоящему и полному демократическому строю.

Русским надо понять, например, что потерпеть поражение на выборах не значит проиграть навсегда, так как при демократии возвращение к власти не только всегда возможно, но даже просто неизбежно.

2. В теперешние времена сильным правительством может быть только президентская республика, единственная альтернатива возможной диктатуре.

3. Понятие о том, что конституционная монархия может быть внезапно дарована “сверху” теми, кто правит, и что ее можно “привить” на русский народ — нереалистическая надежда.

К тому же надо помнить, что во всех европейских монархиях конституции были даны монархами под угрозой насилия, а не иначе.

4. Если конституционная монархия, тем не менее, появится в современной России, я не сомневаюсь, что монарх, дабы сохранить власть, обязательно должен будет превратиться в самодержца, то есть диктатора, или сделается марионеткой, вроде “Шогуна” в Японии XIX века.

5. В наши времена на Западе не делается никакой разницы между словами “царь” и “император”, оба понятия в понимании Запада звучат одинаково. Но это абсолютно не правильно.

Царь чем-то схож с Великим Князем Московским, правителем этнически чистой, славянской страны, кося обитатели принадлежат православному вероисповеданию, проживают в центральной, европейской части России и некоторых областях Зауралья. Такая страна, этнически чистая, будет похожа на Польшу, с теми же недостатками, которыми страдала Польша в течение многих столетий. Такая страна не особенно будет волновать своих соседей, которые время от времени, возможно, будут захватывать часть ее территории.

Император (само слово на это указывает) будет править империей. Слово “империя” вызывает волнение и опасение не только между частями бывшего Советского Союза, но провоцирует сильные реакции со стороны таких крупных соседей, как Китай, исламская Средняя Азия и, конечно, Турция, и даже Румыния, Польша, а также и тех стран, которые не имеют выхода в Балтийское море. Как бы ни старался российский император убедить соседние страны, что его империя будет миролюбивым государством, ему вряд ли поверят, точно так же, как многим современным россиянам не верится, что приближение НАТО к России — не угроза, а миролюбивый и дружелюбный поступок.

Если Россией будет управлять царь или император, страх и волнение будут не только существовать в Евразии, но с каждым годом расти. И тем больше, чем успешнее будет развиваться Россия на пути к полному экономическому возрождению, вновь достигая не только политической, но и военной мощи.

6. Несомненно в России возрождается интерес к монархическому прошлому. Этот положительный фактор давал непрерывность российской истории, давал россиянам понять, что история их страны одна, а не множество. Одно дело — знать монархическое прошлое России, иное — мечтать о восстановлении монархии.

Я думаю, все мы, Романовы, должны помогать россиянам понять прошлое, что не так-то легко, если забывать о неудачах и провалах прошлых режимов и вспоминать только об их успехах и достижениях. Россияне должны изучать прошлое, чтобы избежать ошибок, и подражать успехам. Вот в чем главный долг не только нас, Романовых, но и всех россиян.

7. В теперешние времена некоторые политические движения настойчиво советуют восстановить монархию в России, ссылаясь на общественные опросы. Насколько такие опросы достоверны, трудно определить. Но есть те, кто уверяет, что до 60% опрошенных проявили интерес к восстановлению монархии. Нельзя верить в такие нелепые цифры.

Даже опросы, которые дают цифры между 10% и 15%, чересчур оптимистичны, так как одно дело — отвечать на теоретический вопрос, иное — высказываться за восстановление монархии с последующими необходимыми изменениями в недавно одобренной Конституции. Едва ли в таком случае выскажутся за монархию два-три процента опрошенных.

Создается впечатление, что руководителей этих движений не так интересует будущее и благо России, как надежда обеспечить себе великолепную карьеру и хорошо оплаченное занятие в новорожденной монархии. Наиболее скромным сторонникам восстановления монархии обещают дворянство или сомнительные княжеские титулы, царские ордена, надеясь таким образом приобрести сторонников своих интересов.

8. Проблемы России после семи с лишним десятилетий коммунистического строя настолько разноплановы, что разрешение их исключительно сложно и неизбежны превращения судьбы.

Кто бы ни находился во главе государства и правительства, он будет считаться лично ответственным за все неудачи и бедствия, будь они даже следствием непредвиденных обстоятельств. В президентской республике периодическая смена главы государства или правительства возможна

путем выборов, но если во главе государства стоит самодержец, монарх или диктатор, безболезненная перемена будет не возможна. Наивно думать, что даже при конституционной монархии один глава правительства будет считаться ответственным за все.

Без прочной и долговременной привычки к конституционной и демократической форме правления россияне не почувствуют никакой разницы между главой правительства и конституционным монархом, и оба будут считаться виновными и должны быть устранены.

Все вышеизложенное приводит меня к заключению о том, что те, кто, как и я, верят в монархию, должны терпеливо ждать более благоприятное время и дать россиянам возможность привыкнуть к порядкам конституционного правления. Вопрос восстановления монархии надо оставить на будущее, когда все, что теперь беспокоит и удручает Россию, будет на пути к разрешению. Тогда только можно будет обратиться к народам России и через референдум узнать, действительно ли возвращение к монархическому строю интересует россиян и будет на пользу и славу России.

Н. П. БЕХТЕРЕВА,

действительный член Российской академии наук и Российской академии медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор медицинских наук, профессор

НАУКА О МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА К КОНЦУ XX СТОЛЕТИЯ И ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Последняя декада XX столетия по праву определена как Декада Мозга. Новые технологические решения сделали возможным те исследования мозга человека, о которых раньше было трудно мечтать. Сейчас в развитых странах идет буквально поток исследований того, как в пространстве целого мозга организовано обеспечение самых различных высших функций человека. Эти исследования существенно дополняют и развивают результаты, полученные, начиная с шестидесятых годов, при изучении мозговой организации мышления в условиях лечебно-диагностического прямого точечного контакта с мозгом человека (так называемые инвазивные исследования). Обозначив полученные в них результаты как первый прорыв в изучении мозга человека в XX веке, можно определить то, что происходит сейчас на основе технологической революции (так называемые неинвазивные исследования) как второй прорыв.

В результате этих двух прорывов не только получено огромное количество фактов, но и сформулированы концепции о принципах функционирования здорового и больного мозга человека.

Некоторые механизмы мозга проявлялись в ходе подтверждения исходных гипотез. А на некоторые, причем весьма значимые механизмы, исследователи буквально наталкивались. Именно так вошел в наши знания мозговой механизм, который в научной литературе описывается, как наличие у некоторых мозговых систем звеньев разной степени жесткости и который по существу свидетельствовал о возможности — и реальности — осуществления одной и той же деятельности и не обязательно одной и той же. Этот важнейший мозговой механизм, открытый нами в 1966 году, далее постоянно подтверждался. Исследования последних лет вновь утвердили эти данные и показали, сколь существенно могут различаться мозговые системы, конечный результат деятельности которых один и тот же, исходное руководство к действию — идентично.

Это один из важнейших механизмов надежности мозга, возможности правильного конечного результата мыслительной деятельности относительно независимо от внутренних и внешних помех. Разрушение (болезнь, травма) многих гибких мозговых звеньев систем организации сложной деятельности чаще всего первоначально вполне восполнимо, но постепенно лишает мозг богатства его возможностей. Очень важно для клиники, что по крайней мере некоторые, казалось бы не

обязательные, но значимые звенья системы обеспечения, например, речевой функции могут при необходимости взять на себя ведущую роль, определить возможность восстановления функции при необратимой гибели главного звена соответствующей системы — в частности, зоны Брока.

В обеспечении разных видов деятельности и в том числе — мыслительной, мозг обладает еще целым рядом механизмов надежности, увеличения его возможностей. Речь здесь идет о явной или латентной полифункциональности очень многих нейронных популяций, которая может присутствовать исходно (явная) или проявляться при изменении химических модуляционных влияний (латентная). Не ставя перед собой задачу перечисления всех механизмов надежности работы мозга, упомянем, как привлекший сейчас большое внимание, механизм детекции ошибок.

Детектор ошибок активизируется при рассогласовании деятельности с ее планом, точнее — хранящейся в мозгу матрицей. Понятно, что вряд ли он активируется при ошибках в деятельности творческой.

Исследование мозговой организации мыслительной деятельности обнаружило множество интересных механизмов и свойств в этой работе мозга. Так, например, в динамике сверхмедленных процессов проявились защитные механизмы мозга. Они характеризовались разнонаправленными сдвигами этих базисных физиологических показателей и особенно значимы как превентивный механизм, препятствующий распространению в мозгу эмоционально-детерминированных сдвигов сверхмедленных физиологических процессов, в свою очередь определяющих нежелательное развитие патологических эмоций.

Тема механизмов мозга неисчерпаема. Скажем и еще об одном механизме — адаптивном по своей природе — возможности формирования устойчивых состояний, отличных от состояния здоровья, — в частности, устойчивого патологического состояния, играющего существенную роль в механизме хронических заболеваний человека (и, вероятно, “хронических болезней” общества). Именно этот вопрос рассмотрен мною в одной из глав книги 1994 года как позволяющий понять, где мы были и где мы сейчас в науке о Мозге Человека.

Сегодняшние возможности в изучении мозга таковы, что реально не только изучать мозговое обеспечение какой-то конкретной мыслительной деятельности, но и (пока еще, естественно, это мечта) как в мозгу человека проявляется то, что можно соотнести даже с такой категорией, как нравственность. Конечно, это станет возможным, как только — и если — психологи помогут с проблемой батареи соответствующих тестов и будет накоплен первоначальный базис — эталон. Это, однако, проблема, хотя может быть и недалекого, но все же будущего.

Что же из результатов первого и второго прорывов в наших знаниях о функционировании мозга может быть использовано как ориентиры, базовые принципы воспитания нравственного человека уже сейчас?

Познавая мир, растущий человек постоянно удовлетворяет “жажду” мозга к деятельности, причем все время новой. И одновременно в мозгу и в организме непрерывно идет автоматизация повторяющейся деятельности с формированием соответствующих матриц памяти, далее поддерживающих приобретенные полные или полуавтоматизмы. Эти два экстремума в деятельности мозга — стремление к познанию разнообразного мира и автоматизация — оптимально формируют функциональный мозг человека, где базовая стереотипная деятельность освобождает территории мозга для нестереотипной деятельности, а нестереотипная — использует стереотипную как фундамент. Наглядным примером этого может служить соотношение двигательной активности, у взрослого человека в основном матрично обеспеченной, и собственно мыслительной деятельности; в мыслительной деятельности — автоматизация простейших математических операций — таблицы умножения и дальнейшего познания части или всего математического мира, автоматизацию чтения и познание содержания читаемого и т. д. и т. п.

Принципиально по такому пути шло на протяжении многовековой истории большей части человечества формирование нравственности человека, когда в процессе воспитания и обучения основные нравственные догмы буквально вписывались постоянным повторением в мозг и охраняли очень многих людей от выхода за пределы матрицы их памяти, на которой было высечено “не

убий ... не укради" и т. д. и т. п. В поддержании по крайней мере некоторых нравственных норм имеют значение уже упоминавшиеся собственные защитные механизмы мозга, способствующие сдерживанию отрицательных эмоций за счет создания в сбалансированном мозгу препятствия для распространения по мозгу "волны" отрицательных эмоций. Конечно, такого рода базис "охранял от греха" далеко не всех и не всегда. В любом обществе существовали и существуют группы людей, агрессивные потенции которых превышают необходимые любому индивидууму для реализации честолюбивых замыслов, часто очень полезных обществу. Эти люди, как бы в связи со своей генетической предрасположенностью, ломают стереотипы в бытовом, групповом, общественном или даже глобальном масштабе. Их действия должно ограничить и корректировать общество — если общество здорово само, если большая его часть прочно базируется на фундаменте нравственных норм. Если же общество нестабильно, оно легко модифицируется, и не всегда — к лучшему.

Как в мозгу поддерживается деятельность, базирующаяся на сформированной в течении жизни матрицы памяти? Здесь придется сослаться на уже упоминавшийся выше механизм мозга, играющий роль поддержания деятельности в соответствии с планом во многих жизненных поведенческих ситуациях — речь идет о детекторе ошибок. Каждая сформированная матрица работает под контролем детектора ошибок, зон мозга, реагирующих исключительно на поведенческое отклонение от заданных матрицей границ.

Итак, формирование основных нравственных стереотипов является первым и основным базисом формирования здорового общества. Кстати, феномен раскаяния, глубочайшего сожаления о своих действиях, принесших вред себе или своим близким (один из самых субъективно тяжелых переживаний, свойственных людям с активным нравственным настроем), может быть понят на основе функционирования, и в данном случае доминирования, детектора ошибок, его взаимодействия с матрицей соответствующего поведения.

Однако, и это очень важно подчеркнуть, создавая базисные нравственные стереотипы, исключительно важно не просто сохранить, но и развить способность творчества — основной драгоценности мозга человека. Если стереотипы служат прежде всего стабилизации и сохранению индивидуумов и общества, творческие способности человека, выполняя те же задачи, одновременно являются естественным и единственным залогом развития и процветания нашей планеты. Таким образом, эта вторая позиция — развитие творческих возможностей — безусловно, не менее важна, чем первая. Именно творческие способности вместе со стереотипными базисными формируют противостояние человека разрушающей среде.

Творческие потенции в той или иной мере присущи большинству популяции. В варианте, который определяется обычно словом талант или, более того, "гениальность" (возможность принятия правильных решений на основе минимума выведенных в сознании факторов, ординат), они встречаются гораздо реже. Следует вспомнить легендарного мальчика, спрашивающего после смерти Пушкина, "кого теперь поставят писать стихи". Пушкиным надо родиться, хотя я не думаю, что лицей помешал ему.

Для благосостояния общества подлежат выявлению и развитию творческие способности, присущие популяции в целом. Именно их развитие помогает ежечасно и ежедневно находить в нестереотипной ситуации нравственно и биологически оптимальное решение, принципиально согласующееся с базисной моралью. А что касается особо одаренных личностей, именно их заслугой, как известно, является продвижение в отдельных областях и в обществе в целом к новым уровням жизни, в свою очередь, создающих новые, лучшие предпосылки для гармонического развития людей.

Известно, что государство — это не только совокупность отдельных личностей, оно не может рассматриваться как простая сумма людей. Государство обладает по отношению к сумме людей новыми свойствами, новыми возможностями, облегчающими или осложняющими жизнь индивидуумов. Нравственность личности — фундамент нравственного государства, однако именно стабильно развивающееся нравственное государство создаст условия для развития устойчиво нравственной и в то же время творческой личности.

Н. Н. МОИСЕЕВ,

действительный член Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР

ГУМАНИЗМ — ЗАСЛОН ПРОТИВ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Один из самых глубоких мыслителей XX века Нильс Бор сказал однажды, что нельзя с помощью одного языка описать по настоящему сложное явление. Язык науки — это язык интерпретаций. И каждая из них — элемент той голограммы, которая позволяет понять смысл и содержание происходящего. Осознание непреходящей ценности интерпретаций — это прежде всего осознание ценности духовного мира другого человека, создающего другие интерпретации, это осознание самоценности человека как такового. Это убеждение, что та картина происходящего, которую он воспроизводит, нужна и мне. И это один из принципов гуманизма, рождающего человеческую общность высшего уровня.

“Как много мы знаем и как мало мы понимаем”, — знаменитые слова Альберта Эйнштейна говорят о той узости миропониманий, которая является родовой меткой человека. Гуманизм — единственное оружие, способное ее стереть или хотя бы ослабить ее влияние на судьбы нашего биологического вида, вступившего в силу Логике развития Природы на путь восхождения к Разуму.

И сегодня разговор о гуманизме имеет не только общецивилизационное, но и вполне практическое значение. Мне хотелось бы объяснить свое понимание современного состояния общества, показать, что синтез гуманизма и современного естествознания — единственный заслон против надвигающегося тоталитаризма, этого нового варианта средневековья, которое на этот раз с абсолютной достоверностью приведет человечество, а возможно, и всю биосферу, к деградации и гибели.

2. Развитие человечества, развитие цивилизации и духовного мира человека, как ее компоненты, следуют, как и развитие живого вещества, общей Логике развития Природы. Спокойное, если угодно, дарвинское, развитие сменяется периодами катастроф или бифуркаций с полным и принципиально непредсказуемым изменением самого характера эволюционного процесса и принципов, регулирующих жизнь человека.

Сегодня человечество на грани такой перестройки. Много говорят об экологическом кризисе. В Рио-де-Жанейро в 1992 году предложен принцип *sisainable development*, но действительность гораздо трагичнее, чем об этом принято сообщать в официальных документах, которые представляют дело так, как будто бы уже существуют рецепты, позволяющие избежать возможной катастрофы и продолжать совершенствование той техногенной, потребляющей цивилизации, которая и ответственна за те трудности, которые стоят сейчас перед людьми. Вот несколько соображений на этот счет.

10—12 тысяч лет тому назад человечество пережило потрясение, которое принято называть неолитической революцией. Это был не первый кризис в истории становления вида *homo sapiens*. Он был порожден Логикой развития Природы. Но именно он положил начало всем современным цивилизациям и тому миропредставлению, которое лежит сегодня в основе планетарной активности человека.

В начале неолита человечество усовершенствовало свое каменное оружие, создало, в частности, метательное оружие, которое и позволило ему сделаться монополистом в той экологической нише, в которой он жил, и за относительно короткий срок извести всех крупнокопытных — основу своего рациона. Борьба за убывающий ресурс и реальный голод поставили человечество на край гибели. Вряд ли какой-нибудь умный инопланетянин, навестивший Землю, мог бы предугадать, что люди окажутся способными: найти тот вариант жизнедеятельности, который позволит человеку выйти из кризиса и продолжить свое восхождение по пути Разума, что

они придумают, как надо обрабатывать землю и разводить скот; создать новую экологическую нишу для своего дальнейшего развития. Вряд ли такой инопланетянин мог бы представить себе, что человечество пойдет по тому пути, по которому оно шло последние 10 тысяч лет.

Важно, что свершилось не предусмотренное предшествующей историей, не предугаданное эволюцией. Это я особенно хочу подчеркнуть.

Люди выжили, и начался новый период "восхождения человека по ступеням Разума": люди начали создавать вторую природу. Они создали собственность, перестроили весь спектр своих стремлений и, как новос, тоже вряд ли доступное предвидению, создали представление о гуманизме как антиподе тех стремлений, которые сформировали основы присваивающей цивилизации. Еще в античные времена начало возникать понимание ценности другого человека. И не только как носителя возможных материальных благ, но человека как такового, с его собственным духовным миром. Так в недрах присваивающей цивилизации и растущего индивидуализма начало возникать нечто ему противоположное, способное сегодня сделаться опорой будущего. И этот прорыв в будущее сделали не люди мустьерской культуры, постепенно исчезнувшие с лица Земли, а кроманьонцы, жившие в долинах великих рек.

3. Из различных вариантов цивилизационного кода лидером оказалась технотронная цивилизация, обеспечившая все ускоряющийся рост технической и научной оснащенности. В результате этого процесса человек — ныне абсолютный монополист в своей, им же созданной, экологической нише, точнее в своей ойкумене, которой стала вся планета. Но биологическое развитие человека прекратилось еще в межледниковье. Поэтому люди живут с генетическими задатками охотников за мамонтами и стремлениями, воспитанными обладанием собственностью. Если следовать той логике антропогенеза, которая определяла все эпохальные события истории становления человека, то следует ожидать наступления трагического кризиса. Человек превратит биосферу в свалку отходов, ресурсы сократятся, и история человечества войдет в состояние бифуркации с непредсказуемым исходом. И не где-то за далеким горизонтом, а в очень недалких десятилетиях. Человечество может его вообще не пережить.

Другими словами, тот потенциал развития, который был заложен предыдущим неолитическим кризисом, исчерпан. Человека ожидает переход к новому образу жизни с новой структурой ценностей.

Может ли быть иначе? Может ли человек избежать катастрофы и риска быть втянутым в бифуркационный процесс? То есть существует ли надежда перешагнуть через законы той логики развития нашего биологического вида, которую я назвал Логикой развития Природы, но той Природы, в которой роль разума человека была ничтожной?

Лет 25 тому назад я ввел понятие экологического императива как совокупности ограничений, которые человек не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах. Нарушение этой запретной черты — смертельно опасно!

Сегодня мы уже знаем ряд таких запретов. Недопустима ядерная война, например. Мы знаем также, что биосфера способна, вследствие нашей неграмотности или нашей алчности, потерять устойчивость, ее развитие может пойти в том русле, где человеку просто не найдется места.

Другими словами, мы уже кое-что знаем и уверены в том, что сегодня наука способна или станет способной в ближайшее время определить эту запретную черту. Но где гарантия того, что миллиарды людей будут выполнять выработанную систему запретов? В рамках тех принципов, которые определили контуры нашей современной цивилизации, надеяться на это нельзя!

Значит, человеку предстоит либо втянуться в процесс бифуркации и погибнуть в борьбе за исчезающий ресурс, либо перестроить основы своей цивилизации так, чтобы не допустить катастрофы. И, прежде всего, перестроить основы своей нравственности. То есть экологический императив неотвратимо требует утверждения императива нравственного. Так есть ли гарантия того, что такая перестройка произойдет или может произойти в тех поколениях, для которых разговор о катастрофе слышится в будущем времени?

4. Ответ на поставленный вопрос не имеет однозначного ответа, тем более, что времени у нас остается все меньше и меньше. И понимая, что время теперь работает против нас, попробуем посмотреть, что нас может ожидать в ближайшие десятилетия.

Развитие планетарных событий может иметь несколько сценариев развития, но наиболее вероятный, я бы назвал его антигуманистическим, почти очевиден. Вероятный сценарий — продолжение того течения событий, которые мы наблюдаем последние десятилетия. Постепенно в мире утвердятся режим нового тоталитаризма. Об этом пока не принято говорить вслух, тем более в средствах массовой информации, но это факт.

Возникает мир транснациональных корпораций, и любой стране смертельно опасно оказаться вне системы финансовых и производственных связей. Это обстоятельство имеет разнообразные следствия. Растет торговля, быстро развивается техника, но есть и пугающие следствия: увеличивается разрыв в уровне общественной производительности труда в разных частях планеты. Следовательно, непрерывно растет разрыв в уровне жизни развитых и отсталых стран. Этот факт сам по себе крайне опасен, но он является причиной еще одного явления общепланетарного масштаба.

Поскольку планета постепенно превращается в единую экономическую систему, поскольку не только товары, но и капиталы, и ресурсы могут без особых трудностей перетекать сквозь любые границы, а эффективность их использования в разных странах различна, причем это различие стремительно растет, то возникает естественное направление их движения. В результате не только капиталы и материальные ресурсы покидают бедные страны, но и талантливые люди уезжают в те страны, где их использование более эффективно.

Отсталые страны теряют не только ресурсы, но и генетически ценный материал. Отставание этих стран продолжает нарастать, и каких-либо надежд изменить это положение остается все меньше и меньше. А в отсталых странах живет едва ли не 90% населения планеты.

Но страны “золотого миллиарда” не могут прожить без черной металлургии, химической промышленности, без хранилищ радиоактивных отходов и так далее. Все это постепенно переносится в отсталые страны, обеспечивая демократические порядки и благополучную экологическую обстановку в экологически чистых “деревнях” стран золотого миллиарда.

Описанная картина и есть та схема нового тоталитаризма, которым зомбированное пятимиллиардное население бедных стран и будет обеспечивать демократическое и экологическое благополучие золотому миллиарду. Мир уже встал на путь его реализации. Но не менее очевидным представляется и его финал. Новый тоталитаризм сохраняет человека абсолютным монополистом, и тогда, следуя Логике Природы, он неизбежно приведет к его деградации и гибели. Это может произойти и без сполохов ядерной войны. В одном из романов Герберта Уэллса уже было описано нечто подобное.

Не хочу быть оракулом, но определенные черты деградации духовного мира людей, живущих в странах золотого миллиарда, уже просматриваются. Сценарий “золотого миллиарда” наиболее очевиден и прост: он следует Логике Природы и, следуя той же Логике, приведет человечество к деградации.

5. Может ли человечество пойти по другому пути, может ли реализоваться другой сценарий? Думаю, что может, хотя вероятность его реализации очень невелика и потребует от гражданского общества неординарных усилий. Условно назовем его гуманистическим. Это действительно условное название, но оно отвечает его сути, ибо в основе этого сценария лежит представление о самооценности человека, о цивилизации, ориентированной на сохранение человека. Этот сценарий можно назвать ноосферным. Он отвечает тем представлениям, которые пытались формулировать Тейяр де Шарден, Вернадский и их последователи. Еще в 1904 году Владимир Иванович Вернадский сказал о том, что человечество становится основной геологообразующей силой планеты и для сохранения самого себя оно будет обязано взять на себя ответственность не только за развитие общества, но и биосферы в целом!

Я попробовал сформулировать главный, как мне казалось, не столько научный, сколько этический принцип: реализация гуманистической идеи ноосферы требует обеспечения коэволюции человека и биосферы. Смысл коэволюции — выработать такое поведение человека, которое обеспечивает развитие биосферы, рост разнообразия ее элементов и, в конечном счете, ее стабильность, то есть способность противостоять катастрофическому развитию событий.

Но гармония с Природой требует гармонии в отношениях людей, начинается с них. Она может быть реализована только в особых условиях существования общества, при особой структуре его социальных отношений, особом спектре стремлений отдельных людей, их гармоничном многообразии!

Мы получаем новый узел проблем, в котором четко выделяются проблемы рациональных знаний и необходимость гуманистического отношения к окружающему. Если угодно, в расшифровке подобных утверждений содержится программа активных действий. Гуманистическая парадигма становится реальной необходимостью. Вероятно, это и есть ключ к будущему. В реализации этой идеи — суть всех усилий, необходимых для обеспечения существования и развития самого удивительного явления Природы — человека. Подобная позиция представляется единственной альтернативой надвигающемуся кризису. Она означает новый гуманистический уровень антропоцентризма — сохранение человека не только ради человека, но и ради сохранения и развития биосферы, то есть сферы существования и развития жизни.

Но бесконечно трудно ее реализовать. Паскаль однажды сказал, что человеку необходимо научиться не врать себе! Без этого он не сможет найти путь в будущее. А мы этого пока, увы, не научились.

6. Итак, что нас ожидает в достаточно близком будущем? Какой может стать та цивилизация, которая, минуя кризис, сделает новый шаг по пути Разума, мы не знаем. Истина будет раскрываться по мере движения. Но нам известны первые шаги. И главный из них — говорить людям правду. Общество должно знать не только высказывания политиков, для которых экологические проблемы, вопросы морали и нравственности и надпись на знаменах слов "гуманизм и гуманистичность" служат лишь своим политическим и, в конечном итоге, своекорыстным целям. Гражданское общество должно выполнить завет Паскаля!

И вторая задача, аналогичная первой — образование. На всех уровнях, для всех возрастов — образование! Мы его называем экологическим или ноосферным. Гуманитарии, вероятно, назовут его гуманистическим. Что в общем одно и то же! Этого, разумеется, недостаточно. Но абсолютно необходимо!

В. С. СТЕПИН,

действительный член Российской академии наук, директор Института философии РАН

ФИЛОСОФИЯ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ

1. С позиций деятельностного и семиотического подходов культуру можно рассматривать как сложную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которые представлены образцами действий и поступков, знаниями, предписаниями, верованиями, идеалами, нормами, мировоззренческими ориентациями и так далее. Они составляют то, что называют накопленным социально-историческим опытом, усваивая который человек социализируется, становится личностью. Этот опыт фиксируется в различных вариантах социокода, где в качестве кодирующих систем могут выступать человеческие поступки и действия, обретающие символическое значение, предметы окружающей человека среды, естественный язык, различные виды

искусственных языков (язык науки, языки различных видов искусства и так далее). Способы кодирования и система кодов, закрепляющих программы поведения и деятельности, развиваются по мере накопления нового социально-исторического опыта.

Все эти культурные феномены функционируют как целостная развивающаяся система. Системообразующими элементами, которые объединяют различные явления и сферы культурного творчества, выступают универсалии (категории) культуры. Они и являются ее основаниями.

Посредством универсалий культуры оценивается и сортируется жизненный опыт, благодаря чему он и попадает в поток культурной трансляции.

2. Можно выделить категории культуры, которые выражают отношение человека к окружающему его предметному миру как объекту деятельности. Это "природа", "пространство", "время", "вещь", "свойство", "отношение", "причинность", "необходимость", "случайность" и тому подобное. Но не менее важна и другая категориальная структура, характеризующая отношение человека к человеку как субъекту деятельности и общения, которая аккумулирует опыт включения людей в социальные связи, их отношение к обществу и человеческому духу. Это "свобода", "судьба", "я", "другие", "человек", "страх", "долг", "совесть", "честь", "труд", "справедливость" и тому подобное.

В культуре обе категориальные структуры образуют определенную целостность, так что представления о человеке, добре и зле, свободе и справедливости скоррелированы с пониманием природы, причинности, пространства и времени. Сцепление и взаимосвязь универсалий культуры создают обобщенную картину жизненного мира, вводя систему предельно общих представлений о природе, обществе и сознании. Эта картина и есть то, что называют мировоззрением соответствующей исторической эпохи. Она выступает своеобразным генотипом социальной жизни, его базисным культурно-генетическим кодом. Благодаря ей человек не только понимает и осмысливает мир: он оценивает его события и переживает их соответственно системе ценностей, которая выражена в универсалиях культуры. Различие в ценностях во многом определяет различие культур.

3. В развитии общества периодически возникают состояния, когда традиционные жизненные смыслы не позволяют найти ответ на новые исторические вызовы, когда поиск новых путей цивилизационного развития требует пересмотра прежней системы ценностей.

В такие эпохи расколов и ломок, когда разрушается система мировоззренческих образов, обеспечивающих отбор и трансляцию социального опыта, и поэтому неясно, что отбросить и что сохранить из опыта предыдущих поколений ("распалась связь времен"), тогда и возникают, казалось бы, простые вопросы, ответ на которые люди пытаются найти, чтобы обрести понимание себя и мира: что такое совесть, что такое справедливость, в чем ценность человеческого труда, что такое добродетельная или недобродетельная жизнь? С поиска ответов на них и начинается философия.

Чтобы получить ответы, познающий разум должен стать в особую позицию по отношению к универсалиям культуры, сделать их предметом исследований, особыми объектами, на которые направлена мысль. А поскольку разум в любые эпохи развивается в соответствии с доминирующими смыслами категорий культуры, то это означает, что он анализирует и оценивает свои собственные основания.

Способность осознавать себя является одной из главных характеристик человеческого мышления. Но рефлексия может быть разной глубины. Обыденное сознание, как правило, не осуществляет рефлексии над своими глубинными основаниями. Человек в повседневной жизни понимает, что такое пространство, время, добро, зло, справедливость и тому подобное и соответственно этому пониманию оценивает конкретные события, поступки и действия других людей. Но он обычно не задумывается над смыслами этих категорий, и если речь пойдет об их определении, о выявлении их связей и отношений, то обыденное мышление не может решить этих задач. Их решает философия. Она осуществляет рефлексивную над универсалиями культуры, выносит их на суд разума, превращает в особые идеальные объекты, с которыми философ затем оперирует так же, как математик с числами и геометрическими фигурами, изучая их свойства и отношения.

4. Универсалии культуры, становясь объектами философского дискурса, переплавляются в философские категории. В них акцентируется понятийно-смысловые аспекты, связанные с эмоциональным переживанием мира. Тем самым философские категории предстают как схематизация и упрощение категорий культуры (мировоззренческих универсалий). Но за счет такого упрощения открываются возможности оперировать категориями как особыми сущностями, ставить теоретические проблемы и выработать новые определения категорий. А эти определения уже могут выходить за пределы того понимания мира, которое выражено в универсалиях культуры данной эпохи.

Философия не ограничивается осмыслением и рационализацией сложившихся и укорененных в культуре мировоззренческих ориентаций, а вырабатывает новые понимания мира, адресованные будущему, предлагая человечеству модели возможных миров его жизнедеятельности. Причем философия осуществляет эту работу не только в эпохи мировоззренческих кризисов, но и постоянно, систематически генерируя новые идеи и представления по мере движения в поле своих теоретических проблем.

5. Историческое развитие философии постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты, потенциально возможные линии ее исторического развития. Выработанные философией новые идеи могут длительное время трансформироваться в культуре как своего рода “дрейфующие гены”, которые только в определенных социальных условиях могут получить мировоззренческую актуализацию. Но когда такие условия возникают, то эти идеи начинают активно обсуждаться и развиваться не только в философии, но и в публицистике, литературной критике, искусстве, политическом сознании, религиозных и нравственных учениях и тому подобное. Таким путем философские категории трансформируются в мировоззренческие универсалии, которые могут стать основаниями нового типа культуры.

Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ,
действительный член Российской академии наук

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Период крутых общественных изменений, переживаемый нашим обществом с середины 1980-х годов, в течение первых нескольких лет носил название “перестройки”. После распада СССР и смены правящей элиты этот термин сначала уступил место “реформам”, а еще позже — “переходу” (без указания откуда — куда). И только в последние годы был найден термин, наиболее точно выражающий суть и особенности происходящего в России процесса — “социальная трансформация”. Наша цель — определить сущность социальной трансформации постсоциалистических обществ.

Под социальной трансформацией общества понимается обусловленное внешними факторами и (или) внутренней необходимостью ускоренное (происходящее в исторически краткие сроки) качественное изменение социальной природы или социального типа общества. Движущими силами этого процесса служат, с одной стороны, правящий слой с примыкающей к нему высшей бюрократией, а с другой, социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь — средних слоев. Социальная трансформация является, на наш взгляд, скорее стихийным, чем планируемым и управляемым процессом.

Главными чертами, отличающими “трансформацию” от “перестройки”, “перехода”, “реформ” и других сходных понятий, служат: 1) направленность на изменение не отдельных характеристик, а

сушностных черт, определяющих социальный тип общества; 2) существенная зависимость результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 3) неизбежность общественной анемии, вызываемой интенсивным разложением старых общественных институтов, опережающим создание новых; 4) снижение управляемости, усиление стихийных элементов общественного развития, обуславливающее возможность как ускоренного развития, так и деградации общества; 5) непредсказуемость окончательных результатов процесса. Сочетание этих признаков достаточно характерно для большинства постсоциалистических стран, и в первую очередь — для России.

Социальная трансформация (преобразование, перерождение) общества представляет собой гораздо более глубокий, сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование тех или иных институтов. Чтобы конкретизировать представление о сущности трансформационного процесса, необходимо определить: в изменении каких элементов или характеристик общества он проявляется, в чем выражаются его результаты и по каким критериям их можно оценивать.

Понятие “социальный тип общества” синонимично понятию “общественное устройство”, эмпирическим референтом которого служит система общественных институтов. Исходя из этого, надо признать, что содержанием трансформационного процесса является качественное изменение институциональной структуры общества. Однако речь идет не о всей структуре, а лишь о нескольких наиболее важных институтах, качество и характер которых определяют тип данного общества. К числу таких институтов мы относим: власть, собственность, гражданское общество, права и свободы человека.

Оценить качество названных институтов можно с помощью соответствующих типологических показателей (таких, как прочность, демократичность и эффективность власти, развитость и защищенность частной собственности, многообразие структур гражданского общества, широта и надежность прав человека и проч.). Прямыми результатами социальной трансформации общества служат качественные сдвиги в типобразующих институтах, которые определенным образом соотносятся с потребностями общества. Здесь возможны разные ситуации: от полного или частичного совпадения до противоположности и антагонизма.

Но преобразования общественных институтов, сами по себе, служат довольно поверхностным показателем итогов социальной трансформации. Более глубинным (хотя, на первый взгляд, косвенным) результатом этого процесса является преобразование социально-групповой структуры общества. В этой связи необходимо заметить, что институциональная и социально-групповая структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные “проекции” более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества. При этом институциональная структура ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и потому более управляема, а социально-групповая структура, напротив, более скрыта, латентна, требует специальных методов изучения и не присматривает прямых мер управления.

Преобразовать социально-групповую структуру можно только через реформирование соответствующих институтов. Зато каждое серьезное изменение институтов сопровождается соответствующим сдвигом в социально-групповой структуре общества. В этом смысле институциональную структуру можно назвать “ведущей”, а социально-групповую — “ведомой”. Однако из сказанного не следует, что первая структура в каком-то смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения социальных итогов трансформации, положение скорее обратное: критериями их качества служат в первую очередь сдвиги в социально-групповой структуре.

Важнейшим типологическим качеством последней служит характер социальной стратификации, т. е. разделения общества на иерархические слои, различающиеся уровнем социального статуса. Критериями стратификации индивидов и групп служат: политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый собственностью, доходами и благосостоянием; культурный потенциал, отражающий

уровень урбанизации, социализации, образования, профессионализма субъектов; а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые “оси” стратификационного пространства.

Характеристиками, на основе которых могут оцениваться качественные сдвиги в стратификации, служат изменения: а) общего типа стратификационной модели — от пирамидального, свойственного авторитарным обществам, до веретенообразного (с массивным средним слоем), типичного для современных западных обществ; б) степени дифференциации статусов общественных групп, социальной поляризации общества; в) сравнительной роли политического, экономического, культурного и социального потенциалов в определении интегрального статуса групп; г) конкретного социального содержания каждого из этих потенциалов; д) социально-демографического и качественного состава групп, занимающих высшее и низшее положения на стратификационной шкале; е) механизмов и интенсивности восходящей и нисходящей социальной мобильности, открытости “верхов” общества для выходцев из “низов”.

Наиболее глубинными характеристиками социальных итогов трансформации, на наш взгляд, являются направления социокультурных сдвигов, опосредуемых изменениями институциональной и социально-групповой структур. Именно они служат фундаментальным критерием оценки того, куда ведет трансформационный процесс — к процветанию и модернизации общества или к его деградации и упадку.

Движущими силами трансформации общества в той или иной мере являются все его структурные элементы. Однако формы, интенсивность и эффективность их участия в этом процессе различны. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) общественных групп определяются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, существенно зависящими от положения на стратификационной шкале; во-вторых, улучшением или ухудшением их статуса в последние годы (принадлежностью к “выигравшим” или “проигравшим”); в-третьих, особенностями социокультурных характеристик: ценностей, потребностей, взглядов и установок.

Систему социальных субъектов (классов, слоев, общественных движений, организаций), различающихся содержанием трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, можно назвать трансформационной структурой общества. Мы используем это понятие на правах гипотезы, в основе которой — предположение о том, что множество “проекций” социальной структуры, порождающих различные субъекты трансформационной активности, взаимосвязано и при достаточном обобщении образует целостную макроструктуру, отражающую не что иное, как движущие силы трансформационного процесса.

В социальном механизме, регулирующем и направляющем этот процесс, социальная структура выполняет две противоположные функции. Действительно, улучшение или ухудшение качества этой структуры служит критерием результатов общественной трансформации. Но вместе с тем, ее качество определяет движущие силы трансформационного процесса, социально-инновационный потенциал общества, его способность к самореформированию. В действительности, однако, здесь нет противоречия, так как итоги каждого цикла трансформационного процесса становятся исходными условиями следующего цикла.

Тесную связанность стратификационной и трансформационной “проекций” социальной структуры вряд ли надо доказывать: структура трансформационной активности верхних и нижних социальных слоев различается очень резко. Но эта связь не является абсолютной, поскольку представители каждого слоя, в свою очередь, различаются мерой участия в трансформационном процессе и содержательной направленностью деятельности. В связи с этим представляется важным изучить особенности и оценить качество каждой из названных “проекций” социальной структуры, а также проанализировать их соотношение.

Необходимо также говорить, чем социальная трансформация общества отличается от таких употреблявшихся прежде понятий, как "развитие", "перестройка", "переход", "реформирование". Какие черты делают понятие "трансформация" более подходящим для современной России?

Общественное развитие представляет собой органический или близкий к органическому процесс, протекающий в исторически долгие сроки и базирующийся на заложенной в самом объекте типовой социогенетической программе. Развитие ведет к усложнению структуры и расширению функций объекта, то есть, как правило, носит прогрессивный характер.

Под "перестройкой" имеют в виду сознательно инициируемый исторически краткий процесс с ясно поставленной конечной целью, предполагающий лишь частичное изменение тех или иных элементов общества, не ведущее к сущностному преобразованию последнего. Движущей силой перестройки является сильный правящий слой, уверенный в своем положении и обладающий значительной полнотой власти.

Понятие "переход" не слишком удачно применительно к переменам, происходящим в постсоциалистических обществах. Оно предполагает, во-первых, четкое разделение общественных групп на "ведущих" и "ведомых", во-вторых, ясное понимание "ведущими" группами как исходного положения, так и цели движения, в-третьих, наличие общественного согласия по вопросу об этой цели. Кроме того, понятие "переход" больше подходит к смене этапов экономической политики, технологического развития и прочее, то есть к частным элементам общественного развития, чем к изменению социального типа общества.

Целью "реформ" служит изменение таких характеристик общества (или отдельных сфер его жизнедеятельности), которые, будучи достаточно важными и глубокими, не затрагивают его природы или социального типа. Коллективный субъект этого процесса, как правило, ограничен "командой реформаторов", в то время как активность остальной части общества ограничивается адаптацией к изменениям. Существенная черта реформаторской деятельности — наличие ясной цели, поэтапной программы действий, продуманного механизма внедрения инноваций.

М. М. ПЛИСЕЦКАЯ,

Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и России

ПУТЬ К ПРАВДЕ ТВОРЧЕСТВА, ПРАВДЕ ЖИЗНИ

Что вынесла я за прожитую жизнь, какую философию? Самую простую. Простую, как кружка воды, как глоток воздуха. Люди не делятся на классы, расы, государственные системы. Люди делятся на плохих и хороших. На очень хороших и очень плохих. Только так. Кроважидные революционеры, иступленно клявшиеся, что на смену плохим людям наконец-то придут одни хорошие, ввали. Плохих во все века было больше. Хорошие — всегда исключение, подарок Неба. Столько умного, очевидного было произнесено в веках — с Христа, Будды, Конфуция, Аввакума... Разве слышали, вняли? Вот и льется кровь, губятся жизни, коверкаются судьбы, надежды. Так будет и впредь, нет в том, увы, сомнений. Человеческая биология такова. Зависть, алчность, вероломство, ложь, предательство, жестокость, неблагодарность... Разве устоят против — отзывчивость, сердоболые, участливость, доброта, самопожертвование?... Неравный бой. Но в каждом поколении, в каждом уголке земли, в забытых Богом пространствах рождаются и несут свой крест Хорошие Люди. На них только и поконится наша земля. По-русски сказано очень точно: не стоит село без праведника.

Сводить свои тяготы и борения к одной лишь проклятой советской системе — легкомыслие. Было все это, было. Гадко, тошно было. Но как мешала мне и обыденная пошлая зависть, амбиции, надутые самомнения, клевета, нелепые слухи. Один наш музыкант, живущий теперь на Западе, в горьких сердцах воскликнул: “У примадонны Икс муж — директор банка. Это пострашнее, чем секретарь райкома”...

Труднее всего давалась мне *независимость*. Вот что уж роскошь. Суетные люди без конца стремились затиснуть меня в свои группировочки, группировки, загнать под ничтожные знамена, впечь в свои ряды. Чем и грешна была, но не этим. Произнесу: я была *независима*. Усердно старалась быть таковой.

Никаких привилегий от власти имущих, ни пайков, ни государственных квартир, ни дач мы с Щедриным никогда не имели. Все заработали своим потом, своим трудом. Бредни западного журналиста (даже мимоходом ни разу ни меня, ни Щедрина вблизи не видевшего), накатавшего нухлую книжицу о невеселой советской жизни и с чьей-то грязной завидушей клеветнической пасти наболтавшего, что мы питаемся кремлевскими пайками и яствами, — клевета. Плисецкая и Щедрин даже адреса этого райского учреждения не ведали.

Сказать завистнику, сальернишке, что Плисецкая плохо танцует, а Щедрин музыку плохо пишет, не надежно: посмотрят, послушают — еще разуверятся, поймут, что это мелкая клевета. А про пивки услышат, про истеблишмент — наострят свои заполитизированные ушки, на черно-белое миниг все разделят, на семь пар чистых, семь пар нечистых — все так хорошо, удобно, складно по двум полочкам и раскладывается... Я, леди и джентельмены, известный светолог, специалист по России (а сам провел в России несколько месяцев, по-русски ни слова не говорит, что надули в уши у клеветника на дому — между борщом и котлетами по-киевски, в книжицу свою и тиснет). Презираю и тех и других — и клеветников, и лжеэрудитов...

Все “шестидесятники” в России шли к правде творчества, к правде жизни извилистыми путями... И каждый шел к цели своей дорогой. Судьбы нашего поколения не миновал компромисс — система была жестока. Надо было выжить, не дать “наступить на горло” своей песне, “вырулить” (этот глагол был у “шестидесятников” в ходу) и при том остаться порядочным человеком. “Шестидесятники” наивно тшились изменить мир, разрушить систему, растормозить людей, воззвать к их совести. Из сегодня мы видим, как наивны они были. Донкихоты шестидесятых годов!...

У нас теперь, кстати говоря, как-то внезапно обнаружилось, что полстраны в диссидентах были. А те, кто на заштатный вопрос интервьюера: “Ваша настольная книга?” — отвечали: “Сочинения Ленина”, — теперь только одно твердят в унисон: “Библия”... Хамелеоны!... Но это только пока. Пока сие модно, пока на этой стороне сила. Впрочем, это так... Наблюдение.

Есть на свете несколько простых, веселых сказок гениальных творцов, написанных человечеству в назидание. Сказки эти куда глубиннее своемудрых томов философов. “Сказка о золотой рыбке”, “О попе и работнике его Балде” Пушкина. Андерсеновская — “Новое платье короля”. Что-то схожее с историей о новом платье происходит и теперь. Но на музыкальный лад. Или мне мерещится?..

Я печалюсь, что сегодня кто-то намеренно спутал правду с ложью. Что сместились сегодня в наших головах акценты истины. Через поколение или два, в том сомнений не может быть, все разложится по своим полочкам, как кому было Богом отпущено. По мере таланта, не по мере политики.

“Открыть хотя б один бы глаз,
Взглянуть хотя б один бы раз,
Что станет после нас...
Какие платья будут шить,
Кому в ладоши будут бить?..”

К. Ю. ЛАВРОВ,

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, президент Международной конфедерации театральных союзов, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, художественный руководитель Академического Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова

ПОИСК ДУХОВНОЙ ИСТИНЫ

Всю свою актерскую жизнь я встречаю на разных ступенях государственной лестницы людей, для которых все нематериальное, все, что нельзя выразить в отчетах и в цифрах, уже по одному этому — явление второго сорта, так, на обочине, не заслуживающее внимания пустяки! Искусство для них — в лучшем случае один из видов пропагандистского обслуживания очередной “народно-хозяйственной кампании”. Только оптимисты, угоревшие от гласности, могут думать, что такое отношение ко всему духовному ушло. Оно существует, оно живет... Для этих людей театр, мастерская художника, творческий союз — это предприятие, к которому надо подходить с теми же мерками, как к заводу, фабрике, любому другому учреждению. Печальный парадокс — государство вроде бы за культуру, а люди, представляющие государство, не только не видят, они не чувствуют ее особого положения, ее крайней и естественной необходимости! Пусть разрушаются памятники старины, исходит трещинами и проваливается Ленинская библиотека — нет ассигнований, нет в плане текущего и будущего квартала! Вот когда будет юбилей — другое дело. Под юбилей дадим!

За долгие годы мы вырастили многочисленный слой людей бесчувственных, глухих к понятиям духовности и культуры. Я не отрицаю необходимости создания новых структур и управлений, их надо создавать и совершенствовать, но прежде всего необходимо вывести из государственных функций обязанность управлять искусством по-существу. Государство должно заботиться о материальных условиях существования искусства, поддерживать творческие союзы, ибо вся их деятельность направлена на развитие искусства, на поддержку таланта, становление художественной личности, без которой не может быть искусства.

Личность... Это слово заставляет задуматься вот о чем. Начиная с 1917 года мы всегда утверждали примат коллектива над личностью, большинства над меньшинством. Индивидуальность, непохожесть были подозрительны — мало ли, куда ее занесет, личность! Коллектив должен во время поправить, пресечь... А в результате — дьявольская жажда усреднения, выравнивания. Стрижка газона человеческого. Мы избавлялись от Шалапина, потому что он не так жил, от Бердяева, потому что не так думал, от Ростроповича, потому что он поступал не так, как все...

Нет большого богатства у народа, у страны, чем ее таланты. Ими нельзя распоряжаться никому, ни президенту, ни парламенту, ни митингу — никому! Мы станем цивилизованным обществом, когда на практике поймем, что талант неповторим, неприкосновенен! Я где-то читал, что когда президенту Франции генералу де Голлю предложили арестовать Сартра, который возбуждал студенческие волнения, генерал ответил: “Вольтеров не арестовывают!”. Когда русскому царю Николаю II предложили “смутьяна и безбожника” Льва Толстого выслать на Соловки, он сказал: “Мне еще не хватает сделать из него мученика!”. А наши правители при одобрении толпы травили и высылали Солженицына, Сахарова, Пастернака, Ростроповича.

Я не хочу сыпать соль на язвы нашей народной души. Хочу только сказать: пока во все клетки нашего общественного сознания, нашего государственного устройства не проникнет мысль, что талант — это гордость народа, его родившего, его богатство, что никто не может присвоить себе право распоряжаться судьбой таланта и его творениями, нам не обрести духовного здоровья. И надо денно и ночно перевоспитывать народ, возвращая его уважение к таланту.

Индивидуальность, творческое начало воплощаются не только в художниках, но в людях любых профессий. Нивелируя духовность, борясь с нею в области мысли, художественного творчества, мы изничтожили индивидуальность и в области повседневного.

В моем детстве, например, высоким уважением пользовалось слово “краснодеревщик”. Это был столяр высочайшего уровня, мастер, художник в своем деле. А плотники? Те, что вырезали наличники для окон, коньки для крыш, клали срубы, избы ставили... Ну, а городские портные? А печники?

Это были люди глубоко уважающие свой труд, а уважение и любовь к нему — это процесс духовный. И, напротив, обесценивание, нивелирование труда и его результата есть, по-моему, страшный процесс обесчеловечивания человека, лишения его духовности.

Мы боролись с “частными” мастерами, мы уравнили зарплаты независимо от качества труда. И мы хотим, чтобы человек, работающий на ничьем станке, на ничьем заводе и выпускающий ничей продукт и получающий за это не свою, а усредненную зарплату, был человеком нравственным, человеческим духовным? Да никогда этого не будет!

Меня как художественного руководителя театра мучает еще один вопрос. Почему во времена “оттепели” возникали очаги высокой театральной культуры? “Современник”, “Таганка”, “Малая Бронная”, наш “товстоноговский” БДТ... Каждый сезон выходили спектакли, которые становились событием в культурном мире. На сцену хлынула замечательная новая драматургия. Каждый год появлялись пьесы А. Арбузова, В. Розова, А. Штейна, М. Рощина, появились и заблистали А. Володин, А. Вампилов, А. Гельман, А. Соколова, Л. Разумовская, новые пьесы Э. Радзинского. Театры ставили этих авторов и других, открывали новые имена, но теперь... Мы наивно верили, что с перестройкой, с освобождением от цензуры драматургии, воодушевленные полной свободой, “закидают” нас новыми талантливыми пьесами. Увы, этого не произошло, не происходит и поныне.

Я не берусь дать ответ почему. Может быть потому, что от проблем сугубо общественных, “острых” театр должен отойти и целиком сосредоточиться на внутреннем мире человека как такового? Должен родиться новый герой, новый Гамлет, новый князь Мышкин. А пьес пишут много. Пишут о раздробленном сознании, увлекаются сексом, “чернухой”, крушением идеалов, но... Театр сегодня уступает место сиюминутного, актуального, духовного лидера публицистике, собственно политике. Сегодня театр должен заняться человеком, его глубинным исследованием и обобщением и стремиться к высокой художественности. Тут театр никто и ничто не заменит!

Театр ведет поиск. Сотни театральных студий, конкурируя между собой, неустанно ищут духовную истину. Ищут ее и традиционные репертуары театры. И я все-таки верю, что появятся и новые пьесы и новые спектакли, исполненные высокого содержания и высокого духа.

Я верю в возрождение духовности... Убежден, что в народе потенциал есть, жив. Есть в людях стремление к нравственности, к очищению. Важно работать и искать, не бояться сложностей. Важен голчок, стимул!

А. П. ПЕТРОВ,

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и России, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга, президент Филармонического общества Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре, Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

МУЗЫКАЛЬНАЯ “СМЕНА ВЕХ”

В музыкальной жизни России за последние годы произошли разительные перемены. Как известно, раньше было государственное регулирование репертуарной политики, различных музыкальных жанров, эстетических направлений. Такое регулирование, как бы мы к нему ни относились, давало возможность композиторам сочинять произведения самых разных форм и получать

государственную поддержку для их исполнения в концертных залах, по радио и телевидению, а также в театрах на всей территории СССР. Другое дело, что тогда же существовала некая тематическая регламентация, осуществлялся довольно жесткий контроль, не допускавший идеологических и эстетических вольностей. Произведения на “сомнительную”, с точки зрения руководства, или неактуальную тему или те, в которых по мнению кураторов и руководителей учреждений культуры использовались антиреалистические приемы, связанные с авангардом, формализмом, просто-напросто не получали доступа к слушателю. Это, естественно, не могло не отразиться на творчестве композиторов, вынуждало их не выходить за определенные рамки, правда, они были достаточно широкими, позволяя обращаться не только к современной советской или революционной тематике, но и к сюжетам классической и зарубежной литературы, к сказаниям, философским притчам и тому подобное.

С тех пор изменилось очень многое, и сейчас перед нами предстает совсем иная картина. Скажем, в нынешнем репертуаре музыкальных театров вы редко сможете увидеть название опер и балетов современных российских, да и не только российских, композиторов. В филармонических залах современная серьезная музыка исполняется главным образом лишь в дни специальных фестивалей — таких, например, как ежегодная “Музыкальная весна” в Санкт-Петербурге или “Московская осень”. Зато в театральных и концертных афишах появилось много произведений, дотоле малоизвестных или вообще неизвестных нашим слушателям и зрителям. Прежде всего это относится к старинной духовной музыке. Нелишне напомнить, что в мировой живописи, вероятно, добрая половина выдающихся творений прошлого так или иначе связана с жизнью и учением Христа, с библейскими и евангельскими темами. То же самое характерно и для мировой музыкальной культуры: множество ораторий, кантат, органных и иных произведений вдохновлено теми же сюжетами и идеями. И остается только радоваться, что теперь гораздо чаще мы можем слышать Баха, Генделя, Моцарта, что зазвучали не исполнявшиеся ранее произведения Бортнянского, Чеснокова, Чайковского, Рахманинова, Танеева. Наконец-то появилась возможность получить полное представление об огромном и изумительном по красоте пласте русской духовной музыки. Ее исполнение значительно обогатило музыкальную жизнь страны.

Вместе с тем, как это ни прискорбно, намного реже встречаются сейчас на афишах произведения современных российских композиторов. Причин этому немало, самых разных. Было время, когда все музыкальные театры практически к каждому событию — съезду партии, юбилейной ленинской дате, очередной годовщине Октябрьской революции — обязаны были подготовить спектакли, прямо или косвенно посвященные ему. Такого рода “обязаловка” приводила к появлению большого количества “дежурных” произведений, названия которых после нескольких спектаклей исчезали из репертуара. Лишь изредка рождались замечательные вещи, ставшие отечественной классикой. Нельзя не вспомнить, например, “Спартак” Арама Хачатуряна. “Семь красавиц” и “Троною грома” Кара Караева, оперы “Декабристы” Юрия Шапорина и “Мертвые души” Родиона Щедрина и его же балеты, которые идут и поныне. Но наряду с ними десятки, если не сотни, опер и балетов к настоящему искусству не имели никакого отношения. От обилия подобных “социальных заказов” страдали не только любители музыки, но и талантливые певцы, музыканты, дирижеры.

И все же к процессу, происходящему сегодня в музыкальной жизни России, отношусь спокойно. Без раздражения и возмущения, считаю, что в целом он — естественный и закономерный. Закономерный как реакция на прошлые запреты и ограничения. Закономерный еще и потому, что на самом деле выявляет и высвечивает наиболее талантливое. Идет отсев... Но, как и в каждом процессе, происходящем в нашей стране, в нем возникают уродливые, болезненные явления, в частности, явно нездоровый интерес ко всему запретному прежде, к эпатажирующим публику выходкам и звучаниям.

Многое делается у нас с добрыми намерениями, но далеко не с адекватными намерениям результатами. Вот, например, объявили Санкт-Петербург культурной столицей России. Весьма убедительно, но только на словах. На деле же, после объявления Петербурга культурной столицей отлучили нас от телевизионного канала “Культура”, превратили 5-й канал в сугубо областной, а

сейчас пытаются вывести Эрмитаж из сферы специального государственного финансирования. Город обязан этому противостоять, но возможности его довольно ограничены. Посему особую актуальность, с моей точки зрения, приобретает меценатство — подчеркиваю, не разовое спонсорство, а именно меценатство в его классическом смысле. Примером может служить программа “Классика и будущее” — совместное детище Союза композиторов Санкт-Петербурга, Петербургского филармонического общества и банка “Санкт-Петербург”. В рамках этой программы, помимо материальной помощи, стипендий молодым исполнителям, проводятся два крупных музыкальных фестиваля — детский и “Петербургская музыкальная весна”. Программа отметила свое пятилетие, и мы получили заверения администрации города, а главное, подтверждение руководителей Промстройбанка, банка “Петровский” и банка “Санкт-Петербург”, образовавших ныне холдинговую компанию, в продолжении нашей совместной работы. Такого рода деятельностью успешно занимается Гуманитарный университет профсоюзов и его ректор, профессор А. С. Запесоцкий. Полагаю, что в условиях смены всех это рано или поздно приведет к необратимым позитивным сдвигам в состоянии отечественной художественной культуры.

А. И. ЛУКЬЯНОВ,

доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Многовековая история существования государства, цивилизаций свидетельствует, что ни одна реформа не дает положительных результатов, если не учитываются традиции, обычаи, особенности, опыт, накопленный веками, тысячелетиями. Примером тому служат проблемы, возникшие в современной России в силу так называемых перестроек, ускорений, реформаторских преобразований.

Достаточно еще раз напомнить, что опыт государственного развития России имеет уникальные наработки в таких областях, как: разрешение национальных вопросов; становление республиканской формы правления; самоуправление (земское, губернское); становление правовой системы; обеспечение обороноспособности государства.

Стремление правящей элиты игнорировать уроки и опыт прошлого российской государственно-и бездумное внедрение зарубежных институтов права, экономики, политики, социально-нравственного воспитания и обучения не могли не привести к тем пагубным последствиям, которые буквально уничтожили великую державу — Советский Союз, а Россию отбросили на несколько десятков лет назад, превратив ее богатства в дармовой источник обогащения США, Германии, Великобритании и других так называемых цивилизованных демократических государств.

Естественно, что такого рода преобразования не позволяют не только построить правовое государство, но даже обеспечить относительную самостоятельность, суверенность государственного образования. Ведь ни для кого уже не секрет, что нынешней Россией управляют из-за рубежа, а ее экономическая зависимость столь велика, что за долги будут расплачиваться несколько поколений, и при этом десятки лет.

Правовое государство, чтобы стать реальностью, предполагает:

- наличие истинных, социально, экономически и нравственно обновленных законов;
- обеспечение беспрекословного верховенства законов на всей территории Российской Федерации;

Федерации;

— взаимную ответственность перед законопредписанием государства и личности при неперемennom условии первичности защиты прав последней;

— создание механизма всеобъемлющего контроля и надзора за соблюдением законопредписаний, с обязательным условием наступления ответственности в случае их нарушения, от кого бы оно ни исходило.

Позволили ли нынешние реформы создать такие условия? К сожалению, нет. Способны ли они это сделать в будущем? Ответ тот же: не способны. Причины кроются в правящем режиме, не способном и не желающем норму права сделать обязательной и уважаемой всеми, везде и всегда. Случайно ли это? Нет, не случайно, ибо поклонение праву, закону обязывает отказаться от вседозволенности, злоупотреблений, воровства, мздоимства, разграбления богатств, накопленных несколькими поколениями.

А все-таки надежда на построение такого государства, создание общества, где закон станет владыкой, а владыки разных уровней — его рабами, имеется или нет? Надежда всегда уходит последней, великое начинается с мечтаний, утопий. Весь мир помнит о том, что В. И. Ленина назвали кремлевским мечтателем за план ГОЭЛРО, изжитие безработицы, детской безнадзорности, предоставление всем гражданам молодой Советской Республики бесплатного образования, медицинского обеспечения и т. д.

Указанные мечты сбылись с лихвой, и представители многих государств завидовали нашим успехам и стремились к таким же в сфере образования, воспитания, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения, науки. Достижения стали возможными благодаря реформам, цель и задачи которых были понятны и дороги подавляющему числу граждан Советского Союза. Конечно, не все удалось и, возможно, не той ценой достигалось, однако положительного, весомого было несравненно больше.

Несмотря на это, мы свое государство не “величали” правовым, демократическим и социальным, в то время как: законы наши соблюдались, а отступившие от них несли ответственность (по правде говоря, иногда несоразмерно содеянному); граждане великой державы вне зависимости от пола, расы, вероисповедания, социального происхождения имели равные права и свободы, доступ к работе, которая нравилась или какую можно было выполнять в силу образования, навыков; все имели завтрак, обед, ужин, одежду, обувь, возможность получить бесплатно квартиру, путевку в санаторий, дом отдыха, выехать всей семьей на юг, к морю, пенсию в старости, пособие (не способным в силу возраста, здоровья работать).

Напрашивается вывод о том, что мы уже жили в государстве, которое было гораздо ближе к правовому, демократическому, социальному, чем нынешнее. Продолжение современных реформ с каждым днем, часом, минутой отдаляет нас от права, демократии, социальной направленности, а без них никогда не построить государство во главе с законом, правом.

Возвращаясь к ранее поставленному вопросу о надежде построить правовое государство, можно однозначно заявить, что это возможно только при условии, что строители такого государства приобретут веру в будущее свое, детей и внуков своих. Вера в будущее начнет поселяться в наших душах с возобновлением работы предприятий, предоставлением работы каждому, кто в ней нуждается и может ее выполнять, выплат заработной, заслуженной и не один раз в месяц, с отменой непомерных взысканий за квартиру, коммунальные услуги, с возвратом зданий детских учреждений, школ, техникумов, институтов, университетов детям, школьникам, студентам, с прекращением передачи природных ресурсов зарубежным “родителям”, с суверенности, могущества нашей многострадальной России.

Дождаться же наступления таких возвратных действий от сегодняшних правителей сидя на земельном участке либо за столиком с домино, нехитрой снедью к алкогольным возлияниям неразумно и бесперспективно. Нет, ни в коем случае речь не идет об оружии пролетариата — булыжнике, тем более, что еще нужно найти сам пролетариат. Важно, чтобы каждый подумал о детях и внуках своих, идя на различные виды выборов и обязательно участвуя в них с тем, чтобы опять не посадить себя на шею представителя стратегических собственников, к которым по Чубайсу

и Немцову, видимо, следует относить бревновых, гусинских, березовских и иже с ними. Такого рода новоруссы имеются в каждом городе, районе, квартале, селе, хуторе. Узнавайте их, взвешивайте их желания и возможности, не обольщайтесь посулами и даже теми крохами (кстати вашими же кровными), которые они готовы швырнуть вам за ваши голоса. Короче, думайте, взвешивайте и еще раз думайте, и тогда надежда повернется к нам лицом. Объединяйте свои думы и взвешенные действия, не отгораживайтесь друг от друга, и тогда начнутся реформы для нас, народа, а не для правителей народа, способные приблизить к появлению государства, в котором будут править законы, правила взаимоотношений, удовлетворяющих всех законопослушных граждан.

В. Б. ИСАКОВ,

доктор юридических наук, профессор, начальник Правового управления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

ПРАВОМЕРНОЕ И НЕПРАВОМЕРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Права и свободы, предоставленные каждому Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами, не беспредельны. Кто и как устанавливает границы прав и свобод? Где кончается правомерное ограничение и начинается ущемление прав и свобод? Данную проблему имеет смысл рассмотреть на примере одного из прав, защищаемых Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами, — права каждого на доступ к информации.

Тайна и информация во все времена были могущественнейшими средствами социального управления. В исторической ретроспективе есть немало примеров, когда раскрытие тайн служило поводом для острых социальных конфликтов, повергало в прах политические режимы, приводило одних — к поражениям, других — к победам. Манипулирование доступом к информации было и остается важнейшим средством в арсенале управления сознанием и поведением человеческих масс.

Очевидно, что невозможны демократическое общество и правовое государство, в котором не гарантированы свобода доступа граждан к политической, правовой, любой другой социально значимой информации, не обеспечена свобода продвижения каждого в информационном поле. Но также очевидно, что эта свобода имеет социально обусловленные пределы и рамки. Частная жизнь личности, равно как и жизнь ассоциаций, объединений, общества в целом, должны быть защищены от грубого, враждебного, разрушительного информационного вторжения.

Конституционное регулирование права на доступ к информации. Анализируя вопрос о пределах права на доступ к информации, естественно исходить из Конституции Российской Федерации, из конституционного регулирования данной проблемы. Какие аспекты этой проблемы выведены законодателем на конституционный уровень?

Основополагающее значение имеет часть 4 статьи 29: “Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом”. В этой очень емкой конституционной формулировке можно выделить три аспекта.

Первый. Право на доступ к информации является частью более широкого конституционного права на информацию, включающего, помимо прав искать и получать, также права передавать, производить и распространять информацию.

Второй. Слово “каждый” в системе понятий Конституции означает, что данное право предоставляется в равной мере гражданам Российской Федерации, иностранцам и лицам без гражданства и не может быть ограничено для лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации.

Третий. Из Конституции следует, что право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию не безгранично: согласно Конституции, оно может осуществляться “любым”, однако же, вместе с тем только “законным способом”. Тем самым Конституция определяет важнейшее ограничение данного права — законный способ его осуществления.

В Конституции есть еще ряд положений, имеющих непосредственное отношение к проблеме права на доступ к информации.

В соответствии с частью 3 статьи 15: “Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются”.

Согласно части 2 статьи 24: “Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом”.

Статья 28 Конституции гарантирует каждому право “свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения”.

Статья 42 Конституции, конкретизируя общую норму о доступе к информации, устанавливает, что каждый имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Наконец, статья 44 Конституции гарантирует каждому право на доступ к культурным ценностям, к числу которых, безусловно, относится информация.

В Конституции Российской Федерации просматривается определенная система гарантий права на информацию:

“Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения” (Статья 15).

“Каждый имеет право на ... личную и семейную тайну ... тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений” (Статья 23).

“Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются” (Статья 24).

“Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом” (Статья 29).

Важно подчеркнуть, что часть перечисленных положений сформулированы в форме прямых конституционных запретов, которые должны соблюдаться всеми государственными органами, организациями и учреждениями, предприятиями, должностными лицами.

Наконец, Конституция Российской Федерации устанавливает систему мер ответственности за нарушение права на доступ к информации. В Конституции есть статья, прямо посвященная защите данного права — часть 3 статьи 41: “Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом”.

Разумеется, право на доступ к информации защищено статьей 46 Конституции: “Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд”.

Сравнивая ныне действующую Конституцию с ранее действовавшим Основным Законом, следует отметить несомненный прогресс, поскольку право на информацию урегулировано в ныне действующей Конституции значительно более развернуто и полно. Можно сказать, что Конституция Российской Федерации содержит в себе “каркас” российского информационного права, который отчасти уже развернут, отчасти его еще предстоит развернуть в нормах действующего законодательства.

Практика реализации права на доступ к информации. Законодательный уровень проблемы доступа граждан к правовой информации, как бы он ни был важен сам по себе, — лишь одна из сторон данной темы. Другой пласт проблем и другая сторона — практика реализации данного права. Что

и как из того, что закреплено и гарантировано в Конституции Российской Федерации, реализуется на практике? Какие трудности встречаются в осуществлении права на доступ к правовой информации?

Определенный интерес в рамках обсуждаемой темы представляют результаты социологического исследования, проведенного Комиссией по свободе доступа к информации в 1996 году в рамках программы "Свобода доступа к информации работников российских средств массовой информации (опрошены 1370 работников СМИ федерального, регионального и местного уровней).

Исследование позволило обнаружить, что наиболее часто журналисты обращаются во властные структуры — 62%, в том числе в органы исполнительной власти — 83%, законодательной — 56,6%, правоохранительные органы — 46,2%, общественно-политические организации — 36,6%.

При этом достаточно высок уровень отказов в предоставлении информации: три четверти журналистов регулярно встречались со сложностями в получении необходимой им информации. Чаще всего от журналистов скрывали факты, документы и статистические материалы. Обычно отказ в предоставлении информации объяснялся ее засекреченностью, а также запретом руководства. На эти причины чаще всего ссылались (наряду с другими) органы законодательной власти и правоохранительные органы.

Можно ли изменить что-либо к лучшему в такой сложной области нашей жизни, как доступ граждан к информации? Полагаю, что да. От прежней системы нам достались в наследство не только ошибки, но и государственная система образования, здравоохранения, государственная сеть районных библиотек, которая сейчас потихоньку разваливается из-за недостатка финансирования. А между тем, именно эти библиотеки могут и должны быть естественными центрами доступа граждан к информации.

Надо идти к тому, чтобы в каждой такой библиотеке имелся компьютер. Чтобы в этом компьютере была сертифицированная государством база данных общего доступа, адаптированная под наиболее массовые юридические ситуации. Чтобы хотя бы раз в неделю там проводились бесплатные юридические консультации и так далее. Все это вполне реально, но без государственной и муниципальной поддержки дело вряд ли сдвинется с места.

Назрело создание специализированного правового информационного агентства, которое распространяло бы в "новостном" режиме официальные тексты законов, указов, постановлений правительства, ведомственные нормативные акты. Такая система правового информирования (тем более, что законодательством она предусмотрена) могла бы снять нагрузки с дорогостоящей, неоперативной и весьма неэффективной в современных условиях системы распространения нормативных правовых текстов на страницах официальных печатных изданий.

Н. Д. НИКАНДРОВ,

доктор педагогических наук, профессор, президент Российской академии образования

РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЯ И МИР

Весь двадцатый век почти во всех странах мира прошел под знаком образовательных реформ, которые не прекращались даже во времена войн. Особый интерес представляет сравнительно-педагогический анализ тех реформ, которые проводились начиная с середины 1980-х годов. Причина в том, что до этого времени, признавая некоторые достижения развитых стран, руководители СССР и советского образования исходили все же из тезиса о неоспоримом превосходстве нашего

образования, задача “вписать” советскую систему образования в систему мирового сообщества не ставилась. Напротив, в середине и конце 1980-х годов эта задача, по мнению многих, стала основной, хотя такая постановка вопроса сомнительна. При этом нередко защищался и противоположный прежнему тезис — о якобы безусловном отставании советской, позднее российской системы образования от опыта развитых стран, что также не соответствовало действительности. В настоящее время наступило некоторое отрезвление, появилось стремление более взвешенно оценить состояние российского образования. Сравнительный анализ образовательных реформ сейчас тем более важен, что идет борьба за или против нового типа реформы образования в России, за то или иное содержание этого нового этапа.

Подобного рода сравнительный анализ можно проводить по различным основаниям: цели образования, его продолжительность на различных этапах, содержание образования, структура образовательных систем, управление образованием, финансирование и другие. Понимая, что любая страна имеет право на свой путь в реформировании, определенные сопоставления и сравнения такого рода могут показать, насколько реально достигается цель “вписать” Россию в мировое образовательное пространство. Для оценки темпов и содержания перемен представляет интерес и исторический опыт. Так, осознаваемыми недостатками (по мнению некоторых, “пороками”) российского школьного образования в начале нашего века были: формализм в обучении; нерешенность проблемы всестороннего и гармоничного развития духовных способностей учеников как цели воспитания; непонимание многими учителями, что самое главное в школе — именно воспитание, а не обучение; перегрузка учебными заданиями; недостаточное количество часов на родной язык, литературу и историю; неумение привить учащимся желание учиться в течение всей жизни; отсутствие связи между отдельными учебными предметами; устарелость и безжизненность учебного материала и архаичность методов преподавания. В книге, откуда взят этот набор, есть поразительные по своей актуальности слова: «Да, терпелив русский народ. Претерпел он реформу 1871 года, претерпит еще и другие “опыты”, которые таятся в том ящике Пандоры, каким являются наши бесконечные школьные реформы» (Павлов А. П. Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М., 1916. С. 26). Уверен, что сходство проблем тогда и сейчас — не показатель косности людей, но скорее показатель естественной и необходимой стабильности образования.

Сравнение по ряду показателей российских и зарубежных реформ образования за последние пятнадцать лет показывает, что во многих провозглашаемых целях реформирования есть близкое совпадение (демократизация образования, его вариативность, усиление гуманитарного начала, децентрализация управления, множественность источников финансирования). Однако реализация этих целей проводится с такими серьезными издержками, которые во многом сводят на нет соответствующие меры или вообще ставят под сомнение эти цели. Так, не соответствуют развитию образования в развитых странах следующие современные реалии российского образования: уменьшение его доступности; расширение платности; малый срок обязательного (полного) среднего образования; увеличение нагрузки на учащихся и студентов; фактическое исчезновение воспитательного компонента образования; принесение упорядоченности в жертву вариативности и децентрализации управления; крайне недостаточный уровень финансирования. Опыт показывает также, что финансирование образования из местных бюджетов работает лишь в богатых странах со стабильным бюджетом, в противном случае различия в финансировании отдельных школ оказываются неприемлемо большими.

Н. Л. ДЕМЕНТЬЕВА,
министр культуры Российской Федерации

РАЗВИТИЕ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА РОССИИ

Основная задача Министерства культуры — выполнение целевой программы “Развитие и сохранение культуры и искусства РФ”, которая получила статус президентской.

Во время поездок по России я увидела, как много уже сделано хорошего. Да, есть незалатанные крыши, да, чудесный театр в Новосибирске нуждается в ремонте... Но есть поколение энтузиастов, подвижников, которые работают в музеях, библиотеках, в театрах, концертных залах. Трудности были и будут, но есть те, кто опускает руки и те, кто в таких трудных условиях продолжает работать. Иногда из-за отсутствия тепла библиотеку могут закрыть, но ровно на то время, пока не подвезут дрова, не более. Учреждения культуры не сдаются и не плачут. Многие выставочные и концертные залы, музеи сами составляют бизнес-планы. Интересными предложениями они стараются заинтересовать людей, которые имеют деньги, задумывают с ними выгодные для обеих сторон проекты. Например, музей, где я проработала десять лет, составил такой бизнес-план и нашел хорошего спонсора. Библиотеки не ждут милостей ни от кого, завоевывают своего читателя сами.

Один из нетрадиционных источников финансирования культуры, с которым надо учиться работать, — мсценатство. Концерты оперных, эстрадных, балетных звезд проводятся на частные деньги и по частной инициативе. Но это единовременные акции. Появляются и долговременные. Например, Эрмитаж и Русский музей уже подписали договоры с банками Санкт-Петербурга. Многие театры еще не научились жить в новых условиях, это относится и к другим учреждениям культуры. Их нужно учить, потому что руководителям культуры иногда нужны не деньги, а опыт, совет, учеба. Учить должны те, кто научился жить и работать в новых условиях.

Следует поддерживать добрые начинания, искать, может быть, нетрадиционные выходы из трудных ситуаций, накапливать связи с зарубежными фондами, а последним — смотреть на помощь России шире. Когда я встречаюсь с представителями Фонда Сороса, я всегда предлагаю им рассматривать долговременное сотрудничество с российскими партнерами. Таланты будут всегда, надо научиться их поддерживать.

На местах даже при неблагоприятном финансировании сделано очень много: отремонтировано, отреставрировано, где-то возник город мастеров, где-то созданы замечательные танцевальные коллективы. Словом, интересного много, без оптимистического взгляда в настоящее и будущее этого не сделаешь.

В Калуге я еще раз убедилась, что провинция поддерживает и развивает свою культуру. На совещании представители разных городов на конкретных фактах подтвердили очень важную сегодня тенденцию: губернаторы уже понимают, что культура важна, что важна также поддержка культуры. Аман Тулеев уже повысил зарплату библиотекарям, музейщикам. Много, как выясняется, зависит не только от того, есть деньги или нет, но и от отношения власти, общества к тем, кто работает на культуру и в культуре.

На совещании в Калуге мы также обсуждали, как вернуть престиж профессии. Например, раньше Министерство культуры награждало грамотами и дипломами, теперь этого почему-то нет, а ведь это и доброе слово тем, кто хорошо работает, и событие, которое формирует общественное мнение. Думаю, в рамках ЕТС, без каких бы то ни было ее изменений, можно было бы дать возможность для установления надбавок за выслугу лет. Многие работают в культуре по 20—30 лет, и эта преданность, это постоянство достойны того, чтобы их отметили и поддержали материально.

Во многих учреждениях культуры работают династии энтузиастов. Один из таких примеров — Российская государственная библиотека (бывшая Ленинка), где таких династий множество.

Поднять престиж многих профессий в сфере культуры необходимо еще и для того, чтобы привлечь молодежь, обеспечить преемственность.

Я думаю, нужно прислушиваться к тем людям, которые работают в культуре многие годы, оберегая от поспешных, непродуманных решений.

Министерство образования, например, готовит проект будущей реформы. У кого-то возникла идея отдать детские художественные и музыкальные школы, которые работают под руководством Министерств культуры и образования. В принципе детские художественные и музыкальные школы уже давно зависят напрямую только от муниципалитетов. Так нужно ли рвать эти связи, нарушать традиции? Мы долго разговаривали об этом с министром общего и профессионального образования Владимиром Георгиевичем Кинелевым и, как мне кажется, поняли друг друга. Уже многое разрушено, так что не надо этого больше, все нужно делать осторожно, советуясь с профессионалами, специалистами. Культурой нельзя руководить, но давать направления, грамотные ориентиры — возможно.

М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ,
руководитель Федеральной службы по телевидению и радиовещанию

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт ежегодного представления Президентом РФ посланий о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства, предусмотренный статьей 84 Конституции РФ, стал неотъемлемой и весьма важной составной частью современной политической жизни. Достаточно сказать, что это единственное событие, на которое собираются вместе обе палаты Федерального Собрания и на котором присутствуют члены Правительства РФ, руководители высших органов судебной власти, представители Президента в субъектах РФ, руководители основных конфессий, послы зарубежных государств.

Традиционно Президент РФ не озвучивает весь текст послания, которое является весьма объемным документом, а излагает его квинтэссенцию и допускает в своей речи различные отступления по наиболее актуальным проблемам. Характерно, что в устных выступлениях Президент из года в год фактически не касается проблем в области культуры, но в тексте самих посланий они находят отражение.

В первые годы (1994—1996) особенностью посланий Президента являлось то, что их структура достаточно традиционно касалась всех сфер общественной жизни. Таким образом, проблемы развития отечественной культуры находили свое отражение в специальных тематических разделах. В 1994 году специальный раздел “От монопольной идеологии к культурному многообразию” состоял из двух подразделов: “Развитие культуры, науки и образования” и “Межрегиональный и многоконфессиональный диалог в светском государстве”. В 1995 году в главе “Обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина” существовал специальный раздел “Поддержка культуры, науки и образования”. В 1996 году в главе “Время новой России” также существовал специальный раздел “Гуманитарные проблемы”. Естественно, что наличие специальных глав и разделов позволяло более широко и подробно остановиться на проблемах сохранения и развития российской культуры. В 1997 и 1998 годы ситуация изменилась, и послания Президента стали ориентироваться на главную мысль, сквозной тезис. В связи с этим исчезли тематические главы и разделы по конкретным отраслям, а проблемы культуры и искусства поднимались вскользь и весьма кратко.

Красной нитью специальных разделов в посланиях Президента за указанные годы являлись мысли о роли культуры в развитии духовного и интеллектуального потенциала России, обеспечении целостности нации. Особое внимание Президент РФ уделял новым процессам в духовной жизни общества: развитию плюрализма, закреплению всех реально существующих художественных направлений, возросшей интенсивности культурных обменов, ликвидации идеологического догматизма. Обратной стороной этих процессов, по признанию Президента, явилась потеря нравственных ориентиров, разрушение мировоззренческих принципов, шквал низкопробной продукции, коммерциализация творчества в самых худших проявлениях. В подобных условиях принципиально важно закрепить обязательства государства по поддержке культуры и искусства. Однако этот совершенно правильный принцип, неоднократно подчеркивающийся в посланиях Президента, на деле не находил поддержки со стороны государственных органов, отвечающих за его стержень, — федеральный бюджет. Сравним характерные фразы посланий:

“... Именно сейчас во весь рост встали проблемы ... нищеты литераторов, художников, ученых, музейных и библиотечных работников ... наши возможности в условиях экономического кризиса ограничены. Но бюджетные обязательства, которые берет на себя государство, должны быть выполнены. Общество должно знать, какая часть бюджета будет израсходована на культуру ...” (1994).

“Прошедший год был для российской культуры нелегким. Она получила немногим более половины ассигнований, предусмотренных бюджетом.

В значительной степени затруднена реконструкция таких объектов национального достояния, как Эрмитаж и Большой театр. Не пополняются в необходимой степени музейные коллекции и библиотеки ... По-прежнему средняя заработная плата работников культуры ниже, чем в других отраслях социальной сферы” (1995).

“Принцип остаточного финансирования... культуры ... всегда был свойственен советскому режиму. Унаследовав кризисное состояние экономики, новое российское государство не в состоянии было сразу же поломать остаточный принцип. Скажу более откровенно: в чем-то его уродливые проявления обострились ... экстренный перевод экономики на принципиально новые основы на время оставил без достаточной государственной поддержки культурный и интеллектуальный потенциал России, физическое и нравственное здоровье нации” (1996).

“Правительство и Дума должны серьезно пересмотреть бюджетные приоритеты, изменить структуру расходов. Государственные средства пойдут прежде всего на социальную поддержку обездоленных слоев населения, на оборону и обеспечение правопорядка, культуру ...” (1997).

Сегодняшние тенденции исполнения бюджета также не позволяют надеяться на кардинальное изменение ситуации. В феврале 1998 года Президент РФ в своем послании сообщил нации:

“В бюджете на 1998 год предусмотрено увеличение ассигнований на культуру. Важно рационально распорядиться этими средствами”.

Однако в 1999 году скорее всего вновь придется признать, что раздел государственного бюджета “Культура, искусство и кинематография” исполнен очень плохо.

В условиях хронического недофинансирования наиболее актуальной, по мнению Президента РФ, является проблема создания налоговых и финансовых стимулов для привлечения внебюджетных средств, переход к многоканальному финансированию культуры. Этот весьма актуальный вопрос также является сквозным для развития духовной сферы общества на протяжении всех последних лет. К сожалению, тенденция развития налогового законодательства также не соответствует словам Президента. До настоящего времени попытки расширить налоговые льготы для организаций отечественной культуры и лиц, вкладывающих в нее собственные средства, не достигают поставленной цели. Более того, налицо стремление ограничить даже существующие механизмы льготного налогообложения. В 1998 году в посланиях Президента РФ мы наблюдаем уже некоторое смещение акцентов в этой проблеме:

«Государство обязано всемерно содействовать возрождению традиций благотворительности и меценатства. Тяжелая социально-экономическая ситуация, несовершенство законодательства

пока препятствуют использованию механизма налоговых льгот для поощрения частной благотворительности в полной мере. Поэтому кроме экономических нужно искать иные формы поддержки благотворительности и меценатства, в частности, поднимать их общественный престиж.

Это, однако, не снимает ответственности с государства по обеспечению развития культуры. Именно государство остается главным «меценатом»... многие наши нынешние проблемы — результат периферийного внимания к культуре как духовной опоре нации».

Несмотря ни на что, духовная жизнь страны все эти годы не останавливалась. В посланиях Президента традиционно перечисляются крупнейшие вновь построенные или реконструированные объекты культуры, отмечается заслуга государства в сохранении сети театров, библиотек, музеев, киностудий, институтов. В течение двух лет Президент особо подчеркивал развитие книжного рынка, его насыщение и богатство, особенно выделяя разнообразие изданий великих русских философов и мыслителей.

Традиционно Президент РФ обращается к проблемам совершенствования законодательства в области культуры. Фактически ежегодно он называет законы, разработку которых считает весьма важным для развития духовной сферы. Необходимо отметить, что эта тема является одной из самых разработанных и воплощенных в жизнь. Все те конкретные законы, о разработке которых Президент говорил в своих первых посланиях (о благотворительности, некоммерческих организациях, музеях и музейном фонде, ужесточении ответственности за преступления против культурного наследия страны и другие), в настоящее время уже являются действующими правовыми актами. Главные проблемы остаются с принятием и выполнением законодательства по финансово-экономическим вопросам. Реализация именно этих положений посланий Президента РФ является на сегодняшний день залогом сохранения и развития культуры и искусства в Российской Федерации.

В. Г. КИНЕЛЁВ,

действительный член Российской академии образования, доктор технических наук, профессор

ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

К концу XX века в полной мере проявилась фундаментальная зависимость нашей цивилизации от тех особенностей и качеств личности, которые закладываются в образовании. Это во многом объясняется тем, что инструментальные возможности мышления современного человека приобрели поистине планетарные масштабы. Они тают в себе и небывалые возможности, и невиданные угрозы. Что возобладает в реальных исторических условиях, во многом зависит от образования, от школ, от университетов. Здесь риск, но здесь и надежда!

По современным представлениям формирование широкообразованной личности требует решения ряда взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо гармонизировать отношения человека с природой через знакомство с современной естественнонаучной картиной мира и проблемами биосферы и Вселенной в целом, уяснить место человека в природе и на этой основе решить проблемы экологии и более широко — ноосферы. Во-вторых, нужно исходить из того, что человек живет в обществе и для его гармонической социализации необходимо погружение в существующую культурную сферу через освоение истории, права, культурологии, экономики, философии. В-третьих, современный человек живет в условиях насыщенной информационной среды, и задача системы образования — научить его жить в ее потоке, создать предпосылки и условия для непрерывного самообразования. Наконец, в-четвертых, личность должна находиться в согласии сама с собой, что требует определенных знаний в области психологии, физиологии и знакомства с литературой и искусством.

Поэтому перед учеными и педагогами сегодня стоит кардинальная задача — выявить целостность каждой из фундаментальных наук, затем выявить целостность всего естествознания и всего гуманитарного знания и, наконец, на следующем этапе создать основы целостного фундаментального образования.

Переход к новой образовательной концепции не должен сводиться к простому увеличению объемов каждой из естественнонаучных и гуманитарных дисциплин: анализ существующих учебных планов и программ показывает, что возможности здесь уже практически исчерпаны. Речь должна идти о качественно новых целях образования, о новых принципах отбора и систематизации знаний, о создании фундаментальных учебных курсов по каждой из традиционных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин и их согласовании друг с другом для достижения нового качества образованности личности и общества в целом.

Одна из важнейших задач этого нового этапа развития образования — преодоление исторически возникшего разобщения двух компонент культуры (естественнонаучной и гуманитарной) путем их взаимообогащения и поиска оснований целостной культуры. Важнейшим элементом этого процесса должно стать включение цикла общих естественнонаучных дисциплин в гуманитарное образование и, соответственно, цикла общих гуманитарных дисциплин в естественнонаучное и техническое образование.

Важно создать такую систему образования и такую ее структуру, которые способны постоянно улавливать, отслеживать и нести в среду обучающихся новейшие научные знания. То есть речь должна идти не об обеспечении овладения всеми знаниями, ибо в наш век их рост и обновление приобрели такие быстрые темпы, которые при всем желании не могут позволить человеку их освоить, а об акцентировании внимания на освоении самых существенных, фундаментальных, устойчивых и долгоживущих знаний, лежащих в основе научной картины современного мира, представленного миром космоса, миром человека и общества, миром человеческой цивилизации и происходящих в них глобальных, фундаментальных процессов.

Образование должно в итоге стать таким социальным институтом, который был бы способен предоставлять человеку разнообразные наборы образовательных услуг, позволяющих учиться непрерывно, обеспечивать широким массам людей возможность получения послевузовского и дополнительного образования. Для этого необходимо: диверсифицировать структуру образовательных программ, дав возможность каждому построить образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его образовательным и профессиональным способностям. Надо не забывать, что процесс познания должен нести людям радость от образования, нового миропонимания, смысла жизни, своего места в ней.

А. А. ГУСЕЙНОВ.

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук,
профессор, заместитель директора Института философии РАН

ВОЗМОЖНО ЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БЕЗ ГЛОБАЛЬНОГО ЭТОСА?

1. Идея глобального общества — западная идея. В связи с этим возникают два вопроса: не является ли она завуалированной формой выражения интересов Запада, его стремления к гегемонии в мире и обладают ли другие, незападные, культуры духовно-нравственным потенциалом, способным санкционировать эту идею, принять ее как свою?

Ответ на первый вопрос сводится к способности Запада распространить морально-политические принципы либеральных демократий, свой идеал справедливости на отношения с остальным миром и пойти на неизбежно вытекающие из такой перспективы ограничения.

В ответе на второй вопрос я бы хотел сослаться на мнение Л. Н. Толстого, исследовавшего нравственные основания различных культур и религий. Он пришел к выводу, что они различаются только по внешним формам. В основополагающих началах они едины. Эти начала очень просты и сводятся к следующим четырем положениям: а) есть бог как некое абсолютное начало всего; б) в каждом человеке есть частица этого начала, которое он своей жизнью может увеличить или уменьшить; в) для его увеличения человек должен подавлять страсти и умножать любовь; г) практическим средством этого является золотое правило нравственности. В совокупности данные положения составляют некий духовно-нравственный инвариант, одинаково свойственный и брахманизму, и иудаизму, и конфуцианству, и даосизму, и буддизму, и христианству, и магометанству.

2. Нравственный универсализм духа не существует сам по себе, как некая самостоятельная реальность, он существует внутри социокультурной оболочки, как особое его измерение, его вектор. Универсализм всегда историчен и конкретен. Применительно к нашей теме это означает, что идея глобального общества может найти опору в иных — неевропейских — культурах только в той мере, в какой она будет их собственной идеей, для русских — русской, для китайцев — китайской и так далее.

Процессы глобализации могут получить нравственную санкцию, если они будут сочетаться с взаимоуважительным диалогом культур, а для начала как минимум не будут покушаться на социокультурное многообразие человеческого бытия, партикуляризм традиций, нравов, верований.

3. Идеи плюрализма и терпимости как основа межкультурного диалога могут вызвать двоякого рода возражения. Во-первых, они суть сугубо западные идеи, вызревшие в Новое время; для других культур они не могут иметь обязывающего значения. Во-вторых, возведенные в универсальный принцип, они отрицают сами себя; ведь если мы отрицаем абсолютность каких-либо идей и убеждений, то само это отрицание тоже нельзя считать абсолютным принципом. Эти трудности порождаются тем, что недостаточно четко очерчивают нравственные границы плюрализма и терпимости. Эти принципы касаются не самой истины, а нашего отношения к ней. Они не отрицают абсолютности истины, абсолютности добра и его противопоставленности злу. Напротив, они невозможны без такого допущения. Они лишь оспаривают право отдельных индивидов или человеческих групп выступать от имени абсолютной истины. Именно потому, что истина абсолютна и в этой абсолютности имеет нравственно обязывающий смысл, нельзя придать абсолютный смысл каким бы то ни было частным, партикулярным, нравственным убеждениям.

4. Плюрализм и терпимость, даже если они произрастают на почве гуманистического монизма, являются коммуникативными установками, более адекватно реализующими убеждение в абсолютности морали, и могут рассматриваться лишь в качестве предпосылок, которые делают процессы глобализации нравственно возможными. Но они не могут стать основой самого глобального общества. Глобальное общество, если говорить о нем всерьез, требует не просто открытости культур по отношению друг к другу, а единого этоса, новой единой этической культуры — единой не только по универсальным основаниям, но и по символически-знаковой структуре, конкретным нормам и механизмам функционирования.

5. В опыте современных обществ, вовлеченных в процессы глобализации, явно обнаруживаются тенденции, которые ведут в направлении единого (глобального) этоса. Два момента мне представляются особенно перспективными. Во-первых, реально практикуемые этические нормы поведения все более эмансипируются от их религиозно-мировоззренческих и политико-идеологических контекстов. Опыт современных обществ есть опыт общественного сотрудничества и повседневного взаимодействия людей разных верований и убеждений.

Во-вторых, в современном обществе экономика, политика, наука, другие сферы деятельности достигли такой степени сложности, что они могут успешно функционировать только в качестве социальных систем. Социальные системы — и в этом одна из важнейших их особенностей — сами воспроизводят свои субъективные предпосылки. Их устойчивость гарантирована прежде всего и главным образом жесткостью их собственных нормативных и технологических рамок. Каждая из

них выработывает такой этос общественного поведения в рамках своей профессионально-деловой деятельности, который имеет объективно-общезначимый смысл и в существенном смысле не зависит ни от их национально-культурной принадлежности, ни от их индивидуально-нравственных качеств.

Для того чтобы намечающиеся ростки единых этико-культурных схем деятельности развились в глобальный этос, потребуются огромные усилия и большое время, о масштабе которых нам сегодня не дано знать, быть может, потребуются духовные перевороты, сопоставимые с переворотами периода возникновения мировых религий, что и вовсе проблематизирует эту перспективу, ибо ставит ее в связь со случайностью появления гениально-харизматических личностей. Но как бы то ни было, такие ростки существуют и они позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу глобального этоса.

Н. В. КАРЛОВ,

член-корреспондент Российской Академии наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор физико-математических наук, профессор, председатель Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, ректор Московского физико-технического института

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Россия по сути своей самопримерна и самобытна. Ее самостояние (я сознательно использую пушкинский пронзительный образ — “самостоянье” человека) невозможно без самообращения к себе самой, без самоуглубленного, самосогласованного самоопределения. Только так, всемерно избегая самовлюбленности, самолюбования и самодовольства, может воссоздать Россия подобающие ей как великой державе самодостаточность и самодержавие.

Оговорюсь сразу. Рассуждая в России о самодержавии, надлежит быть осторожным. К сожалению, слово это имеет у нас дурную славу. Историческая память народа, точнее историческая память его интеллигенции, хранит в себе и от случая к случаю публично воспроизводит весьма недоброе отношение к неудачному, скажем мягко, опыту государственного управления последнего активного Рюриковича (Иван Васильевич Грозный) и последнего Романова (Николай II), которые были, надо признать, самодержавны принципиально, самодержавны не только в своей практике, самодержавны во всем строе своего нравственного чувства и своего разуменья. Результат известен.

В живом языке живого народа слова меняют смысл, теряют одно эмоциональное звучание, приобретают другое, то тускнеют, то расцветают вновь. Но сакральная сила слова определена изначально его исходным значением. “В начале было Слово”.

Составной характер слова “самодержавие” очевиден. Рассмотрим сначала корневую по значению составляющую этого слова — “державу”. По В. Далю, “держава” — это уход, забота, крепость, сила, прочность, твердая связь, надежность в скрепе, владычество, могущество, земля, государство, народ и правительство его. По М. Фасмеру слово “держава” через глагол “держать” (старославянское “дръжж”) восходит к латинскому fortis — твердый, стойкий, крепкий, сильный, мужественный, отважный, храбрый.

И Далия, и Фасмера подкрепляет “Словарь древнерусского языка” И. И. Срезневского, выписками из светских летописей и духовной литературы доказывающий многозначность термина “держава” и приводящий значения: поддержка, основание, власть, сила, правление, управление, владение, государство, подвластные, народ.

В свою очередь и современный “Словарь русского языка XI—XVII вв.” разъясняет слово “держава” (държава, дръжава, дьръжава) набором почти тех же значений — владычество, сила,

могущество; власть, правление; золотой шар с крестом наверху, служащий эмблемой власти; удел, княжество, владение; страна, государство. Первое письменное упоминание слова “держава” отнесено в Радзивилловской летописи к 988 году, где оно употреблено в значении “сила и могущество”. Прелестна выписка из “Моленья Даниила Заточника” (XIII в.): “Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державаю”.

Итак, держава. Держава в смысле государственном, органичном надежной силе и крепости устоев. Обращаясь к государственному, легко видеть, что в этом смысле термин “держава” и шире, и старше понятия “государство”.

Само по себе слово “государство” прекрасно. Очевидна цепочка государство — государь — господарь — господин, восходящая к латинскому, а, значит, арийскому *hospes*, родительный падеж *hospites* — хозяин; хозяин, предоставляющий гостеприимство (ср. англ. — *host, hospitality*). Хотя термин “государь” в значении “владелец, хозяин” известен в древнерусской литературе с XII века, его значение “верховного владетеля” проявляется только в XV веке. Тогда же впервые возникает и “государство” как слово, обозначающее страну, землю, правление и царствование, — в духовной митрополита Киевского и всея Руси Фотия, кафедру свою имевшего, однако, в Москве (1431).

“Государство” — термин, несомненно, более общий, чем “царство” или “королевство”, которые восходят к именам собственным — Цезарь и Карл (Великий), а также “княжество”, восходящее к “князю” — родовому вождю варяжских племен.

Государство как хозяйство — термин более богатый по сравнению с англо-саксонским *state*, германским *Stadt* или французским *L'etat* (вспомним знаменитое “*L'etat c'est moi*” — “Государство — это я” Людовика XVI), обозначающими и государство, и состояние в квантово-механическом смысле. Тут просматривается общеарийский корень глагола “стоять”, по сути видна некая статика, статичность, то есть застой.

Русское слово “государство” интереснее, шире и богаче своих западноевропейских эквивалентов, ему как бы равнозначных. Но слово “держава” еще крупнее, еще значительнее, еще весомее.

Возвратимся к самодержавию. Что привносит сюда приставка “само”, что она означает? В Ожеговском орфографическом словаре свыше 350 словесных позиций начинаются с этой приставки. “Словарь русского языка XI—XVII вв.” дает свыше 300 соответствующих словарных статей, содержащих разъясняющие суть дела выписки из древних текстов. Всякое слово живого языка имеет ту или иную эмоциональную окраску. Словоупотребление не безразлично. Мы сознательно или подсознательно (что еще сильнее) выбираем и в живой речи, и на письме из множества синонимов или почти синонимов те слова, которые выражают (или скрывают) наше отношение к обсуждаемому предмету. Справедливость этого утверждения особо очевидна по отношению к такому корню, как “сам”. Фасмеровский словарь доказывает очевидное — арийское происхождение этого слова. Объяснять его нет нужды. А вот оценка его зависит от того, с чем оно сопряжено, что, собственно, идет само собой, так сказать, автоматически, или что исходит от чего-то (кого-то) одиночного или же, напротив, приходит к чему-то (кому-то) одиночному, уникальному.

То, с чем комбинируется корень “сам”, образуя составное, сложное слово, и определяет в основном оценку получившегося. Эмоционально-нравственная оценка индивидуальна. Индивидуальна на уровне отдельной личности, индивидуальна на уровне национальном. Но когда из 310 слов, начинающихся со слога “сам” в “Словаре русского языка XI—XVII вв.”, по моей оценке, 172 вызывают положительное к себе отношение, 46 — нейтрально служебны и только 27 несут в какой-то мере отрицательный заряд, то можно утверждать, что ничего изначально плохого в слове “сам” (“само”) нет!

Следовательно, объединяя исходно и заведомо доброкачественные понятия “держава” и “само” в единое слово “самодержавие” мы получаем образ точный, емкий, мощный, созидательный и добрый. А значит, возникает задача восстановить его исходное значение и восприятие. Сделать это может только русская интеллигенция и только на пути непредвзятого анализа истории России.

Роль интеллигенции в благоденствии народа и государства в России всегда была велика. Для того, чтобы она и впредь была таковой, люди, рассуждающие о смысле понятия "российская интеллигенция" или, что еще круче, причисляющие себя к таковой и рискующие говорить о том публично, должны прежде всего сделать упор на российскую составляющую этой идеограммы.

Вне российской государственности нет, да и не может быть по самой сути своей, российской интеллигенции. Вообще об интеллигенции можно говорить только в сопоставлении с той или иной государственностью, с той или иной властью. Чем авторитарнее власть, тем определеннее и яснее выражены интеллигенция и ее место в обществе, соответствующей властью охваченном. Строго говоря, интеллигенция существует тогда и в той мере, когда и в какой мере существует власть.

Вернемся к российской составляющей понятия "российская интеллигенция". Российской она стала сравнительно недавно, условно скажем, не более ста лет назад. До этого она была русской. И как сообщество людей интеллектуального труда, несмотря на все разнообразие, иногда даже противоречия во взглядах по различным конкретным вопросам бытия, всегда характеризовалась высоким уровнем патриотизма.

Митрополит Илларион, летописцы Нестор и Никон, Антоний и Феодосий Печерские, безвестный автор "Сказания о гибели Русской Земли" и многие другие безвестные переписчики и составители летописных сводов — первые профессиональные гуманитарии русской культурной традиции строили идею русской национальной государственности вплоть до торжества оной в XV веке. Иван III Васильевич (Иван Великий) созданием "Судебника" 1497 году завершил конструирование основ администрации русского национального государства. Перед этим прозвучал призыв старца Филофея "Москва — Третий Рим".

Шестнадцатый век, несмотря на все ужасы и преступления опричного периода Ивана Грозного и годуново-шуйского междуцарствия, укреплял Русь, хотя только отцы Стоглавого собора могут рассматриваться как интеллигенты, пытавшиеся гармонизировать властно-конфессиональные проблемы тогдашнего общества. Иван не внял Собору. Отсюда проистекают корни "смуты" начала XVII века.

Выход был найден на сочетании методов государственного строительства Романовыми с методами просветительско-образовательными. Окольничий Федор Ртищев, его ученое братство Андреевского и Донского монастырей, братья Лихуды и Симеон Полоцкий, то есть Славяно-греко-латинская академия — наряду с приглашением западных врачей и военных специалистов — заложили основы создания русской служилой интеллигенции.

А дальше начинается уже Петровское время, тема русского патриотизма в котором звучит мощно и определяюще уверенно.

Вся послепетровская история построения современной России свидетельствует о том, что дела российские шли хорошо тогда и только тогда, когда люди профессионального интеллектуального труда (воины, инженеры, врачи, священнослужители, учителя, администраторы) были воодушевляемы так или иначе понимаемой ими идеей русского патриотизма. Как только интеллигенция становилась апатриотичной, страна приходила к кризису, приходила на край гибели.

Долг интеллигенции — быть созидателем, носителем и распространителем идей российского патриотизма во всем богатстве этого понятия.

Необходимым условием этого является правильное преподавание отечественной истории. Выскажу еретическую мысль: преподавать историю, на мой взгляд, необходимо в обратном порядке, идя от времен нынешних к временам прошедшим и наглядно поясняя, из чего что проистекало. Вот тогда и станет ясной мысль о благоденствии для России самодержавия.

Просвещенный монархизм, просвещенный национализм, просвещенное православие — вот тринадцатый лозунг достижения благоденствия России и ее народов. А как хочется добавить к этому и доктрину просвещенного изоляционизма!

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ,
член-корреспондент Российской академии наук и Российской академии
художеств, доктор исторических наук, профессор, директор Государст-
венного Эрмитажа

МЕЦЕНАТСТВО — ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Сегодня в России практически невозможно увидеть афишу культурного мероприятия, будь то выставка, концерт, спектакль, творческий вечер и тому подобные мероприятия, где не было бы более или менее объемного раздела под названием “спонсоры”. Это уже довольно давно воспринимается как неотъемлемая черта времени, в некотором смысле — символ нашей эпохи. Государство беднеет, некоторые его граждане богатеют и почему-то готовы часть своих доходов (пусть самую незначительную) тратить на нужды культуры. Казалось бы, ничто их к этому не подвигает: ни налоговое законодательство, ни иные формальные обстоятельства. Однако факт остается фактом — с потерей государственного финансирования количество культурных акций возросло, а не уменьшилось. При этом законодательные вопросы не теряют своей актуальности, нуждаются в скорейшем разрешении и приведении к мировым стандартам, опробованным многолетней практикой.

Сотрудничество с меценатами и спонсорами не только позволяет музею получать значительную финансовую помощь, но и, если говорить более широко, является важным каналом взаимодействия музея с обществом. Следует напомнить, что такие музеи, как Эрмитаж, никакие спонсоры содержать не могут, их должно содержать государство на свои деньги. Все остальное — деньги частных лиц или корпораций — может быть лишь частью, хотя и очень важной, уже потому, что эти источники и средства, из них черпаемые, регулируются самим музеем. Этими деньгами определяется степень свободы, которую имеет музей, как и теми, которые он получает за входные билеты. Так что спонсоры обеспечивают нашу свободу, а вовсе не наоборот, как иногда приходится слышать.

Вообще же, в нашей стране есть или, скорее, было убеждение, что культуру должно содержать государство, и постепенно это убеждение возвращается, на идеологическом уровне во всяком случае, и это правильно. Общество ответственно за свои культурные учреждения. И они не могут зависеть от того, достаточно ли в данный момент спонсоров. В таком обществе, как наше, эта обязанность в первую очередь ложится на государство — так же, как например, во Франции. Но есть и другая сторона этой проблемы — взаимоотношения культуры и общества. Каждый человек должен думать о том, как он лично может участвовать в жизни культурных учреждений. Такой опыт личного участия очень характерен, скажем, для Америки. Там меценатство стало явлением культуры. Ведь большинство музеев частные, но принадлежат они, конечно, не одному человеку, а целой общине. Спонсоры и меценаты там являются представителями общества, а не только самих себя.

Кстати, надо понимать разницу между меценатом и спонсором. Меценат — это человек, который просто дает музею или театру деньги, иногда определяя заранее, на что эти деньги должны быть потрачены. Спонсор же всегда имеет определенный расчет. Есть крайние формы спонсорства, они имеют широкое бытование, например, в Германии. Спонсор дает деньги, потом музей, условно говоря, проведя выставку, отчитывается перед ним в своих доходах, и вот эти доходы возвращаются к спонсору. То есть спонсор обязательно имеет какие-то коммерческие интересы. Кроме того, он заинтересован в рекламе в разных формах. Или в праве использовать музей для своих собственных мероприятий. У нас недавно была в гостях руководительница отдела развития Музея Метрополитен, она делала в Эрмитаже доклад и рассказывала, в частности, почему те или иные фирмы выступают спонсорами тех или иных выставок. Причины бывают самые разные. Иногда, скажем, фирме нужно установить хорошие отношения с населением Новой Зеландии и она помогает сделать выставку

новозеландского искусства в Нью-Йорке. Но даже этот спонсорский расчет отражает понимание ответственности общества за учреждения культуры. Это не прямой, чистый расчет, то есть расчет, разумеется, но не только. У наших коллег на Западе есть довольно твердые представления о том, что можно и что нельзя разрешать спонсору. Надо сказать, что не так много им разрешают делать. Конечно, спонсор выставок, например, имеет право написать свое имя на определенном наборе печатной продукции, оговариваемом договором. Если спонсор финансирует строительство, то оговаривается, где об этом пишется. В своей работе мы ориентируемся на такие музеи, как Национальная галерея в Вашингтоне, где установлены очень строгие правила взаимоотношений со спонсорами. Все, что получает спонсор, как уже было сказано, определяется договором, который составляют юристы. Это вещи открытые, информация доступна почти всем, заинтересованным ее получить. Модель такого договора каждый раз разрабатывается индивидуально. Мы недавно проводили интервью с представителями разных фирм, работающих в Санкт-Петербурге, западных и отечественных. Мы спрашивали, чего бы они хотели, если бы стали спонсорами музея. Ответы были очень разные. Многие хотели бы просто хорошо выглядеть в глазах общества и подтверждать необходимость своего присутствия в нем. Некоторые говорили, что таким образом хотели бы поднять свой престиж перед властями. Из этого мы сделали вывод, что каждый раз необходимо очень внимательно разрабатывать договор.

Первыми нашими партнерами были западные фирмы, а самым первым спонсором Эрмитажа стала компания "Кока-кола". Они пришли и сказали, что готовы дать такую-то сумму (это, кстати, самый большой взнос, который они когда-либо делали за пределами США). Они спросили, что бы мы могли предложить. Мы предложили оборудовать лабораторию по реставрации темперной живописи. Для нас это был совершенно новаторский проект (темперную живопись всегда реставрировали так же, как масло, хотя это разные техники). Нам давно хотелось построить такую лабораторию, потому что и русская иконопись, и ранняя итальянская живопись, и испанская должны реставрироваться по специальной технологии. "Кока-кола" вложила в этот проект 310 тысяч долларов, причем 10 из них дал лично президент компании. Вот это был жест чисто меценатский, примерно столько же денег вложили мы в капитальный ремонт здания. Лаборатория уже работает и будет, конечно же, развиваться. В сотрудничестве с "Кока-колой" мы прошли все азы. Был заключен договор, очень четкий и ясный. К нашему удивлению, на нас тогда многие нападали, говорили, что мы продались за сладкую водичку и так далее. В результате же этой сделки открыта лаборатория, а все, что имеет компания, — это таблички внутри здания, где написано, что оно построено с ее помощью. Ну и, конечно же, я все время об этом говорю, что, кроме того, положение фирмы в городе сильно изменилось, она стала очень уважаема. Мы благодаря этому сотрудничеству многому научились: составлять договоры, получать деньги, что совсем не так просто, как может показаться. Каждый год мы предоставляем отчет, и только после этого нам выписывают новый чек. Это были по-настоящему серьезные деловые отношения.

Начинали мы, как я уже говорил, с западными фирмами. С нашими получалось достаточно сложно. Мы пытались работать с ними по западным образцам, ходили, предлагали себя, не очень активно, но все же... Из этого ничего не получилось. Некий прорыв произошел в прошлом году, когда нашим спонсором стал Московский международный банк (Петербургское отделение), он участвовал несколько раз относительно скромными вложениями в выставочных программах, например, в организации выставки "Данаи". Затем некоторые предприятия Петербурга проявили заинтересованность, скажем, завод "Пирометр", который иногда дарит Эрмитажу разные необходимые приборы: ксероксы, агрегаты для поддержания искусственного климата и так далее. Сейчас с ним ведутся переговоры о финансировании информационного бюллетеня для "Общества друзей Эрмитажа".

Последнее значительное событие в этой области — заключение договора с ОНЭКСИМ Банком и его местным филиалом БалтОНЭКСИМ Банком о долговременном сотрудничестве.

Начиналось все это с издательской программы. Мы задумали издавать архивы Эрмитажа — и полиграфически, и в Интернете. Когда этот проект обсуждался с представителями банка, ответственными за культуртреггерскую деятельность, было решено, что целесообразно заключить более общий договор и пытаться совместно осуществлять и другие программы. Проект этого сотрудничества был довольно подробно разработан, а затем здесь, в моем кабинете, мы с Патаниным подписали договор. Происходило это все довольно скромно: мы дали пресс-конференцию и устроили небольшой фуршет. Соглашение предполагает, что сотрудничество будет осуществляться в тех программах, которые окажутся взаимно интересными. Здесь тоже очень деловой подход, то есть мы представляем проект, а банк его рассматривает. Деньги даются не “вообще”, а только на конкретные дела. Есть еще одна очень важная сторона нашего сотрудничества. Эрмитажу довольно часто бывает необходима консультативная помощь, ее можно назвать юридической, и ОНЭКСИМ Банк ее охотно оказывает. Кроме того, этот же банк, возможно, станет нашим консультантом и отчасти профинансирует большой проект реконструкции здания Генерального штаба. Оно уже передано музею, сейчас оформляются документы. Там разместятся отделение декоративного искусства и целый комплекс лекториев и прочих посещаемых заведений, о чем я уже рассказывал в вашей газете. ОНЭКСИМ Банк обещал оплатить первый предварительный этап реконструкции — исследовательские работы. Мы уже начали переговоры с некоторыми фирмами, которые, возможно, будут осуществлять этот проект. Он, конечно же, довольно дорогой. Только на первом этапе потребуется 200 тысяч долларов, так что без помощи банка нам не справиться.

Уже несколько лет существует “Общество друзей Эрмитажа”. Это частные лица, помогающие музею. Отделения этого общества открыты в нескольких странах: США, Голландии, где в этом году собрали примерно миллион долларов на проект, который называется “Новая крыша для Рембрандтов”, то есть на реставрацию крыши здания Нового Эрмитажа. Недавно образовано отделение общества в Японии, уже успевшее перечислить довольно крупную сумму для строительства нового фондохранилища. Громадных денег эти люди дать не могут, но сам факт их существования для нас очень важен.

Благотворительность в нашем Отечестве очень строго регламентирована законами, гораздо строже, чем какая-нибудь другая деятельность. Мы все время должны предоставлять отчеты об использовании поступающих средств. Их можно тратить только по так называемому целевому назначению, то есть именно на те проекты, которые были изначально оговорены, и ни на что другое. Например, сегодня я подписывал письмо одному из российских спонсоров, который делал благотворительный взнос на подготовку выставки эрмитажного фарфора в Женева. Деньги эти для самой выставки не понадобились, и теперь мы должны получать у спонсора письменное разрешение использовать его деньги на другие цели.

В общем, в данном случае наши порядки сходны с теми, что установлены в мире. Везде существует очень строгая отчетность. Сугубо российская проблема одна — как оформить спонсорские взносы таким образом, чтобы с них не брали целого ряда налогов, считая их доходами. Спонсорская помощь положительно сказывается на жизни сотрудников музея.

Мы имеем право тратить на сотрудников часть средств, которые зарабатывает музей. Конечно же, за счет спонсорских средств мы не можем увеличивать зарплаты, но если они регулярно поступают, то освобождается часть денег, полученных от продажи билетов, и они тратятся на разные выплаты. В этом году нам удалось увеличить доходы сотрудников примерно в три раза. Надо, правда, помнить, что средняя зарплата здесь составляет около 450 тысяч.

Я надеюсь, что законодательные вопросы будут решены таким образом, чтобы сотрудничество учреждений культуры с меценатами и спонсорами вышло на качественно новый уровень. В этом заинтересованы и государство, и общество, и учреждения культуры, и каждый в отдельности человек.

Н. Н. СКАТОВ,

доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), председатель Комиссии по литературному образованию Отделения русского языка и литературы РАН, заместитель председателя Совета по русской культуре при президенте РАН, заместитель председателя экспертного совета Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, главный редактор журнала "Русская литература"

УНИВЕРСИТЕТ И КУЛЬТУРА

Слово "культура" часто понимают в расхожем значении, ставя его в один ряд с такими понятиями, как "наука", "образованность", "творчество", "искусство", вообще духовное производство и часто придавая ему явно этицированный смысл.

Между тем в последние годы обществоведение все более стремится осмыслить феномен культуры в строго теоретическом плане.

Согласно современным представлениям, культура — это универсальный механизм, который осуществляет самоорганизацию человеческой жизни.

Универсальный характер человеческой культуры как всеобщей технологии человеческой деятельности давно нашел емкую форму для своего выражения, осуществления и актуализации — университет. Изучение истории становления и развития университетов в связи с глобальными процессами развития культуры было бы поучительным с этой точки зрения. Видимо, не только общность терминов говорит о связи универсального целостного характера культуры с университетом как особым типом человеческого образования, наиболее удачно такому характеру отвечающего. Потому их и нужно рассматривать в тесной связи.

Отсюда и особенности университета, заключающиеся в его общем статусе и в процессе его жизнедеятельности. Именно начала универсальности определили место университета как уникального явления, как особого феномена в ряду вузов.

Реализация такой универсальности и ее обязательное условие выглядят как двойная функция этого учреждения. Однако университет — не просто учебное заведение плюс школа, но заведение особого типа, то есть сама его школьная функция становится более широкой, более универсальной. Сосединение учебного процесса и науки — функция двуединая, ибо надлежащим образом обеспечить учебный процесс может только учебное заведение. Профессор университета (по точному смыслу "проповедник мысли") невозможен без доктора (как мыслителя). В силу этого обстоятельства именно университет призван в максимальной степени реализовать такую особенность культуры, как ее динамический, "процессуальный" характер. Ведь и сама наука не есть просто упорядоченная система определенных положений, но процесс. Кстати, именно в университете в силу многих причин (достаточно сказать, что здесь объединено самое "молодое" и самое "старое" хотя бы только в возрастном отношении) особенно наглядна и поучительна жизнь культурной традиции на фоне борьбы новаторства и консерватизма, подчас даже ритуально подчеркнутого. Университет — инструмент, который, возможно, упорнее всего ведет традицию вперед и, возможно, поэтому упорнее всего ее удерживает. По той же причине так велико значение лекции как ведущей формы университетского преподавания. Это тем более следует подчеркнуть, поскольку некоторые тенденции в развитии культуры, на первый взгляд внешнего характера, ведут к изменениям в представлениях о характере вузовского, то есть прежде всего университетского преподавания. Такое явление всегда имело место. Может быть, важнейшим рубежом здесь было книгопечатание с его массовым и в этом смысле демократизирующимся характером. Недаром уже на рубеже XVIII—XIX веков в Германии, в стране, так сказать, классического университетского преподавания, появились сомнения в необходимости его извечной классической формы — лекции, считавшейся, например, Р. Шлейермахером (Мысли об университетах в немецком смысле. 1808) явно устаревшей.

Нельзя не видеть, что в последние годы с новой силой почти повсеместно возобновились настроения, отрицающие или как-то преуменьшающие значение лекции, ограничивающие ее. Причины тому разные, но одна из них, безусловно, во всемирном развитии телевидения, в частности и учебного, а точнее, в широком использовании компьютеров и базирующихся на них информационных технологий. Между тем как в прошлом, так и в нынешнее время лекция продолжает занимать большое место во всех учебных планах всех университетов (иное дело — обязательность посещений). Дело не в такой, самой по себе частной, вещи, как лекция, а в том, что в силу ряда причин лекция, так сказать, изменяет сама себе, то есть изменяет своему “идеальному” назначению. Одно дело учебно-догматическое изложение знаний, другое — научно-критическое добывание их. Одно дело — обучение ряду истин, другое дело — поиск истины. Лекция не может быть только внедрением научных знаний, но должна быть приобщением к научному, то есть динамичному, типу мышления. Собственно, это и определяет тип университетского преподавания. Но дуалистическое воззрение на университет даже при верном соотношении учебы и учености еще не выражает суть дела. Более того, обычное плюралистическое применение не вполне открывает такую суть. Университет в области образования является неким общим органом культуры не просто потому, что он разрабатывает во множественности определенные области знания, что естественно. Дело в том, что здесь действительно, по точному термину *universitas literarum*, рождается новое качество, некое совокупное знание. Университет есть та форма, которая в единстве обеспечивает начало специализации и интеграции, разрешая это противоречие и давая особый тип целостного знания. Университет в этом смысле может существовать только как коллегия мыслителей и ученых. Наряду с теоретическим достоинством — соединением и обобщением многих наук, в частности, и благодаря постоянным контактам представителей разных наук, которые предупреждают провинциальную узость горизонта и профессиональную замкнутость, налицо и преимущества практического характера: полнота и всесторонность библиотек, справочных служб и тому подобных.

Таким образом, думается, что даваемое ныне наукой теоретическое определение культуры как целостного, универсального и динамичного социального феномена позволяет прогнозировать целостное культурное строительство и в этих рамках верно определять место такого института социальной жизни, как университет, намечая пути его дальнейшего существования.

Ж. Т. ГОЩЕНКО,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук,
профессор, главный редактор журнала “Социологические исследования”

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Есть одно известное выражение, с которым полностью согласен автор: настоящие революции происходят не на баррикадах, а свершаются в умах и душах людей. Только то, что проявилось неоднократно и получило закрепление в сознании и поведении людей, в их жизни, можно считать свершившимся и апробированным социальным фактом. Напомню некоторые исторические факты о роли сознания и его производных. Именно идеи французских просветителей подготовили Великую французскую революцию. Большевики в 1917 году победили потому, что взяли на вооружение те социальные ожидания, которые волновали миллионы людей: мир — народам, фабрики и заводы — рабочим, землю — крестьянам. История знает немало фактов, когда люди скорее отказывались от богатства, от власти, от семьи и шли на различные лишения вплоть до смерти ради тех идей, которым они оставались верны и которые, на их взгляд, служили человечеству или обществу.

Происходящие сегодня изменения в российском обществе можно будет считать свершившимися (не в результате побед той или иной политической группировки или акций по

переделу собственности) только тогда, когда эти изменения получат закрепление в сознании и поведении большинства населения страны. Никто и ничто не заставит людей поддерживать или противостоять тому, что не вытекает из логики их жизни, противоречит их жизненным установкам и ценностям. Все, что будет противоречить этому, вызовет активное (или пассивное) противостояние и отвержение.

Особое значение эта проблема имеет в обществе переходного периода. В России идет трудный и мучительный процесс формирования целей, идеалов, которые смогли бы объединить миллионы людей. Пока же современное общественное сознание расколото, раздроблено, противоречиво, а зачастую и парадоксально. В общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимоисключающие ориентации, которые противопоставляются друг другу и которые нередко претендуют на то, чтобы быть единственными спасительными.

Цель нашего разговора состоит не в том, чтобы включиться в этот спор, а разобраться: почему он бесперспективен до тех пор, пока не будет найден ответ на одну из фундаментальных проблем нашего времени: почему не только общество, не только многие социальные группы и слои, но и сам человек расколот в своем сознании, представляя собой уникально противоречивое состояние и создание, которое во многом олицетворяет сегодняшний облик страны.

Попытка найти ответ на этот вопрос приводит к необходимости как теоретического, так и прикладного анализа парадоксов, которые в значительной степени характеризуют нынешнее состояние общественного сознания и поведения людей. Причем речь идет не о парадоксах познания или о семантических парадоксах, или о парадоксах общественного сознания в целом, но о парадоксах, которые присущи конкретному индивиду, характеризуют реальное сознание и поведение очень многих людей. Данные социологических исследований дают нам богатую информацию, как в человеке сочетаются взаимоисключающие знания, установки и убеждения, которые противоречат друг другу, не совмещаются друг с другом. И тем не менее в сознании конкретного человека они удивительным образом уживаются. Человек, как это ни странно, может одновременно преследовать взаимоисключающие цели, "бежать" одновременно в прямо противоположных направлениях.

Эта парадоксальность проявляется буквально во всем. И не только в содержательном плане (как, например, оценка состояния экономической жизни, благополучия и путей выхода из кризисного состояния). Это касается и методов их познания, способов исследования, путей их выявления и решения. Следует особо подчеркнуть, что парадоксальность сознания и поведения многолика, многообразна. Парадоксальный человек как явление эпохи предстает перед нами во всем противоречивом обличьи. Кроме того, причины, порождающие парадоксы, не являются однопорядковыми и однозначными. Но тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что именно парадоксальный человек олицетворяет современную эпоху в нашей стране. Он является мощным дестабилизирующим фактором. Опасность этого явления заключается также в том, что парадоксальный человек представляет собой очень удобный элемент в политике манипулирования общественным сознанием.

Имеющаяся социологическая информация позволяет выделить несколько типов парадоксального сознания и поведения.

Прежде всего, это *стихийная парадоксальность*, когда человек не замечает в своем сознании и поведении взаимоисключающих ориентаций и поступков (например, поддерживает рыночные отношения и в то же время требует расправы над субъектами этих отношений). Поэтому заблуждаются те исследователи, политики, журналисты, которые по оценке людьми одной общественной проблемы (например, политической) делят людей на либералов, социалистов, патриотов и так далее. Социологическая информация показывает, что по другим проблемам, например, экономическим или правовым, это деление "не работает": часть социалистов может солидаризироваться с национал-патриотами и даже либерал-демократами. Именно поэтому в реальной жизни существует немало людей, которые одновременно служат и идеям рынка, и идеям социальной справедливости, и национально окрашенным амбициям, и даже религиозным ценностям. Можно привести немало и других сочетаний, которые отвергают одномерность и "упорядоченность" общественного

сознания. Этот тип как бы соткан из противоречий, взаимоисключающих друг друга, но не осознаваемых (или плохо осознаваемых) их носителем.

Не менее распространен и такой тип парадоксов, как *ложные парадоксы*. К их числу следует отнести симуляцию заботы об общественном благе, которая очень образно проявляется в риторике чиновников и бизнесменов, часть из которых успешно сочетает накопительство и грабеж бывшего народного состояния с показухой: оказанием помощи одному дому престарелых или одному детскому дому, одной спортивной команде или больнице. Как показывают результаты выборов, такая “забота” приносит весьма приятные дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций.

Продолжают существовать и пока не теряют своих позиций *этнонациональные парадоксы*, когда на глобальном уровне люди декларируют вполне нормальные ценности — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру, а в конкретных обстоятельствах убивают или унижают других людей, сжигают их дома лишь потому, что последние придерживаются других взглядов и “мешают” устройству своего народа. Именно на этой основе так называемые интернационалисты становятся носителями бытового шовинизма.

Во все большей мере проявляет себя такой тип парадоксов, который можно назвать *региональным* или *местным автаркизмом*, когда интересы людей данной территории или данного населенного пункта противопоставляются интересам людей аналогичных территориально-пространственных образований.

Особо хочется отметить *созидающие парадоксы*. Социологические данные говорят о том, что наибольшими критиками проводимого курса реформ являются не малообеспеченные слои населения, в представители продвинутых групп — люди с высшим образованием, предприниматели, молодежь.

И наконец, следует остановиться на таком парадоксе, который связан с мутацией сознания и поведения, когда осуществляется *осознанное поддержание парадоксальности*, что сулит немалые выгоды и приносит ее проповедникам значительные дивиденды.

Таким образом, имеющаяся информация позволяет утверждать, что парадоксальный человек — это неременный атрибут переходного периода. Его нельзя изжить, игнорировать. Его необходимо познать и использовать это знание для ответа на злободневные вопросы развития России.

С. П. КАПИЦА,

доктор физико-математических наук, профессор

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Данные демографии показывают, что с момента появления человека рост населения мира происходит пропорционально квадрату полной численности людей. Это указывает на то, что человечество ведет себя как динамическая система, охваченная общим взаимодействием. Такой механизм самоподобного роста включает в себя все факторы биологической, технологической, экономической, социальной и культурной природы. На основе анализа исторического хода развития следует постулировать взаимодействие, охватывающее все человечество. Природа этого взаимодействия состоит в обмене и распространении информации как вертикально, между поколениями, так и горизонтально, в пространстве всей ойкумены. Этим обеспечивается и передача информации из прошлого — знаний, технологий, обычаев — в будущее, и синхронизм мирового развития. Благодаря нелинейному системному взаимодействию происходит ускорение темпов роста, которое ныне приводит к современному демографическому взрыву и переходу к стабилизации населения мира в предвидимом будущем. Анализ роста показывает, что системное историческое

время текло неравномерно, сжимаясь по мере приближения к моменту перехода. Эта закономерность прослеживается от самых первых шагов человечества. Так, эпоха нижнего палеолита длилась миллион лет, средние века продолжались тысячу лет, а самые крупные изменения в мире происходят за десятилетия. Представление о неравномерности течения исторического времени и синхронизм крупных этапов мирового развития отмечались антропологами и историками. Так, петербургский историк И. М. Дьяков в монографии «Пути истории. От древнейшего человека до нашего времени» указывает на экспоненциальное ускорение темпов развития по мере приближения к нашему времени. Объяснение этому следует искать в динамике роста населения нашей планеты.

А. В. ВОРОНЦОВ,

доктор философских наук, профессор, вице-губернатор Ленинградской области, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

КРЕСТЬЯНСТВО И КУЛЬТУРА

1. Среди публицистов, культурологов чаще всего бытует мнение, что творцом культуры является интеллигенция, вернее, ее элитарная часть. В советское время, как нам представляется, давалась завышенная оценка роли рабочего класса в культурном прогрессе страны как самой организованной, передовой, сознательной и так далее части населения. То, что случилось с этим классом в великой социалистической державе СССР на рубеже 1980—1990-х годов, загадка нашего века. И она требует глубокого научного осмысления. Уместно подчеркнуть, что ритуальное восхваление рабочего класса оборачивалось сплошь и рядом недооценкой крестьянства как субъекта отечественной культуры.

В последние годы проблематика крестьянской культуры и вовсе оказалась на задворках социогуманитарных наук. Одно это обстоятельство актуализирует задачу — привлечь внимание исследователей к проблемам крестьянства и его роли в культурно-историческом процессе.

2. На протяжении веков крестьянство было самой многочисленной частью общества. По образному выражению Н. Бердяева, Россия представляла собой «огромное мужицкое царство». Его отличала собственная материальная и духовная культура. Произведения народного творчества — песни, танцы, сказки, былины, пословицы, художественная резьба, вышивка, живопись, народная архитектура — все это было создано коллективным творчеством крестьянства, являлось органической частью его духовной жизни.

Крестьянскую культуру, ее ценности составляют орудия производства, способы и технологии сельскохозяйственной деятельности, многие традиции и обычаи. Великий знаток крестьянской жизни Г. Успенский отмечал «уравновешенность духовной и физической деятельности», характерной для нашего крестьянства. Творчество в земледельческом труде он называл поэзией, источником взглядов на все окружающее его, источником едва ли не всех его отношений — частных и общественных. Крестьянский образ жизни выработал в народе такие ценнейшие моральные качества, как большую жизненную стойкость, трудолюбие, бережливость, практичность, тонкую наблюдательность, любовь к земле-кормилице, патриотизм и ненависть к эксплуатации. Из среды крестьянства вышли выдающиеся ученые, писатели, изобретатели, художники, артисты.

3. При анализе роли крестьянства в культурно-историческом процессе нельзя подходить к этому общественному классу как к однородной массе и тем более рассматривать его вне исторического контекста. В России было и крепостное право при феодализме, на смену которому пришел капитализм; был и государственный (этакратический) социализм. В процессе нынешней социальной трансформации складывается, как полагают не без оснований некоторые ученые, «номеклатурный капитализм» с сильно выраженными признаками криминализации. Каждый из

указанных типов общественной организации создавал особые условия для жизнедеятельности крестьянства, определяя как процессы внутренней дифференциации, так и специфику крестьянской культуры.

Многое в этой культуре становится понятным и объяснимым, если обратиться к изучению мощного влияния, которое оказала на весь уклад русской жизни крестьянская община. Можно согласиться с исследователями, которые исходят из того, что именно община была кузницей русского народного духа, именно в ней лежит ключ к пониманию особенностей нашей истории, национального характера и, добавим, — национальной русской культуры.

4. Значительную актуальность приобретает в наше время исследование воздействия религии и православной церкви на крестьянскую культуру. Крайности, на наш взгляд, здесь недопустимы. Роль православия в духовном просвещении и нравственном воспитании крестьянства настолько велика, что многие его ценности органично вошли в ту систему ценностей и норм, которая определяла на протяжении веков поведение и образ мышления каждого крестьянина.

Вместе с тем противоречия реальной жизни крестьянства, вполне земные привилегии церкви и ее ориентация на власть имущих рождали в народной культуре элементы атеистической контркультуры, являлись источником антиклерикальных настроений и религиозного индифферентизма. Классовая борьба в эпоху феодализма, облекаясь в религиозную оболочку, нередко выражалась в форме многочисленных ересей.

5. В объективном, непредвзятом подходе нуждается сегодня изучение традиционных для нашей социальной мысли проблем соотношения и взаимодействия культур крестьянской и господствующей в течение ряда столетий дворянско-помещичьей, а применительно к последним полутора векам отечественной истории — культуры крестьянства и интеллигенции.

Идеологическая и политическая заангажированность некоторых современных исследователей приводит к тому, что имеют место явное преувеличение достижений России до октября 1917 года и не менее явный нигилизм по отношению к тому, что было сделано в сфере культуры в советском обществе. Там, где начинают доминировать пристрастия, исчезает истина. Мы лишаем себя возможности не только оценивать объективно свой собственный исторический опыт, но и разумно использовать его во благо нынешних и новых поколений соотечественников. Больше того, мы обрекаем себя на повторение ошибок.

Крестьянская культура, несмотря на сложный и трудный период, который переживает современная деревня и аграрный сектор, не только жива, но и продолжает развиваться. Пишу об этом, основываясь на личных наблюдениях и знании того, что происходит в Ленинградской области: бережно сохраняются и воспроизводятся в крестьянской среде художественные ремесла и промыслы, фольклор и национальные традиции, отмечается устойчивый рост участия населения в художественном народном творчестве. И самое главное — не утрачена духовность. Признаюсь, это вселяет надежду и уверенность в том, что подлинное культурное возрождение России неизбежно.

В. А. ГУСЕВ,

член-корреспондент Российской академии художеств, Заслуженный деятель искусств России, директор Государственного Русского музея

РУССКИЙ МУЗЕЙ КАК ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ИСТОРИИ, ПАТРИОТИЗМА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА

Сто лет назад государство позаботилось о своей культуре, открыв первый в России государственный музей национального искусства, который собрал самую большую коллекцию произведений, созданных российскими художниками за 1000 лет.

Сегодня возможности государства ограничены, и мы обращаемся к регионам с просьбой “всем миром”, как всегда на Руси делались добрые дела, помочь нашей великой сокровищнице достойно встретить свое 100-летие.

Почему Россия должна помогать музею, расположенному в Петербурге?

Потому что сегодня Русский музей — это всероссийская высшая школа истории, патриотизма, профессионального мастерства.

Потому что ежегодно в Русский музей приезжает около миллиона россиян со всех концов нашей Родины. Потому что сотни тысяч иностранных туристов видят в России то, чем может гордиться нация.

Потому что Русский музей курирует работу 238 художественных музеев России, оказывает им постоянную реальную помощь, ежегодно до 120 сотрудников и руководителей российских музеев проходят регулярные стажировки в ГРМ (в музее создан отдел художественных музеев России).

Потому что в Республиканской гимназии при Русском музее вскоре смогут учиться дети со всей России.

Потому что Республиканский центр музейной педагогики при Русском музее разрабатывает уникальную методику образования и воспитания детей и взрослых на лучших образцах российского искусства — для детей всей России.

Поэтому, говоря о необходимости развития и реконструкции музея, мы не решаем только собственные, узковедомственные проблемы, но стремимся способствовать решению проблемы возрождения, подъема, развития традиций российской классической культуры. В чем можно помочь Русскому музею?

К 100-летию разработана Программа реконструкции и развития музея, являющаяся значительной частью программы восстановления исторического центра Санкт-Петербурга. Она называется “Возрождение”. Срок ее завершения — 2003 год (300-летие города), девиз — “Российские предприниматели — Русскому музею”, цель — создание уникального архитектурно-художественного музейного комплекса, включающего в себя крупнейшую в мире коллекцию русского искусства, четыре дворца общей площадью 80 000 кв. м. и территорию (в том числе Сад русской скульптуры) площадью 16 га.

Главные стратегические направления программы.

1. “Фонды музея, доступные зрителям”. Первоочередные задачи:

— оборудование открытого фонда русской скульптуры XVIII—XX вв. (проект готов, работы ведутся);

— оборудование постоянного раздела экспозиции “Золотая кладовая России” (проект готов, выставка была открыта 19 марта с. г.).

— оборудование галереи русского фарфора (проект в работе, коллекция уникальна, одна из трех крупнейших в стране);

— отливка бронзовых копий скульптур российских мастеров из собрания музея (единственного в России) для установки в Михайловском саду — Саду русской скульптуры (проект готов, работы начаты).

2. Издание полного генерального каталога с воспроизведением всех вещей из коллекции музея.

3. “Здравствуй, музей” (учебные, научно-популярные, образовательные программы для всех категорий зрителей — не только по музею, но по истории русского искусства). Первоочередные задачи:

— публикация разработанных программ и методик;

— публикация подготовительных изданий для детей и школьников;

— производство, тиражирование и распространение 12 серий видеофильмов о русском искусстве;

— производство, тиражирование и распространение CD-ROM интерактивных дисков с учебными программами (программы получили в 1996 году премию МК РФ и легли в основу музейно-педагогической работы музеев Перми, Тулы, Тольятти, Твери, Саратова).

4. Возрождение дворцов. Первоочередные задачи:

— реставрация парадного двора Михайловского дворца, восстановление чугунной решетки (проект готов);

— реставрация каменных ваз (известняк) для парапета Мраморного дворца;

— реставрация и оборудование Белого зала Мраморного дворца (зал для приемов, концертов, фестивалей — на 500 мест; проект готов);

— восстановление по сохранившимся образцам первой половины XVIII века фигурного паркета из ценных пород дерева Строгановского дворца (проект готов, обмеры и фиксация сделаны);

— переезд Центральной военно-морской библиотеки из разрушающихся залов Инженерного замка — Тронного зала императора Павла I (здание для переезда есть).

Чем можно помочь Русскому музею? Свободных финансовых ресурсов нет ни у кого, но каждый из регионов чем-то богат: материалами, сырьем, уникальными технологиями, специфической производственной базой и т. д.

Музею необходимы: облицовочные материалы, гранит, мрамор, плитка и брусчатка для мощения, известняк для ваз, медь для кровли, бронза (и хорошего качества литье) для скульптуры; специальное прочное стекло, витрины, спец.освещение — для оборудования перечисленных выше фондов; дешевая полиграфия. Почему музей обращается за помощью?

В 1996 году музей был профинансирован на 17,7% из бюджета; в 1997 году — на 36%; в январе—феврале 1998 года музей фактически оставлен без бюджетных средств.

Какие формы сотрудничества возможны?

Музей активно работает по привлечению внебюджетных источников финансирования.

— Сеть магазинов в Русском музее (1,5 млн посетителей в год). Нужна недорогая по себестоимости, высокого качества сувенирная продукция — по заказу и тематике музея (копии, символика музея и так далее). Метрополитен музей в Нью-Йорке имеет около 20 филиалов своего магазина в других городах. Почему бы не появиться таким небольшим магазинам в городах России? (Магазины уже открыты во всех дворцах, главный торговый зал открыт в вестибюле Михайловского дворца 19 марта сего года).

— Выставки из коллекции музея в российских городах. Необходимо возрождать эту традицию. Раньше финансирование шло из МК. Теперь надо искать спонсоров на местах; условие: музей должен покрывать не только прямые, но и амортизационные расходы — содержание фондов, зданий, реставрации и так далее. (Любая выставка может быть подготовлена за 2—3 месяца).

— Издания музея. Так, НПО "Рубин" к своему юбилею издает подарочный альбом "Неизвестные шедевры" (100 работ из фондов Русского музея). Музей всегда готов предоставить высококачественные слайды, обеспечить всю редакционную подготовку, печать. Музей заинтересован в продаже своих изданий в российских городах. На международной книжной ярмарке во Франкфурте музей имел свой стенд, где были представлены 26 изданий!

— Международное общество "Друзья Русского музея". В его состав входят Президент России Б. Н. Ельцин, председатель Совета Федерации Е. С. Строев, губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев (он является председателем Попечительного совета музея), академик Д. С. Лихачев, писатель Д. А. Гранин, многие индивидуальные и коллективные члены из разных стран, но из регионов и городов России — никого! Если бы в каждом регионе, при содействии местного руководства, хотя бы одна фирма, заинтересованная в работе с Санкт-Петербургом, стала коллективным членом общества, внося соответствующий годовой взнос (от 30 тыс. до 60 тыс. денонмированных рублей), музей смог бы решить многие свои проблемы!

Что нужно для сотрудничества? Заинтересованность и активный обмен информацией. Прочная законодательная база для поощрения благотворительности в сфере культуры; для содействия в деятельности музеев по привлечению и зарабатыванию внебюджетных средств.

И. Ю. АРТЕМЬЕВ,

первый вице-губернатор, председатель Комитета финансов Администрации Санкт-Петербурга

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Российской культуре всегда было присуще противоборство двух направлений в поисках истины. Эти направления прослеживались в традиционном споре “славянофилов” и “западников”, в столкновении “своего, особого” и “общеевропейского” путей развития в рамках парадигмы построения демократического общества, а в последнее время они четко прослеживаются в дискуссии между сторонниками и противниками принципа “реформы любой ценой”.

1. Политическая культура в России: характерные черты. Если в традициях европейской политической культуры политические споры разрешаются при помощи постоянной полемики, для которой присуще уважение к оппоненту и настроенность сторон на достижение компромисса, то в традициях российской политической культуры, к сожалению, заложено иное. На протяжении столетий российская политическая культура была связана с авторитарными и тоталитарными моделями, с отсутствием демократии и свободы, безусловным приоритетом интересов государства над интересами личности, монополией на власть и идеологию и отсутствием политического плюрализма. И если говорить об отношении к истине — у нас, как правило, боролись (и, к сожалению, многие политики и партии борются до сих пор) даже не за признание своей истины единственно верной, а за властные полномочия, обладание которыми позволяет силой навязывать свое видение истины другим.

Особенно уродливую форму в России все это приняло в XX столетии, после прихода большевиков к власти. Главными лозунгами, на которых нас воспитывали, стали: “если враг не сдается, его уничтожают”, “кто не с нами, тот против нас”. При этом имелись в виду “мы”, которые всегда правы и всегда “хорошие”, и “они”, “чужие”, которые всегда не правы и всегда “плохие”. Эти традиции ксенофобии мы начали изживать лишь недавно и находимся только в самом начале этого нелегкого пути. Наша партия — Санкт-Петербургская региональная партия Центра (петербургское отделение движения “Яблоко”), основанная в 1992 году депутатами городского Совета Санкт-Петербурга, считает одной из главных своих задач формирование демократической политической культуры в российском обществе. Мы — партия, считающая политический компромисс основным методом политической деятельности, который позволяет достичь согласия в обществе. При этом мы неизменно придерживаемся базовых принципов демократии и свободы, нерушимости прав человека и многопартийности, приоритета интересов личности над интересами государства и разделения властей. Если говорить о названии нашей партии, то в нашем понимании “центр” — это не среднее арифметическое от крайностей, исповедуемых правыми и левыми, а алгоритм прохождения между Сциллой и Харибдой при решении крайне острых и жестких российских проблем. Это та “реальность”, с которой ежедневно сталкивается действующий российский политик, и он обязан эту реальность осмыслить и объяснить гражданам.

2. Опыт демократии в России. В некоторых политических кругах (как в России, так и на Западе) весьма распространен тезис о неприспособленности России к демократии. Однако демократия — продукт истории, и вряд ли можно согласиться с “предначертанностью” каждой нации к демократии или к тоталитаризму. Если бы это было так, одни нации с момента своего возникновения стали бы демократическими сообществами, а другие были бы обречены оставаться в плену авторитарных или тоталитарных схем. Применительно к России и ее происходящей, к сожалению, в последние 6—7 лет, если можно так сказать, “авторитаризации”, как мне

представляется, сыграли основную роль не эта “обреченность”, а ситуационный фактор и фактор практического опыта.

Ситуационный фактор можно связать с тем, что, как показывают многие исследования, в периоды глубоких кризисов в обществе обычно отмечается рост авторитарных тенденций и настроений. В Советском Союзе в разгар перестройки (1989—1990), когда экономический кризис был еще не столь очевиден, наблюдался, напротив, взлет демократических устремлений и ожиданий. И только тогда, когда кризис стал глобальным, идеи авторитаризма начали брать верх.

Что касается фактора практического опыта, то известно: большинство людей могут выработать демократические установки лишь прагматическим путем, убедившись на собственном опыте, что “демократия полезна”. Однако та, крайне незавершенная, непоследовательная и слабая демократия, с которой столкнулись россияне в 1990—1993 годы, скорее могла их убедить в дисфункциональности демократии, ее неэффективности как средства для решения насущных проблем. И трудно поверить в преимущества демократии, наблюдая, скажем, за боевыми действиями и расстрелом российского парламента в 1993 году (ведь это ассоциировалось, прежде всего, со стоящими у власти “демократами”). К тому же практически все, кто в 1989—1990 годы начал активно участвовать в политической жизни в России, были, если можно так выразиться, “детьми” тоталитарного режима и не имели опыта существования в демократических условиях.

Тем не менее, демократические идеи имели шанс реализоваться в России. 1989—1991 годы — период “короткого всплеска надежд”, когда очень многие в России поддерживали идеи демократии, были готовы к переменам и искренне верили, что это будут перемены к лучшему. И даже жестокий экономический кризис первоначально не подорвал эту веру потому, что большинство людей верили в то, что трудности носят лишь временный характер и надо только немного потерпеть.

К сожалению, на “волне” этих ожиданий в российской политике взяли верх радикальные по духу течения и структуры, которые в принципе не могут быть носителями демократической политической культуры. Более того, в российских условиях эти структуры отличаются экстремистской направленностью, особенно в области экономических преобразований. “Экономические экстремисты”, для которых существует только черно-белый мир, могут являться и, как правило, являются носителями тоталитарных направлений в политической культуре. Россия показывает тому множество примеров.

Наша история свидетельствует: когда экстремистские идеи брали верх в российской политике — что, к сожалению, часто случалось, — происходили самые трагические события. Начиная с большевистского переворота в 1917 году и заканчивая событиями последних лет, когда в российской политике возобладал подход радикалов к проведению экономических реформ (1991—1993). Одновременно проявились и авторитарные тенденции в формировании политической системы.

Необходимо сформулировать очень важный тезис: *демократия должна быть эволюционной, она не приемлет экстремистского подхода.* Экстремисты, возможно, имеют некоторые сиюминутные преимущества во время революционных изменений и порождаемой ими обстановки вражды и недоверия, но демократическое общество не может жить по законам революции. К сожалению, в России ситуация развивалась именно так. Преобразования были поспешными, непродуманными и крайне непопулярными у граждан не только в силу того, что отбросили подавляющее большинство населения России к черте бедности или за нее, но и потому, что они в значительной мере разрушили базовые ценности российского общества. Так, один из главных лозунгов этих преобразований: “обогащайтесь любой ценой” на практике привел к разрушению одного из нравственных устоев общества, а именно — уважения к труду. Честный труд перестал обеспечивать благосостояние подавляющего большинства людей. И, напротив, нечестная и незаконная деятельность становилась источником очевидного обогащения немногих при попустительстве государства, а то и при помощи коррупции, масштабы которой неизмеримо выросли. Возникновение спекулятивного, откровенно “неправедным” трудом приобретенного капитала стало мощнейшим фактором отторжения в обществе экономических идей радикалов.

Полагаю, что если бы всего этого не случилось, то не произошло бы дискредитации идей демократии у населения России. Потому что подавляющее большинство граждан России именно с демократией отождествляли методы и результаты экономических реформ. В итоге именно демократы оказались ответственны за обманутые ожидания населения и за реализацию самых крайних идей — вульгарного экономического либерализма, авторитарной по сути политической модели, фактического уничтожения представительной власти. При этом на практике демократия и реформы оказались противопоставлены друг другу, и выбор между ними был сделан не в пользу демократии. Но это был ложный и искусственно навязанный гражданам выбор: да, в условиях демократии невозможно проводить преобразования, против которых выступает большинство населения. Но опыт многих стран убедительно показывает: можно и нужно проводить такие реформы, которые будут поддерживать граждане.

Идеологи российских реформ очень любят называть себя либералами и любят ссылаться на германский опыт проведения реформ. Однако, если говорить об аналогиях, необходимо отметить два момента. Первый момент: когда в Германии, преодолевая последствия войны и тоталитарного режима, проводились очень жесткие, трудные и болезненные реформы, ХДС — политическая партия, с именем представителя которой Людвиг Эрхарда ассоциировались эти реформы, — неизменно сохраняла поддержку граждан и побеждала на выборах. Это значит, что реформаторы умели объяснить гражданам свои действия, умели добиться общественного согласия. У нас же партия “Демократический выбор России”, лидеры которой были ответственны за проведение радикальных экономических реформ, дважды терпела поражение на общенациональных выборах, и уровень ее популярности неуклонно падает. Это происходит в том числе и потому, что российские реформаторы с самого начала не считали нужным объяснять согражданам, что и зачем они делают. Это не их добросовестное заблуждение, а сознательная политика “отключения” канала обратной связи с населением. Они были демонстративно индифферентны к реакции общественного мнения, и это не случайно. Будучи не в силах доказать обществу верность и необходимость проводимого ими экономического курса, реформаторы предпочли просто объявить его единственно верным и не подлежащим никакому критическому обсуждению. При этом общество не видело никаких заметных положительных результатов проводимых реформ, но всех, кто высказывал свое критическое мнение, симпатизирующие реформаторам средства массовой информации автоматически объявляли противниками демократии. Наверное, не стоит удивляться, что такая политика не привела и не могла привести к какому-либо общественному согласию, а “главные реформаторы”, например, Анатолий Чубайс, сегодня относятся к наименее популярным политикам страны, обреченным проиграть любые свободные выборы, и могут находиться у власти только после административных назначений.

Второй момент. Налицо значительное противоречие между “словом и делом” тех, кто в России называет себя либералами и традиционно считается таковыми в общественном мнении Запада. Выступая на словах за низкие налоги, низкие государственные расходы, честную конкуренцию, равный доступ к государственным ресурсам и ограничение власти чиновничества, на деле российские “либералы” (вынужден взять это слово в кавычки), получив власть, установили высокие налоги, подавляющие экономическую активность, создали гигантский государственный аппарат, обеспечили чиновникам огромные и практически бесконтрольные полномочия в распределении государственных ресурсов, предоставили колоссальные льготы и привилегии приближенным к ним финансовым структурам и способствовали протекционистскому перераспределению государственной собственности методами нечестной конкуренции.

К моему глубокому сожалению, на все это обращают слишком мало внимания на Западе, где весьма некритически поддерживают российские так называемые либеральные реформы и тех, чьи имена отождествляются с их проведением, обосновывая это необходимостью не допустить в России возврата к власти коммунистического режима. Однако именно эта политика, поддерживаемая на Западе и проводимая экономическими экстремистами, результатом которой является значительное снижение уровня жизни большинства населения и нарастание социальной поляризации в обществе,

способствует увеличению популярности коммунистов и националистов. Это крайне опасно, если учесть, что в России сегодня установлен авторитарный режим управления, с сосредоточением огромной и почти бесконтрольной власти в руках главы государства, потому что такая конструкция политической системы привлекает крайние, экстремистские и криминальные группировки к борьбе за обладание властью.

Что касается “Яблока”, то мы с самого начала стремились создать “третью силу”, которая бы нарушила искусственно созданную “биполярную” структуру (или нынешний режим, или коммунисты) и была бы носителем истинно либеральных идей. Сам факт возникновения в России такой политической силы приводит к вытеснению радикалов с политической арены. Ни одна из радикальных группировок уже не может призывать поддерживать себя как единственную альтернативу другой. И в этой ситуации совершенно необходима партия, которая аккумулировала бы в себе нерадикальные, центристские идеи. Для создания такой партии имеются все предпосылки, поскольку уровень образования в России очень высок, а 2/3 населения страны проживает в крупных городах.

“Яблоко” — партия, которая опирается, в первую очередь, на образованных, думающих, самостоятельных людей, которых нельзя склонить к чему-либо методами примитивной пропаганды, мнением которых нельзя манипулировать и которых нельзя заставить “голосовать сердцем”, как нас призывали на последних президентских выборах. Сторонники “Яблока” всегда голосуют разумом, и этим они отличаются от многих других избирателей. Мы никогда не предлагали людям коротких, “маршевых” путей и лозунгов, считая своим долгом подробно и не примитивно объяснять, чего мы хотим, при этом говорить правду. Недаром один из наших ключевых принципов звучит так: “Честность — лучшая политика”. Ведь очень просто дать людям обещания: еще полгода — и остановится рост цен, еще год — и начнется экономический рост... Жизнь показывает, что проводимая нами честная политика в конце концов оправдалась. Где сегодня те партии, которые совершали стремительный взлет, когда “Яблоко” только начинало свой путь? Они сегодня практически не просматриваются на политической арене и не пользуются реальной поддержкой избирателей. Эти партии использовали поверхностный пласт “радикальной демократической риторики” — выросли, как грибы, и вскоре “рухнули”. А нам удалось создать “слой доверия”, что очень важно для политической партии, рассчитывающей на длительную политическую жизнь.

В 1992 году создавая с группой депутатов городского Совета региональную партию Центра, мы на своем опыте убедились в опасности любого радикализма. Мы понимали, что крайне опасной является ситуация, когда конфликт между различными сторонами развивается в форме, приводящей к победе одной из них и уничтожению другой. Этот процесс неизбежно приводит к установлению политической монополии, авторитарного или тоталитарного режима, от которого мы изначально стремились уйти. Именно поэтому мы с самого начала записали в своем уставе, что мы — партия, считающая политический компромисс основным методом политического поведения. И мы считаем необходимым вытеснение радикализма с политической арены.

Неприятие нами радикализма не раз проявлялось на практике. Так, в 1991 году мы выступили против путча Янаева—Крючкова—Пуго и других, потому что понимали: нельзя допустить реванша, возврата назад, создания резкого дисбаланса в общественном сознании. Но и в 1993 году, когда действия иных сил стали источником аналогичного дисбаланса, мы резко выступили против действий Бориса Ельцина, которые расценили как неконституционные, и осудили его за откровенное нежелание найти компромисс с парламентом, добиться победы над политическими оппонентами любой ценой, даже ценой фактического уничтожения всей системы представительной власти в России.

3. Политическая ситуация и уровень развития демократических институтов на федеральном уровне и уровне субъектов федерации. Если говорить о федеральном уровне и общероссийской ситуации, то в конце 80-х годов мы мечтали о многом: о разрушении тоталитарного строя и защите прав человека, о свободных выборах и устранении власти компартии, о демократии и свободе, о правовом государстве и многопартийности, политической и экономической реформе. Сегодня надо отметить: конечно, нами накоплен определенный демократический опыт и создана определенная база — свободные выборы, свободная пресса, свобода объединения в общественно-политические

организации, частная собственность и конкуренция, разделение властей. На Западе, как правило, выражают по этому поводу удовлетворение. Однако, если проанализировать ситуацию более внимательно, можно убедиться в значительной "идеализации" этих представлений.

Да, прежний тоталитарный строй в России разрушен, государство не господствует над обществом так, как десять лет назад. Но так же, как и раньше, в руках "партии власти" находятся государственные финансы и собственность, телевидение и пресса, армия и милиция, суд и прокуратура.

Да, нерушимость прав человека возведена, наконец, в конституционный принцип. Но все больше и больше тревожных сигналов о нарушениях этих прав, все чаще появляются откровенно недемократические законы и указы, все сильнее произвол силовых структур.

Да, выборы являются формально свободными. Но даже выборы 1989-го (не говоря уже о выборах 1990-го) на фоне выборов 1993—1996 годов кажутся сегодня недостижимым примером демократичности: тогда "нежелательным" для власти кандидатам приходилось значительно легче, чем сегодня. Практически все выборы, проходившие в России в последнее время, показали использование властью ничем не ограниченных средств с целью откровенного манипулирования общественным мнением одновременно при пресечении возможностей взаимодействия с электоратом через СМИ для своих оппонентов (прежде всего, для представителей демократической оппозиции, так как они подрывали лозунг о "полярности" выбора).

Да, устройство власти в нашей стране носит демократические черты: налицо все ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. Но нынешняя Конституция делает законодательную и судебную власти достаточно слабыми на фоне исполнительной, сосредоточивая почти абсолютную и полностью бесконтрольную власть внутри "президентской вертикали".

Да, мы начали экономические реформы — либерализация цен, приватизация, введение частной собственности. В этой области декларируемые успехи наиболее впечатляющи, но пока продолжают говорить о небывалых достижениях приватизации и укрощении инфляции, мы так и не достигли других, не менее важных целей, а реформы так и не стали "реформами для большинства", что является одним из главных программных принципов "Яблока".

Думаю, что наше общество можно назвать парадоксальным. В нем люди, называющие себя демократами, могут требовать роспуска парламента и призывать к отмене выборов, на которых неразумный народ может привести к власти не нравящиеся им партии. Называющие себя либералами могут публично тосковать по "сильной руке". Называющие себя сторонниками правового государства и борцами за права человека могут призывать к беззаконию и репрессиям по отношению к политическим противникам. И, наконец, не столько граждане создают "снизу" партии, которые затем борются за места в парламенте, чтобы сформировать правительство, сколько правительство создает "сверху" партию, чтобы затем получить послушный парламент. К сожалению, обо всем этом явно недостаточно известно на Западе.

Необходимо отметить, что в сегодняшней России очень медленно складываются цивилизованные взаимоотношения законодательной и исполнительной власти, хотя определенный прогресс все-таки наблюдается. Если же говорить об уровне субъектов федерации, то наблюдается весьма значительная разница между Москвой и Петербургом и практически всеми остальными регионами. Подавляющее большинство западных наблюдателей и аналитиков, работающих в России, судит о ситуации в стране, не выезжая на значительное расстояние от "двух столиц", что приводит к определенным искажениям их представлений. Между тем, почти во всех регионах, не являющихся столичными, главы администраций (губернаторы или президенты республик) обладают почти абсолютной властью, законодательные органы можно назвать декоративными, а политическая оппозиция и независимая пресса, по сути, отсутствуют. Поэтому говорить о демократическом устройстве власти в большинстве регионов и о формировании в них демократической политической культуры сегодня было бы явно преждевременно.

В Москве глава администрации мэра Юрий Лужков обладает огромной властью, законодательная власть (городская Дума) вряд ли может быть названа самостоятельной и способной

оппонировать мэрии, а большинство городских средств массовой информации воздерживаются от какой-либо критики действий администрации. Тем не менее, в Москве функционируют различные политические партии, выходят не только городские, но и федеральные газеты и транслируются федеральные телепрограммы, что служит естественным ограничителем произвола администрации. Правда, не очень сильным.

Наиболее демократичным регионом мне представляется Петербург, где, несмотря на периоды противостояния властей, найдены и закреплены законом механизмы выхода из кризисных ситуаций. Думаю, что Петербург сегодня — едва ли не единственный российский регион, где действуют реальные демократические механизмы. Недавно был принят основной правовой акт Санкт-Петербурга — Устав Санкт-Петербурга, где введены соответствующие общепринятым демократическим стандартам нормы устройства власти, разграничена их компетенция, и ни исполнительная, ни законодательная власть не могут доминировать друг над другом. Конечно, этот Устав содержит ряд недостатков и нуждается в дальнейшей корректировке, но сам факт его существования очень важен, поскольку в нем закрепляется существование сильной законодательной власти, в отличие от других регионов, где, по сути, установлены авторитарные режимы управления.

4. Отношения между центром и субъектами федерации; место Петербурга. Этот вопрос является одним из самых болезненных для сегодняшней России. Несмотря на то, что в Конституции закреплено равенство всех субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральным центром, на практике почти половина регионов строит свои “особые” отношения с центром, опираясь при этом не столько на Конституцию и законы, сколько на двусторонние договоры с Москвой. При этом каждый регион, “ловя” удобный момент, стремится выторговать для себя как можно больше особых условий и стать “равнее, чем другие”. Как показывает практика, это многим удастся.

Можно вспомнить договор, подписанный весной 1994 года Россией и Татарстаном, согласно которому Татарстан получил беспрецедентно особый статус, по сути в нарушение российской Конституции, с которой и указанный договор, и Конституция Республики Татарстан имеют множество противоречий. К сожалению, это касается не только формально-юридических аспектов, но и конкретных экономических последствий для законопослушных регионов (в частности для Петербурга). Поставленный в привилегированные условия Татарстан платит значительно меньшую, чем другие регионы, долю федеральных налогов, но это означает, что за него платят другие. Конечно, будучи освобожденным от подавляющей части налогового груза, Татарстан может себе позволить повышать зарплату и пенсии, но непонятно, почему Петербург *должен* отдавать в федеральный бюджет 40% собранных в городе доходов, а Татарстан *не должен* отдавать практически ничего.

По пути Татарстана пошли другие регионы — Башкирия, Нижний Новгород, Свердловск, Красноярск и т. д. Каждый из них в свое время получал свое теми или иными методами, что нарушало главный принцип федерализма: равенство прав и ответственности федерации и ее субъектов.

Я должен отметить, что только в России имеет место следующий феномен: в то время, как в классическом федеративном государстве федеральная власть нужна только для совместного решения общих проблем, в России федеральный центр имеет собственный личный интерес. У центра “выторговывают” привилегии, ущемляя при этом другие субъекты федерации и пользуясь внутренними противоречиями системы законов. С центром кулуарным путем решают те или иные проблемы, в частности пытаются получить положенные в соответствии с федеральным бюджетом средства (потому что бюджет, как правило, нереалистичен с точки зрения доходов и на всех не хватает средств). Полагаю, что все это очень опасные тенденции.

Как прогнозируют российские аналитики, у нас возможны два крайние варианта. Первый — продолжение договорной практики под лозунгом “Сильные регионы — сильный центр”, наподобие того, который был провозглашен в последние годы Советского Союза, и с аналогичным результатом (распадом) в ближайшей перспективе. Второй — прекращение договорной практики, аннулирование уже заключенных договоров, переход к жесткому централизму и, в качестве необходимого условия, к авторитарному или тоталитарному режиму. Наверное, не стоит говорить, что и то, и другое опасно не только для России, но и для Европы.

5. Будущее культуры федерализма в России. Думаю, что главная причина неудач российского федерализма заключается в том, что право и экономика постоянно оказываются подчиненными политике, а направления реформ в различных областях определяются тактическими компромиссами центральных и региональных политических элит (как давно уже принято называть то, что раньше называлось номенклатурой). При этом молчат Прокуратура и Конституционный суд, игнорирует свою роль “гаранта Конституции” (а значит, и принципа равенства субъектов РФ) Президент, процветают те, кто выторговал себе “особый путь”, и недоумсвают те, кто несет за “привилегированных” субъектов груз их обязанностей.

Равные и справедливые отношения могут строить только равные партнеры. В ситуации, когда существует “центр”, выражающий большей частью интересы московских “групп давления”, и провинции, с которых пытаются собирать дань, ни о каком равенстве речь не идет. Это трудно назвать федерацией и даже едва ли можно назвать метрополией с колониями.

Мне бы хотелось, чтобы в будущем в России был в полной мере реализован конституционный принцип равенства субъектов федерации, чтобы была четко распределена компетенция между ними и центром. Мне бы хотелось, чтобы мы поняли, что такое настоящий федерализм. Конечно, федерализм подразумевает определенное перераспределение национального дохода, но его принципы должны быть простыми, понятными и справедливыми. Регионы-доноры не должны противодействовать отчислению денег дотационным регионам, а, в свою очередь, “слабые” регионы не должны требовать слишком многого. Механизм распределения и перераспределения федеральных дотаций должен быть простым и ясным, роль чиновников исполнительной власти должна быть минимизирована. Только таким путем может быть выработана политическая культура настоящего федерализма.

6. Заключение. В заключение я хотел бы отметить, что мы видим свою задачу в распространении наших идей, главной из которых является принцип “реформы в интересах большинства граждан”. Сама по себе такая постановка вопроса предполагает наличие широкого общественного договора, объединение различных групп населения вокруг определенных принципов. Понятно, что эти принципы могут быть выработаны только в том случае, если общественность, различные группы интересов, политические силы будут готовы к достижению конструктивного, то есть хорошо просчитанного и обоснованного компромисса. Компромисс в нашем понимании — это не политика соглашательства, но поиск решений, приемлемых и понятных для большинства граждан России. Только в этих условиях можно быть уверенными, что Россия останется демократической страной и будут созданы все предпосылки для ее экономического роста.

В. С. ГОНЧАРОВ,
кандидат философских наук, заместитель председателя Федерации
Независимых Профсоюзов России

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Термин “политическая культура” введен в научный оборот в пятидесятые годы нашего века. Однако явление, которое отражает это понятие, было исследовано значительно раньше. Еще Аристотель выделил и описал особый феномен, обозначенный им как состояние умов, которое может повлиять на стабильность общества или его изменение. Позже к этой проблеме обращались и Гоббс, и Локк, и Кант, и Монтескье, и Вольтер и многие другие философы. И только в наши дни эта грань научного поиска получила название политической культуры. Вот почему есть доля истины у тех скептиков, которые о политической культуре говорят как о новом термине для старой идеи.

Сегодня наработаны сотни определений политической культуры. Разброс мнений так велик, что становится очевидно: политологи говорят на разных языках. Вместе с тем прорисовывается и некая объединяющая нить, позволяющая смягчить видимые противоречия. Все больше исследователи склонны рассматривать политическую культуру как качественную сторону политической деятельности. Человек характеризуется не только тем, что он делает, но и как это делает. Одна и та же целевая установка может быть достигнута разными средствами — от насилия до взаимного согласия.

В современном мире политическая культура определяется таким способом решения социальных противоречий, когда насилию противопоставляют мирный путь через переговоры, компромиссы, в широком смысле — через диалог. Конструктивный диалог — показатель политической культуры. Президент, нашедший путь компромисса с Государственной Думой — пример политической культуры. Еще примеры: объявление самого “красного” дня календаря — 7 ноября — Днем согласия и примирения; призыв Президента учиться слышать и понимать друг друга, не делить людей на “своих” и “чужих”, “наших” и “ненаших”; сооружение общего памятника жертвам Гражданской войны.

Но вот призыв одного из чеченских лидеров Вахи Арсания публично расстрелять некоторых руководителей России начальник Департамента культуры и информации аппарата Правительства РФ И. Шабдурасулов прокомментировал очень точно: “Публичная невыдержанность свидетельствует лишь о недостаточной политической культуре того или иного государственного или общественного деятеля”.

Глава государства, угрожающий с трибуны ООН “кузькиной матерью” и собственным башмаком, — классический пример политического бескультурья.

Приведенные примеры показывают, что политическая культура выражается в уважении позиций, прав и интересов всех субъектов политики. Это и ведет к признанию компромисса как средства решения политических вопросов.

Поэтому политическая культура есть способность субъектов политического сообщества строить отношения друг с другом на основе взаимного уважения, учета взаимных прав, интересов и традиций. Ясно, что политическая культура есть искусство компромисса.

Политическая культура — это система ценностей, представлений, умений социального субъекта, позволяющая создавать и эффективно использовать политические механизмы для выражения и реализации своих целей.

В системе ценностей, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы, управлению регионом, страной в рамках закона.

С термином “культура” связано множество дополнений и уточнений: культура добра, культура быта, культура семейных отношений, политическая культура и так далее.

В связи с этим есть резон поставить вопрос о правомерности термина “профсоюзная культура”. Термин характеризует качественную сторону профсоюзной деятельности, нормы и правила поведения самой большой общественной организации с другими субъектами государства и гражданского общества, внутри профсоюзной организации между ее членами.

В системе ценностей, составляющих профсоюзную культуру, центральное место занимают приоритетность человека, защита его интересов и прав, солидарность, терпимость как свойство культуры, диалог, компромисс.

В исследованиях учебных заведений ФНПР разработка проблем политической культуры должна занять ведущее место.

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,

доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования

НОВАЯ СИТУАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тридцать-сорок лет назад сегодняшний день казался тогдашним футурологам очень далеким будущим XXI века. И вот это будущее началось. Оно буквально вторгается в настоящее. Мы еще не осознали, что переходим в качественно новую ситуацию и продолжаем во многом жить как бы по инерции “докомпьютерных времен”. Пора просыпаться.

У меня на полке стоит уже ставший архаичным письмовник: 1969 год издания, 100 вариантов официальных писем — практически на все случаи жизни. Компьютер в состоянии дать миллионы сюжетов или рифмованных строк. Любой желающий легко скроит из этого материала привычную прозу или поэзию XX века. Это означает: чтобы стать писателем или поэтом XXI века, мало уметь сочинять. Надо суметь создать нечто такое (и по форме, и по содержанию), что выходило бы за рамки простой компьютерной игры, было бы способно заинтересовать умы и зажечь сердца новым словом в литературе.

На смену обычному телеэкрану приходит стереоэкран. И грядет голография — полный “эффект присутствия” на любом зрелище. Компьютер в состоянии не только помочь найти такое зрелище по вкусу, но и в слишком буквальном смысле обеспечить каждому желающему роль ведущего в популярной ныне телепередаче “Сам себе режиссер”. Что это означает? Только то, что режиссер и актер XXI века должны намного сильнее отличаться от своих предшественников из века XX, нежели те — от режиссера и актера сельского хора минувших веков.

Компьютер в состоянии дать перебор миллионов различных сочетаний нот. И это позволит сочинять не 159 шлягеров в год, как у нынешних рекордсменов, а 1159 или 11 159. Иными словами, качественно меняется содержание понятия “композитор”. И, возможно, понятия “музыка”.

Кто хоть немного познакомился с потенциалом компьютерной графики, не может не понять, что дни современного изобразительного искусства — и абстрактного и неабстрактного — сочтены. Чтобы стать художником XXI века, когда с помощью компьютера можно изобразить все и весьма профессионально, необходим скачок пореволюционнее, нежели тот, который отделил передвижников от авторов наскальных рисунков.

Наконец, если вы наблюдали, как ваш внук умело строит на экране виртуальный город, перебирая клавиши кейборда, вы не могли не сообразить, что тем самым сооружается гробница современной архитектуре. Чтобы выйти за рамки прорабской заурядности, доступной каждому, подлинный архитектор XXI века должен будет “придумать” нечто более впечатляющее, чем опостылевший город, умирающая деревня, привычное жилище наших времен. Словом, новое время — новые песни, новое искусство.

Как возвращать художников-творцов не вчерашнего, золотого или хотя бы серебряного века, а не сегодняшнего, бронзового (а может быть, уже и железного), а завтрашнего, компьютерного? И творцов заурядных, какими, по идее, должны стать едва ли не все наши правнуки, претендующие на звание “культурного человека”. И особенно творцов выдающихся, каких всегда были и будут единицы. В поле зрения пока всего два способа, дополняющие друг друга.

Один — постановка адекватного, как ныне принято говорить, художественного образования в школе. Начиная с детсада и кончая каждым университетом, в том числе системы общего самообразования взрослых.

Формула проста: приобщение учащихся к сокровищнице отечественной и мировой художественной культуры. Ее раскрытие подразумевает доходчивое разъяснение того, чем

отличаются: графоман, эпигон, бездарность — от таланта, гения; псевдоноватор от новатора; что такое культура и что такое антикультура. А также создание творческой атмосферы, в которой каждому было бы легко, что называется, попробовать себя в том или ином искусстве. И, главное, попытаться сказать действительно новое слово в нем.

Другой — создание клубов по интересам, где каждый потенциальный талант находил бы своего рода “питательный бульон” для своего развития. Осознание того, что кастовые “творческие союзы” и им подобные организации являются сегодня таким же анахронизмом, как и средневековые цехи. Понимание, что любая попытка делить художников на “членов” и “нечленов” или на “действительных” и “недействительных” членов, на “народных” и “ненародных” артистов (хотя сегодня все больше заведомо “антинародных”), любая попытка унижить окружающих “возвышением” себя путем ли пышных званий или побрякушек на груди есть всего лишь разновидность социально-престижной татуировки дикаря.

В конце-концов, передвижники и “Могучая кучка”, создатели Художественного театра и “Серапионовы братья” не были ни академией, ни замкнутым кастовым “союзом” с незримыми генеральскими погонами на плечах их членов. Но именно они и им подобные самодеятельные общественные организации явились “локомотивами” отечественного искусства во второй половине XIX — первой четверти XX века, в отличие от организаций, претендовавших на диктатуру ремесленного пролетариата в искусстве (типа фашистского по своей сути РАППа).

Будем надеяться, что такие творческие клубы по интересам не замедлят вырасти, как грибы после дождя. И их “родильным домом” может стать только Университет, а их “повивальной бабкой” — школьный и университетский Учитель (с большой буквы).

А. А. БОДАЛЕВ,

действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор

ФОРМИРОВАТЬ СОЗИДАТЕЛЬНУЮ МОТИВАЦИЮ У ВСЕХ ГРАЖДАН РОССИИ

Основанием мотивационной сферы человека являются его потребности, которые, если рассматривать их совокупность, представляют собой своеобразную пирамиду, говоря образно, базисный этаж которой составляют потребности, которые по содержанию и форме удовлетворения хотя и подверглись глубоким воздействиям общества, все-таки по своей сути схожи с потребностями, имеющимися у животных (например, потребности в пище, в продолжении рода, в безопасности и др.). Над ними у человека (опять-таки под воздействием общества) надстраиваются “этажи” других потребностей, исключительно “человеческих”, которые реализуются в сознании, в поведении, в деяниях последнего как более или менее сильное стремление сохранить и приумножить главные ценности жизни и культуры или, напротив, думать и действовать вопреки этим ценностям и даже их разрушать.

Если иметь в виду теперешнее состояние России, характер его воздействия на потребности людей и прямо связанное с этим поведение разных групп населения, то из-за того, что половина россиян живут за чертой бедности, главной задачей оказывается не овладение основными ценностями жизни и культуры и приумножение их, а изнурительная борьба за выживание и частичное удовлетворение жизненных потребностей, относящихся к первому этажу пирамиды.

Потребности же, составляющие следующие “этажи” (стремление освоить основы какой-либо науки, достичь подлинного мастерства в своей профессии, увлечение каким-то конкретным видом

искусства, занятие спортом и другое) хиреют и тормозятся. И наши сограждане, принадлежащие к рассматриваемой группе, лишь существуют, но не самоактуализируются.

Другая группа сограждан, конечно, испытывает и удовлетворяет потребности "первого этажа", но это лишь предпосылка для функционирования и все большего развития потребности в обогащении и наживе для одних — законными путями, для других — любыми другими, поскольку изменения, произошедшие в государстве, благоприятствуют все более масштабному усилению этой тенденции.

Для подавляющего большинства представителей этой группы сохранение и приумножение истинных ценностей жизни и культуры не воспринимаются как субъективно значимый фактор, и соответствующие потребности у них остаются, как правило, не развитыми.

Есть среди наших соотечественников группа людей (теперь уже не малая), у представителей которой вместо мотивации и стоящими за ней потребностями, направленными на сохранение и приумножение основных ценностей, предельно активно действует мотивация, в которой актуализируется потребность культивировать в противовес человечности — жестокость и насилие; любви и естественному продолжению рода — животный, беспорядочный секс; основывающемуся на чувстве прекрасного и высокой духовности искусству — низкопробную масскультуру; бескорыстному служению Отечеству — разворовывание его богатства и подрыв его мощи.

Наконец, среди наших сограждан есть группа россиян, которые, минимально удовлетворяя базисные потребности (или первого этажа названной выше пирамиды), демонстрируют величайшую мотивационную вовлеченность в деятельность, цель которой — превращение того окровавленного обрубка от некогда могучего государства СССР, называемого Россией, в страну, где не на словах, а на деле соблюдались бы права человека; где на руководящие посты были бы выдвинуты высоконравственные личности, подлинные профессионалы своего дела; где был бы положен конец целенаправленному оглуплению народа и иницированию у его представителей в качестве мотивов его поведения примитивных, лишенных какой-либо духовности потребностей. Вместо этого использовались бы все культуросозидательные каналы — образование, наука, искусство, религия, СМИ и др., чтобы давать народу не просто информацию о сути изменений, происходящих в России, и о его роли в их разумном осуществлении; чтобы обязательно научить активизировать работу внутреннего мира каждого человека, итогом которой было превращение его в неординарную личность, поступки которой в конечном счете служили бы благу России, и в мастера-профессионала в основной для него области труда, который своими деяниями обязательно вносил бы элемент развития в эту область.

Конечно, все сказанное выше окажется благим пожеланием, не вызывающим того эффекта, о котором только что шла речь, если большинство нашей интеллигенции (и не только интеллигенции) не осознает всей серьезности ситуации, сложившейся в настоящее время в стране, которая, к сожалению, лишь у крайне небольшой части наших сограждан способствует формированию действительно конструктивной мотивации, побуждающей к поступкам и деяниям, работающим на благо России, и если эта интеллигенция (и не только интеллигенция) не будет настойчиво побуждать Президента и правительство изменить эту ситуацию (необходимы меры политического, экономического, идеологического, правового, управленческого, организационного характера), вызывающую деградацию мотивационно-потребностной сферы многих и многих наших соотечественников, и оказать максимальную поддержку тем факторам, которые, взаимодействуя, делают их активными и сознательными созидателями новой России.

А. П. БЕЛЯЕВА,

действительный член Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института профессионально-технического образования РАО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Педагогическое образование учителей, педагогов относится к педагогике как науке и смежным с нею наукам о человеке, человеческой деятельности, обществознанию, психологии, о физиологии развития личности, технизации и технологизации педагогических систем, о гуманизации, социализации и профессионализации человеческих потенциальных возможностей, удовлетворении потребностей и реализации способностей, о философском осмыслении педагогических процессов.

В условиях создания новых образовательных систем, непрерывного развития гуманитарного, культурологического и профессионального (в том числе педагогического) образования важнейшее значение имеет методологическое осмысление педагогических проблем в целях создания системы педагогического образования на основе взаимодействия самых разных наук о человеке. При построении такой системы образования сохраняется методологический принцип комплексного подхода — “принцип базисной дисциплины” (в данном случае — педагогики). Методология педагогики является стратегией деятельности по обоснованию и определению перспектив развития самой педагогической науки и педагогического образования как ее системного объекта в определенный исторический период функционирования. При этом исследователи опираются на совокупность и взаимообусловленность способов, методов и приемов приобретения нового знания, проектирования и моделирования инноваций для педагогической практики.

В основе логико-методологической концепции, которой автор руководствуется в научно-исследовательской и педагогической деятельности в средней и высшей школах, выступают: методологическое обоснование научного исследования различных аспектов образования как сложного системного объекта; разработка методологических и теоретических основ развития науки педагогики, ее интеграции в системе наук о человеке; теоретическое и методическое обеспечение исследовательского поиска эффективных решений проблем профессионального образования; моделирование интенсивных педагогических систем и технологий обучения. Новые социально-экономические условия, возникшие в связи с развитием рыночных отношений, единство социальной и экономической политики, реализация комплексных социально-педагогических программ образования, создание новых типов образовательных учреждений и школ предъявляют повышенные требования ко всем уровням педагогического образования (допрофессиональное, начальное, среднее, высшее, дополнительное, научное), к нравственному росту педагогов, к постоянному совершенствованию их уровня образованности, культурного развития, педагогического мастерства.

Реализация социальных целей, связанных с проявлением гуманизации, формированием педагога-профессионала, владеющего несколькими профессиями, способного решать задачи подготовки к жизни выпускников школ в условиях конкурентоспособности, интегративности и интенсивности, кибернетической информированности в образовании и науках, его обеспечивающих, возможна на основе методологии социально-педагогического, системного, комплексного, интегративно-модульного, технологического подходов. Как известно, каждый научный и образовательный объект развивается, изменяется, преобразуется. В связи с этим важнейшей методологической проблемой является прогнозирование развития педагогического образования. Перспективы его развития и педагогической науки должны рассматриваться как компоненты сложного целого. Они неотделимы от прогнозов развития социальной, экономической, образовательной, рыночно-трудовой сфер жизнедеятельности общества. Только из анализа всех явлений может быть определен заказ на подготовку педагогов, который обуславливает обучение, формирование и трудоустройство выпускников.

Динамический характер развития средней и высшей школ определяет сложную цепь изменений в профессионально-педагогическом образовании, выдвигает новые требования к формированию личности. Предвидение в этой области должно исходить из перспектив экономического и социального развития образования, рынка труда, рынка образовательных услуг, типологии учебных заведений и др. Создание таких прогнозов послужит основой для моделирования будущих профессий руководителей, учителей, воспитателей, методистов, для моделирования нового типа педагога-профессионала, для научно обоснованного отбора содержания образования в педагогических вузах, университетах, для проектирования интенсивных образовательных систем. Прогнозирование носит научный характер только в том случае, если исходит из теории объекта. Поэтому его проведение требует всестороннего комплексного изучения педагогического образования как целостной системы. Кроме этого, методологический инструментарий претерпевает существенные изменения в связи с определяющей ролью педагогической науки, в том числе ее отрасли — профессиональной педагогики, которая, являясь относительно самостоятельным объектом, обладает собственными закономерностями, приемами, методами, пригодными для изучения смежных объектов.

Появление новых профессий педагогов, изменение характера и содержания их профессиональной деятельности, большое разнообразие форм подготовки, появление возможностей получения второй, третьей профессии потребовали высокой компетентности от преподавательского состава высших учебных заведений в определении социальных, педагогических, психологических, психофизиологических требований к будущему педагогу.

Наряду с прогнозированием подготовки педагога в системе непрерывного образования, обеспечением профессиональностью деятельности возникают проблемы интеграции. Методологический аппарат базируется на теории интеграции профессиональной педагогики и разработанной модели интегративно-модульной педагогической системы профессионального образования. Одной из методологических предпосылок является создание синтеза педагогики с другими науками. Взаимосвязь наук как особенность интеграционных процессов позволяет оценить общенаучные, межнаучные, междисциплинарные и частнонаучные связи педагогики. В условиях педагогического образования реально существует форма интеграции социального, экономического, естественнонаучного, технико-технологического, психолого-педагогического и другого познания. Поэтому педагогическая проблематика не может рассматриваться как проблематика, для разработки которой достаточно простой “аккумуляции” сведений из различных научных дисциплин; не может потому, что имеет существенный фундаментальный аспект — развитие личности педагога-профессионала. Поэтому для педагогической проблематики существенное значение имеет “опережающее моделирование”. Задачи педагогического характера не сводятся к поискам закономерностей только собственной сущности, а требуют углубленного и конкретного изучения социальных отношений, поскольку последние порождают определенные нормативные оценки желательных состояний педагогической действительности.

Следующая проблема состоит в системности педагогики, когда процессы рассматриваются с точки зрения теоретического знания и комплексности. Данная проблема естественно связана с проблемой синтеза понятий “общество — человек”, “человек — знаковая система”, “человек — техника”, “человек — природа”, “человек — художественный образ”, которая в научном познании решается на фундаментальном методологическом уровне. С позиций принципа системности это требует обобщенного понимания педагогического знания, обеспечивающего его согласованное развитие с другими вышеперечисленными научными знаниями. В связи с тем, что развитие педагогических теорий предполагает и рассогласование между отдельными науками, представляется необходимым разработать общие подходы к структуре педагогики для того, чтобы более развитая педагогическая теория будущего располагала монотеоретическим и политеоретическим научным знанием. Это требует интенсификации исследований на методолого-концептуальном уровне.

Системность и комплексность могут выступать в четырех взаимодополняющих аспектах: как единство интердисциплинарного подхода в виде логического синтеза; как соединение теоретического и эмпирического знания в анализе системных образований (содержание образования, обучение, формирование, развитие); как диалектическое взаимопроникновение модульно-объяснительного процесса и явлений педагогической практики; как соединение интеграционных и дифференционных процессов в исследовании педагогических систем.

Ю. У. ФОХТ-БАБУШКИН,
доктор философских наук, профессор

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

Преодоление существующих ныне острых противоречий в духовной жизни страны, возникших на переломе ее истории, требует мобилизации всех внутренних сил общества, максимального использования самых разных факторов личностного развития народа. И одним из сильнейших факторов этого ряда несомненно является искусство, так как отношение к нему людей теснейшим образом связано с их духовным и социальным развитием. Это показали многие исследования, в том числе и социологические, проведенные в масштабах всей России как ранее, так и теперь.

К сожалению, за последние годы обозначилась достаточно определенная тенденция свертывания художественной деятельности школьников во всех ее видах — это коснулось и потребления искусства, и приобретения знаний о нем, и собственного художественного творчества ребят.

Сопоставление материалов наших исследований начала 1980-х и середины 1990-х годов свидетельствует, что старшеклассники выходят из школы в самостоятельную жизнь со все более скромным опытом художественной деятельности и тем самым невысоким уровнем художественной культуры. Причем уменьшается число учащихся, которые относят искусство к любимым занятиям: досуга. Одновременно становится все больше школьников, склонных к пассивному отдыху ("отдыхать, ничего не делая" — 4% городских старшеклассников в начале 80-х гг. и 51% сейчас), а, скажем, даже среди людей пенсионного возраста число любителей такого рода времяпрепровождения по сути не увеличилось за прошедшие полтора десятка лет (было 29%, теперь 30%) — их вообще ныне меньше, нежели у подрастающего поколения. В целом просматривается ощутимый рост интереса школьной молодежи к спортивным занятиям, разного рода рекреативным формам (вечера отдыха, туристические путешествия, выходы в лес по грибы и по ягоды и т. д.), сопровождающийся снижением ориентации на собственно духовные виды досуга. Изменение отношения к искусству — лишь один тому пример.

Огромное значение детства в духовном становлении человека, в том числе и в его художественном развитии, требует повышенного внимания к художественно-педагогической работе с детьми. И тут очевидны четыре канала, по которым должна идти эта работа: средства массовой коммуникации, учреждения культуры, школа, семья. Причем действовать им следовало бы сообща, а не вразнобой, как часто происходит сегодня.

Многое, конечно, зависит от семьи. Родители могут сильнейшим образом повлиять на художественное развитие ребят либо, напротив, затормозить его. 79% взрослых людей, выросших в семьях, где родители увлекались искусством, с удовольствием отдают ему часть своего свободного времени, а из тех, у кого родители были равнодушны к искусству, — только 59% (данные о горожанах).

Интерес родителей к искусству вообще заметный фактор духовного становления человека. Всех референтов мы делили на две группы — слабо развитые духовно и отличающиеся достаточно высоким уровнем духовного развития. Оказалось, что в семьях, где родители интересовались

искусством, вырастает почти вдвое больше людей духовно развитых (52% против 28% из семей, безразличных к искусству).

К сожалению, большинство родителей не в силах оказывать подобное влияние на детей, так как вообще огромная часть населения далека от искусства и находится на катастрофически низком уровне художественного развития: примерно девять десятых жителей сел и четыре пятых горожан не ходят на спектакли, в художественные музеи и на выставки; три четверти и в селах, и в городах не посещают музыкальные концерты; треть в городах и две пятых в селах практически не читают художественную литературу; а почти девять десятых граждан России пребывают в состоянии крайней эстетической неразвитости.

Средства массовой информации, несмотря на их широчайшее распространение, тоже пока не стали фактором всеобщего художественного воспитания. Из средств массовой коммуникации самым влиятельным остается телевидение. К его передачам обращаются почти все школьники, а, скажем, к различного рода видеопрограммам — три четверти ребят 10—17 лет и в городе, и в селе. К тому же с помощью видео они почти исключительно смотрят фильмы (74% в городе и 73% на селе), меньше эстраду (34% в городе и 37% на селе), все же остальное собирает от одного до шести процентов учащихся. Иначе говоря, сфера художественного воздействия видеопрограмм на ребят пока весьма ограничена.

По телевидению также подавляющее большинство школьников смотрели и смотрят кинофильмы. Но и передачи, посвященные другим видам искусства, все же несколько популярнее, чем аналогичные видеопрограммы, хотя телеаудитория искусства заметно редет. Даже к кинофильмам ребята обращаются сегодня чуть меньше, чем раньше. Продолжают пользоваться осязательной популярностью музыкальные передачи, да и то в основном за счет концертов эстрадной музыки, рок-музыки и т. п. А передачи о других видах искусства смотрятся крайне редко. То, что произошло за последние годы с художественным телевидением для подрастающего поколения, иначе, чем крахом, назвать нельзя.

Трудно делать основную ставку и на учреждения культуры, так как они в принципе не могут систематически привлекать в свои залы всех школьников уже хотя бы потому, что во многих населенных пунктах нет театров, музеев, технически полноценно оборудованных концертных залов.

Только общеобразовательная школа способна охватить всех ребят, поэтому она была и остается главным фактором всеобщего художественного образования и воспитания.

Показательно, насколько различается личностная структура взрослого населения в зависимости от того, преподавались ли этим людям в школьные годы музыка или изобразительное искусство, занимались ли они в художественных кружках, студиях, специализированных школах. Люди, не охваченные в детстве классными, внеклассными и внешкольными формами художественно-педагогической работы, очевидно уступают по своему духовному потенциалу: лишь 17% из них отличаются известным уровнем духовного развития; среди имевших уроки искусства — 33%; у занимавшихся в кружках, студиях, специализированных художественных школах — 43%.

Вместе с тем, как свидетельствуют исследовательские материалы, урок искусства продолжает заметно влиять на духовное развитие ребят, но далеко не всегда способствует активизации их художественных интересов. Наиболее вероятным объяснением кажется следующее. Попадая на уроки искусства, школьник вольно или невольно оказывается под его влиянием, что и способствует духовному развитию ребенка. Однако урок, видимо, строится так, что не вызывает у детей особого интереса к искусству. Эффект существует, но, так сказать, обязательно-принудительный. И коль скоро ученик не сумел по-настоящему оценить для себя искусство, в его взрослой жизни оно не становится сильным развивающим фактором.

Мы постоянно шарахаемся из стороны в сторону не только в социальной жизни, но и, например, в науке. Долгие годы специалисты страстно доказывали невероятные возможности воспитания человека, которого при желании вполне по силам чуть ли не полностью переделать. Сегодня говорить о

воспитании нередко стесняются, списывая это на издержки тоталитарной системы, обслуживающий персонал которой подобными разговорами прикрывал выращивание не личностей, а винтиков государственной машины. Конечно, прекраснодушия и демагогии, далеких от истинного положения дел, было в системе воспитания немало, но нельзя же с водой вышескивать и ребенка. Наука и практика всех цивилизованных стран, отнюдь не страдающих тоталитаризмом, и на которые мы, кстати, все время оглядываемся, весьма тщательно и основательно беспокоятся о воспитании своих граждан. Об этом свидетельствует немалое число государственных решений, научных трудов и педагогических опытов в США, Швеции, Франции, Германии, Японии и многих-многих других странах.

Только очередное социальное прожектерство могло привести к мысли, что воспитывать никого не надо: пусть каждый формируется сам по себе — это якобы и есть один из признаков демократии и торжества прав человека. Но если мы имеем дело с обществом, а не с дезорганизованной массой людей, то у него обязательно существуют определенные идеалы, цементирующие его, а значит, оно неизбежно стремится ориентировать на них своих граждан. Это, конечно, не означает — заставлять, вынуждать, подавлять, это как раз означает — воспитывать, то есть стараться побудить людей проникнуться идеалами и нормами общества, в котором они живут. А уж хороши или плохи эти идеалы и нормы зависит от характера общества, но бороться надо с плохими идеалами, нормами и негодным обществом, а не с идеей воспитания как таковой.

В художественно-воспитательной работе мы почти ничего пока не приобрели, а потеряли многое. В прошлом широко бытовало искусство для детей, существовала достаточно разветвленная система его распространения. Куда разнообразнее и богаче выглядела внескласная и внескольная художественно-педагогическая работа с детьми, практиковались периодические гастроли творческих коллективов в самые разные по масштабу и административной значимости населенные пункты. Изживая пороки прошлого, мы заодно легкомысленно отбросили и многие плодотворные достижения тех лет. Их надо возродить, при этом, конечно, в чем-то видоизменив и обогатив.

С. А. ЭКШУТ,

доктор философских наук, редактор отдела исторических иллюстраций
журнала "Родина"

ОПЫТ ИСТОРИСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ "ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА" РУССКОЙ ИСТОРИИ

Великий английский философ и политический мыслитель Томас Гоббс (1588—1679) уподоблял государство *Левиафану* — библейскому чудовищу, обладавшему огромной силой. Трудно отыскать более удачный образ для олицетворения и историософского осмысления так называемого петербургского периода политической истории России.

В течение всего XVIII столетия и на рубеже XVIII—XIX веков в русской дворянской культуре еще не существовало таких укромных уголков, куда в принципе не могло бы проникнуть государство. Более того, самим носителям этой культуры подобное положение казалось вполне естественным: частная жизнь еще не обрела для них самостоятельной ценности, а государство не было осознано в качестве чуждой и враждебной силы. Общие интересы не противопоставлялись частным (что, впрочем, не мешало многим путать казенный карман с личным). Мысль о том, что есть такие сферы жизни общества, куда представители государства не могут и не должны быть допущены, еще мало кому приходила в голову. В это во многом *наивное* время, когда само понятие нормы только формировалось и еще не сложилось окончательно, никто не стеснялся своей

индивидуальности и не считал, что государство может расценивать ее как важный показатель нелояльности или оппозиционности. Могла существовать и часто была *поза*, но не было оппозиции.

Самодержавная власть осознавала себя не *столько* правовым, сколько *нравственным* регулятором всех без исключения сфер жизни общества. За государством признавалось право вторжения как в сопредельные страны, так и в частную жизнь подданных. В “нравственно-политическом отчете” III Отделения собственной Его Императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1842 год граф Александр Христофорович Бенкендорф сформулировал и обосновал это следующим образом: “Преимущество власти самодержавной заключается именно в том, что Самодержавный Государь имеет возможность действовать по совести и в некоторых случаях даже обязан, отстраняя закон, вершить дело, как отец решает дела между детьми: ибо законы — создания ума человеческого, не могли и не смогут предвидеть всех случаев и всех ухищрений сердца человеческого. Буквальным же применением существующих законов ко всем без исключения случаям часто подавляется истина и совершается самое очевидное неправоудие, тогда как намерение Правительства и цель мудрого законодательства состоит не в том, чтобы только соблюдать его уставы, но в том, чтобы при действии законов охраняема была строжайшая справедливость” (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223 (85). Д. 7. Л. 202—203).

Четкой границы между приватным и “высочайше одобренным” долгое время не было: с одной стороны, за властями признавалось право регламентировать все, что им будет угодно, с другой — суровость российских законов нейтрализовывалась необязательностью их исполнения. “В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение” (Вяземский П. П. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 24). Российский Левиафан всегда осознавал себя мерой всех вещей. Именно государство, а не человек, было всеобщим эквивалентом и центром мироздания, в котором не могли существовать никакие самодостаточные ценности, автономные от властей. Только государство и только оно одно, как Бог, знало добро и зло. Государство не смогло своевременно осмыслить появление *новой реальности* — сферы господства частных интересов. Оно действовало карательно и запретительно, но не шло ни на союз с гражданским обществом, ни на диалог с нарождающимся общественным мнением. Даже получивший прекрасное образование и великолепно ощущавший дух времени Александр I в последние годы своего царствования “хотел от дворянства единственно повиновения своей воле, а не содействия”. В новой реальности император увидел исключительно умаление своей власти — ничего более. *С этого момента история государства Российского стала историей болезни чудовища.*

Болезнь настигла Левиафана задолго до того, как для чудовища наступили дни старческой немощи. Первые симптомы недуга отчетливо проявились вскоре после блистательного окончания Отечественной войны 1812 года и возвращения русской армии из заграничных походов — в момент наивысшего горжества российской государственности. Павел Иванович Пестель своевременно поставил диагноз и предложил России хирургическое вмешательство без наркоза и антисептики: “бескровную” военную революцию и многолетнюю диктатуру Временного Верховного Правления. Николай I и граф Бенкендорф отказались от хирургического вмешательства, избрав консервативный метод лечения болезни, который имел неожиданный *побочный эффект*: государство потеряло гражданское общество, став для него чуждой и враждебной силой. Со времени вступления Николая I на престол произошло постепенное усиление натиска государства, не гнушавшегося вмешиваться и в интимную жизнь подданных. Это породило их внутреннее сопротивление и вылилось в тенденцию к обособлению частной жизни. Государственное вмешательство стало ощущаться уже не отеческой заботой и родительским попечением, но *безнравственным* ущемлением естественных прав личности. Российское государство пережило, уже после 14 декабря 1825 года, еще одну трагическую развилку в своем развитии. Хронологически этот период следует отнести к 30-м годам XIX века, так как именно в это десятилетие граница между государственной и частной жизнью стала отчетливой и непрерывной: к 1840 году размежевание власти и общества завершилось. Наступили *сумерки* золотого века русской дворянской культуры.

В. Р. АСАТИАНИ,

доктор филологических наук, профессор, министр культуры Грузии

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГРУЗИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Культура — это вечное движение к совершенству, а также знание того, к чему стремишься. В Грузии всегда происходило слияние западной и восточной культур, и как результат этого взаимодействия — зарождение новой, самобытной культуры. Особенно возросли наши возможности после восстановления независимости. Грузинская культура постепенно открывается миру, и в этом великая заслуга нашего президента Эдуарда Шеварднадзе, который создал в самый критический период Комитет спасения национальной культуры.

С уверенностью можно сказать, что, несмотря на объективные трудности, для спасения культуры удалось сделать немало. Об этом свидетельствуют функционирование ряда литературно-художественных творческих коллективов и галерей, осуществление свыше 200 премьер, более 300 выставок в Грузии и за рубежом, открытие памятников, проведение международных конкурсов и фестивалей, восстановление Олимпиады народного творчества, создание кинофильмов, расширение и углубление международных культурных отношений, укрепление материально-технической базы. Уникален и факт финансовой поддержки МБРР в решении вопросов, связанных с сохранением культурного наследия. Впереди непочатый край работы. Главное, благоприятный процесс начался и непременно будет продолжен.

Невозможно не согласиться с афористическим высказыванием Эдуарда Шеварднадзе о том, что “грузинский народ должен спасти культуру, грузинский народ должна спасти культура”. Ибо барьером “эрозии традиционных ценностей” может стать лишь высокое духовное начало, культура в самом широком смысле своего назначения.

Важнейшим фактором достижения этой цели является забота государства о развитии, распространении и защите культуры. Культурная политика не только определяет стратегию развития культуры, но и способствует ее осуществлению. И, конечно же, выявление приоритетов развития, прежде всего создания прочной законодательной базы.

Закон “О культуре” (от 12.06.97) заполнил вакуум, создавшийся после распада системы централизованного всесоюзного управления. Его цель — создание прочной законодательной базы для решения жизненно важных проблем в области культуры. Знаменательно, что закон определяет приоритетность культуры, ее стратегию, что, несомненно, способствует дееспособности государственных механизмов с целью материального и культурного обеспечения творческой сферы. Согласно закону, государство обязано обеспечить развитие культуры, участие граждан в культурной жизни, доступность достижений культуры, признание национальных и общечеловеческих ценностей, углубление и расширение культурных связей; государство также определяет обязанности граждан в сохранении культурного наследия.

Принятие закона “О культуре” повлекло за собой разработку механизмов в отдельных сферах культуры, в частности Министерством культуры подготовлены следующие основополагающие законы: “О библиотечном деле”, “О театрах Грузии”, “О музеях Грузии”, “О просвещении в сфере искусства”, “О ввозе и вывозе культурных ценностей”, “О защите культурного наследия” и другие.

Нам удалось сохранить и развить основные демократические институты, последовательно и поэтапно осуществить действенную программу реформы сферы культуры. Эта была тяжелейшая задача, учитывая трудности переходного периода, неизбежной ломки старых систем и создания новых демократических форм руководства. Благодаря этому удалось спасти крупнейшие очаги культуры, выявить новые интересные тенденции не только в самой культурной жизни, но и в поисках новых форм организации материальной базы культуры.

Для решения этих проблем основополагающее значение приобретает создание индустрии культуры. Вследствие этого несомненно расширится сфера культурного обслуживания, зародятся

новые организационные формы, что в конечном итоге поможет решить проблему занятости и проникновения культуры в широкие круги населения, создаст прочную материальную базу для деятелей культуры, решит ряд социальных вопросов.

Последнее десятилетие, ознаменованное разрушением старых систем, привело к созданию новых горизонтальных непосредственных связей между республиками бывшего Союза; их налаживание, восстановление происходило на фоне грубо оборванных взаимоотношений, которые складывались веками и духовно обогащали наши народы.

Экономические и социальные взрывы, недопонимание не смогли нанести урона нашим творческим связям, ибо велика тяга наша друг к другу, органична и естественна близость, общность судеб, высота нравственных и эстетических принципов — незыблемых и вечных ценностей, завещанных нашими предками, достояние, которое мы должны приумножать и передавать потомкам.

Это касается, в частности, и русско-грузинских культурных взаимоотношений, которые складывались в течение веков, когда опорой, мостом между Россией и Грузией стали православие и родство культур.

Но не всегда наши отношения развивались безоблачно, и тем не менее это не относилось к культуре, и духовная близость наших народов в полной мере и с огромной силой выявилась именно в этой сфере.

Дни грузинской культуры в Московской области (17—23 декабря 1997 года) словно растопили лед, выявили ностальгию по живому общению, человеческому теплу, творческой силе, посеяли семена добра, красоты, спокойствия. В 1998 году планируются ответные Дни российской культуры в Грузии. Пройдя через испытание временем, наши культуры по-прежнему дороги и значимы друг для друга.

Конец двадцатого века побуждает к новому осмыслению пережитого. Или гуманизироваться, или погибнуть — так поставлен вопрос нашим веком, когда человечество все больше и больше воспринимается как открытое культурное пространство, в котором культурные ценности еще не утратили общечеловеческого содержания; вместе с тем более актуальным становится вопрос национальной самобытности отдельных культур, и их развитие происходит под знаком взаимообогащения.

РОБЕРТ ЛИГГЕЛЛ,
писатель (США)

СИМВОЛ МАТЕРИ РОССИИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Мать Россия всегда имела в своем арсенале особые наказания для интеллигенции, которые Американская Конституция определяет как “жестокие и необычные”. Вспомним описание Толстым в рассказе “Хаджи Мурат” наказания, которое наложил Николай I на польского студента, напавшего на своего профессора: “Заслуживает смерти, но, слава Богу, у нас нет смертной казни и я не собираюсь вводить ее. Прогоните его сквозь строй 1000 солдат 12 раз”. Самые жестокие и наиболее необычные наказания ждали мужчин и женщины, которые были настолько отважны, что писали слова на бумаге. Как писатель, я часто возвращаюсь к эпизоду в книге А. Солженицына “В круге первом” (это был “первый круг” настоящего ада, который описывал Солженицын, и понятно почему). Вы помните сцену: заключенный долго и старательно пишет книгу мелким почерком на туалетной бумаге, затем сворачивает ее в тугий маленький комочек и кладет его в рот, пытаясь при поцелуе передать жене во время единственного в год свидания. Но в последнее мгновение заключенный не выдерживает и проглатывает “книгу”. Для меня эта сцена всегда казалась метафорой того, что происходило с русской литературой во время сталинско-брежневского периода.

Литература не исчезла, как многие на Западе боялись, ее просто “проглотили” и долгое время прятали, ожидая нужного момента.

Осип Мандельштам отлично подвел черту под временем и местом, где художники проглатывали свои произведения, когда сказал, что Россия — это страна, где поэтов убивают за их поэзию. Эта судьба, личная беда человека настолько героического, чтобы быть поэтом, также является отличительной чертой русской поэзии. В Америке поэта не замечают, его поэзию тоже. Мы все знаем о судьбе Мандельштама и о том, как небесной Анне Ахматовой угрожали, как травили ее, а эпические поэмы так и остались не опубликованными.

За год до того, как Надежда Мандельштам умерла, я имел честь встретить ее в Москве. Меня пригласили в маленькую квартиру в пригороде. Она лежала на кушетке, выглядела (по объективным причинам) старше своих лет. Один из молодых поэтов, которые по очереди ухаживали за ней, подал чай. Мы говорили долго о поэзии, о том, что она знала о судьбе ее мужа и о ее книгах, которые по-английски назывались “Надежда о надежде” и “Оставленная надежда” и которые, по моему мнению, являются двумя наиболее правдивыми и смелыми книгами о поэзии, вышедшими из России. Я очень хорошо помню последние слова, которые Надежда Мандельштам сказала мне, и даже могу процитировать: “Не говорите по-английски на лестнице”. Встреча проходила в то время, когда уже можно было говорить по-английски на лестнице, но Надежда Мандельштам, которая жила под тенью другой эпохи, не могла перестроиться.

Я вспомнил о жестоких и необычных наказаниях писателей в России вот почему: недавно я прочитал в газете, что в Москве в 1994 году, когда Солженицын вернулся в Россию, бестселлерами были две книги: “Как стать счастливым котом” и “50 способов похудеть”.

В Америке мы вполне привыкли к такому положению дел. В России же это должно быть подобно взрыву бомбы.

ЖАКИ РОШЕ,

актер, режиссер, драматург, художественный руководитель и директор театра “Кронос”, м.п. г. Монрегар (Франция)

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ РЫНКА

Имею ли я право говорить о русской культуре? Как только мне предложили выступить на этой конференции, я прежде всего постарался понять суть. И возникла тьма вопросов. Каким образом Жаки Роше, французский режиссер и актер, мог бы хоть чуть-чуть осветить свое понимание развития русской культуры?

Действительно, я всегда чувствовал интерес к тому, что Россия смогла породить художников уровня Достоевского и Римского-Корсакова, Толстого и Чехова, Пушкина и Шагала, это сильно привлекает. Конечно, покори спектаклями, такими, например, как этим летом на фестивале в Авиньоне, в качестве зрителя блистательного Островского, представленного труппой ГИТИСа из Москвы; конечно, сюда же надо прибавить художественный обмен, начавшийся в 1991 году между Санкт-Петербургом и Францией с Сергеем Заморевым, а потом с Романом Громадским; все это позволяет погрузиться в русскую современную культуру. И на практике совместная русско-французская постановка по Чехову / Шекспиру питает это скрещивание двух культур (подлинное раскрытие происходит в реальном противопоставлении и в решении и выразительности художников двух разных стран). Но нет, всего этого было бы недостаточно для выступления. Мотивы гораздо глубже:

— русская культура — это скрещивание различных ориентаций, возникших в шквале политических перемен последних десяти лет. Она вбирает в себя все, что происходит вне и внутри страны;

— в этой связи она переживает те же надежды, те же опасности, проблемы, как европейская культура. Как понять, какова да и будет ли значима ее роль при входе в третье тысячелетие? Какую задачу ставит она перед собой, если говорить о функции культуры? Какое место готово отвести ей общество?

Культура гуманитарна. Могу ли я начать с того, что уточню само слово “культура”? Один японский учитель, цитируемый Эдуардом Эррио, утверждал: “Культура — это то, что остается в человеке даже тогда, когда он все забыл”. Забывчивость — это самое простое проявление человеческой подлости, хотя это то, что его, возможно, спасает от краха, бережет и самокритичность и противоречивость. Забывчивость (между обязанностью помнить и желанием открывать) оказывается оружием дьявольским. А если говорить о культуре, то конфликт между консервативностью традиции (фольклор) и художественным поиском предполагает либо свободу от творчества, либо забвение реальности.

Искусство или культура? Путешествия по таким разным странам, как Йемен или США, обязывают меня быть осторожным.

Мой взгляд на Санаа был скорее взглядом этнолога, подтверждающим, что культура есть культ гармонии единства, где искусство и художник тесно связаны с повседневной жизнью. Историческое наследие, устные традиции, музыкальное и поэтическое творчество пронизывают все, вплоть до архитектуры, йеменской столицы; искусство — часть жизни.

Мое видение американской культуры будет представлением существа, разорванного на потребителя элитарного искусства и зеваку, утонувшего в картинках, звуках, словах, тут же забытых. Культура занимает свое место наряду со спортом или сексом.

Мое определение культуры будет связано с образом общества, которое ее “подогревает”, питает целями, сомнениями, бунтом, проникновением — всем тем, что есть у художника.

“Секрет искусств в исправлении природы”, — говорил Вольтер. Культура отличает человека от всего животного мира. Она его поднимает, воспитывает, строит, преобразует.

Культура гуманитарна.

Культура содержит в себе “открытие в ...”. Любопытность питает искусство свежими переживаниями, которые приобретают важное значение в эволюции человека. Она есть ведущий фактор в поиске идей, замыслов.

Разнообразие развивает человека в его поиске удовольствий и свежих впечатлений. Скрещивание сходных культур обогащает их фундаментальность. Музыка преодолевает границы и расширяет возможности коммуникаций. Более чем когда-либо наша планета Земля, испещренная разными путями, оказалась мала. Любой рассказчик нуждается в публике, сколь мало бы ее ни было. Он может оказаться на очень узком пространстве, опасаясь замкнуться в своем убогом регионализме (местечковости); но он готов противопоставить себя и другой публике. Так, африканский сказитель встречает в Западной Европе огромную аудиторию. Примеры повсюду: искусство цирка, ганец, музыка... 1990-е годы стали годами “музыки мира” (world music). Квартет “Кронос”, созданный на американской классике, мешает основы джаза с африканскими барабанами и восточными мелодиями, создавая современную музыку. Вы мне скажете, что Бела Барток не стал ждать нашего века, чтобы вобрать корни народной культуры и фольклора, а цыганские музыканты уже давно стали провозвестниками подобных скрещиваний. Новизна и есть переход от заимствования к обмену. Искусство театрального слова движется тем же путем, но с большими трудностями — из-за языкового барьера.

Процессы в области культуры можно порой сравнить со взрывом; это чревато разрушениями, но, с другой стороны, если замыкаться только на знании и опыте, это омертвит и превратит культуру в сугубо музейную. Это касается и России.

Русская культура нуждается в скрещивании. Разумеется, русские художники не дожидались 1980-х годов, чтобы проявить свой интерес и свою открытость. И не в этом ли городе, не в Санкт-Петербурге ли мы видим пример культурного взаимопроникновения? Историческое значение французского языка в русской литературе, в частности, показывает: окно в Европу и в мир открылось

не вчера! Напротив, множество писателей, актеров, художников, музыкантов “экспортировались” физически или своими произведениями — добровольно или по принуждению — и в XIX веке и в XX. Русская культура прочно обосновалась в разных районах мира.

Новое в сегодняшней русской культуре — это полная открытость ее общества в существующий мир после длительной изоляции. Это уже не окно, которое приоткрывается, а закрытое пространство, где вдруг убрали все ограждения. То есть, взаимопроникновение может идти в любых направлениях. Новые богачи, с одной стороны, явление многообещающее, а с другой — тающее множество опасностей. В этом взрыве русская культура ищет свои скрещивания; они найдутся. Опыт определит нужные направления, даже если для этого надо будет пройти длинный путь. Будет тысяча и одна дорога, подчас в тупик, подчас к черту в зубы, но из этого непременно родится некое богатство, если конечно, удастся избежать определенных ловушек.

Русское искусство в мировом масштабе. Необходимость открытости назрела. В связи с процессами, происходящими в России, ее культура казалась ущемленной. Конечно, художественное образование в России было одним из наиболее привлекательных, положение одаренных художников было привилегированным (в отличие от большинства других стран!). Но человек интересуется другим. Бездвижность системы должна была закончиться.

И вот русские артисты заявляют о себе повсюду. Только за последние пять лет: музыкальные коллективы, танцоры играют на сценах всего мира. Речь идет уже не только о таких “солидных структурах”, как “Ансамбль песни и пляски Советской Армии”, за которым укрепился штамп культурной экзотики. Кроме известных коллективов, это группы неформалов, талантливые индивидуалы, независимые авантюристы, короче, самые разные художественные проявления. Нельзя не увидеть в этом жажду оживления.

Эта “экспортация” отвечает желаниям открытости культуры, но в этом есть и некий минус. Это относится к вопросам экономическим. Спектакли, представленные за небольшую стоимость за границей, компенсируют финансовые трудности на русской земле; к тому же иногда они дают солидную прибыль. И порой денежный мотив определяет самую несусветную авантюру! В последние годы мы даже видим некоторый протест французских музыкантов перед лицом конкуренции с более дешевыми русскими классическими оркестрами (действительно талантливыми).

Равным образом увеличивается количество иностранных спектаклей в России. Театр, танец, музыка, выставки, варьете приглашаются, но при большой разнице в организации между мероприятиями, материально поддержанными стабильными двусторонними связями и приемами, либо лишенными всякой поддержки. Конечно, эти приглашения не новость: Жильбер Беко уже шел “La place Rouge” (“Красная площадь”), но сейчас Патрисиа Каас или Майкл Джексон передвигаются гораздо больше!

К тому же между артистами, творческими движениями завязываются новые художественные связи и культурное родство. К сожалению, очень часто выбирать приходится только между отсутствующим финансированием или ... аферами! И если это возможно для известных артистов разных стран (и их establishment), то со спектаклем совсем неизвестным приехать в Россию довольно сложно. Похоже, что закон рынка тут жесток.

Знаки перемен, тем не менее, есть, и даже позитивные. Однако речь идет исключительно об обменах спектаклями и представлениями, о том, что называется “художественной продукцией”.

Нам остается надеяться на обмен в творчестве, в художественной работе, в реальном взаимодействии вдохновения и опыта.

Убогая всемирность. Взаимный культурный обмен с Россией выявил то, что давно известно в других странах.

Роль денег и законы производства концентрируют искусство на рентабельности. Ориентация на “звездность” глубоко и уродливо разрушает художественное творчество.

Опасность “культуры Кока-кола” здесь велика и жестока. Открытость России способствует трудности переваривания или, наоборот, пресыщению западными штампами, наиболее поверхностными, наиболее кричащими, смехотворными и нелепыми. Все это движение будет

обманом, иллюзией, если русские сами потеряют бдительность. Западные страны во главе с США продают только то, что им выгодно, и наводнение "от Далласа" грозит риском сильно обеднить русскую культуру.

Жадность к массовым иностранным продуктам потребления несет в себе зародыш потери идентичности (потери себя). Перед Россией стоит вопрос: как сберечь таланты, художественное образование, свои корни. Между замкнутостью на себе и безоглядной открытостью в новом пространстве русская культура должна выбрать третий путь. Это активное участие в мировом процессе:

- развивать свои особенности, корни и таланты;
- интегрировать и обогащаться мировым опытом через совместное сотрудничество;

— не бросаться за сиюминутной выгодой и не продаваться аферистам от искусства. Стало невыносимо для русских, да и для нас тоже, невероятное удорожание цен на билеты на спектакли и концерты. Экономический подход к художественному творчеству становится реальным препятствием, в корне меняющим старинный обычай регулярных публичных выступлений.

Частное финансирование не может быть единственным источником. Подъем, связанный с публичным частным или иностранным сектором, есть единственная гарантия против мафиозных влияний, нацеленных на поверхностные представления, рассчитанные на нескольких привилегированных. Стоит помнить, что эти "добрые дела" эфемерны и иллюзорны.

Станем ли мы одинаковыми? Россия в уродливой форме показывает нам то, что для нас уже является препятствием в культурном развитии. Мы все в одном движении. Культура должна проявлять в себе акт сопротивления, прежде всего при взаимодействии с законами рынка (в связи с этим вызывает беспокойство международный проект АМІ). Он отходит от нашей гармонии, от нашей целостности.

Сила русской культуры в том, что она имеет, и уже давно, свое представление о сущности жизни. Обобщенная практика, оборудованные залы, общенародное уважение к художникам и их таланту не должны потеряться (исчезнуть); это будет совсем непростительно.

У России есть шанс не позволить в государственном масштабе культуре зависеть от состояния экономики. Фольклор, традиции, искусства и воплощение очень тесно связаны. У нее есть шанс не успеть! Вам надо сберечь то, что наши западные страны тщетно стараются найти. Без предвзятости, без смехотворной ностальгии, но для развития современного искусства. У нас нет возможности ни научить вас, ни подсказать готовую модель.

Все вместе мы обязаны в здравом уме помогать друг другу в этой всемирности, которая нивелирует то, что по сути представляет разницу. Обменяемся и сбережем наши различия!

В заключение. Если русская культура оставит свою системную изоляцию, будет катастрофа, как и в том случае, если она "заглотит" обедненные модели, держась только на законе денег.

Она должна постепенно переваривать скрещивание, дабы предупредить пресыщение от культурной продукции, которую она не сможет принять. Опираясь на талант, на коллективную силу художественной практики, которая известна русским очень давно, опираясь, наконец, на то, что есть источники творчества, то есть на искусство и на интеллектуальную честность, русская культура, я в этом уверен, есть носитель будущего. Если культурные контакты с заграницей строятся на экономической справедливости, на взаимной творческой заинтересованности и на бдительности ко всякого рода эфимерностям, половина дела уже выиграна.

Итак, побольше терпения. А лично я всегда здесь, с вами, в этой борьбе. Утверждал же Виргиний: "Все наскучит, кроме ученья".

(Перевод статьи — С. Заморева).

М. С. КАГАН,
действительный член Академии гуманитарных наук, доктор фило-
софских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного
университета и Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов

СКОЛЬКО ЖЕ РОССИИ В РОССИИ?

В последнее время особую остроту приобрела проблема “столица — провинция”. Многие политики и публицисты стали утверждать, что “Россия — не Москва”, что существует у нас глубокий раскол между столицей и провинцией и для его преодоления нужно либо вернуться к “добрым старым временам”, когда не только российская провинция, но и весь Советский Союз строил свою жизнь по единой московской модели, либо, на худой конец, раз уж Союз не вернуть, нужно перенести столицу из Москвы в какой-нибудь истинно русский провинциальный город, сохраняющий преданность если не идеям “православия, самодержавия, народности”, то хотя бы сталинской модификации. Если иметь в виду самый общий план рассмотрения данной социально-организационной проблемы, то следует исходить из того, что развитие всякой сложной и сверхсложной системы — природной, социальной, культурной — зависит от относительно уравновешенного действия двух сил: той, которая выражает общие интересы системы как целого, и той, которая выражает частные интересы каждой ее подсистемы в том случае, когда абсолютизируются интересы частей целого в ущерб его целостности, а система распадается, саморазрушается.

Проблема “столица — провинция” имеет не только политически-правовое содержание, но и культурное.

Если с юридической точки зрения правомерно говорить о “двух Россиях” — столичной и провинциальной, то культуролог не может не видеть того, что в нашей стране различаются четыре “культурных слоя”, образно говоря, “четыре России”. “Верхний” слой отечественной культуры — столичный; ниже лежащий ее слой — крупных провинциальных центров, промышленных, университетских, театральных городов; следующий слой — провинциальная культура в небольших, районного и поселкового масштаба, городах и поселках городского типа; наконец, “нижний” ее, “почвенный” слой — культура российской деревни.

Начну с рассмотрения особенностей столичного слоя нашей культуры. На протяжении последних трех столетий Россия, имея, как всякое нормальное государство, одну политическую столицу, обрела две культурные столицы.

В этом “культурном бицентризме”, принимавшем иногда форму жестокой конфронтации, а иногда — форму живого диалога, и протекало развитие всех областей отечественной культуры вплоть до 30-х годов нашего века, когда сталинизм, а затем и действия наследников “Великого Вождя” превращали Ленинград в “великий город с областной судьбой”, то есть в лишенный какого-либо своеобразия придаток советской столицы.

Россия вступила на путь европеизации в XVIII веке благодаря открытому Петром в новой столице “окну в Европу”; после принятия христианства на Руси это был второй радикальный шаг, вторая “культурная революция”, говоря современным языком, или “революция сверху”, по формуле Н. Эйдельмана, включавшая нашу страну в европейскую цивилизацию. Уже в скатертинское время отличие того, как это происходило в “русской Европе” — Петербурге и долгое время сопротивлявшейся этому традиционалистской Москве, состояло лишь в мере, в пропорции, в конкретном соотношении православной традиционности и европейского просветительства. По-разному протекал этот процесс в старых и новых городах России, в ориентированных промышленно и в живших торговлей плодами земледелия”, поэтому в большей или меньшей степени связанных с деревенским окружением, но разворачивался он на всем гигантском российском пространстве,

сделав формировавшуюся в его городах культуру своеобразной модификацией европейской культуры, а не мифическим “свразийским” гибридом, и европейской не только в западной части российского пространства, но и за тем обелиском, который на уральском хребте символически отделяет Европу от Азии.

Характер второго слоя российской культуры также зависит от этой уникальной ситуации — наличия в стране двух духовных столиц и их сложных взаимоотношений. “Сферы влияния” Москвы и Петербурга на провинцию различны: Петербург—Ленинград связан преимущественно с Уралом-Сибирским регионом страны, а Москва — с Поволжьем и Черноземьем.

Если в России, как и в любой другой цивилизованной стране, крупный город имеет инвариантную и устойчивую структуру (при всех качественных и пропорциональных вариациях разных сторон его производственного и культурного бытия), то маленький город, особенно в России, пространства которой делают неизвестной европейским странам дистанцию между большими и малыми городами, оказывается самостоятельным культурным феноменом, представляющим особый слой российской культуры. Особенность его состоит в том, что нет в этих городах таких культуротворческих сил, какими обладает город областного, краевого, республиканского масштаба: нет в нем высших учебных заведений, нет театра, филармонии, музея, крупной библиотеки. Его духовная жизнь основана не на созидании, а на созерцании того, что создается вовне, то есть на усвоении уже имеющихся в стране ценностей культуры, которое происходит в школе, кинотеатре и дома, благодаря телевидению и радиотрансляции, газетам и журналам, чтению книг из скромного по объемам библиотечного фонда. Дом культуры, клуб, чаще всего плохо работающий, да редкие кружки школьной самодеятельности — вот узкое поле проявления культуротворческой энергии горожан. Закономерен отток молодежи из таких городков и порождается этим радикально иная, чем в больших городах, демографическая ситуация — иное соотношение молодежи и пожилых людей, а значит, иной психологический климат, определяющийся соотношением созерцательности и творческой активности, традиционализма и потребности обновления унаследованных форм жизни. Здесь господствует и иной ритм жизни, отличающийся от динамичного ритма жизни всех больших городов, не только столичных, но и провинциальных. Наконец, здесь несравненно теснее связь с сельским окружением, чем в крупных городах, что имеет особенно большое культурное значение в нашей стране, поскольку и в конце XX века она остается в несравненно большей степени крестьянской страной, чем все другие европейские страны.

Культура села — четвертый специфический слой российской культуры. Хотя расхожее представление о “второй культуре” в России стирает различия между провинциальным городом и деревней, оно сохранилось, потому что малый провинциальный город теснее связан с деревней, чем крупный промышленный и культурный центр, и тем более, чем Москва и Петербург, он вбирает свои национальные духовные соки из деревни, а не порождает их и самостоятельно не воспроизводит.

Культурная самостоятельность российской деревни, самобытность ее фольклорного (в широком и точном значении этого слова означющего “народная культура”) творчества принадлежит безвозвратно ушедшему прошлому и могла бы не учитываться при характеристике современного состояния культуры, если бы здесь не сохранялись корни национального своеобразия крестьянского быта.

Нынешнее состояние нашей отечественной культуры действительно отличается от состояния культуры других народов мира. Но корни и суть этого своеобразия искать надо в реальном историческом процессе, в котором мы находимся на переходной стадии: стадия эта, как всякое переходное состояние, отличается высокой степенью структурной сложности, противоречивости и таит в себе целый пучок разных возможностей нелинейного, как называет это синергетика, развития. Нужно иметь трезвое представление о перспективе данного движения, которая и определяет “силу притяжения” настоящего будущим — действие так называемого аттрактора. Но для этого нужно исследовать действительную сложность состояния, в котором находится отечественная культура и которое определяется диалектикой ее единства и столичного бицентризма, единства и многослойной структуры, единства и национального разнообразия.

Б. Д. ПАРЫНИН,

действительный член Международной академии психологических наук, Академии гуманитарных наук, Балтийской педагогической академии, Петровской академии наук и искусств, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ

В качестве одной из наиболее актуальных социально-психологических проблем на пути духовной эволюции современной России, как нам представляется, является необходимость преодоления тех барьеров, которые связаны с огромной силой инерции прежних парадигм во взаимодействии духовно-нравственных и социокультурных ориентиров и ценностей, с одной стороны, и идеологических и политических акцентов и императивов, с другой.

Иными словами, встает вопрос о том, насколько стратегия демократизации, денационализации и деидеологизации как некая альтернатива тоталитарной системы может адекватно отразиться на судьбах культуры, образования и общественных наук как важнейших составляющих процесса духовной эволюции российского социума.

Ответ на этот вопрос нам не представляется однозначным в силу все более очевидных социально-психологических барьеров на пути развертывания названной выше тенденции, которая идет вразрез с достаточно укорененной традицией привязки духовной сферы жизнедеятельности (в том числе образования и гуманитарных наук) к политическим и идеологическим институтам в истории России задолго до октября 1917 года.

Нельзя не согласиться с известным историком А. Ф. Замалеевым, который отмечает то существенное обстоятельство, что «в отношении к русской философии превалирующей тенденцией всегда остается идеологизм. Историко-философский процесс в России сводился либо к эволюции “по пути к марксизму”, либо к идиллической встрече философии и православия. В результате русская философия превращалась в подмости для идеологических декораций, которые менялись в зависимости от политической конъюнктуры» (Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. М., 1995).

На наш взгляд, данная тенденция уходит своими корнями в глубинные основы архетипа российского менталитета и характера народа с присущей ему доминантой идеологически окрашенных ценностей — веры (в том числе и прежде всего религиозной), искания смысла бытия, чувств соборности, равенства, справедливости, совести и т. д. Недаром Достоевский говорил об отличии ценностей русского народа, который живет “Духом”, а не “Рамой”, как человек Запада. А “неистовый” Виссарион Белинский восклицал: “Социальность, социальность — или смерть”, подчеркивая характерный для россиянина взгляд на все через призму социальности.

Есть все основания говорить о том, что и сегодня идеи социальной справедливости и особой значимости духовных ценностей вновь приобретают все большее значение. Последнее связано прежде всего с интенсивным процессом роста социальной дифференциации населения по уровню жизни. С немалой силой духовные ценности стимулируются и тенденциями регионализации и территориальной автономизации, несущими в себе угрозу распада России как целостного государственного образования. В качестве противовеса этим разрушительным тенденциям все более популярными становятся не только идеи, но и в целом самосознание значимости духовно-психологического единства россиян, необходимости подкрепления последнего средствами идеологической интеграции.

В современной ситуации глобального кризиса, переживаемого российским социумом, становится особенно ощутимой и болезненной для его судьбы полная утрата многих прежних политических и идеологических скреп и опор, цементировавших (хотя заодно и подавлявших многие инновации в сфере науки, культуры и гуманитарного образования) его фундамент. В результате этого возникает известный вакуум там, где на месте старых должны были бы возникнуть новые идеологические ценности и опоры, способные интегрировать общество и государство. В этом качестве должна была бы выступить новая концепция жизни и перспектив развития российского общества, способная аргументированно ответить на традиционные вопросы: “кто виноват?” и “что делать?”, равно как и “в каком обществе мы живем?” и “какое строим?”. Без ответа на эти вопросы не может быть обеспечено развитие российского самосознания, культуры, науки и гуманитарного образования. Вот почему попытки дискредитации идеологии как таковой встречают достаточно сильное сопротивление с ее стороны. И в этом парадоксальность складывающейся ситуации. Ведь стратегия развития гуманитарного образования нуждается в прочных идеологических опорах, а опережиться можно лишь на то, что не поддается давлению, а сопротивляется ему.

Но задача концептуального и идеологического обеспечения видения перспектив развития гуманитарного образования и науки наталкивается (кроме названного выше) еще и на другой социально-психологический барьер. Последний связан с характерной для российского менталитета в целом и для интеллигенции в частности способностью легко увлекаться яркой идеей и отсутствием склонности к скрупулезному анализу “фактов”, разработке строгой и выверенной концепции своего развития.

Выступая весной 1918 года в Петрограде с публичными лекциями “Об уме вообще и русском в частности”, великий русский ученый, академик И. П. Павлов упрекал “прогрессивную” русскую мысль в том, что она не столько заботилась “о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционизировании”, что “русский ум не привязан к фактам”, что идеей диктатуры пролетариата мы “мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план”. В аналогичном ключе рассуждал и М. Горький в “Несвоевременных мыслях”, предупреждавший русскую интеллигенцию о преждевременности социалистической революции в неподготовленной к ней крестьянской стихии, когда этой революции не предшествовал период культурного строительства. Да и саму интеллигенцию М. Горький упрекал за неспособность противопоставить социальному произволу и несправедливости личности ничего вразумительного, кроме брюзжания.

Сегодняшняя ситуация не представляет исключения из этого правила. Благородный порыв к радикальному обновлению, выстраданный российской интеллигенцией уже в 60-х годах XX века, но не подкрепленный сколько-нибудь фундаментальной концепцией или, что то же самое, предвидением хода реальных перемен, ныне обернулся глобальным и разрушительным кризисом всего общества.

Драматический парадокс этого положения состоит в том, что отсутствие необходимой концепции общественного развития является скорее результатом невостремленности, чем показателем реального творческого потенциала российской интеллигенции, скорее ее недостаточной психологической готовностью к диалогу со своими оппонентами и другими субъектами социального действия, чем неспособностью найти конструктивную альтернативу нынешнему кризису.

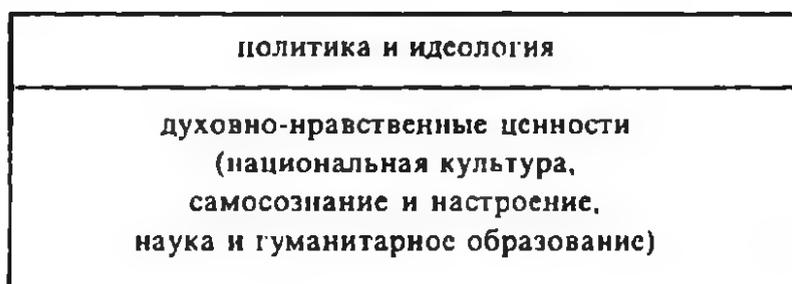
Однако вернемся к исходному тезису относительно деидеологизации и деполитизации как условий свободного и независимого развития гуманитарного образования и науки. Можно ли совместить его со всем тем, о чем только что говорилось выше, как о совершенно противоположной и столь же обоснованной тенденции?

Если исходный тезис о необходимости освобождения гуманитарного образования и науки от давления идеологических и политических структур оставить в силе, то вопрос этот можно сформулировать и иначе: есть ли альтернатива прежнему наследию подчиненности духовной жизни общества (в том числе науки, культуры и образования) политическому и идеологическому диктату?

На наш взгляд, есть все основания для того, чтобы такую альтернативу предложить. Она, по нашему глубокому убеждению, состоит в смене парадигм, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость политико-идеологических духовно-нравственных структур и приоритетов в системе распределения социальных ценностей и доминант российского социума.

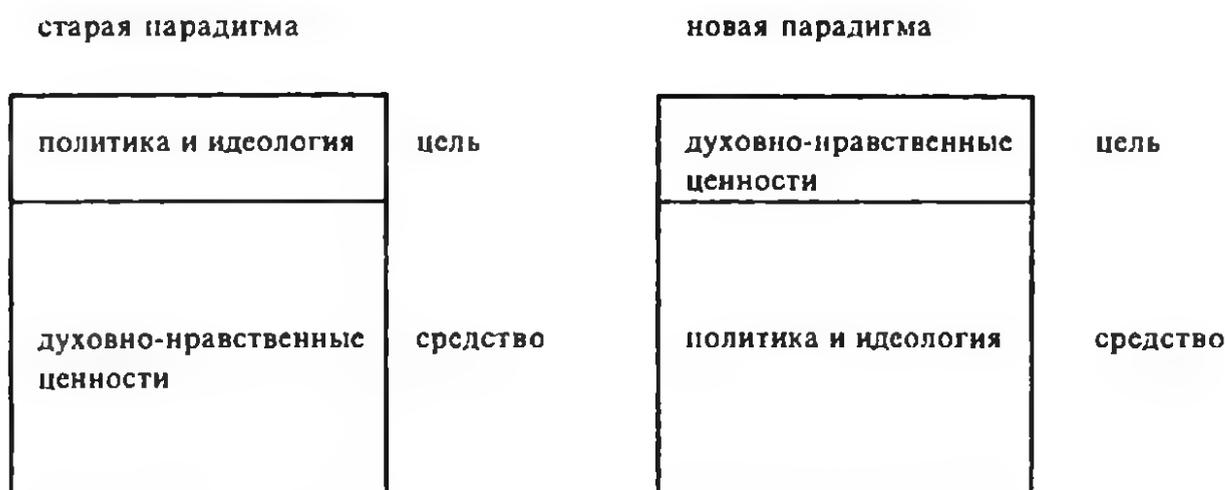
Прежняя парадигма взаимосвязи и соподчинения этих структур может быть представлена такой моделью, у которой в вершине в качестве цели выступает политика и идеология, а в качестве средств, обеспечивающих ее доминирующую и приоритетную роль, равно как и подчиненных первым, — духовно-нравственные ценности, представленные национальной культурой, национальным самосознанием и общественным настроением, наукой и гуманитарным образованием (см. рис. 1)

Старая парадигма

Нам представляется назревшей и правомерной тенденцией, отвечающей социальному заказу и духу времени, необходимость смены старой парадигмы на новую, построенную по альтернативному принципу доминирования духовно-нравственных ценностей над идеологическими (см. рис. 2).

Смена парадигм

Идея такой перестановки акцентов и представлений о приоритетных и доминирующих ценностях в структуре традиционной модели социума, конечно, нуждается в дальнейшем анализе с точки зрения того, насколько она может быть воплощена в реальный алгоритм жизнедеятельности.

А. П. МАРКОВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Региональная культурная политика в ее содержательном и технологическом аспектах представляет собой проектную деятельность, ибо предполагает преобразование социокультурной реальности на основе представления о ее "идеальных" параметрах путем целенаправленного создания условий и поддержки социально-культурных институтов, оптимизирующих процессы производства, сохранения, потребления, трансляции культурных ценностей, норм, практик.

Приоритеты и цели региональной культурной политики формируются с учетом целого ряда факторов: они опираются на концептуальное представление о месте и роли культуры в жизни человека и общества: фиксируют и актуализируют историко-культурную уникальность и самобытность региона; базируются на общественном согласии всех субъектов культурной жизни, находящихся на определенной территории; вытекают из комплекса проблем, типичных для социокультурной ситуации в регионе.

Необходимость учета обозначенных выше факторов на концептуальном этапе культурной политики возлагает особую ответственность и предъявляет высокие требования к уровню проектной культуры субъекта культурной политики. Дело в том, что и определение приоритетных направлений развития культурной жизни территории, и целевое обоснование культурной политики — это процесс и результат осознания, понимания ситуации, видения в ней определенного противоречия (несоответствия реального и желаемого, сущего и должного, целей и результатов, то есть реального положения и нормативных предписаний), на разрешение или минимизацию которого и должна быть ориентирована культурная политика. Приоритеты и цели формируются на основе субъективно воспринимаемого несоответствия между оптимальным уровнем культурного развития и его реальным состоянием. Острота переживания ситуации культурно обусловлена; она задается представлением о норме, эталоне и является результатом восприятия и оценки культурной ситуации субъектом управления, который принимает на себя ответственность за данное состояние и доступными ему способами пытается оптимизировать культурную жизнь личности, социальной группы, самодеятельной общности, территории в целом.

Ориентирующийся на норму и опредмеченный в форме программы или нормативного акта управленческий дискурс не просто отражает и фиксирует данность, но оформляет, регулирует, преобразует, конституирует культурную практику. При этом неадекватное (или деформированное) восприятие нормы часто ведет к стратегическим управленческим ошибкам, вызывающим не всегда предсказуемые последствия. Например, складывающаяся сегодня федеральная модель государственной культурной политики (которая во многом копирует модель США, где государство минимально вмешивается в вопросы развития культуры; доля финансирования отрасли из бюджетов всех уровней там невелика, а основными источниками являются фонды и некоммерческие организации, существующие на пожертвования частных лиц и предприятий) для большинства российских регионов в ситуации хронического дефицита муниципальных бюджетов и несформированности институтов меценатства и спонсорства может привести к окончательному разрушению инфраструктуры культурно-досуговой сферы и резкому ухудшению всех параметров культурной жизни территорий.

Следовательно, одним из ведущих условий эффективности культурной политики является уровень развития проектной культуры управленца, его способность к продуктивному, творческому

преобразованию реальности на основе “модели потребного будущего”. Эта способность задается сущностью самой культуры (и соответствует ей), которая есть прежде всего совокупность идеальных способов и результатов освоения и преобразования мира — природы, общества, человека. Смысл культурной деятельности заключается в ее “улучшающем” характере, в “культивировании” всех составляющих человеческого бытия, в способности выводить человека за свои пределы в форме целенаправленного, конструирования идеального образа человека и мира.

Необходимость повышения проектной культуры управленцев обусловлена появлением класса новых сложных задач, которые не могут быть решены стандартными методами и способами, а также вызвана кризисом традиционных технологий планирования и программирования. Органично сочетая нормативный и диагностический аспекты, проектирование ориентируется на модель “должного” в соответствии с наличными ресурсами; соотносит проблему с общим образом ее решения, допуская альтернативные пути и средства достижения цели; задает более обоснованные временные рамки решения проблемы, обусловленные характеристиками проблемной ситуации; предполагает разработку внедренческой модели, учитывающей возможности, проблемы и требования всех заинтересованных сторон. Принципиальным отличием социально-культурного проектирования от “родственных” технологий является его установка на социальное действие, культурную коммуникацию, саморазвитие объекта проектирования. Характеризуемая технология содержит в своем названии категорию “социальное” не только потому, что любой проект всегда имеет своего адресата — определенную социальную категорию или группу населения, но прежде всего потому, что в процесс проектирования включается и то сообщество, которое выступает в качестве аудитории будущего проекта, и те силы, которые заинтересованы в его реализации. Следовательно, социально-культурное проектирование всегда имеет двойной результат: во-первых, сам проект, во-вторых, новое качество человеческого сообщества (аудитории и заинтересованных социальных сил), в отношении которого процесс проектирования (включая разработку проектных идей, их общественное обсуждение, экспертизу) выступает как побуждающая сила, стимулирующая процесс осознания аудиторией себя в качестве субъекта саморазвития, провоцирующая социокультурную коммуникацию.

Основными компонентами проектной культуры являются такие технологии и процедуры, как проблематизация (анализ ситуации путем всесторонней диагностики совокупных ретроспективных, действующих и проективных проблем, четкого определения их источника и характера); разработка дебютных идей и вариантов возможного проектного изменения состояния объекта управления и просчет социальных последствий преобразований; выбор наиболее оптимального варианта идеи с учетом ресурсов и оценки возможных последствий реализации; проектное оформление наиболее оптимального способа решения проблемы (выбор социально приемлемых и культурно обоснованных рекомендаций, способных произвести желаемые изменения в объектной области управления); разработка организационных форм внедрения проекта в социальную практику (оснащение проектной идеи ресурсами и определение средств достижения проектных задач путем выявления совокупности условий и обоснования необходимых мероприятий и действий управленческого характера, обеспечивающих реализацию проекта).

Таким образом, социокультурное проектирование как инструмент региональной культурной политики — это, с одной стороны, специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей; с другой — это целенаправленно организуемый процесс социокультурной коммуникации субъектов, ориентированный на совместное конструирование способов и образцов решения значимых для личности и общества проблем.

Л. М. МОСОЛОВА,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой художественной культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

НАРОДЫ И РЕГИОНЫ РОССИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: К ПРОЕКТУ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНГРЕССА

Недавно в одном из своих докладов академик Д. С. Лихачев сказал, что «наша страна живет сегодня без какой-либо осознанной перспективы своего развития — особенно в области культуры». С этой мыслью можно отчасти согласиться. Действительно, до сих пор нет государственного документа программного характера о перспективах развития культуры всех народов и регионов России. Не определены фундаментальные культурные стратегии и конкретные задачи, осуществление которых направило бы энергию народов не на разрыв многообразной и целостной социокультурной «ткани» отечества, а на созидание такого типа культуротворчества, который бы служил процветанию и единству народов России, ее благой роли в решении глобальных проблем, коэволюции человека и природы.

Вместе с тем нельзя не отметить, что проблемы культурного развития страны в последние годы очень активно обсуждаются в научных и общественных кругах, вплоть до того, что культурологический дискурс отодвигает на вторые планы иные типы размышлений, которые длительное время определяли направленность академических штудий и публицистики. Культурологический дискурс становится средством и процессом формирования самоидентичности России и ее народов. Он развивается как новый тип междисциплинарного синтеза с огромными эвристическими возможностями.

В рамках этого дискурса в последние годы начинает переосмысляться проблематика «русской идеи», «российской идеи», «национальной идеи», «соборной идеи», «общероссийской национальной идеи», «общенациональной российской идеи» и т. п. Отчетливо просматривается стремление мыслящих людей сформировать новую идеологию современного цивилизационного творчества России, разработать основополагающие идеи духовно-правственного возрождения россиян и социокультурного развития страны. Конечно, нет ничего практичнее хорошей теории, которая способна вызвать «пусковой эффект», «цепную реакцию» идей в родственных областях научного знания, а также послужить методологическим основанием для решения соответствующих проблем. Однако продуктивность теоретической разработки «общероссийской идеи» во многом зависит от того, насколько изучены конкретно-исторический материал развития культур народов и регионов России, наличные потенциалы различных этнорегиональных культурных общностей, современная культурная стратификация всей России, ее реальное поликультурное, межкультурное, мультикультурное пространство, сотканное различными локальными антропологическими традициями.

Аналитическое сравнение различных теоретических версий «российской идеи» показывает, что сегодня, как и в прошлом, она рассматривается преимущественно в «прокрустовом ложе» двух крайних точек зрения — славянофильской и западнической. В первом случае «общая идея» базируется на греко-православной онтологии, национально-патриотической идеологии, на представлении об особой миссии русской нации и т. д. Во-втором — «русская» или «российская» идея объявляется «опасным мифом», и ведется разговор об «атлантических» стратегиях развития России, о приоритете «общечеловеческого» в ее культуре и включении страны в культуру единого космополиса. Существуют также попытки «центрического» объединения «патриотических» и «интернационалис-

тических” идей, которые на практике социокультурного строительства оказываются утопическими. Наконец, начинают пробивать себе путь идеи о необходимости смены методологии “единства одинакового” на методологию “единства разнообразного”, о демократическом развитии России как мегаэтнической культурной общности, сформировавшейся веками и сложившейся в качестве уникальной целостности среди других крупных мировых культур, а также о возможности нового подъема культуры и культур России на основе внутреннего и внешнего диалогического взаимодействия.

Демократическая идея культурного развития России, перспективная научная программа государственного значения в области культуры, о необходимости которой говорил Д. С. Лихачев, остро нуждается в предвосхищающей ее создание конкретно-исторической критической экспертизе и фундировании. Нужны достоверные культурологические исследования всех народов России, ее больших и малых городов, всех регионов. Совершенно необходимо пересмотреть с современных научных позиций всю историю культур России в их локальном своеобразии и общем интегрированном качестве на разных этапах развития (от древности до конца XX века). На базе неполной и фальсифицированной истории развития культуры российской Евразии, при отсутствии конкретного знания о реальностях современной культурной ситуации во всех уголках обширного пространства страны строить современную концепцию культурного развития России не только методологически неверно, но и, как показала практика, бесперспективно и даже опасно.

Представляется, что настала пора собрать первый российский историко-культурный конгресс или собор, на котором были бы представлены все интегративные исследования о субкультурах и культурах российских народов и регионов, историко-культурные исследования синтетического характера о древней, средневековой, нововременной и современной истории культуры России. Этот большой культурологический разговор и смотр всех соответствующих научных сил России сегодня необходим, как воздух.

Только на этой основательной базе возможны подготовка и публикация инновационных работ о том, что есть сегодня Россия и россияне, и разработка адекватной историческому опыту и новой реальности модели развития культуры России в свете демократических и гуманистических ориентаций современного человеческого сообщества.

А. А. АНОХИН,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии и социальной экологии Санкт-Петербургского государственного университета

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Культурный ландшафт — понятие, характеризующее результат длительного взаимодействия общества и природного окружения. Его элементами выступают не только памятники высокого художественного достоинства, но и обычная рядовая застройка, жилые здания и производственные учреждения. Культурный ландшафт — это та среда, в которой протекает жизнедеятельность людей. Она в значительной степени определяет поведение людей, влияет на уклад жизни, на этнические особенности и характер хозяйственной деятельности. С ней связано и представление о “малой родине”. Ландшафт — это не просто территория, а прежде всего сложная и динамичная совокупность природных условий, в каждом конкретном случае неповторимое сочетание элементов природной среды и связей между ними. Он несет на себе отпечаток деятельности человека и включает различные компоненты общественного назначения. Поэтому объект культурной политики

на региональном уровне не может ограничиваться учреждениями соответствующего профиля, а должен пониматься значительно шире. По существу, речь идет о гармонизации среды обитания людей. В таком случае способы проведения культурной политики и методы ее реализации неизбежно будут иными. Так, большое культурно-историческое значение имеет региональная программа «Энциклопедия деревень Ленинградской области». Итогом работы явится составление полного энциклопедического свода знаний о развитии поселений всей Ленинградской области. Работа имеет фундаментальный характер и обладает большим мировоззренческим потенциалом. Имеющиеся литературные, проектные, научные и справочные публикации дают отрывочные и неполные сведения о некоторых сельских населенных пунктах. Предлагаемое исследование позволит составить целостную и системную характеристику всех поселений области по единому плану. Подобная работа будет иметь и практическое значение. Она сможет быть использована для определения историко-культурного и социального потенциала сельских поселений, волостей и административных районов, что может быть учтено при разработке предложений по социально-экономическому развитию. Системная информация об эволюции сельских пунктов, их устойчивости за длительное историческое время должна служить основой для принятия решений по выбору направления их развития. Знания о характере землепользования прошлых лет, особенностях развития крестьянских хозяйств, их размерах и специализации должны найти применение при реформировании аграрных отношений. На основе полученной информации, разнообразной по своему содержанию, возможна разработка проектов выделения зон рекреации, составление туристических маршрутов и путеводителей. Историко-географическое описание сел послужит уникальным источником для подготовки краеведческой литературы и учебных пособий для средней школы, целям патриотического воспитания и национального возрождения.

Энциклопедическое описание деревень Ленинградской области будет существенным вкладом в развитие краеведения и изучение культурного наследия.

КАРЕН ГРОВЕР ДАФФИ,

доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии
Государственного университета Нью-Йорка, Генеко (США)

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОМОЩЬЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Современная Россия претерпевает огромные социальные изменения, поэтому вероятность межличностных и общественных конфликтов значительно увеличилась. Нищета, инфляция, нехватка товаров и услуг, безработица — все это ведет к семейным, этническим конфликтам, конфликтам среди соседей, потребительским конфликтам, также как и к появлению проблем в области здравоохранения и криминальных проблем.

Быстро меняющиеся российские ценности — от коллективизма к индивидуализму, от авторитаризма к демократии и от государственно-организованной экономики к приватизации — тоже добавляют смятение и беспорядок в современную жизнь России.

Социальное посредничество (посредничество в сообществе) может далеко продвинуться (дать определенный позитивный сдвиг) относительно заполнения пустоты, образовавшейся после краха коммунистического правительства, которое в прошлом подавляло и уменьшало многие из этих конфликтов.

Социальное посредничество — это использование нейтрального третьего лица, которое внедряется в дебаты (включается в спор), чтобы помочь двум или более конфликтующим сторонам прийти к взаимоприемлемому соглашению о том, как спор может быть разрешен или что в этой ситуации можно делать дальше.

Исследования, проведенные в Соединенных Штатах Америки, показывают, что в 80% случаев в ситуациях, когда конфликтующие стороны обратились к социальному посредничеству, споры были разрешены и 90% из них остались разрешенными, то есть конфликт не возник вновь.

В настоящее время в США разработан ряд программ посредничества, знакомство с опытом применения которых может быть полезным для российских специалистов. В частности, некоторые штаты предлагают программы, касающиеся проблемы социальной реабилитации лиц, совершивших насилие, изнасилование или убийство, и включающие организацию встречи преступника и его жертвы или родственников пострадавшего с участием социального посредника.

Силами хорошо подготовленных медиаторов (посредников) социальное посредничество может обеспечить реализацию на практике некоторых решений для ряда, но, безусловно, не для всех существующих современных конфликтов в России.

Конфликты, которые могли бы быть законным образом разрешены через социальное посредничество, включают, но отнюдь не ограничиваются семейными, потребительскими и этническими конфликтами и могут включать в себя также небольшие преступления, такие, как воровство небольших сумм денег либо преступления, связанные с рядом личностных проблем.

Социальное посредничество становится все более принимаемым в Соединенных Штатах, поэтому каждый штат американского сообщества организует и обеспечивает такую службу. Одной из причин интереса к социальному посредничеству, несомненно, была ситуация, связанная с перегруженностью американских судов гражданскими делами, которые ждали своего разрешения достаточно длительное время. Поэтому Соединенные Штаты обратились к разрешению небольших судебных случаев, например, таких, как бракоразводные дела, через институт социального посредничества. Поскольку ситуация с перегруженностью российских судов гражданскими делами, ждущими иногда своего разрешения по нескольку лет, аналогична, опыт применения социального посредничества может быть полезен.

Особый интерес, по нашему мнению, представляет обсуждение вопроса, в каких ситуациях в России посредничество может быть уместно, а в каких нет.

Однако нельзя забывать и о различиях менталитета и культурных традиций российского и американского сообществ. Россияне предпочитают не включать третье лицо в решение своих проблем и могут в некоторых случаях не принять вторжения третьего, постороннего лица в свою конфликтную ситуацию. Но собственный опыт обучения социальных посредников в Санкт-Петербурге в предыдущие годы говорит о том, что такие специалисты, как менеджеры в бизнесе, администраторы школ, семейные психотерапевты, нуждаются в знаниях и навыках по применению социального посредничества в своей профессиональной деятельности. Конечно, многие «американские» решения проблем предполагают финансовое обеспечение за счет клиента; решение этого вопроса в России будет значительно сложнее, учитывая экономическую ситуацию среднего российского гражданина.

Определенно, процесс социального посредничества должен быть адаптирован к различным культурам, и при его применении в России должны быть учтены все особенности состояния современного российского общества.

(Перевод кандидата психологических наук, доцента кафедры социальной психологии СПбГУП И. А. Шмелевой).

ТЕРЕЗА РОССЕЛЬ,

председатель Европейской региональной группы Всемирной организации социальных работников, директор Школы социальной работы Университета Барселоны (Испания), Почетный доктор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор

ЭТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

1. Контекст и этика. Интерес к этике возрос за последние годы во многих областях знаний. Врачи, журналисты, психологи, юристы, работники социальной сферы проявляют больше внимания к этическим аспектам в своей работе, что свидетельствует о важных социальных переменах, влияющих в большой мере на профессиональные привычки.

Высокий научный и технический прогресс предлагает огромные и бесчисленные возможности с положительными результатами для общества, однако эти возможности ставят также и большие вопросы по их применению, когда они осуществляются беспорядочно или искаженно. Научный прогресс не может происходить параллельно с прогрессом нравственным.

Существуют и другие острые проблемы, которые ожидают нас в ближайшем будущем: это увеличение безработицы, возраст населения, миграция, увеличение и слияние многих культур в Европе. Эти новые социальные реалии необходимо встретить адекватно.

С другой стороны, путь к развитию социальных прав, который обеспечивает создание более справедливого и равноправного европейского общества, основанного на модели *социального благосостояния*, сдерживается новой политической и экономической ситуацией.

Изменение государственной роли в новолиберальных моделях приводит общественное внимание к рыночной логике, ограничивает многие аспекты социальной работы и направляет профессиональные связи к новым, меркантильным, взаимоотношениям.

2. Социальная работа и социальные услуги. Природа социальных и личных нужд и конфликтов, которые находятся в ведении социальной работы, имеет свой источник в таких факторах, как экономика, здоровье, образование, труд и т. д., которые взаимодействуют и предлагаются негативным образом. Любой из этих факторов может объяснить процессы, ведущие к нищете, материальному улучшению или личному краху. Однако в конфронтации этих проблем разные учреждения, принимающие в них участие, частично предлагают ответы, которые каким-то образом могут восстановить личные и материальные убытки, но не включают в общий творческий или восстановительный процесс ни личность, ни семью. Во многих рискованных ситуациях проблема часто решается с помощью отделения более слабых личностей: детей, пожилых людей, умственно и психически пораженных людей — без понимания во многих случаях будущих результатов такого отделения.

Доказано, что только совместные программы с большими перспективами могут преобразить личность и общество.

Любое новое явление или проблема в социальной работе, которые невозможно сразу решить, должны быть закодированы и систематизированы в банке данных техническими средствами. Это давало бы большие возможности для установления последовательных диагнозов и прогнозов, результатов вмешательства, исследования и оценки нового социального явления, создания новой формы отношения к нему, как это происходит в сопутствующих профессиях, таких как юристы, врачи или психологи. Социальные проблемы могут решаться только профессионально компетентными людьми, так как при недостатке знаний в социальной работе псевдосвязь между профессионалами и службой может быть неудовлетворительной для всех, особенно когда центральную проблему трудно решить.

В социальной работе ошибочные действия или отрицательные последствия профессионального вмешательства ставят под сомнение всю профессию. С другой стороны, социальные службы

намерены установить очень строгие нормы и не поддерживать профессионалов в трудных ситуациях. Так, если родитель избивает сына и они вступают в контакт с социальными службами, то важная степень ответственности ложится на профессионалов, иначе их будут критиковать и считать "виновными" в совершении этих действий. Следовать законам или избегать их — зависит от конкретных ситуаций, особенно если учреждение или служба не имеют четких критериев в работе с законами.

3. Нормативная этика в социальной работе. В силу своей гуманистической природы социальная работа имеет несколько главных целей для того, чтобы преодолеть общественную дискриминацию и защитить человеческие права и социальные ценности. Составлен этический кодекс законов; в нем обозначены главные принципы, которым должен следовать сотрудник социальной сферы и которым он не должен следовать.

Хотя кодекс этики является основой в социальной работе, он не решает всех проблем. Из-за срочности проблемы появилась тенденция соотносить социальную этику больше с нормативными аспектами, нежели с практикой применения этих законов.

Во всех профессиональных областях споры об этических нормах сосредоточены большей частью в нравственной сфере: ускорение смерти безнадежно больных, помощь в воспроизводстве, аборт и так далее. Эти вопросы вызывают беспокойство в обществе, так как они воздействуют на устоявшиеся ценности и поднимают вопросы идеологической, нравственной и этической ценности.

В вопросах этики в настоящее время сформировались две основные тенденции: первая ориентирована на корпоративное решение — иметь защиту внутри профессиональной группы, вторая нацелена на развитие философско-гуманистического мышления и общечеловеческие ценности, такие как терпимость, солидарность и честность.

Поскольку возникновение этической концепции связано с понятием добродетели, мы относимся к этике как к кодексу ценностных качеств личности, в первую очередь ответственности за себя и за других.

Сказанное заставляет думать о развитии терминологии в этой сфере и понимании ее не только создателями, но и любым человеком, обращающимся за помощью.

Мы уверены, что беседы об этических проблемах помогают лучше решать проблемы личности, объединяют профессионалов в их деятельности на поприще социальной службы, дают возможность обучать этическим нормам студентов и способствуют развитию у студентов большего внимания к собственным достоинствам и использованию норм поведения, этического кодекса в своей практике.

О. И. КАРПУХИН,
доктор социологических наук, профессор

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

1. Функция государства, его права и ответственность в области культуры в последние десятилетия привлекли беспрецедентное внимание мирового сообщества, международных организаций, национальных парламентов и правительств, наций. Документы, принятые конгрессом ООН в Рио-де-Жанейро, программа ООН "Всемирное десятилетие культуры" (1987—1997), ряд документов ЮНЕСКО, Совета Европы, принятых в 1970—1980-е годы, констатируют выводы о том, что:

— во-первых, никакие международные и национальные программы общественного развития не ведут к успеху, если не учитывают потребностей культурного развития народов и не включают в себя культурные аспекты;

— во-вторых, невозможны какие-либо единообразные, унифицированные мировые модели культурного развития, ибо они игнорируют культурную самобытность народов, угрожают их национально-культурной идентичности и по этой причине деформируются или осознанно отвергаются ими;

— в-третьих, сохранение и использование культурного наследия, создание условий для приобщения всех граждан к культурным ценностям и иной культурной деятельности и условий для свободной деятельности “творческих работников” является такой же областью ответственности любого государства, как и обеспечение достойных условий жизни, здравоохранение, сохранение природной среды, национальная безопасность.

Проблема функции государства в области культуры в середине 1980-х годов актуализировалась и в нашей стране. Однако главным содержанием острой дискуссии об отношениях государства и культуры стали вопросы об ограничении роли и прав государства в области культуры, деэтизации этой сферы, а также деидеологизации культурной политики государства. (Кстати, лишь в 1987 году впервые в официальных документах КПСС и государства появилось само понятие “культурная политика”, хотя в международных документах и научной литературе, в том числе отечественной, оно имеет давнее хождение и научное обоснование.)

Под воздействием общественного мнения, формировавшегося, главным образом, “верхним” слоем политизированной интеллигенции, к концу 1980-х годов реформирование отношений культуры и государства трансформировалось в бегство государства из сферы культуры, что, в конечном счете, привело, образно говоря, и к бегству самой культуры из страны: резкому снижению творческой и просветительской деятельности, сокращению сети учреждений и организаций культуры, снижению культурной активности населения, агрессии так называемой массовой культуры. Необходимые и многообещающие процессы изменения прав и обязанностей государства в области культуры, разгосударствления некоторых ее институтов, демократизации культурной жизни общества осуществлялись стихийно и безоглядно. “Новая культурная политика” фактически породила новую “культурную революцию”.

Расковав инициативу и энергию, эта “культурная революция” породила множество новых субъектов культурной политики, которые стали альтернативой государственным структурам; децентрализовала деятельность государства в области культуры, значительно расширив возможность региональных и местных властей, а также самих государственных учреждений и организаций культуры; потеснила административные методы управления в области культуры и, напротив, расширила возможности методов законодательных и экономических.

Вместе с тем, деидеологизация культурной политики государства приняла гипертрофированные формы и привела, во-первых, к ее неоидеологизации в таких противоречивых проявлениях последней, как антикоммунизм, западничество, национализм и т. д.; во-вторых, к утрате целостности культуры, ее фрагментации и снижению интегрирующей роли, функции самоидентификации нации и составляющих ее народов и этнических групп. Стихийное вторжение рыночных отношений в область культуры породило едва ли не тотальную коммерциализацию культурной деятельности, сводящую культурные ценности к их стоимостным выражениям, а культурную деятельность к отношениям купли-продажи. Оказались разрушенными или ослабленными до опасных пределов целые отрасли культуры — кинематография и кинофикация, реставрация и охрана памятников истории и культуры, книгоиздание, библиотечное дело и другие. Резко — до уровня лет Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — снизилась доступность культурных ценностей для народа, особенно на селе, в рабочих поселках, в районах Крайнего Севера и других. Распались или предельно сузились культурные связи России с другими бывшими советскими республиками, со странами дальнего зарубежья. Наша культура утрачивает мировой авторитет и влияние на мировые процессы.

Формирование новой культурной политики нашего государства — это процесс. Он протекает бурно и противоречиво, вектор культурной политики неустойчив, и можно утверждать, что, в сущности, он еще не определился. В этих условиях особенно необходимы научная рефлексия

складывающихся отношений государства и культуры, теоретическое осмысление и учреждение этих отношений. Это стало одной из задач нашего исследования, где мы пытаемся обосновать вывод о том, что дефицит теоретического знания определяет многие неудачи в осуществлении культурной политики и культурного строительства.

2. Предметом нашего исследования стал механизм управления формированием и реализацией культурной политики государства. В связи с этим перед нами встала задача определения смысла и содержания управления сферой культуры.

В последние годы в общественном сознании сложилось представление, что сфера культуры не поддается управлению. В действительности же мы имеем дело не с неуправляемостью культурной деятельностью и культурным развитием по самой их природе, а со спецификой управления ими. Наши выводы заключаются в том, что этой природе не противоречит прямое управление собственно творческим процессом создания культурных ценностей и процессом их освоения личностью. Необходимо и возможно управляющее воздействие государства и общества на звено культурного процесса, которое опосредует производство и потребление. Таким звеном является распространение культурных ценностей (тиражирование, трансляция, сеть учреждений культуры и так далее). Изменение политики в этом звене, в конечном счете, оказывает влияние, говоря экономическим языком, на спрос и предложение, стимулирует и дестимулирует создание и освоение культурных ценностей. (Разумеется, речь идет о суммирующем эффекте, о тенденциях, а не об индивидуальной деятельности творца или читателя, зрителя и т. п.). Государство и другие субъекты культурной политики способны также «управлять культурой» посредством управления социальными условиями культурной деятельности как для производителя культурных ценностей, так и для их потребителей. Такие условия дифференцируются нами на прямые и опосредованные. К первой группе относятся, к примеру, материальные условия деятельности, свобода творчества, моральные стимулы. Опосредованные условия — это уровень образованности общества, содержательность труда, бюджеты времени населения, развития средств коммуникации, содержание и характер научно-технического прогресса, политических процессов и т. д.

Таким образом, понимая управление как сознательную деятельность институтов по регулированию субъектно-объектных отношений во всем их многообразии для достижения определенных социальных целей, мы видим специфичность управления культурными процессами в том, что внимание сосредоточивается на конкретных механизмах регуляции социокультурной деятельности в соответствии с нормами и принципами, целями и задачами культурной политики как таковой.

Культурная политика как вид социального управления представляет собой деятельность субъектов управления по определению и реализации направлений и способов регулирования финансовых, правовых, социокультурных, организационно-управленческих и иных процессов функционирования и развития культурной сферы государства в соответствии со стратегически значимыми, универсальными для данной политической системы ценностными ориентациями (идеологическими, политическими, духовно-нравственными, эстетическими и другими).

Такая политика призвана обеспечить законодательно фиксированную ответственность государства за охрану культурно-исторического наследия и создание условий для культурной деятельности и вместе с тем самоограничение проявлений государства в области творчества и распространения культурных ценностей, деятельности негосударственных организаций культуры.

3. Одна из основных проблем современной культурной политики государства — сохранение самобытности национального развития отечественной культуры. Существует извечная диалектика общечеловеческого и национально-самобытного: одно реализуется через другое, через взаимодополняемость и сложное взаимодействие. «Русский путь» в сфере культуры — это так же естественно и нормально, как и французский или германский. Вместе с тем, любая самобытность культуры являет собой некое ядро, инвариант общечеловеческой культуры. Поэтому стирание национальной самобытности в культуре того или иного народа неизбежно приводит к невозможной утрате для всей мировой культуры в целом. Таким образом, культура должна иметь возможность для проявлений своей национальной самобытности и в то же время быть открытой

для влияния других культур. Проблема этого соотношения является, на наш взгляд, и управленческой проблемой. Один из ее аспектов — проблема регионализма.

Мы выдвигаем ряд теоретических положений культурного регионализма. Назовем некоторые из них. Диалектика централизма и регионализма — это аспекты проявления общего, особенного и исключительного в отечественной культуре. Для России учет этих аспектов социокультурного развития важен в связи с ее этническим и соответственно культурным многообразием. Можно спорить о содержании таких понятий, как “евразийская цивилизация” или так называемая “православная цивилизация”, но, несомненно, культурное многообразие России в течение ряда веков интегрировано в ее целостную культуру.

Расширение прав и возможностей регионов (республик, краев, областей) создает существенные предпосылки для обогащения культурных процессов, но вместе с тем возникают предпосылки и для культурной автономизации России. Один из выводов нашего исследования заключается в необходимости разных темпов культурных изменений в регионах России, более гибких подходов в организации отношений центра и регионов. К примеру, не надо пугаться, что некоторые процессы демократизации идут в одних регионах быстрее, в других — медленнее. В связи с этим, нами сформулированы понятия культурного федерализма и нового культурного регионализма.

Культурный федерализм возникает как эффект уравнивания культурного экспансионизма, культурного изоляционизма и утраты культурной идентичности различных этнических, конфессио-нально-этнических и других общностей. Качественными критериями такого эффекта являются долгосрочные, то есть устойчивые, векторы соотношения как указанных компонентов культурного федерализма, так и воздействующих на них факторов: нормативных актов, системы финансирования, экономических, культурных и прочих связей.

Выдвигаемая нами концепция нового регионализма в рамках формируемого культурного федерализма является, по существу, спецификой культурной политики государства, в основе которой — учет ценностей разнообразия жизни местных национально-культурных автономий, этнокультурных групп, локальных сообществ, которые противостоят утилитарно-технократическому представлению о регионе как источнике ресурсов и объекта авторитарно-центристской модели управления “сверху”.

4. Вводя понятие социокультурного менеджмента как инструмента культурной политики государства, переходящего к рыночной экономике, мы стремились, с одной стороны, соблюсти терминологическую совместимость с мировой практикой, с другой — обосновать систему ограничений на использование коммерческих механизмов “рыночной саморегуляции” в области культуры, тезис о недопустимости подхода к культуре как заурядному предпринимательству.

Способы и приемы менеджмента как технологии управления, осуществляемого в условиях рынка, могут быть весьма полезны, если они переносятся на область культуры не механистически и учитывают ее специфику.

Экономический подход к культуре предполагает, прежде всего, расширение процессов ее демократизации: получает право голоса так называемый потребитель культурных благ и услуг. Но если не учесть специфику культуры в ее самых различных проявлениях, особенно в проявлениях так называемой высокой культуры, и следовать только голосу потребителя, то есть интересам прибыли, то неизбежно получается обратный результат. Налицо окажется ненормативный, если угодно, тоталитарный подход к культуре в форме диктата малокультурной среды. Современная социокультурная ситуация выявляет актуальность применения таких моделей менеджмента, в которых прежде всего предусматривается система мер по учету и развитию национально-культурных традиций, аутентичности их проявлений, формированию у потребителя культурных благ и услуг ценностных ориентаций, основанных на вышеназванных традициях. Этим требованиям в полной мере соответствуют выдвигаемые нами культурно-экологические модели менеджмента. Однако их применение в России не дает должного эффекта из-за отсутствия необходимой системы государственного патернализма в области культуры. Вследствие этого характер взаимодействия как коммерческих, так и некоммерческих

структур культуры со всеми сферами “внешнего окружения” в условиях современной социокультурной ситуации носит преимущественно отрицательную направленность.

Актуальная разработка мер по преодолению такой направленности — законодательные и иные нормативные акты, переквалификация кадров и их подготовка по новым специальностям, изменения в управленческих структурах, организационные меры.

С. Н. ИКОННИКОВА,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор

МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Процесс социального реформирования и модернизации в России оказал существенное воздействие на состояние и перспективы развития культуры. Одни сферы самоликвидировались, распались; другие почти полностью лишились государственной поддержки, “выпали” из культурной политики; третьи — приобрели новый статус и приоритет. Положительным является то, что культура вышла из-под жесткой опеки идеологического и государственного регулирования, обрела свободу в организационном и содержательном отношениях. Динамика культуры получила импульс для осуществления плюралистической модели развития. Раскол монолитной культуры сопровождается возникновением множества субкультур, сменой однородной (гомогенной) структуры на мозаичную, сложенную из различных, не всегда устойчивых конструкций. Возникли молодежные, этнические, конфессиональные, профессиональные, фракционно-политические, армейские, торгово-мафиозные, преступные субкультуры. Каждая из них имеет свой “экран знаний”, ареал распространения субъектов-носителей, стереотипы поведения и нормы, особую символику и жаргон, организационные структуры и формы имиджа. Цикл их развития определяется стадиями возникновения, кульминации и финиша. После завершения этих циклов субкультура либо постепенно исчезает, либо сливается с иными элементами, создавая новый облик. Движение субкультур идет по законам диффузии и поэтому трудно предсказуемо. Это обстоятельство усложняет процесс их изучения и прогнозирования, делает чрезвычайно сложной выработку принципов культурной политики по отношению к ним. Поэтому культурная политика чаще всего запаздывает, реагирует на перемены в культурной жизни тогда, когда ее меры уже не актуальны или мало эффективны.

Мозаичность моделей культуры неверно было бы оценивать как негативное или кризисное явление. Она выражает реальную множественность и многообразие культур, является реакцией на прежнюю модель унификации. Субкультуры могут менять свое положение в обществе, перемещаться из центра на периферию, сливаться или разъединяться, влиять на самосознание людей, создавать традиции, выражаться в ритуалах и символах. Трансляция субкультур происходит по различным каналам, не только официальным, но и подпольным, питая андеграунд, теневые структуры. Культурная политика должна особенно тонко реагировать на эту мозаичность. Одни субкультуры заслуживают внимания и поддержки; другие — гибкости и толерантности; третьи (преступно-мафиозные, делинквентные, реакционно-националистические) группы требуют правового регулирования. Социально-экономическая и политическая модернизация асинхронна по отношению к социодинамике культуры. Это означает, что культура развивается не по линейной зависимости, а имеет более сложную траекторию. На смену монотенденциям, столь привычным в прошлые годы, пришел социокультурный полифонизм, многосубъектность инициаторов культурной жизни. Отказ государства от монополии на культурную политику способствовал активизации духовной жизни

общества, появлению новых форм творческой деятельности. Однако государство вместе с монопольным правом снизило долю бюджетного финансирования на культуру, науку и образование и тем самым поставило в зависимость от других структур.

Появление различных фондов, ассоциаций, фирм, личных пожертвований стимулирует финансовые возможности. Но вместе с тем и определяет содержание социального заказа. Именно этим объясняется засилье рекламы на телевидении, которую дети знают лучше, чем классическую поэзию, а тысячесерийные сериалы и мыльные оперы вытеснили отечественные кинофильмы. Коммерческие и негосударственные структуры создают в культуре “зоны повышенного риска”, изменяют контуры взаимоотношений власти и интеллигенции.

В прессе широко обсуждается проблема объединительной национальной идеи, общей формулы согласия, которые могли бы содействовать сплочению социальных групп в реализации курса реформ.

Культурная гетерогенность России, соединение в ее пространстве Запада и Востока, Севера и Юга, светских и религиозных направлений, прогрессивных и консервативных тенденций делают уникальной ее ментальность. Под ее влиянием формируется новый облик России, в котором органично соединяются федерализм и региональность, центр и периферия, столица и провинция.

Полифонизм русской культуры не исключает ее единства и неповторимой целостности. Но ментальность и национальный характер не являются универсальными константами, не подверженными переменам. В различные исторические периоды происходят существенные перемены, способные как разъединить, так и консолидировать нацию. Для России особенно важно определение исторических пределов как интеграции локальных культур в единую цивилизационную систему, так и сохранение их уникального своеобразия. Единство как “дробное множество” становится стратегическим направлением культурной политики.

Распад тоталитарной системы поставил под сомнение необходимость государственного участия в культуре. Многие считали, что вмешательство государства в любом виде наносит вред культуре, что культура — самоорганизующаяся система и она сама справится со своими проблемами. Предлагалось не обращать внимания на возникающие проблемы, ибо в конечном счете “все само образуется”.

Возможно, в обществе стихийно будут происходить процессы саморегуляции, постепенно будут преодолеваться негативные явления, будут появляться более возвышенные оценки, отказ от примитивизма и вседозволенности. Но на это уйдут годы, и за эти годы вырастут новые поколения, во многом лишенные духовного богатства российской и мировой культуры.

Именно поэтому теоретики и практики сейчас вновь обращаются к разработке культурной политики на основе сочетания федерализма и региональности, определения ее приоритетов и механизмов реализации, духовной защиты населения страны. Завершение распада прежних управленческих структур и появление новых выдвинуло особые задачи в подготовке кадров, изменении квалификации и профессий, создании учебных центров и программ, издании специальной литературы. Движение “гуманитарные науки — гуманитарному образованию” вовлекло в орбиту многих ученых для написания нового поколения учебников.

Проблемная ситуация, сложившаяся за годы реформ в России, имеет федеральный и региональный вектор. Принципы “культурного федерализма”, отражающие предпочтение развитию центра как способа скрепления целостности культуры, постепенно вытесняются политикой “нового регионализма”, стратегия которой состоит в максимальной мобилизации внутренних ресурсов региона, возрождении национально-исторических традиций, многообразии культурной жизни локальных цивилизационных комплексов и этнокультурных групп.

Стратегия культурного регионализма уравнивает и гармонизирует культурную политику, убергая ее как от крайностей экспансии центра и утраты культурной идентичности, так и от изоляционизма, провинциализма и национальной исключительности.

Следует подчеркнуть особую значимость стратегических направлений не только Запада и Востока, но и Севера и Юга. Эта ось в современной культуре обладает как значительными историко-

культурными ресурсами, так и “горючим” материалом этносоциальных конфликтов, усиливаемых неадекватными формами и принципами реализации культурной политики.

Культурное пространство может выполнять собирательную функцию, способствовать объединению нации, сплочению социальных групп. Но возможна и другая модель, когда культурное пространство уменьшает степень притяжения между регионами, делая их обособленными и замкнутыми. Эта “рассеивающая” функция культурного пространства значительно ослабляет возможность интеграции.

Культурная политика может содействовать тому, чтобы пространство стало соединительной тканью процесса интеграции. Архитектоника культурного пространства включает ареалы распространения национально-этнических языков общения, традиционные формы бытового и хозяйственного уклада, исторические памятники, центры народного и профессионального искусства, природные заповедники, места исторических событий, комплексы науки и образования, архитектурные и религиозные ансамбли.

Топография инфраструктуры культурного пространства изучена еще недостаточно, а становление региональной культурологии будет способствовать научному обоснованию культурной политики.

Культурное пространство страны — Дом, среда повседневного обитания людей. Этот Дом может быть богатым и бедным, ухоженным и запущенным, желанным и нелюбимым, уютным и холодным. Он выполняет сакральную функцию защиты от невзгод, в нем человек находит помощь и поддержку, возможность для самореализации. Это не только родные просторы, памятники и культурные ценности, но и чувство родственной близости населяющих его людей. Образы культурного пространства как “семейного гнезда”, спасительного “ковчега” достаточно прочно укоренились в народном самосознании.

Культурное пространство динамично. Оно пульсирует, “дышит”, как живой организм, может возрождаться и погибать, расширяться и сужаться, переживать кризисы и болезни, взлеты и падения. Оно напоминает “Древо жизни”, имеющее глубокие корни и разветвленную крону. В нем сильны восходящие и нисходящие токи и энергетические импульсы. Оно обладает “пористой” структурой: древние пласты, казалось бы, архаичные и реликтовые, поднимаются из инобытия в современность.

Культурное пространство России является национальным достоянием, в нем исторически накапливается, сохраняется и передается последующим поколениям все то, что составляет духовное богатство народа.

Россия — грандиозный культурный ансамбль многих народов, и культурное пространство объединяет их, создавая неповторимый узор энергетически мощной и притягательной ауры. взаимного понимания и дополнения. Примитивный прагматизм нанес немалый вред культурному пространству. Разрушение храмов, осквернение исторических памятников, опрошение и засорение русского языка, беспорядочность городской и сельской застройки, захламленность территорий, уничтожение старинных жилых кварталов, бездумное подражание в оформлении городских улиц, безжалостное отношение к природе нанесли ущерб самосознанию народа. Решение этих проблем должно стать основой компетентной региональной политики. Мировой исторической практике известны различные модели государственной культурной политики, обусловленные многообразием культур, стран и рыночной экономикой. Среди них выделяются модели государства — партнера; государства — патрона и вдохновителя; государства — архитектора и инженера. Государство выступает в роли заказчика культурных программ; мецената-покровителя, поддерживающего творческие инициативы; финансиста, обеспечивающего реализацию проектов. Целесообразность культурной политики общепризнана. Проблему составляет избрание модели, наиболее соответствующей развитию гуманистических потенциалов культуры. Важно при этом исключить монополизм, унификацию, идеологический диалект в сфере культуры. В условиях модернизации общества формируется принципиально новая модель культурной политики, преодолевающая прежние стереотипы во взаимоотношениях центра и периферии, утверждающая политическое партнерство и диалог, взаимную ответственность за сохранение и развитие культурных ценностей.

Возрождение культуры России непосредственно зависит от состояния регионов. Именно в этих локальных цивилизационных комплексах идут реальные культурные процессы. Регион — своеобразная и уникальная геотнoкультурная система. Проблемы культурной регионализации определяют новые принципы программирования и социального проектирования развития местных комплексов культуры, кооперирования усилий государственных и частных фондов, форм самоуправления.

Критерий эффективности культурной политики определяется сочетанием федеральных и региональных интересов; раскрытием творческих потенциалов личности; достижением общественного согласия; сохранением историко-культурных традиций и этнической самобытности; высоким общественным авторитетом деятелей культуры.

Культура — наиболее надежный способ противостояния деструктивным тенденциям, гарант сохранения человеческого потенциала как субъекта социальной памяти и созидательной деятельности. Необходимо осознать, что культура — одно из основных условий национальной безопасности. Она оказывает мощное влияние на менталитет и поведение людей и поэтому должна быть в центре, а не на периферии интересов государства. Эти положения являются серьезным предупреждением властным структурам, склонным отодвигать на второй план проблемы культуры и образования.

Взаимоотношения власти и культуры — сложная проблема современности. Освобождение от идеологических основ породило иллюзию о полной независимости и свободе в развитии культуры. Однако вскоре этот миф был развеян практикой, а культура оказалась под сильным давлением коммерциализации, остаточного финансирования, субъективных предпочтений.

Разработка культурной политики может стать защитным механизмом, предотвращая разрушение историко-культурной среды, осуществляя трансляцию культур, воссоздавая духовную элиту на основе просвещения и образования. Именно эта модель культурной политики наиболее перспективна.

Л. П. РОМАНКОВ,

председатель Комиссии по образованию и культуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КУЛЬТУРА

Как известно, Санкт-Петербург является равноправным субъектом Российской Федерации. В соответствии с этим есть вопросы, которые решаются исключительно на федеральном уровне, вопросы, которые входят в совместную компетенцию и, наконец, вопросы, которые уполномочен решать сам субъект.

В статье 72 Конституции РФ указано, что к совместному ведению относятся “охрана памятников истории и культуры”, а также “общие вопросы культуры”. Это означает, что некоторые общие принципы устанавливаются федеральным законодательством, а местная специфика учитывается законами субъекта.

Значение Санкт-Петербурга как культурной столицы России призывает нас к усиленному вниманию и поддержке культурных процессов в городе; к этому же ведет мысль об исключительной важности культуры не только в качестве основы морали, но и в качестве стимула экономической деятельности в городе, в частности, в привлечении инвестиций.

Инструментами финансовой поддержки культуры в сфере законодательства являются законы о бюджете, о ставках арендной платы, о налогах, о благотворительности.

Бюджет. К сожалению, хотя в федеральном законе и указано, что доля расходов на культуру в региональных бюджетах должна быть не менее 6 процентов, в реальности эта цифра в Санкт-

Петербурге в последние годы составляла около 1,5—1,7 процента. Только в бюджете 1998 года предусмотрено увеличение расходов до 2,9 процента.

В реальных цифрах это означает выделение 2 697 404 денонмированных рублей на текущие расходы и 1 454 347 руб. на капитальные вложения. К этим цифрам следует присовокупить 35 000 руб. на ремонт и реставрацию памятников архитектуры. Эти средства составляют 50 процентов арендной платы, полученной от использования зданий — памятников истории и архитектуры. Правда, существует еще резервный депутатский фонд в размере около 2 процентов расходной части, и многие депутаты направляют средства из этого фонда на цели поддержки культуры. В частности, благодаря этому фонду удалось поднять зарплату библиотекарям и музейным работникам, обеспечить ремонт и реставрацию отдельных памятников культуры и истории, поддержать “толстые” журналы.

Арендная плата. В принятый Законодательным Собранием 3 сентября 1997 года закон “О порядке определения арендной платы за нежилые помещения, арендодателем которых является Санкт-Петербург” удалось внести поправки, понижающие в 10 раз уровень арендной платы для “организаций культуры и искусства, редакций средств массовой информации, издательств, книжных магазинов..., творческих работников, арендующих помещения, включенные в фонд творческих мастерских”. Эта политика является продолжением ранее принимаемых мер по корректировке старой методики расчета арендной платы в сторону ее снижения для организаций культуры за счет использования коэффициентов вида деятельности и цели.

Налоговая политика. В целях дополнительной поддержки культурных процессов, осуществляемых негосударственными объединениями, Комиссией по культуре и образованию были подготовлены и проведены через Законодательное Собрание законы “О льготном налогообложении участников благотворительной деятельности в СПб” и «О внесении изменений и дополнений в закон СПб “О некоторых вопросах налогообложения в 1997—1999 годах”». Смысл первого закона заключается в трех позициях:

— исключение из налогооблагаемой базы предприятий средств, пожертвованных на благотворительные цели, в том числе в области культуры (но не свыше 3 процентов);

— освобождение от местных налогов благотворительных организаций (в том числе в области культуры), не занимающихся предпринимательской деятельностью и тратящих не менее 50 процентов средств на благотворительные цели;

— освобождение от местных налогов бизнес-организаций, учрежденных благотворительными фондами и тратящих не менее 80 процентов на благотворительные цели фонда.

Второй закон определяет возможность направлять часть средств от 1,5 процента налога на содержание жилищного фонда и социально-культурных объектов не в бюджет, а на поддержку различных организаций и мероприятий в области культуры. При этом оговаривается максимальный размер всех потерь бюджета от такой льготы (250 млн руб., или около 60 тыс. долларов). Если учесть, что в Петербурге существует около 400 некоммерческих организаций в области культуры, то это явилось существенным подспорьем для их деятельности.

Принимались также и законы, направленные на поддержку определенных, важных для города, культурных мероприятий, как, например, закон «О льготном налогообложении организаций, участвующих в финансировании культурной программы “Месячник европейской культуры”» (от 22.05.96).

Охрана памятников. Ряд законодательных актов Санкт-Петербурга касался взятия под государственную охрану некоторых вновь выявленных памятников искусства и культуры, в частности, в Красносельском районе. После известного указа Ельцина о понижении статуса ряда памятников федерального значения Законодательным Собранием был немедленно принят закон “Об объявлении охраняемыми памятниками истории и культуры местного значения” (от 2.07.97), содержащий перечень примерно из 130 недвижимых памятников градостроительства и архитектуры, а также памятников истории. С другой стороны, понимая невозможность полноценной защиты памятников (ремонта и реставрации) лишь на бюджетные средства, был установлен порядок приватизаций зданий — памятников местного значения. Для этой цели при Комитете по государственному

контролю, использованию и охране памятников истории и культуры был создан научный совет по охране культурного наследия. Его задачей является определение особых условий приватизации — установление тех архитектурных деталей, деталей интерьера, которые не могут быть изменены собственниками.

Поощрение организаций и деятелей культуры и искусства. Законодательным Собранием был принят закон "О звании Почетный гражданин Санкт-Петербурга". За истекшее время из 9 награжденных 7 человек — это деятели культуры, в том числе академик Дмитрий Лихачев, актер Евгений Лебедев, скульптор Михаил Аникушин.

Еще прошлым составом Ленсовета был установлен перечень художественных мастерских, которые являются собственностью города и не могут быть перепрофилированы, то есть использоваться под другие цели. Таких мастерских в городе насчитывается около двух тысяч, и их арендаторы — творческие лица — пользуются льготами по оплате аренды и коммунальных услуг.

Под эгидой Законодательного Собрания неоднократно проводились международные фестивали и за счет средств Собрания устанавливались почетные премии победителям конкурса, например, лауреатам Международного музыкального фестиваля имени С. Прокофьева, детских музыкальных фестивалей "Учитель и ученик", "Ода к радости", международного фестиваля бардовской песни "Петербургский аккорд".

Проекты преобразования городской среды. В соответствии с законодательством Санкт-Петербурга крупные (в финансовом смысле) проекты, или проекты затрагивающие культурно-историческую сферу города, должны рассматриваться Законодательным Собранием. Используя это положение, удалось предотвратить реализацию некоторых, на наш взгляд, крайне неудачных попыток, например, установить в центре города бронзовые памятники адмиралам-флотоводцам к 300-летию русского флота или возвести башню-небоскреб на территории Васильевского острова.

С другой стороны, мы добиваемся обеспечения более активного участия горожан в обсуждении такого рода проектов путем организации общественных слушаний.

А. С. МЫЛЬНИКОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Логика научного познания, реальные потребности жизни остро ставят вопрос о необходимости выработки целостного, системного подхода к изучению условий, возможностей, характера результатов межэтнического культурного взаимодействия, а тем самым — и их прогнозирования. В этом и заключается смысл создания этнической имагологии как комплексной области знания на стыке ряда научных дисциплин.

Как область знания о представлениях и образах, общая имагология возникает в середине нашего столетия, хотя истоки ее можно обнаружить гораздо раньше. В основном они инициировались представителями психологии и литературоведения. Так, итальянский психолог Антонио Менегетти, создатель онтопсихологии, основываясь на трудах своих предшественников, сделал попытку связать воедино языки снов, природы и жизни: "Все авторы пытались расшифровать сны, базируясь на культуре, мифах, мнениях. Никто не нашел пути к языку, которым пишет сама природа во сне" (Менегетти А. Словарь образов: Практическое руководство по имагогике. Пер. с итальянск. и англ. Науч. ред. Е. В. Романовой, Т. И. Снытко. Л., 1991. С. 25). Отсюда его преимущественный

интерес к содержанию символов и их соответствию жизненным реалиям, объединенные им в понятие “имагогика”.

Это один из возможных аспектов имагологии, привлечший к себе внимание английских, французских и немецких литературоведов-компаративистов примерно с 50—60-х годов нашего столетия. Здесь, однако, нужно со всей определенностью подчеркнуть два момента. Первое: у истоков этого направления, еще не названного имагологическим, стояли труды великого русского филолога и историка культуры А. Н. Веселовского. Второе: исходным для разработки им концепции “сравнительного метода” были славянские материалы. Ныне общепризнано, что наследие А. Н. Веселовского оказало огромное воздействие на последующее изучение прошлого и настоящего славянских культур, прежде всего — литературы и фольклора, в их взаимосвязях между собой и с культурами других народов в контексте мирового культурно-исторического процесса. Это имеет прямое отношение и к нашей теме. Такие компоненты творческого наследия Веселовского, как “антропологическая теория” заимствований с учетом идеи “встречных течений”, его вывод о “самозарождении” и преемственности литературных и фольклорных сюжетов, имеют прямое отношение к изучению этноисторической эволюции.

В 1979 году западногерманский литературовед Манфред Фишер писал: “Поскольку компаративистика, по крайней мере в немецкоязычной среде, является не только молодой, но до сих пор в значительной мере еще неизвестной академической дисциплиной, желательно краткое описание этой дисциплины, ее предмета, методов и целей, чтобы посредством этого показать место и значение имагологии, интегрированной в компаративистику” (Fischer M. S. *Komparatistische Imagologie: Für eine interdisziplinäre Erforschung national — imagotyper Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie*. 1979. № 10. S. 30). Он обращал при этом внимание на возможности выявления литературных образов (“картин”) других стран в соответствующих национальных литературах. Примерно в этом же смысле рассуждал румынский литературовед и культуролог Александр Дуца. “Из образов, — подчеркивал он, — возникают клише, стереотипы, которые на протяжении многих поколений стимулируют или тормозят интеллектуальный обмен”.

В настоящее время накопленный опыт позволяет выделить еще одну грань имагологии — этническую. Понятно, что многое из входящей сюда проблематики давно уже попало в поле зрения ученых таких дисциплин, как этнография, философия, культурология, социология, психология и так далее. Однако накопленные наблюдения и выводы до сих пор были разобщены, так сказать, по отдельным дисциплинарным департаментам. К тому же в каждой из названных и родственных им наукам по понятным причинам существуют свои методики, далеко не всегда позволяющие соотносить полученные данные.

На наш взгляд, предмет этнической имагологии могли бы составить следующие основные направления:

1. Создание этнической (этнокультурной) картины мира в различные исторические эпохи, у разных народов и в разных странах.
2. Изучение причин возникновения, формирования и бытования тех или иных стереотипов — образов отдельных народов и их представителей.
3. Разработка комплекса вопросов, связанных с изучением представлений о национальном характере, этническом менталитете и сопряженных с этим явлений, в совокупности порождающих соответствующие этнокультурные стереотипы. Во избежание упрощенной трактовки, а тем более — модернизации, исследование названного комплекса должно вестись с учетом групповых социокультурных представлений, далеко не всегда характерных для представлений общезнаковых.
4. Исследование феномена исторической памяти, которая посредством взаимодействия этнического, пространственного и диахронического факторов обеспечивает преемственность этнической (этнокультурной) традиции от прошлого к настоящему и будущему.

Итак, картина мира — этнокультурные стереотипы — этнический менталитет — историческая память. Таковы основные звенья этнической имагологии. Их системная разработка отнюдь не претендует на некое “руководство” культурными процессами, которое, заметим, в прямом смысле

едва ли возможно. Речь идет о чем-то несравненно более глубоком и важном. Взятые в комплексном единстве, намеченные звенья этнической имагологии способны открыть новые возможности и пути познания и осмысления сложных, необычайно противоречивых и зачастую скрытых от посторонних глаз этнопсихологических механизмов межэтнического взаимодействия. А от их познания и осмысления перейти к прогнозированию дальнейшей эволюции и к выработке оптимальных способов и форм достижения межнационального взаимопонимания. Иначе: от познания — к знанию, а через это — к пониманию.

Ибо субъективные представления этносов о самих себе и о других этносах в качестве форм общественного сознания не менее объективны, чем то, что в них отражается и закрепляется.

А. И. ЧИСТОБАЕВ.

доктор географических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института географии Санкт-Петербургского государственного университета

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Пространственно-временная парадигма получила широкое распространение в географической науке. Первая ее составляющая — пространство — введена в литературу в XIX веке К. Риттером, а в XX веке развита его учеником А. Геттнером. Углубляя их учение о пространстве, Р. Хартшорн в середине XX века ввел понятие “время”. Ныне практически все географы признают тесную связь пространственного аспекта с временным, рассматривают пространственно-временную структуру общественно-географических событий.

Общественно-географическое пространство — это пространство общества в совокупности со всеми сферами географической среды, точнее — теми их частями, где осуществляется основной процесс жизнедеятельности населения. Другими словами, общественно-географическое пространство — это пространство ойкумены — заселенной, освоенной или иным образом вовлеченной в орбиту жизни общества части географической оболочки Земли с ее пространственными структурами хозяйства и формами организации жизни общества, включая отношения людей, их культуру, уровень и образ жизни. Основополагающим началом является сам человек с его разумом, интересами, интеллектом, потребностями, способностями, причем каждого человека надо рассматривать не изолированно, а в сочетании с окружающей средой.

Подавляющая часть контактов между людьми происходит на уровне микропространства, то есть там, где сконцентрирован ежесуточный цикл жизнедеятельности человека. Ранее этот цикл замыкался в населенных пунктах, ближайшем “жизненном окружении” (термин Т. Хегерстранда), или “кормящем ландшафте” (термин Л. Н. Гумилева). По мере развития технического прогресса, особенно транспорта, границы цикла жизнедеятельности расширялись, в нем все отчетливее обособлялись “поля взаимодействия” — поле потенциалов (его обосновал И. Стюарт), поле сфер влияния (А. Леш, П. Хаггет, С. Я. Ныммик), поле месторазвития этноса (Л. Н. Гумилев). В местах наложения “полей” складывается локализованная в соответствующем социогеопространстве территориальная общность людей.

На характер формирования и структуру территориальной общности людей влияют следующие условия:

- исторические (определяют генотип общностей, навыки и традиции людей, особенности быта, отдыха, взглядов, отношений);
- природные (влияют на особенности труда и отдыха, содержание и уровень материальных потребностей, организацию быта);

- социально-экономические (определяют социальный и профессиональный состав населения, уровень квалификации, характер трудовой деятельности);
- инфраструктурные (изменяют подвижность населения, степень удовлетворения потребностей людей в благах и услугах, уровень интеллектуальности и просвещенности людей);
- организационно-политические (воздействуют на территориальную структуру жизнедеятельности населения, инициативу и свободу личности).

Под воздействием этих условий на относительно локализованной территории постепенно вырабатываются общие стереотипы поведения людей, свойственные как представителям коренного этноса, так и пришлому населению, а со временем — доминирующему обществу в целом. В цивилизованном обществе стереотипы поведения распространяются на все сферы жизнедеятельности, в совокупности определяют особенности культуры территориальной общности людей. Таким образом, например, возникла петербургская культура, вобравшая в себя элементы не только русской, но и финно-угорской, скандинавской, западноевропейской и других культур евразийского континента.

Приобретенные в определенной общественно-географической системе особенности культуры сохраняются в людях и с переменной места жительства. При массовых однонаправленных миграциях населения культурное пространство расширяется, причем может быть как континуальным, так и дискретным. Таким образом, например, возникли очаги русской культуры в Канаде, некоторых странах Латинской Америки, во Франции, то же самое можно сказать относительно культуры карел в Тверской области или культуры немцев Поволжья в России.

В. Д. ПЛАХОВ,

доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

РОССИЯ: ЭТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Существенным элементом любой культурной системы является культура поведения, или этологическая культура. Между тем ее изучению не уделяли до сих пор должного внимания. В связи с этим обстоятельством необходимо сделать следующие пояснения.

Этологическая культура составляет предмет особой научной дисциплины — этологии, развивающейся на синтезе культурологии, социологии, социальной и общей психологии. Теоретическое ядро этологии образует нормоведение, или нормология, — учение о социальных нормах. Плодотворное развитие этологии возможно только с учетом достижений целого комплекса наук. В их числе общая теория систем, теория информации, кибернетика, юриспруденция, этика, генетика, история и другие науки. В настоящее время встает остро вопрос о возрождении вполне самостоятельной комплексной научной отрасли — социальной этологии, которая первоначально в античном обществе и формировалась как наука о нравах, обычаях, регулирующих человеческое поведение. Гераклит говорил, что “этос человека есть его демон”, указывая тем самым на место, роль и характер детерминирующего действия этоса на поведение людей. В самом деле, социальные нормы являются источником детерминации: они же определяют содержание (структуру) поведения, действия неотвратно и тотально.

2. Центральное понятие этологии — этос. Обычно под ним подразумевается некая схема, образец, алгоритм, матрица, клише, модель, программа поведения. Но это лишь самое общее и очень приблизительное представление об этосе. Более строгий научный подход требует выделять в этосе содержание (1), форму (2) и механизм (3), причем только их единство и интегральное проявление обеспечивают реальное действие этоса. Этическое (нравственное) поведение,

регулируемое этическими нормами, лишь часть этоса, в который входят также производственное (трудовое), экономическое, политическое, экологическое, гигиеническое и прочее поведение. Специфические закономерности действия этоса сопряжены с уровнями организации человеческого поведения: биологическим, психическим и социальным, в котором два первых — биологический и психологический — представлены в “снятом” виде (по закону отрицания отрицания). Особый интерес представляют механизмы детерминации человеческого поведения, среди которых обращают на себя внимание рационально-логические (1), социально-психологические (2), индивидуально-психологические (3), биогенетические (4), предполагающие еще большую дифференциацию. В частности, биогенетические включают соматическую, физиологическую, гормональную и другие виды детерминации человеческого поведения. В соответствии с такими представлениями мы предлагаем выделить в рамках этоса следующие иерархические уровни:

— социальные нормы и, соответственно, нормативное сознание и нормативное поведение; этот уровень связан с действием ментальных, социально-психологических и психических законов и закономерностей, а также механизмов поведения и образа жизни в целом;

— этологические стереотипы, существование и проявление которых обеспечиваются преимущественно психическими (социально-психологическими и индивидуально-психологическими) механизмами;

— паттерны, то есть отличающиеся устойчивостью и относительной повторяемостью поведенческие схемы, образцы, связанные с биогенетическими и психическими бессознательными механизмами поведения;

— фреймы — структуры-рамки со свойственной им диффузностью и детерминирующие поведение людей из глубинных отделов сознания и психики; их действие связано с биогенетическими механизмами и закономерностями.

Нормосознание является результатом социализации индивидов. Условием действия этологических стереотипов, а также в известной степени паттернов служит отчасти социализация, однако большую роль здесь играют уже биопсихологические механизмы, в частности бессознательные и те, что связаны с глубинными отделами человеческой психики, изучаемыми глубинной и экзистенциальной психологиями. Здесь уместно указать на общий этологический принцип: любой поведенческий акт является интегральным итогом всех (но в разной степени) механизмов, действующих на вышеуказанных четырех иерархических уровнях регуляции витальных процессов. При этом бихевиоральные механизмы и структуры (законы) изучаются эссенциологией этоса, тогда как само поведение как динамическая связь организма (субъекта) со средой изучается феноменологией поведения. Например, именно эссенциология изучает нормы как максимы (термин “максимы” принадлежит Канту), тогда как нормативное поведение субъекта интересует феноменологию.

3. Этологическая культура каждого конкретного социума отличается прежде всего содержанием социальных норм. Но вместе с тем обращает на себя внимание существование некоторых общих, формальных структур, различающихся, в частности, по статусу. Для примера содержательной характеристики можно указать на героический этос, рыцарский этос, мещанский этос и др. По статусу есть смысл различать доминирующие, ординарные и экстраординарные этосы, подразделяющиеся в свою очередь на более специфические. Скажем, ординарные этосы включают в свой состав ортодоксальные и неортодоксальные, маргинальные и прочие этосы. Экстраординарные этосы подразделяются на аморальные и криминальные (преступные). Для нас в данном случае представляют интерес доминирующие этосы. Их исследование применительно к капиталистическому обществу и связано с именами М. Вебера, В. Зомбарта, М. Оссовской и других ученых. Они показали, в частности, что капиталистический этос связан в первую очередь с этологическими феноменами “расчета”, “накопительства”, “порядка”. Все это формы поведения и даже образа жизни, который, следуя за М. Вебером, мы обозначим символическим термином “бухгалтер”. Антиподом этого этоса, корнями уходящего в протестантизм, является этос, который мы также условно-символически назовем “бунтарь”, имея в виду, что он, этот этос, характеризуется неприятием какого-либо порядка, организации, подчинения раз заведенному правилу.

4. Вторая половина XIX и начало XX столетия ознаменовались для России в связи с известными историческими условиями (борьба с самодержавием) широким распространением и до того достаточно влиятельным в массах населения этоса “бунтарь”. Укажем здесь на два веских обстоятельства, обусловивших указанный этологический феномен. По традиции, ведущей начало еще от Герцена, имело место неприятие русской интеллигенцией по политическим, экономическим, этическим и общегуманитарным основаниям западного, капиталистического этоса — античеловечного, “машинного”, “мещанского” (напомним, что “мещанин” — эту тему обстоятельно разрабатывал, в частности, М. Горький — рассматривался в России как антипод “революционера”). Это во-первых. Во-вторых, русской душе, русскому характеру всегда были свойственны стихия, инстинктивное стремление к “вольнице”. На это обстоятельство указывали и Н. Михайловский, и В. Лосский, и Н. Бердяев. Такой “национальный” характер и предопределил в значительной мере бунтарство (напомним, что В. И. Ленин писал о революционерах в самодержавной России как об узком круге политических деятелей). Символом бунтаря-правдоискателя и одновременно героя-мученика, страдальца, принявшего смерть за “правое дело”, “за народ”, стал Стенька Разин, о котором Пушкин писал как о первом лирическом герое, а М. Бакунин — как о народном богатыре, сосредоточившем в своем лице всю народную жизнь и силу.

Сказанное позволяет сделать с очевидностью вывод об этологической закрытости русской культуры, тем более православной, западному предпринимательскому этосу, утверждению которого способствовала, как убедительно показал М. Вебер, протестантская этика. В некотором роде история повторяется и напоминает сейчас в России эпоху петровских преобразований. Боярская, стрельцкая, православная культура не могла служить почвой для преобразований России на “западный манер”. Западноевропейский этос внедрялся Петром I насильственно, и социальной опорой этого исторического процесса служили в подавляющем числе случаев, как известно, иммигранты, ландскнехты культуры. Причем вербовка недостающих в России кадров, столь необходимых в прогрессивных преобразованиях, продолжалась и в последующие столетия, после смерти первого русского императора, правда, в разных масштабах и разными темпами. Именно эти кадры и стали в первую голову носителями нового предпринимательского, делового этоса. Вспомним, что даже Ленин после октябрьского переворота указывал на необходимость культивирования в новых российских условиях “американской деловитости”.

И. Б. ОРЛОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук и Международной академии информатизации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук Санкт-Петербургского института кино и телевидения

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политико-культурная палитра российского общества характеризуется крайней гетерогенностью, существованием субкультур с совершенно различными, если не диаметрально противоположными ценностными ориентациями, отношения между которыми складываются конфронтационно, а подчас и антагонистично. Если посмотреть на политическую историю России трех последних столетий, то нетрудно заметить постоянный конфликт субкультур — западной и почвеннической, радикальной и патриархально-консервативной, анархической и этактистской.

Вопрос о многообразии типов политических культур в современной России активно обсуждается в научной литературе. Вместе с тем важно не только констатировать безусловно верный факт,

вскрывать генезис различных типов политических культур, имеющих место в современной России, но и прорабатывать возможные пути их консолидации, искать ядро национальной политической культуры. Исторический опыт здесь может оказаться весьма полезным.

Ядро политической культуры, являясь частью ядра общенациональной культуры, концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны, систему ценностей, выработанных этносом в политической сфере. Ядро политической культуры, как и ядро общенациональной культуры, имеет такие же закономерности, то есть, во-первых, достаточно стабильно и не может изменяться так же быстро, как, например, правовые нормы политического процесса; во-вторых, представляет, по существу, информационную структуру, определяющую направления развития политической жизни, и в этом своем качестве, безусловно, меняется под влиянием различного рода экономических и политических новаций.

Не претендуя на исчерпывающий анализ ядра российской политической культуры, попытаемся все же ответить на вопрос о ее структуре. При этом будем исходить из того, что к элементам этой структуры правомерно будет отнести те, которые, пройдя испытание временем, в основном сохранились и в современных условиях, оказывают влияние на суждения и поступки граждан, то есть стали устойчивыми традициями. Прежде всего отметим такие ценности, как социальная справедливость, коллективизм, соборность, народоправство, самоуправление, признание единоначалия со стороны харизматического лидера. Одновременно вышеназванные ценности можно рассматривать и как нормы поведения людей в ходе политической жизни.

Правилами, которыми в течение веков руководствовались, участвуя или даже соприкасаясь с политическим процессом, можно считать долготерпение, медленное втягивание в политическую жизнь, склонность к поддержке "обиженных" властью. Правила эти опираются, с одной стороны, на отечественную традицию и менталитет, и в этом смысле выполняют консервативно-охранительную роль по отношению к ядру политической культуры, а с другой — регламентируют конкретные действия субъектов политической жизни, например, участие в электоральном процессе, и в этом отношении являются наиболее изменчивой его частью.

Все попытки разрушить ядро российской политической культуры или даже трансформировать ее под западные модели заканчивались провалами. Представляется, что до современного периода российской истории было по крайней мере три таких попытки. Первая — Петровские реформы, составной частью которых были и политические преобразования, в дальнейшем затормозившиеся в царствование его преемников и вновь продолженные в начале правления Екатерины Второй. Наступивший затем по закону волны откат от политических реформ, характерный для российской истории, не смог на длительный период времени затормозить новую попытку заимствовать западноевропейскую политическую культуру.

Вторая попытка приходится на реформы Александра Второго. Практически все буржуазные реформы 1864—1874 годов имели и политическую направленность, заимствуя образцы западноевропейской политической практики. Однако, как это было характерно для российской истории, контрреформы выхолостили демократическую сущность политических преобразований. В правление Александра Третьего и Николая Второго маятник общедемократических преобразований (в их западноевропейском понимании), как известно, пошел в сторону авторитаризма, что, однако, сопровождалось усилением национально-патриотического уклона и почвеннических традиций в общественном сознании и культуре. Причем Николай Второй, нарушив традицию чередования либерально-демократического правления и авторитарного, сложившегося в России, сделал амплитуду маятника еще больше, что, несомненно, затруднило уже на этом этапе в начале XX века продвижение к гражданскому обществу.

Третья попытка разрушения ядра политической культуры была предпринята в ходе февральской и октябрьской революций 1917 года. Импульс последней смог существенно разрушить ядро российской политической культуры. Однако даже это воздействие не смогло полностью уничтожить основополагающих элементов, составляющих ядро российской политической культуры.

В современных условиях мы являемся свидетелями очередной попытки разрушения ядра отечественной политической культуры. Однако представляется, что на этот раз противодействие такому разрушению обозначилось достаточно скоро. По крайней мере со второй половины 1990-х годов эти две тенденции в политической жизни современной России соперничают, и можно предположить, что и в начале XXI века это противостояние будет иметь место.

Но предотвращение разрушения ядра отечественной политической культуры и сохранение его в первоначальном виде или консервация — вещи разные. Постановка вопроса о сохранении всего ядра с течением времени не только нереально, но и просто ошибочно. Это возможно сделать только в сугубо закрытом обществе. Поэтому речь может идти только о сохранении той части ядра политической культуры, которая основана прежде всего на российских политических традициях. Так, опираясь на национальные традиции народоправства, проявившиеся неоднократно в народном вече, земских соборах, крестьянской общине, отечественная политическая культура воспринимает широкое гражданское участие в представительных органах власти и не приемлет его сокращения во властных структурах. После демонтажа системы органов советской власти в 1993 году и явного усиления всей исполнительной вертикали в ущерб представительной общественное мнение все более настойчиво высказывает свое несогласие такому дисбалансу. Поэтому неслучайно, что в достаточно короткие сроки, несмотря на все сложности и противоречия, в современных условиях выстраивается система местного самоуправления.

Ю. Н. ГЛАДКИЙ,

член-корреспондент Российской академии образования, доктор географических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

МОСКОВСКИЙ “СУБЭТНОС” КАК СЛЕДСТВИЕ АБЕРРАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Уникальная роль Москвы в функциональном механизме советской и российской экономики, политики, социальной, культурной, управленческой и других сферах общеизвестна. Она проявляется особенно рельефно сегодня — в бурном “рывке” московского мегаполиса на фоне продолжающегося обнищания российских регионов в основном за счет паразитического, а не производственного капитала, при полном равнодушии властей и стыдливом молчании известных столичных мыслителей от экономической науки. При этом российскому налогоплательщику методично внушается мысль, что вся страна должна осознать прогрессивность подобного выборочного ее развития и он должен, не колеблясь, поддержать эту “святую” идею своим полупустым кошельком. (“Москва может восстановить нормальное представление о самой себе и о достоинстве собственного государства” — таков нехитрый клишированный мотив сторонников несправедного обогащения центра прежде всего за счет чудовищной концентрации здесь национального капитала.)

Вызывающее глубокую тревогу у общественности перманентное противостояние центра и периферии опасно тем, что речь идет, в сущности, о субэтническом противостоянии московского “субэтноса” остальным россиянам. Десятилетиями культивируемое иждивенчество (из внутрироссийского перераспределения в бывшем СССР 51% приходилось на дотирование Москвы) породило у определенной его части (особенно у власть предержащих) комплекс превосходства (презрение к провинции). Отсюда — паразитарно-эксплуататорская интенция: держать провинцию и региональных производителей “в черном теле”, искусственно занижать как цену основных производственных фондов в регионах, так и ценность местных талантов, знаний, опыта и т. д.

Естественно, что речь идет главным образом о высокопоставленных властях и чиновничестве. “пассионарные” черты и свойства которых выражены наиболее отчетливо. Однако и рядовые граждане столицы, живя в своем социально-экономическом, культурном, криминальном “ландшафте”, могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения — “стереотипы”. Именно в этой связи есть основания говорить о некоей аберрации — “искривлении” культурно-этнического самосознания жителей столицы РФ. Это явление, первоначально возникшее в условиях тоталитарного государства с сосредоточением власти в руках олигархии, а сегодня стимулирующееся недостатками существующей модели экономического федерализма, нельзя признать нормальным.

Время от времени раздающиеся из столицы утверждения об “опасных центробежных тенденциях в регионах и неких тайных сепаратистах, мечтающих якобы развалить единую и неделимую матушку Русь”, в действительности ставят все с ног на голову. Группы настоящих сепаратистов, если они и есть, малочисленны, разобщены, не имеют финансовой поддержки и собственных средств массовой информации. Реальные центробежные тенденции исходят сегодня вовсе не из регионов, а из самой столицы РФ, поскольку практически любое желание “отделиться от Москвы” носит не политический, а экономический характер. Абстрагируясь в данном случае от событий в Чечне, можно сказать, что за резкими высказываниями губернаторов Хабаровского и Приморского краев, Псковской и Свердловской областей и некоторых других субъектов РФ стоит примерно одна и та же мысль “усредненного россиянина”: “Мы изгон в собственной стране, пашущие на Москву за гроши”.

Если резерв традиционных методов борьбы российских регионов за отстаивание своих экономических интересов с Москвой не приведет к желаемым результатам, если столица будет по-прежнему хорошеть за счет обнищания регионов, а власть предержащие и дальше останутся глухи к удовлетворению региональных претензий, есть еще один радикальный, притом вполне парламентский, путь: инициировать (прежде всего через Совет Федерации) общероссийский референдум о переносе столицы (например, на Волгу) в целях более сбалансированного социально-экономического развития Федерации.

Результаты подобного референдума в условиях, когда градус неприязни провинции к Москве сегодня намного выше, чем об этом подозревает столичный истеблишмент, предугадать нетрудно.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ.

доктор культурологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

КОНФЛИКТ КУЛЬТУР НЕИЗБЕЖЕН?

В то время, как московские масс-медиа увлеченно смаковали перипетии “конфликта века” между Березовским и Чубайсом, а российская провинция с уже привычным недоумением разглядывала на телеэкранах очередные коллизии “Санта-Барбары из района Садового кольца”, в Петербурге происходила незаметная внешне, практически бесшумная кристаллизация общественного мнения, которая, как мне кажется, способна сыграть некоторую роль в дальнейшем развитии событий в России.

Политологи полагают, что ближайшие десятилетия в нашем многострадальном государстве пройдут под знаком столкновений новых олигархий в процессе переделов власти и собственности. Народу при этом отводится роль стада, плебса, управляемого электронными средствами массовой информации. Что ж, может быть, так это и случится.

Но я убежден, что назревает конфликт более глубокий и фундаментальный. И обусловлен он будет не столкновением интересов финансовых кланов, и не битвой между “патриотами” и “космополитами”, и даже (прости меня, великий Маркс!) — не борьбой “угнетенных и угнетателей”. На повестке дня — конфликт между двумя все более расходящимися, движущимися в своем развитии во многом чуть ли не в разные стороны типами российской культуры, олицетворением которых я бы назвал (со многими важными оговорками, конечно) Москву и Петербург.

Скажу сразу: не было бы ничего глупее в контексте этого разговора, чем обвинить Москву в бескультурье. Москва — великая культурная столица по самому большому счету, без преувеличения — во всемирном масштабе. Для меня Москва — это город Свиридова и Окуджавы, Шедрина и Васильева, Захарова и Бакланова, город великого балета и блистательных “толстых” журналов, город невиданной концентрации гениальной публицистики... Возможно, по количеству Творцов Культуры Москва перевесит всю остальную Россию вместе взятую, даже с Петербургом.

И все же, как это ни парадоксально, именно в Москве к концу нашего века завершается формирование совершенно нового типа городской культуры — города “новых русских”, если хотите — **НОВОГО РУССКОГО ГОРОДА**.

Под новыми русскими общепринято понимать малокультурных людей, сколотивших состояние неправедными путями. Для меня же новый русский — в определенном смысле антипод русского интеллигента. Различие между этими социально-культурными типами я вижу не столько в уровне образованности или богатства, сколько в системе ценностей, духовных основах, побуждающих людей к деятельности. Для нового русского смысл жизни — в замене хорошего автомобиля на лучший, роскошной виллы — на еще более роскошную, шикарную женщины — на еще более шикарную. Для русского интеллигента смысл жизни вообще не в машинах, виллах и смене женщин.

Не приходится сомневаться, что в Москве сегодня живут и работают сотни тысяч настоящих российских интеллигентов: врачей, учителей, инженеров... Но при этом район Садового кольца стал эпицентром генерирования своеобразной общественной идеологии: “Деньги и сила — все, нравственность — ничто”. В рамках этой идеологии нет места таким ценностям, как дружба, любовь, честность, патриотизм, гражданский и профессиональный долг, почитание старших.

Мне скажут: да так везде, во всем мире, вся цивилизация строится на жадности и прагматизме, а не на “гуманистическом слюнтяйстве”. И это будет неправда. Во всем мире общепризнано как раз совершенно иное. К примеру, то, что в основе успехов западноевропейского капитализма лежала протестантская мораль, что Соединенные Штаты культивировали не “дикий капитализм”, а культуру деловых и общественных отношений, основанную на Великой американской хартии, что японское экономическое чудо базировалось на традиционном для жителей страны понимании гражданского долга и патриотизма и т. д.

В этом контексте все реформаторы-рыночники от Гайдара до Чубайса, исповедующие философию “сначала сильная экономика, потом культура и нравственность”, воспринимаются мною всего лишь как наиболее талантливые представители культурного слоя новых русских. “Выросли” они, разумеется, не на пустом месте. Современная российская идеология безнравственного обогащения коренится в московском слое бюрократии позднесбрежневской эпохи, когда многотысячная армия чиновников, их семей, чад и домочадцев, близких и дальних родственников размножилась, переплеталась связями, “подтаскивала своих” из провинции, пристраивала их на службу в столице и за границей... Возможно, ни в одной из индустриально развитых стран мира нет столь мощной, хищной и своеобразной в субкультурном отношении олигархии, какая сложилась в Москве.

Положение любого большого художника или ученого в этом культурном контексте весьма специфично. Хочешь творить, издавать книги, ставить спектакли, снимать фильмы — нужны деньги. И деньги в Москве есть. Их нет во всей стране, но в Москве — сколько хочешь. А вот если хочешь деньги — протяни руку, поклонись, “впишись в систему”, играй по правилам, которые устанавливают вовсе не Фазиль Искандер и не Белла Ахмадулина. И даже не министр культуры, премьер-министр, Президент... (хотя и в окружении последних немало по-настоящему интеллигентных, болеющих за Страну и Культуру людей — увы, не они определяют нравственный климат).

Сегодня бессмысленно спорить, что более безнравственно: “правила игры”, формировавшие облик советской культуры времен ЦК КПСС, или нормы сегодняшней “рыночной экономики”. Важнее другое: не Большой театр, Третьяковка и Филармония олицетворяют господствующие в Москве нравственные ценности, не они формируют базис городской культуры. Наоборот, величайшие таланты страны и бесценные дары российской культуры находятся под могучим прессом идеологии города “новых русских”. А то, что Москва трансформировалась в “новый русский” город, стало окончательно ясно после празднования ее юбилея, когда добрый и светлый в общем-то праздник, вполне заслуженный и городом, и горожанами, вызвал непонимание и недоумение едва ли не всей страны. “Москва — это Россия, а Россия — это Москва”, — гордо и простодушно прокричал тогда мэр столицы. Миллионы людей в эту минуту ощутили иное: Россия — это не Москва, а Москва — это не Россия. Более того, “новый русский” город на самом деле и не хочет быть Россией...

Между тем, “новая русская культура” постепенно расплзается по стране. Властители некоторых губерний весьма успешно внедряют новый образ жизни. Внедряют, конечно, для себя и своих приближенных. И там ведь партийная элита в брежневские времена кое-чему научилась. К этому нужно добавить и “систему стажировок” провинциальной деловой элиты в ночных увеселительных заведениях столицы, и влияние телевидения. Петербург тоже не совсем чужд происходящему. Недавно я видел, скажем, как одна из восхитительных звезд Мариинки радовала в балетной пачке подвыпившую толпу в модном ночном клубе на Невском. Но это для Петербурга вовсе не типично.

Любая культура — явление весьма сложное. Усиление одних тенденций часто будит к жизни совсем другие. “Если ты такой умный, почему же ты не богатый?” — прочитал я на щите наружной рекламы какой-то жульнической, по всей видимости, конторы в Москве (в брежневские времена на том же месте красовалось: “Вперед, к победе коммунизма!”). Видимо, авторы обоих текстов по-своему не учитывали всего многообразия жизни.

Раньше многим не хотелось идти строем. Даже к коммунизму. А теперь многим не хочется богатеть любой ценой. Хочется богатеть, честно работая и не разрушая страну. “Новые русские” это, конечно, не поймут. Действительно: как же это можно не воровать в условиях, когда воровать можно? А вот московский учитель, питерский инженер, врач из Забайкалья, орловский библиотекарь никогда не поймут “новых русских”.

И в связи с этим Петербург начинает обретать черты культурной столицы совсем в ином смысле — как столицы другой культуры, не той, что так явственно доминирует сегодня в Москве. Роль эту Северной Пальмире играть непросто. В ряде отношений город обескровлен прежним режимом. Ортодоксальнейший в стране социализма Ленинградский обком прямо или косвенно выдавливал из города Бродского и Ростроповича, Юрского и Барышникова, Ядова, Кона, Левадо... Люди были вынуждены покидать Ленинград в поисках лучших творческих возможностей. Культурная политика “ленинского политбюро” методично купировала ресурсы развития городской культуры. Не случайно Петербург был назван в итоге “великим городом с областной судьбой”.

Да и сегодня, на первый взгляд, положение не блестящее. В городском бюджете на одного горожанина денег в 6 раз меньше, чем в Москве. И все-таки возрождается Царское Село, вводится в строй новое здание Публички, ремонтируется БДТ им. Товстоногова, новое дыхание обретают Эрмитаж, Русский музей, Пушкинский Дом, Юсуповский дворец, обновляется старейший в стране Государственный университет. Без лишнего шума, даже отдаленно непохожего на пышные ритуалы вокруг храма Христа-Спасителя, почти завершена неизмеримо более сложная реставрация храма Спаса-на-Крови. Блестящие выпуски по-прежнему готовит Вагановская академия, город одухотворяют новые памятники. И все это спокойно, без эпатажа и купеческого надрыва. Несмотря на шок безденежья и внезапной нищеты постепенно оживает, стряхивая с себя временное оцепенение, городская интеллигенция. Не случайно умами ее лидеров сейчас владеет не имеющая отношения к сегодняшним невыплатам зарплаты “Декларация прав культуры”, разрабатываемая ведущими

учеными города по инициативе Дмитрия Лихачева. Не случайно в последние годы интеллектуальной элитой города активно дискутируется проблема миссии и ответственности российской интеллигенции за происходящее в стране. В общественном сознании все более утверждается уверенность в том, что экономический подъем страны должен основываться на культуре и нравственности.

Природа этого взгляда понятна. Петербург — единственный город России, внесенный ЮНЕСКО в перечень всемирного культурно-исторического наследия. Здесь — невиданная концентрация творений человеческого духа, формирующая особую культурную среду. Здесь, в отличие от Москвы, не рыщут и не алчут полчища маргиналов, людей — “перекати-поле”, оторвавшихся от своих культурных корней в поисках наживы. К тому же 70-летний консерватизм ленинградских обкомовцев, “руководивших” культурой, имел и свои положительные стороны: здесь никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего гниение столичного чиновничества. Действительно, и во времена Кирова, и во времена Романова в городе никому не приходило в голову, скажем, дать взятку работнику обкома КПСС. Любопытно, но и в последние годы многочисленные попытки “вывести на чистую воду” различных петербургских чиновников, как правило, не подтверждались в итоге никакими фактами. Как сказал когда-то Даниил Гранин, “здесь лучше нравственная экология”.

Как бы то ни было, но в последнее время культурная жизнь Петербурга приобретает черты качественной непохожести на московский “климат”. Еще 3—5 лет назад я сказал бы, что по сравнению с первопрестольной наш город просто несколько провинциален. Сейчас же я думаю, что здесь формируется иной тип постсоветской культуры, коренящийся в исторических особенностях Петербурга. Кстати, Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждает, что Петербург — самый русский из российских городов и одновременно — самый европейский из европейских. И здесь тоже есть над чем поразмышлять.

Существенная и очень любопытная деталь: в последние годы выяснилось, что в отличие от Москвы Петербург выживает и развивается практически без сколь-нибудь масштабных федеральных вложений.

Оказывается, что иная нравственная среда порождает в Петербурге совсем иной тип экономики, развивающейся за счет собственных ресурсов, без ущемления кого бы то ни было. Контраст со столицей разителен. “Москва — это такой вид гравитационной аномалии, которая впускает в себя все, а выпускает только открыточный вид на Кремль с Воробьевых гор”, — с иронией заметил недавно один из журналистов. И добавил: “Москва притягивает любую массу и ничего не выпускает...”. Действительно, попытки обнаружить хотя бы какую-то пользу стране от купающейся в безумии роскоши столицы тщетны. Москва бесполезна для России. Вот почему ее успехам не очень-то радуются. Иное дело — Петербург. Его положение по отношению к федеральным ресурсам ничем не отличается от Орла или Читы. И в таком положении, оказывается, можно реконструировать “Асторию”, “Европейскую”, вводить в строй “Невский Палас”, открывать фантастический бизнес-центр на Невском и изумительную пешеходную зону на Малой Конюшенной, достраивать с применением уникальных технологий станции метро “Спортивная”, “Парк культуры”, “Новая деревня”, обновлять мосты через Неву, заменять десятки тысяч километров дорожных полотен, возводить новые вокзалы.

Для страны немаловажно, что, избрав свой путь, северная столица вполне в состоянии пойти по нему, не спрашивая чьего бы то ни было разрешения. Не исключено, что в этой ситуации петербургская культурная модель (и базирующаяся на ней модель экономическая) окажется привлекательна и для российской провинции.

Думаю, вульгарной битвы “новой русской” культуры и современной культуры петербургской интеллигенции ожидать не следует, как не следует ожидать и столкновения городов (тем более, что несмотря на всю агрессивность “новой русской” культуры далеко не все подвластно ей и в

самой Москве). Нередко культурные конфликты становятся источниками развития культуры. Кроме того, ось "новые русские — интеллигенция" — далеко не единственная в культурной жизни. Есть еще и проблемы взаимодействия национальных культур, взаимоотношений культуры массовой и элитарной, отечественной и зарубежной и т. д.

Хотя кто знает? Новая страница во взаимоотношениях между московским чиновничеством и петербургской интеллигенцией была начата совсем неожиданно: вывернув наизнанку решение Президента России о создании телевизионного канала "Культура", ловкие люди отключили страну от петербургского телевидения. К чему бы это?..

Ю. М. ШОР,

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

1. В тезисах предпринимается попытка построить самую общую схему исторических этапов русской духовной культуры, связанную с взаимоотношением трех основных форм "абсолютного духа" (Гегель) — религии, философии и искусства. При этом само взаимоотношение их и последовательность призваны, по нашему мнению, обнаружить существенные черты самой специфики художественного, философского и религиозного освоения реальности. Разумеется, схема столь общего характера не может быть свободна от упрощений, условностей, ограниченности.

2. XI—XVII века — эпоха русского средневековья. При несомненном богатстве и значимости древнерусской культуры, ее внутренней насыщенности поражает отмеченное рядом исследователей (Г. П. Федотовым, С. А. Левицким, с некоторыми оговорками — В. В. Зеньковским) несоответствие и несоразмерность между "внутренним" и "внешним". Богатейшие религиозные интуиции, духовная насыщенность, мощное переживание Христа и Богородицы, "мира земного" и "мира небесного" — и неполнота выражения: фактическое отсутствие философской мысли, бедность теоретического сознания. Что касается древнерусского искусства (церковная архитектура, икона), возможно, это больше, чем искусство, но это не искусство в "обычном" значении этого слова. "Немотствующий Логос" при поразительной духовной наполненности — так, видимо, можно охарактеризовать этот период.

3. Реформы Петра начинают процесс активного взаимодействия России и Запада и становления светской культуры. В течение XVIII века она носит скорее подражательный характер. Но уже XIX век даст уникальный плод — русскую художественную культуру: литературу, поэзию, живопись, музыку, обретающую всемирное значение. Почва, веками насыщенная религиозной духовностью, выговаривает себя в гениальных художественных творениях: поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, прозе Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, музыке М. И. Глинки и П. И. Чайковского, живописи К. П. Брюллова и И. И. Левитана.

Художественный образ есть выявление внутреннего во внешнем, выраженность идеи в чувственной форме. Величие Пушкина, родоначальника русской художественной культуры XIX века, состоит именно в том, что ему удалось найти поэтический язык для концентрации в слове русской национальной духовности, накопленной веками "немотствующего Логоса". Отсюда универсальность и художественная уникальность эстетического мира Пушкина, включившего в себя образы природы и женщины, судьбы и истории, народа и власти, смерти и бессмертия. Все необычайное богатство русского искусства XIX века, сделавшее его одним из уникальных феноменов в истории мировой художественной культуры, связано, на наш взгляд, с духовно-энергетическим потенциалом, сформировавшимся в предыдущие века.

4. Наконец, в течение XIX века на почве, распаханной художественными прозрениями, идет процесс становления самобытной русской философии, которая расцветет именами Вл. Соловьева, П. Флоренского, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Шестова, И. Ильина, Н. Лосского. Богатейшее теоретическое содержание философских концепций этих мыслителей напрямую связано с предыдущим развитием религиозного и художественного сознания в России, с теми приобретениями, без которых столь блестящее философское многообразие просто не могло бы состояться.

Русские философы “серебряного века” — это и начало подлинно глубокого прочтения гениев русской художественной культуры. Достаточно упомянуть исследования В. Розанова, Н. Бердяева, Д. Мережковского, А. Белого о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом.

Сегодня, когда мы размышляем о трудном возрождении России, хотим восстановить “веков распавшуюся связь”, нам нужно снова задуматься над спецификой религиозного, художественного, философского сознания, их взаимодействием и взаимоподчиненностью в истории духовной культуры России.

К. З. АКОПЯН,

доктор философских наук, доцент кафедры философии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

НРАВСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ

Представление о своеобразии русского национального характера, проявляющемся, в частности, в том, что *мы ни в чем не знаем меры да середины, все по краям да пропастьм блуждаем* (Ю. Крижанич), в потребности русского человека *хватить через край, заглянуть в самую бездну — и броситься в нее, как ошалелому, вниз головой* (Ф. Достоевский), в *непомерности Руси и в своеволии, и в самодержавьи* (М. Волошин) и так далее, уже достаточно укоренилось. Однако довольно редко обращают внимание на то, что подобные примеры непосредственно выводят нас на проблему нравственного выбора, а точнее — нравственного основания совершаемого действия.

Естественно, что на возникающий в связи с этим вопрос о сущностных основаниях нравственности не может быть дан однозначный ответ. Однако может быть предпринята попытка выявить те факторы, которые играют или способны играть роль такого рода оснований, что, в свою очередь, может иметь своими результатами как чисто научные выводы, так и конкретные практические решения.

Учитывая то специфическое положение, которое занимает Россия и в географическом, и в историческом, и в культурном отношениях, представляется оправданным рассмотреть поставленную проблему при помощи сопоставления различных культурных парадигм, среди которых нас интересуют прежде всего те, которые сыграли существенную роль в возникновении и развитии русской культуры и отличительной чертой которых является их религиозная сущность, а также, условно говоря, восточная и западная парадигмы как сформировавшиеся в регионах, непосредственно прилегающих к Руси-России.

Подчеркнем, что для проведения подобного рода исследования необходимо прибегнуть к известной схематизации, упрощению и “выпрямлению” рассматриваемых процессов. Кроме того, нужно иметь в виду, что, делая акцент на зависимости нравственного компонента культурной парадигмы от тех или иных факторов, мы в то же время предполагаем существование диалектической взаимообусловленности между последними и соответствующей им парадигмой.

Ортодоксальный иудаизм требовал верности Закону (Тора) и беспрекословной преданности Тому, Кто дал этот Закон людям. В результате на обыденном уровне это привело к признанию необходимости постоянного согласования своих действий каждым правоверным иудеем с Законом

в его подробном толковании (Талмуд), данным специально занимавшимися этим вопросом людьми, а уже выполнение этого требования становилось основанием для нравственной оценки индивида. Нравственность находит свою опору в неземном законе и тысячелетней традиции, которые разрабатываются и поддерживаются человеком.

Христианство с самого своего возникновения обнаруживало содержащийся в нем побудительный мотив к отказу от иудейских традиций, для чего, в частности, оказались необходимы — пусть даже метафорически воспринимаемые — меч, принесенный Спасителем, и отказ новообращенного от отца и матери своих. Несмотря на подчеркнуто уважительное отношение к Закону, христианская нравственность требует разрыва с иудейскими ритуалом и традицией, а место закона здесь занимает благодать, которая, конечно, не должна быть “беззаконна”, но и не может быть подчинена закону. Нравственность находит свою опору в неземной благодати и при этом допускает, скорее предполагает, разрыв с традицией.

Восточная (прежде всего имеются в виду Китай и Япония) парадигма нравственности опирается на ритуал, на вековые традиции, на строгое соблюдение тех многочисленных церемоний, которые были выработаны в условиях повседневного быта и на основе которых были оформлены и сформулированы нормы в учениях Лао-цзы и Кун-цзы, затем уже приобретшие статус норм религиозных. Нравственность опирается на ритуал и традицию, со временем и при непосредственном участии человека обретающие статус закона — как религиозного, так и мирского.

Западный тип нравственности находит свое основание в светском законе, чему существенным образом способствуют имеющие давнюю историю рационалистские по своему характеру представления о зависимости добродетели от знания (Сократ, Платон). Нравственность опирается на земной, формулируемый людьми закон, соблюдение и сохранение которого формирует традицию.

Русь-Россия, обладая многовековым языческим “потенциалом”, воспринявшая религию от Византии и сформировавшая на этой основе свою культуру, на протяжении веков теснейшим образом и в самых разнообразных формах контактирования как с “востоком”, так и “западом”, испытывая, естественно, при этом их духовное воздействие, оказалась в крайне противоречивой ситуации, делая для себя выбор (безусловно, выбор не продуманный и не осознанный, а суто спонтанный, можно сказать, иррациональный по своему характеру) оснований, на которых должна была строиться нравственность населявшего ее народа.

Восприняв христианство, Русь тем самым принципиально отказывается от иудаизма и, признавая благодать, фактически не приемлет закона, даже в его религиозной форме: ведь закон — это лишь *подобие, предтеча и слуга благодати и истины, закон — свеча, а благодать — солнце* (Иларийон). Принижение роли религиозного понимания закона становится существенным основанием для отрицательного отношения к законам земным, изобретенным грешными людьми и вообще несущим в условиях централизованной власти, когда заботливый правитель выполняет роль отца родного, который должен действовать не по закону, а по благодати. Сама нравственность понимается как божественный дар и поэтому сближается не с рациональным знанием, а с благодатью, для которой, естественно, не может существовать земной меры.

Славянское язычество, которое было вынуждено уступить христианству, не ушло бесследно, оставив в наследство русской культуре множество свидетельств своей жизнестойкости и став причиной возникновения такого специфического явления, как двоеверие. Однако христианство требовало, чтоб языческие традиции воспринимались верующими как нечто нечистое, постыдное и увлекающее в болото суеверий, колдовства и заговоров, что требовало разрыва с народными, дохристианскими культурными традициями.

Таким образом, Русь-Россия, фактически отказавшись от закона, хотя и понимаемого как Богом данный феномен, с большим подозрением относясь к закону земному, а по существу, и не признавая за ним моральной силы (во всяком случае не признавая возможной его связи с нравственностью и тем более его определяющей роли по отношению к последней), пойдя на разрыв с собственными родовыми традициями и решившись на следование традициям, пришедшим из мира принципиально иной культуры, в качестве основания морали остановила свой выбор на

благодати, на идее о полной подчиненности жизни дольной жизни горней, о том, что все земное преходяще и недостойно специального внимания по сравнению с Вечным и Абсолютным, достижение которого возможно не при помощи знания, а лишь в результате целостного духовного восприятия, благодаря тому иррациональному духу, общность которого с Духом вечным и абсолютным не требует доказательств.

В результате в поисках нравственных оснований русская духовность отвергает возможность обнаружения земной точки опоры, обращаясь исключительно к сфере трансцендентного, и идет по своему пути, подвергая при этом существенным преобразованиям заимствуемое из чужой культуры; отсутствие же земной опоры лишает ее "практической, прагматической" устойчивости и придает ее проявлениям характер резких и предельно широких по своей амплитуде колебаний.

Как представляется, сделанный вывод в определенной степени позволяет в каждом исключительном событии русской истории (а русская история, как известно, изобилует именно исключительными событиями) увидеть некую фундаментальную обусловленность и закономерность, что, вероятно, не давая ключа к объяснению какого-нибудь отдельного исторического факта, позволяет понять, уловить, прочувствовать его, можно сказать, метафизический, а возможно, даже мистический смысл и на этой основе прийти к выводу о насущной необходимости обретения земной точки опоры (ритуал, традиция, закон) для достижения равновесного состояния и с целью избежания экстремальных ситуаций, выход из которых всегда чреват жертвами и потерями.

А. Л. КАЗИН,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского института кино и телевидения, заведующий сектором Российского института истории искусств

ДУХОВНЫЙ ИДЕАЛ РОССИИ

В настоящее время в мире насчитывается семь крупных самостоятельных цивилизаций (культурно-исторических типов), тесно взаимодействующих друг с другом. Со времен Н. Я. Данилевского и до А. Тойнби эти цивилизации именовались по-разному, но сегодня их центр и границы можно считать достаточно выясненными. Цивилизации эти (в алфавитном порядке) суть следующие:

- арабо-мусульманская;
- африканская;
- восточноазиатская (китайская и японская);
- восточно-христианская (православная);
- западно-христианская (европейская и североамериканская);
- южноазиатская (индийская);
- южноамериканская (латиноамериканская).

Цивилизация — это уникальная (личностная) антропологическая сущность, развернутая в социальном пространстве-времени. В качестве социальной личности цивилизация обладает онтологическим единством своего духовного и материального бытия, в то время как культура — это преимущественно светская (мирская) форма духовного существования соответствующего социума. Строение цивилизации подобно кукле-матрешке: внутри находится духовное ядро, включающее в себя религиозную веру и национальный язык. Вокруг ядра расположен ряд концентрических оболочек, образующих: а) собственно культуру (миропонимание, нравственность, искусство); б) сферу государственности (власть); в) область технологии (экономика, хозяйство).

Духовное ядро отечественной цивилизации образуют православная вера и русский язык. Крещение Руси по православному обряду означало принятие ею христианства, не искаженного

особенностями римского рационально-юридического сознания. Это оказало решающее влияние на последующую русскую историю и культуру вплоть до XX столетия, одновременно отделив ее от романо-германской Европы. Православие всегда стремилось к богосыновству (а не к богорабству или богоборчеству) в вере, государственности и просвещении. Современный германский философ Ф. фон Лилиенфельд верно заметила по этому поводу: “В России не было Реформации, но у вас были собственные события. Сравните: у вас — татарское иго, у нас (то есть в Европе. — А. К.) — расцвет схоластики и рыцарской поэзии. Русь страдала — и шла вглубь: вспомните проповеди Серапиона Владимирского, “Слово о погибели Русской земли”. Эта способность уйти вглубь дала удивительное явление, которое получило название “северной Фиваиды” — Сергей Радонежский и другие. Такого влияния монашества на культуру на Западе никогда не было. Этот путь вглубь человека и создал традицию” (Лилиенфельд фон Ф. Восстановление? Нет — возвращение! // Лит. газета. 1988. 13 апр. С. 13.). Пользуясь образом Л. П. Карсавина, можно сказать, что существенно иначе (по сравнению с дуальным католическо-протестантским менталитетом) сложилась сама “симфоническая личность” русского народа, относительно которой дилемма “божеское — человеческое” оказывается вообще малоприменимой. На Западе римская курия вела успешные политические войны с королями, в то время как Русская Православная Церковь находилась с московским царем в состоянии симфонии. (Речь, разумеется, идет о принципе, а не о его нарушениях с той и другой стороны.) Со своей стороны Иоанн IV Грозный, например, приносил искреннее церковное покаяние за свои жестокости, а в письмах к князю Курбскому оправдывался перед беглецом: “Отец и Сын, и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду” (Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с князем Курбским. Л., 1979. С. 12.). Сравните это с открытием одного из героев Достоевского: если Бога нет, то какой же я капитан?

Очевидное доказательство негодности для России логической антиномии небесного и земного — это, конечно, творчество А. С. Пушкина. Г. П. Федотов назвал в свое время Пушкина певцом империи и свободы; на самом деле речь должна идти о *тайной христианской* свободе. Пушкин, как известно, начинал как вольтерьянец и друг декабристов, а закончил свою жизнь монархистом и другом царя.

Если воспользоваться богословским выражением, русский поэт Пушкин сделался в своем творчестве созерцателем *премирных вещей*, то есть “семенных логосов” твари, равно как и пронизывающих ее софийных энергий (и “неба содроганье”, и “гад морских подводный ход”), и абсолютно отказался от нехарактерной для классической русской культуры распри вызова и послушания. Гениальность и святость ипостасно совпали в явлении Пушкина: его космос был построен в троичном измерении, исключающем как монологическую гордыню, так и дуалистическое соглашательство. Автор “Медного всадника” дерзал раздувать огонь сотворения Нового, но это было именно со-творение, сообразное с вечными идеями Бога о земле и людях. В этом плане автор “Бориса Годунова” и “Капитанской дочки” был великим русским консерватором — настолько глубоким, что его приверженность к отеческой традиции включала в себя ее свободное испытание: Пушкин не боялся за нее.

Тайная русская свобода в глубине своей отрицает раздвоение духа между фарисейски исповедусмой святыней и реально осуществляемым грехом. В этом плане русской истории как бы не было: симфоническая личность России метафизически остается с Богом, участвуя в мировом прогрессе лишь поверхностными слоями своей цивилизации. Если мировой либеральный прогресс направлен от рая к аду (а в этом ныне мало кто сомневается), то Россия дольше других сопротивлялась подобной цивилизации. После Петровских реформ она создала целую “империю фасадов”: Петр Чаадаев и маркиз де Кюстин были отчасти правы, подчеркивая искусственный характер российского европеизма. В завитках барокко, вольтерьянства и императорского абсолютизма соборная душа России продолжала жить по модусу “не так, как хочется, а так, как Бог велит”. Выражения вроде “русский классицизм”, “русское нищезанство” или “русская демократия” означают не больше, чем “православный поставангард” или “американская

соборность”. Даже марксистский коммунизм как последнее слово западного либерально-атеистического движения Россия сумела в конце концов преобразовать в соответствии со своим “кондовым” менталитетом. Диалектика господства и рабства, как было известно еще Гегелю, трудная диалектика, и нужно подумать, прежде чем безоговорочно предпочесть господина (владельца, пользователя существования) “малым сим”, этим ко всему притерпевшимся “олухам царя небесного”. Они отдали земли и фабрики генералиссимусу, но в глубине души они ощущали, что коренные ценности сущего не могут принадлежать никому лично, что они “боговы”. Это стремление “отдать свое” (подлинное мое — то, что я отдал) красной нитью проходит сквозь Русь Советскую, хотя вся марксистская идеология требовала как раз взять чужое. Православный Крест незаметно, но упорно прорастал и сквозь петербургский миф, и сквозь мифологию научного социализма.

Если попытаться построить философскую модель русской культуры, то можно сказать, что это православная христианская культура с резко выраженным антиномизмом мистико-аскетического (консервативного) “верха” и индивидуалистического (либерального) “низа”; по цивилизационной горизонтали этот антиномизм проявляется в противопоставлении азиатского “ничто” и европейской “формы”. Именно переживание трансцендентного как имманентного (в отличие от новоевропейского метафизического дуализма) делает из России средоточие мировых сил, где человек обречен на ангельский (или демонический) выбор. В России вообще не произошел процесс секуляризации культуры. Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных признаков православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие юридического компромисса между духовными полюсами жизни: нормой остается их взаимоотрицание, а не взаиморавнодушие. В отличие от Запада, русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянато между божественным и бесовским; особенно это касается культуры, власти и богатства. Духовная вертикаль, как, впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, имеет по этой причине некоего “темного спутника” в виде невыстроенной, пренебрегаемой поверхности существования, служащего своего рода гарантом эмпирического неблагополучия России, ее нежелания и неумения *удобно* устроиться на земле (“странничество”). Однако в своем трансцендентном ядре православно-русская цивилизация переживает себя в *акте преодоления* указанной двойственности, придающего отечественному бытию-к-истине рационально не формулируемую глубину.

В. П. ПЕТЛЕНКО,

действительный член Международной ассоциации медицины при ЮНЕСКО, академик Духовной академии наук, доктор медицинских наук, доктор философских наук, доктор психологических наук, профессор, главный ученый секретарь Петровской академии наук и искусств

ДУХОВНЫЕ АКСИОМЫ РОССИИ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Россия — это особое геополитическое, геоэтническое, геоконфессиональное объединение, к которому не применимы стандарты европоцентризма и американизма, не применимы стандарты восточных доктрин, не применимы каноны исламизма и языческого шаманства Севера. Да, это верно, что могучее тело российского богатыря, его голову овевают рационалистически-прохладные ветры западного христианства, а ноги полощат тихоокеанские восточно-буддийские воды, живот российского богатыря лежит на горячих песках ислама, в то самое время, когда его могучую спину овевают ветры северного язычества — великого, природного, мудрого.

Россия должна всегда находить свой путь, свою систему воззрений, в которой не могут унижаться, запрещаться, быть второстепенными веры российских народов: православие, буддизм, ислам, язычество. Россия тем и сильна, потому и была всегда притягательной для народов Сибири, Севера, Средней Азии и Дальнего Востока, что она использовала Разум, а не силу в объединении народов. Российский народ никогда не получал выгоды от этого объединения, а как раз почти всегда наоборот — подтягивал на пустеющем животе ремень. Вспомните хотя бы англичан, эксплуатировавших народы колоний Британской империи и катавшихся в масле и кофе Востока. Россия возрождала культуру присоединившихся народов, создавала в каждой республике национальную Академию наук, которой не было только в РСФСР. Но правду надо договаривать до конца. Доктрина единой духовной интеграции (ЕДИ) человечества опирается на три основные предпосылки:

1) признание Веры, Надежды и Любви тремя основными интегративными силами человеческой жизни;

2) признание реального существования в мире четырех великих культур: христианской, мусульманской, буддийской, языческой культуры народов Севера и жарких джунглей;

3) признание в качестве базовых ценностей человечества: Человек — Жизнь — Мир — Семья — Здоровье — Свобода — Счастье.

Доктрина ЕДИ человечества опирается на двенадцать духовных аксиом.

Первая аксиома. Создание образа Единого Бога — Творца всего сущего. Бог един для всех людей планеты. Все люди дети Бога — Отца, Сына и Духа Святого.

Вторая аксиома. Доказательным надо считать равноправие и внутреннее единство всех религий мира. Конфессиональное равноправие и веротерпимость, признание единства вер при культовых различиях.

Третья аксиома. Исходная концепция равноправия всех людей, созданных по образу и подобию Единого Бога. Человечество — продукт Бога, оно едино в главном богоподобии, и нет в нем высших и низших народов, высших и низших рас, есть многоцветье умов, этнических культур, национальных обычаев, традиций, национальных дарований, этнических красавиц (ценнейший генофонд этноса). Ценностью каждого народа являются выработанные веками принципы здорового образа жизни, быта, национальной кухни, народной медицины.

Четвертая аксиома. Для отказа от мятежного безумия освободить человечество от разрушительных (деструктивных) предрассудков: расовых, национального превосходства, классовых, политических, сектантских (религиозно-изуверческих, маньячных самопровозглашенных “богов”). Человечество должно подняться над предрассудками, ведущими к разобщению людей, к насилию и крови.

Пятая аксиома. От простого сосуществования науки и религии сегодня в XXI веке надо перейти к концепции конвергентных отношений разума и веры. Наука должна включать в свою структуру объект знания и теософические аспекты. Теософия должна опираться на научную базу мира. Вера и разум взаимно дополнительные: сила разума — в вере, сила веры — в разумном и нравственном, философском и эстетическом обосновании. Красота и мудрость разума усиливаются верой. Красота и мудрость веры усиливаются разумом.

Шестая аксиома. Каждый человек имеет право на инакомыслие, на поиск истины своим путем, на свое мировоззрение, выстраданное разумом и верой. Никакой внешней цензуры над мыслями, взглядами, точками зрения не должно быть. Но всегда должны быть самоцензура и самооценка высказываемых мыслей, взглядов, точек зрения. Они должны воспитывать, укреплять истину, добро и красоту, созидать веру, давать надежду, воспитывать любовь, нравственно крепить устои души, не развращать души молодых и незрелых. Духовная пища должна быть качественной, и за некачественную духовную продукцию должен нести ответственность ее производитель.

Седьмая аксиома. Каждый человек имеет право на образовательную университетскую вершину видения мира: образование человека должно соответствовать научному и воспитательному уровню цивилизации. Образование должно быть доступным и бесплатным для каждого. На получение специ-

ального дополнительного образования необходимо финансирование организаций, заказывающих специалиста.

Восьмая аксиома. ООН со временем должна превратиться в Организацию Образованных Наций с введением единого языка общения (китайского — для Азии; русского — для народов России; английского — для народов Европы, Австралии и США; испанского — для стран Латинской Америки). Но у каждой нации должен быть свой национальный язык и своя национальная литература — обязательный предмет всех национальных школ.

Девятая аксиома. Обеспечить на планете действительное, а не формальное равенство женщины с мужчиной. Женщин на планете 50%, 70% трудовых затрат сил падает на плечи женщин, но в науке и политике женщина пока не заняла ведущего места. В образовании женщин — 80%, в медицине — 45%, в юриспруденции — 40%. Женщине принадлежит приоритетное право во всех вопросах воспитания детей. Мать должна быть во всем материально обеспеченной. В решении всех проблем семьи первое слово должно принадлежать женщине — матери и жене.

Десятая аксиома. Обеспечить здоровье и здоровый образ жизни каждому человеку планеты: дать человеку физическое, духовное и социальное благополучие; каждый человек должен иметь валсологическую подготовку и начинать все с курса “психология и педагогикиутробика”. Никто на планете Земля не должен быть ущербным и чувствовать себя неполноценным — ни дети, ни старики, ни инвалиды, ни больные люди. Человек имеет право на здоровье и бесплатную медицинскую помощь со стороны государственной власти. Здоровье — товар, не имеющий инфляции, оно высшая человеческая ценность.

Одиннадцатая аксиома. Создать Всемирную федерацию народов мира — Всемирный парламент мира во главе с великим магистром мира. Они должны регулировать потоки материальных и духовных богатств планеты Земля между странами и народами. Цель — ликвидировать на планете голод и нищету, материальную и духовную. Мир должен быть миром взаимного обогащения, а не миром эксплуатации одного народа другим.

Двенадцатая аксиома. Мир милитаризма должен исчезнуть и замениться миром согласия и разума. Войны и военные локальные конфликты должны навсегда исчезнуть из жизни народов. Все конфликты решает Совет старейших мудрецов, в распоряжении которых есть материальные и Вооруженные мобильные силы для усмирения тех, кто не в состоянии самообразоваться.

Таковы основные аксиомы и принципы человечества, которые могут создать новую цивилизацию мира.

Теоретически все эти аксиомы достаточно освоены и практически могут быть решены. Но догмы и предрассудки партийных лидеров и государственных чиновников и даже иерархов науки и религии являются основным тормозом в их реализации. Еще в XVI веке М. Монтень сказал: “Люди могут достичь разумных результатов, только исчерпав в какой-либо области все возможные глупости”. Духовные наставники России за 75 лет большевизма и марксизма изрядно “исчерпались в глупостях”. Нам нужна новая философия: мир человека (антропософия), мир природы (натурософия), мир духа (психософия), мир социума (социософия) и мир бога (теософия).

Такая философия интересна и человечна, она духовно богаче тощих дефиниций “первичности” и “вторичности”, законов и категорий онтологической философии, что само по себе важно, но недостаточно для философии духа.

Истина — это правда, это знание, это вера в правду и вера в истинность знания. В философии нельзя отрывать истину от знаний и веры. Истина должна быть: а) эстетично красивой; б) этично безупречной; в) сущностно обоснованной; г) теософско осмысленной.

Прав был И. Кант, сказавший, что наука должна потесниться, чтобы дать место и для веры. В сентябре 1995 года в беседе с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским академиком Иоанном я спросил, что есть Бог для российского интеллигента. Он ответил: “Для российского интеллигента Бог всегда был формой бытия добра, истины и красоты. Бог это форма бытия веры, надежды и любви. Это всегда мир высших духовных ценностей человека, мир высшей субстанции духа. И настоящая философия должна отразить этот мир, чтобы быть истинной и духовно уреди-

тельной". Прекрасное духовное завещание мудрого Иоанна. Мы сегодня должны от упрощенческой социологии первичности общественного бытия и вторичного общественного сознания перейти к Закону идеальной детерминации бытия, к Закону духовного единства мира как мира панкреаторного, мира творящих сил вселенной. У нас пока мало знаний об этом мире. Если все знания принять за 100%, то 95% — это знания о законах неорганического мира (механический мир знаний), и только 5% знаний падает на знания о живом (биологический мир знаний). Из этих 5% биознаний только 1% — антропознание, где лишь 0,1% падает на знание о человеческом мозге и его психическом мире. Как поразительно мало мы знаем мир живой материи, мир человека и мир его духа! В их познании все еще впереди.

Е. М. БАБОСОВ,

действительный член Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси

КОНСТИТУТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОСФЕРЫ

В многосферном цивилизационном развитии человеческого общества постоянно взаимодействуют четыре основных сферы: биосфера, техносфера, социосфера и инфосфера. И хотя исторически исходной в этом четырехсферном континууме является биосфера, а наиболее могущественной в смысле влияния на человека и окружающую среду (природную и социальную) — техносфера, все-таки в качестве конструктивного, определяющего траекторию и способы взаимодействия четырех названных сфер компонента их динамики выступает культура. Она же действует как основной детерминант развития техносферы. Такая ситуация обусловлена тем, что создание и использование техники, во всяком случае в ее развитых типах и вариантах, предполагает как интеллектуальное (через науку), так и эстетическое (через искусство) освоение мира человеком. А наука и искусство суть наиболее важные виды культуры.

Чтобы понять сущность техники, найти ее сферы (то есть техносферы) в развитии современного человечества, необходимо выйти за пределы техники, найти ее "внетехническое" обоснование, которое заключено в существовании и развитии культуры. Самое существенное в технике не делание, не манипулирование, а обнаружение истины, что невозможно вне науки и искусства. Но если наука всем многообразием своих средств и достижений дает человеку концептуальную норму (в виде теорий, концепций, открытий и т. п.) его взаимодействия с миром, то искусство — изобразительную норму, несущую в себе восприятие и оценку жизненно значимых для человека моментов реальности (в виде символов, образов, идеалов, стандартов поведения). Поэтому тысячу раз был прав М. Хайдеггер, сопоставляя современную технику не только с ремеслом, но и с искусством античной классики, с искусством вообще. Только на путях научного познания, генерирования нового знания и органично сочетая с ним эстетическое освоение реальности можно действительно понять сущность техники, выявить ее место и роль в современном мире.

А роль эта становится все более разносторонней и могущественной. Возникают принципиально новые сектора техносферы: прецизионные технологии, опирающиеся на потенциальные возможности компьютеров, телематика (гибрид телевидения с вычислительной техникой), системы электронной связи охватывают все стороны жизни планетарного сообщества, принципиально новое "водное хозяйство" — разведение и откорм рыб, других обитателей морей и океанов с последующим промышленным "сбором урожая", способны кардинально изменить глобальное обеспечение продовольствием, не нарушая хрупкой биосферы, от которой зависит вся наша жизнь. Космическая

промышленность возвышается над земными производствами, вынося последние за пределы планеты; распространение “высоких технологий” связано с энергоснабжением, уменьшением количества отходов, резким ростом производительности труда, улучшением его условий, интеллектуальным развитием работающих людей. Под воздействием этих и других технологических нововведений существенно изменяются не только инфосфера и техносфера, но также биосфера и социосфера; происходят коренные сдвиги в социальной культуре и культуре общества, в общепланетарной геополитической ситуации.

Вот здесь-то и возникает ряд парадоксов технологического и социокультурного развития современной цивилизации. С одной стороны, научно-технический прогресс приводит к возрастанию власти человека над окружающей средой и над самим собой. С другой — он влечет за собой нарастающее изменение биосферы, таящее в себе немало опасностей, в том числе и опасность глобального экологического кризиса. Крупномасштабные нововведения в техносфере, коренным образом преобразующие ее, приводят, с одной стороны, к высшей степени технического развития, но, с другой стороны, они же прокладывают путь к утверждению на планете антииндустриальной, антитехнической по своей направленности и содержанию ноосферной цивилизации. Ускоряющееся внедрение технических средств и технологий в производство, в другие области жизнедеятельности людей увеличивает масштабы и степень “технологических рисков”, превращая их возрастающую совокупность в чрезвычайную технологическую опасность и для человека, и для всей биосферы, но вместе с тем любая остановка или хотя бы замедление научно-технического прогресса способны привести к необратимой деградации общества, к ослаблению его интеллектуального и эмоционального потенциала, что чревато катастрофическими последствиями для человечества.

В связи с этим возникает и становится все более насущной проблема возможностей и границ применения техники. Все чаще в философских и социологических концепциях звучат вопросы: архетипичны ли тенденции развития техносферы или они приобретают другие феноменальные свойства и пределы воздействия техники на человека и социальные общности? Является ли техника благом для человечества или таит в себе непредвиденные роковые последствия? Если такие последствия действительно возможны, то существуют ли пути их блокирования или ослабления? Что следует предпринять, чтобы гармонизировать развитие техносферы с развитием биосферы и человека?

Получить ответы на эти вопросы возможно только в том случае, если будет принята во внимание экзистенциальная дихотомичность техники. При доминировании инструментальной эпистемы в понимании и экспликации сущности техники последняя предстает как средство для достижения целей, как могущественный инструмент преобразования действительности. Но если превалирует познавательно-творческая эпистема, то техника, по характеристике М. Хайдеггера, представляет собой “вид раскрытия потаенности”, “область выведения из потаенности”, “осуществления истины”. Эти две различные эпистемы — вовсе не каприз человеческого разума, а воплощение в нем дихотомической амбивалентности техники, слитности в ней инструментальности человеческой деятельности и ее нормативности, соотносимой с постижением и прояснением истины с реальными достижениями культуры, ее идеалами, ценностями и нормами. Поэтому техника должна быть эксплицирована в широком социокультурном контексте, в неразрывном единстве с рационализацией и эстетизацией мира человеком, с установлением объективной обусловленности в человеческом мировосприятии истины, добра и красоты.

Несомненно, динамично изменяющаяся техносфера может вызвать определенные культурные мутации, но в самой сути своего существования и развития она обусловлена творческой деятельностью человека, его социально-психологическими, когнитивными возможностями, его нормативной активностью, воплощенной в культуре. Само существование и функционирование техносферы невозможно без языка, теоретических и эмпирических знаний, без системы нормативных образцов, ценностей и идеалов культуры, посредством которых организуется и упорядочивается совместная деятельность людей, в том числе в создании и использовании техники.

В условиях кризиса переходного периода, переживаемого Россией, Беларусью, другими странами СНГ, необходим более решительный поворот культурализации и гуманитаризации техносферы, без чего не удастся не только развить, но и сохранить достигнутый научно-технический потенциал, повысить его значимость в социокультурной динамике, складывающейся в процессе перехода к постиндустриальной, информационной цивилизации ноосферного типа, где резко возрастет роль культуры во всех сферах жизни общества.

А. В. СОКОЛОВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

КОЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (постановка научной проблемы)

1. Создателем и носителем русской культуры является русский народ (этнос, нация), обладающий специфической этнопсихологией, ядром которой можно считать национальный характер. Поскольку русская культура и русский национальный характер представляют собой органические свойства одного и того же социального субъекта, уместно задаться вопросом не только об их взаимосвязи и взаимодействии (об этом красноречиво писал в свое время Н. А. Бердяев, рассуждая об антиномиях русской культуры), но и об их коэволюции, то есть взаимосвязанном изменении в историческом времени. Основные стадии эволюции русской культуры в общем известны; этническая история русского народа изучена гораздо хуже, но все-таки некоторое представление о ней имеется. Поэтому попытка сопоставить социально-культурную и этнопсихологическую динамику русского народа в ретроспективе последнего тысячелетия не выглядит безнадежно авантюристической. Более того, в наши дни подобное “коэволюционное” исследование весьма актуально, поскольку оно способно прояснить перспективы культурного развития русского народа и тем самым содействовать выработке реальной культурной политики российскими властями. В этом исследовании важно обратить внимание не только на то, что изменяется, но и на то, что остается стабильным с течением времени. В настоящем сообщении мы ограничимся общей постановкой задачи будущего междисциплинарного этнопсихокультурологического исследования.

2. Исходные понятия нуждаются в уточнении вследствие их расплывчатости. Национальный (этнический) характер — совокупность устойчивых психологических черт этносоциального субъекта, обуславливающих типичный для него обзор деятельности и манеру поведения в данных обстоятельствах. Национальный характер близок к национальной установке, под которой понимается состояние внутренней готовности (настроенности) этнического субъекта на специфическое проявление чувств, интеллектуально-познавательной и волевой активности, коммуникационного поведения в соответствии со сложившимися национальными традициями. Поскольку национальные традиции — элемент национальной культуры, обнаруживается глубинная зависимость: культурная традиция — форма проявления этнопсихологических качеств.

Национальная культура понимается как система искусственных смыслов (ценностей, норм), признанных данным этносоциальным субъектом. Эти смыслы могут быть распредмеченными (социальные нормы, эстетические вкусы, практический опыт, этические запреты и т. п.) или опредмеченными (артефакты, изображения, письменная речь и прочее), они могут быть специфическими или иметь межэтническое (общечеловеческое) распространение. Трансляция национальной культуры во времени происходит благодаря культурному наследию. Отбор.

систематизация, обновление культурных смыслов определяются этнопсихологическими качествами данного субъекта (некоторые культурологи именуют эти качества “менталитетом культуры”), а также текущими проблемами общественной жизни. Исходя из этого, можно констатировать первичность этнопсихологии по отношению к этнокультуре. Но этого мало.

3. Распространено мнение, что этносы — продукты исторического развития человечества и являются по природе своей социогенными, а не биогенными образованиями. Тогда этническая психология — результат социально-культурной эволюции этносоциального субъекта, составная часть его культурного наследия. Получается, что культура первична, а этнопсихология вторична. Отсюда следуют далеко идущие выводы о возможности насаждения на этническую почву желательных культурных смыслов, формирования этнопсихологии, то есть о возможности воспитывать народ при помощи искусной культурной политики. Например, русским можно привить педантичность, аккуратность и законопослушание, свойственные немецкому этносу. В пределе возникает образ всемирной цивилизации, где социальные субъекты будут “на одно лицо”, ибо утратят свое национальное своеобразие.

Против подобных выводов восстают многие национально ориентированные ученые. Например, А. О. Бороноев и П. И. Смирнов в книге “Россия и русские: характер народа и судьбы страны” (СПб., 1992) отстаивают идею, что русский национальный характер является “нерыночным” и, значит, имеет право на существование русская цивилизация, построенная на иных основах, чем “рыночная” западная цивилизация.

4. Обнаруживаются следующие варианты коэволюции национального характера и национальной культуры: во-первых, коэволюция — зависимость, где первична этнопсихология и вторична культура; во-вторых, коэволюция — зависимость, где первична культура и вторична этнопсихология; в-третьих, коэволюция — взаимодействие, когда имеет место постоянное взаимодействие культурных смыслов и этнопсихологических мотивов. Обратимся к реальным эволюциям русского этноса и русской культуры, чтобы получить аргументы в пользу того или иного варианта коэволюции.

Этническая история русских делится на домонгольский (древнерусский) и послемонгольский (великорусский) периоды. По мнению Л. Н. Гумилева, в XVI веке произошла смена этносов: скончался впавший в обскурацию древнерусский этнос, и вышел на историческую арену молодой, пассионарный великорусский этнос. О национальном характере древних русичей можно судить по свидетельствам византийцев, гласившим: “народ сей отважен до безумия, храбр и силен”, отличается выносливостью, неприхотливостью, доверчивостью, гостеприимством. О творческих и созидательных способностях древнерусских племен свидетельствуют Киевская Русь, Новгородская земля, Владимиро-Суздальская земля, не уступавшие по уровню культуры западным королевствам и городам. Здесь можно говорить о свободном взаимодействии народного творчества и культурной деятельности (третий вариант коэволюции).

Татарское нашествие деформировало культурный процесс и стало тяжелой психологической гравмой для русского этноса. Оно отрицательно сказалось на русском национальном характере, но свободолюбие, стойкость и мужество обусловили национальное освобождение, а затем и национальное возрождение великорусской народности в XIV—XVI веках. В этот период этническая пассионарность предопределила культурное творчество (первый вариант коэволюции — зависимости). Образовалось хроническое культурное отставание от западноевропейской цивилизации.

5. Петр I и Екатерина II в своей просветительско-реформаторской деятельности стремились воспитать “новую породу людей”, изгнать лень и вороватость из русского национального характера, то есть утвердить приоритет культуры (второй вариант коэволюции — зависимости). Но эта высокая цель достигалась насилием и страхом. Петр I говаривал: “Всемирно известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, если не приневолены будут”. Культура Российской Империи XVIII—XIX веков характеризуется следующими особенностями:

а) Источником культурных инициатив является государство. М. П. Погодин верно заметил: “Русское просвещение бытием своим обязано правительству — вот один из отличительных признаков нашей истории”. Отсюда — бюрократизация и огосударствление русской культуры.

б) Культурный раскол общества на европейски образованное свободное дворянское сословие и угнетенное крестьянство с его средневековым менталитетом.

в) Русская интеллигенция — оппозиционная власти субкультурная социально активная прослойка.

г) Антибуржуазность, презрение к накопительству и сытости, идеал нестяжательства. В результате указанных особенностей обеспечивался приоритет искусственно насаждаемых культурных смыслов над деформированными этническими мотивами. Именно в это время обломовщина, безответственность, гражданская пассивность, недоверие к власти вошли в русскую этнопсихологию и обусловили общеизвестную противоречивость русского характера.

Нет необходимости характеризовать тоталитаристскую культурную революцию, нацеленную на воспитание “советского человека”, у которого атрофированы этнические особенности. Плоды этого этнокультурного эксперимента общеизвестны.

6. Выводы: а) козволюция национального характера и национальной культуры реально существует; б) проявляется эта козволюция в различных своих вариантах в зависимости от конкретных исторических условий; в) разумная культурная политика предполагает учет национального характера и исключает насилие над ним; г) целесообразно продолжать исследование взаимосвязей культурных смыслов и этнопсихологических факторов.

Ю. Д. ДМИТРЕВСКИЙ,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской экологической академии, почетный член Российского географического общества, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РОЛЬ ТУРИЗМА В ВОЗРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Современный туризм — одна из важных отраслей хозяйства. Мировой туризм по размерам доходов уступает только доходам от торговли нефтью и нефтепродуктами. В сфере туризма в мире занято (прямо или косвенно) до 40 млн человек, что позволяет во многих странах снизить уровень безработицы.

Но туризм не только отрасль хозяйства, но и важный элемент культурного развития человечества. Именно это, быть может, особенно существенно в наши дни для России, которая в годы перестройки необычайно быстро утратила не только важные элементы культуры элитарной (в высоком, а не торгашеском понимании этого термина), но, что особенно важно, культуры массовой. Этот процесс — следствие современной переоценки обществом социально-экономических ценностей, издержки которого в области культуры очевидны.

Помочь восполнить утрату многих духовных, в том числе и в первую очередь культурных ценностей, среди прочего может и туризм. Речь идет, конечно, не о каждом типе туризма, а главным образом о туризме познавательном, особенно историко-культурном. В самом деле, именно туризм позволяет в относительно короткие сроки познакомиться со многими элементами истории и культуры, памятниками природного и культурного наследия, изучить не только их внешнюю сторону, но и внутреннюю сущность (например, музейные экспозиции, спектакли, концерты).

Имея в виду разнообразие природы, исторических судеб народов нашей страны, расширение ее связей с государствами всего мира, следует запрограммировать какие-то этапы повышения уровня культуры каждого жителя России через туризм. Эти этапы различаются и территориальным охватом, и внутренним содержанием туров.

Для жителя города (особенно крупного) первый этап — внутригородской туризм. Несмотря на то, что этап этот охватывает лишь город проживания туриста, он может быть очень продолжительным и занимать даже годы. Формально этот этап даже не является туристским, так как житель не меняет места своего постоянного проживания, он экскурсионный, но культурно-воспитательное значение его очень велико: человек, не полюбивший свои родные места, не полюбит и другие. Вслед за первым этапом (а часто и параллельно ему) следует второй — знакомство с окрестностями города, его природным и историко-культурным окружением. Если человек живет вне большого города, первый и второй этапы могут меняться местами.

Третий этап — региональный, в ходе которого турист знакомится с туристскими макро- и мезорайонами, ближайшими к месту его жительства. Четвертый этап — межрегиональный; его задача — ознакомление с природой и историко-культурным наследием других туристско-рекреационных зон. Желательно, чтобы они отличались с природной, историко-культурной, этноконфессиональной точек зрения от изученных ранее районов. Это имеет не только познавательное, но и воспитательное значение, так как наряду с чувством любви к своей малой родине (о чем сказано выше) появляется то же чувство по отношению к своему государству, а также воспитывается интернационализм, уважение к языкам, национальным и конфессиональным традициям других народов. То же характерно и для пятого этапа, предусматривающего знакомство со странами СНГ, и для шестого — поездок в страны “дальнего зарубежья”. При этом, если мы говорим о развитии культуры, очень важно, чтобы соответствующие туры предусматривали минимальное время на рекреацию, отдых в его чистом виде и максимальное — на ознакомление с историко-культурными и природными объектами.

В случае осуществления предложенной поэтапной программы (во всех ее аспектах) появляется надежда на освоение ее участниками довольно большого пласта историко-культурного и природного наследия. В условиях Санкт-Петербурга есть все возможности для осуществления такого рода программы — тем более, что первые этапы в определенных случаях не требуют крупных финансовых средств.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ,

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского филиала
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия Министерства культуры Российской Федерации

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Северо-Запад России и прежде всего Санкт-Петербург и Ленинградская область (“окно в Европу” или “ворота в Россию”) выполняют культурно-историческую функцию авангардного пограничного региона, определившуюся на заре отечественной истории, в эпоху формирования Древнерусского государства (IX—X века). Устьем Невы открывается трансконтинентальная речная магистраль Волховско-Днепровского пути “из варяг в греки”, и, основывая здесь в 1703 году Санкт-Петербург, Петр I восстанавливал гидрографическую базу начальной коммуникационной сети России между Балтийским и Черным морями.

Эта коммуникационная сеть формировалась в период становления раннефеодального общества и средневековой государственности на Руси и в Северной Европе, в “эпоху викингов” скандинавских стран (VIII—XI вв.). Межкультурные взаимодействия динамичного “переходного периода” привели к становлению своеобразной полиэтнической и мультикультурной макрорегиональной общности — “Балтийской цивилизации раннего средневековья”. Славяне и скандинавы, балты и прибалтийские финны сформировали эту языческую (дохристианскую) ветвь ранней европейской цивилизации, структурно симметричную античной цивилизации Средиземноморья. Этноты Северной Европы связала коммуникационная сеть вокруг Балтики и с выходами на трансконтинентальные магистрали. Она обеспечила единые ритмы процессов аграрной и коммуникационной революции, торгового обмена и денежного обращения, урбанизации и феодализации. По завершении этих процессов христианизацией стран и народов региона в конце X — середине XIII веков “Балтийская цивилизация” адаптируется к общеевропейской, однако ее традиции развиваются (в виде Ганзейского союза и других подобных форм объединения) вплоть до современности.

Северо-Западный регион России является активным, если не определяющим компонентом “Балтийской цивилизации”. В раннем средневековье (IX—XI века) здесь формируется протогосударственное объединение — Русь Рюрика, один из основных очагов Древнерусской государственности. Региональная специфика ее заключается в том, что, как и “Балтийская цивилизация”, Русь Рюрика развивалась в процессе взаимодействия славян, скандинавов, финнов и балтов. Городские центры: Ладога, Новгород, Псков, зародившись в эпоху раннего урбанизма “Балтийской цивилизации”, трансформировались в “вечевые республики” — федерации городов и земель Господина Великого Новгорода (XII—XV века), а в эпоху Московской Руси (XVI—XVII века) вместе с порубежными городами-крепостями составили урбанистическую подоснову градообразования Санкт-Петербурга: Старая и Новая Ладога, крепость Орешек (Шлиссельбург), Ямбург, Ивангород, присоединенные силой оружия Нарва и Выборг, другие города-крепости.

Урбанизм Северо-Запада, особенно с появлением Санкт-Петербурга, определяюще воздействовал на развитие региональной культуры, однако и сам, в свою очередь, основывался прежде всего на ее компонентах и связях. Наиболее значимы среди них славяно-финские отношения, реализованные на всех возможных уровнях: от семейных контактов (в зонах дисперсного расселения) до межгосударственных отношений. В структуре исследования региональной культуры должны последовательно выделяться уровни культурных связей:

1. Петербургика — состав и структура внутренних связей населения мегаполиса.
2. Регионалистика — этнокультурная структура населения области и ее связи с урбанистической культурой Санкт-Петербурга и местных городских центров.
3. Феннославика — региональные связи с прибалтийско-финскими этносами за пределами Ленинградской области (вепсы, карелы, эстонцы, финны).
4. Скандобалтика — макрорегиональные связи Балтийского пространства Северной Европы (Россия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Польша, Литва, Латвия, Эстония).

Петербургский урбанизм в его общероссийском, европейском и мировом значении вызвал к жизни особые уровни взаимодействия, опосредованные существованием столичного центра:

Евро-Петербургика — связи столицы России в XVIII — начале XX вв. с культурными центрами стран Западной Европы (германский, французский, английский, итальянский компоненты культуры Петербурга);

Петербургско-Евразиастика — культурные связи с пространством Евразии, объединенным границами Российской Империи, СССР, СНГ и с сопредельными странами; глобальные связи с культурами других материков до конца XX века, как правило, опосредованы: одним из этих выделенных уровней. Они же, в свою очередь, в той или иной мере воздействовали на культуру региона.

Изучение региональной культуры по выделенным структурным уровням и в необходимом хронологическом диапазоне требует согласованной стратегии междисциплинарных исследований, позволяющей использовать данные археологии, лингвистики, этнографии, истории архитектуры (градостроительства, домостроительства), фольклора, антропологии (демографии), истории (эконо-

мики, культуры, политики), а также географии, ботаники (почвоведения), гидрологии, климатологии и других наук. Такая стратегия нуждается в унифицированном аппарате, системе понятий: некоторые из них (“топохрон”, “историко-культурная зона” — ИКЗ и др.) предложены в последних разработках группы ученых Санкт-Петербургского государственного университета, более подробно характеризующихся в докладе автора.

О. П. ЛИТОВКА,

действительный член Российской экологической академии, доктор географических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем Российской академии наук

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Чрезвычайный характер сложившихся в современном мире отношений в системе “общество — природа” предопределяет разработку и реализацию качественно новой стратегии природопользования, опирающейся на новый, экологически детерминированный тип культуры.

Однако на уровне мирового сообщества в целом могут быть сформулированы лишь наиболее общие контуры и элементы новой стратегии природопользования: поверхность Земли, ее основных регионов и даже таких достаточно крупных стран, как, например, Россия, ярко дифференцирована с точки зрения самих природных условий, меры хозяйственного освоения, степени заселенности, демографической ситуации и культурно-исторических особенностей населения, что свидетельствует о таком важном аспекте экологической культуры, как пространственный (региональный).

Соотношение социального и биологического в человеке, как предметное поле соперничества разнонаправленных интересов двух ипостасей *homo sapiens*, неизбежно приводит к тому, что такой же противоречивой становится и та сторона объекта отношений “общество—природа”, которая воплощена в формирующейся в данном противоречии природопользования среде обитания. Складывающаяся природно-техногенная среда обитания чем дальше, тем больше выводит человека из природы. Но это означает, что постепенно возникает отрыв человека от условий существования, наиболее соответствующих его длительной эволюции, его медико-биологическим и психофизическим параметрам. Такой средой в конце концов является только природа.

В силу этого в основу формирования среды обитания, параметры которой диктует природопользование нового типа, формируемое на основе новой экологической культуры, должен быть положен подход, реализуемый нами конструированием среды обитания с заданными свойствами, причем эта заданность рассматривается как своего рода ограничения, переступить которые значило бы разрушить систему. В качестве таких критериев-заданностей выступают два константных (то есть считаемых, количественно фиксируемых) и один переменный (выражающийся скорее качественно, нежели количественно).

Константные критерии, на наш взгляд, состоят в следующем. Во-первых, это природа человека как организма, как живого существа. Показателями критического состояния здесь выступают заболеваемость, состояние здоровья, психофизиологическое самоощущение. В конечном же счете предел задается возможностями адаптационного механизма. Вторым константным критерием выступает уязвимость природы, природной среды. При этом сам количественно фиксируемый барьер, предел, за которым наступают необратимые сдвиги, выявляется посредством так называемой экологической емкости территории, имеющей существенные региональные различия.

Константные критерии, связывающие природопользование со средой обитания, очерчивают своего рода поле допустимой среды. Что же касается наполнения этого поля, то решающим критерием здесь становятся потребности человека, его ожидания по отношению к среде обитания, его

требования к ней. Конечно, эта переменная “величина”, меняющаяся сумма характеристик. Однако важно подчеркнуть, что сама категория “потребность” в этом подходе не имеет беспредельного простора для проявления. Очевидно, что исследованию подлежит в этой связи и иерархия потребностей, равно как и проблема самоограничения потребностей.

Таким образом, общая концепция экологической культуры исходит из необходимости обеспечения биосферосовместимости природопользования. В свою очередь, среда обитания с заданными свойствами, базируясь на новом типе природопользования, становится естественным продолжением биосферосовместимости во всей сфере жизни человека, постоянно изменяющейся от времени ко времени, от места к месту.

Г. П. БУТИКОВ,

доктор культурологических наук, профессор, президент Ассоциации музеев России

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

1. Сложившаяся в России система музейной работы отражает широкий диапазон ценностей истории и культуры — от региональных, сосредоточенных, как правило, в красноречивых музеях, до общечеловеческих, представленных, например, в Эрмитаже. Особую роль в духовном богатстве страны играют историко-мемориальные музеи, которые интегрируют в себе достопримечательности региона, в значительной мере ставшие и общенациональным достоянием.

“Пушкинские Горы”, “Ясная Поляна”, “Мамасев курган”, дом-музей Ю. А. Гагарина и сотни других мемориалов сохраняют память об исторически достоверных и значимых фактах и событиях, приковавших внимание к определенному региону. Но каждый из этих музеев, безусловно, может рассматриваться как общенациональная и даже общечеловеческая ценность. И в этом проявляется диалектическое единство регионального, национального и общечеловеческого.

2. Для каждого региона историко-мемориальный музей — это не только центр отбора, хранения, реставрации и экспонирования ценностей истории и культуры, но и база эффективной социально-культурной деятельности, в рамках которой решается широкий комплекс задач нравственно-эстетического и историко-патриотического воспитания. При этом каждый музей в силу своей специфики, сохраняя неповторимое лицо, концентрируется на конкретной области идейно-эмоционального воздействия и стимулирования социальной активности разных групп населения.

На опыте Санкт-Петербурга можно констатировать, что государственный музей “Сампсониевский собор”, построенный в начале XVIII века как памятник победы Петра I под Полтавой, почти три века служит делу историко-патриотического воспитания молодежи. Государственный музей “Исаакиевский собор” успешно выполняет функции нравственно-эстетического воспитания средствами культового искусства. Государственный музей “Спас-на-Крови”, построенный на месте убийства Александра II, стал центром борьбы с любыми формами экстремизма и терроризма, базой воспитания гражданской ответственности за соблюдение правовых норм политической деятельности.

3. Особенности историко-мемориальных музеев обусловили целесообразность их превращения в своеобразные клубы социально-культурной деятельности, связанной с событиями отечественной истории или биографией того или иного выдающегося деятеля.

Все наиболее значительное, что связано с А. С. Пушкиным, А. В. Суворовым, Н. А. Римским-Корсаковым, Ф. И. Шаляпиным или другими субъектами отечественной истории, как правило, переплетается с деятельностью соответствующих мемориальных музеев. Вокруг них концентрируются исследователи и почитатели, здесь организуются конференции, встречи, торжественные вечера, отсюда исходит соответствующая информация, в этих музеях стимулируется

творческая активность ученых, писателей, художников и иных специалистов, что позволяет непрерывно обогащать содержание и формы деятельности этих музеев, повышает их роль в духовной жизни региона и пропаганде историко-культурного наследия страны.

4. Культуросоздающий, историко-патриотический и художественно-просветительный потенциал мемориальных музеев широко используют находящиеся в данном регионе школы, профессиональные училища, высшие и средние профессиональные учебные заведения, воинские части, культурно-просветительские учреждения и иные социальные институты, но современные средства массовой информации позволяют расширить аудиторию музея, включив в нее население всей страны и даже жителей зарубежья.

Только за восьмидесятые и девяностые годы книги и иллюстрированные издания, посвященные музейному комплексу "Исаакиевский собор", разошлись тиражом в 3,5 млн экземпляров, при этом часть его была отпечатана на английском, французском, немецком, испанском и финском языках.

Если учесть, что многим историко-мемориальным музеям посвящены сотни научно-популярных фильмов, телепередач и других форм массовой информации, то есть все основания утверждать, что эти центры культуры существенно раздвигают границы своего воздействия за пределы одного региона, становятся существенным фактором общенациональной и общечеловеческой культуры.

5. Совокупность приемов и способов вовлечения человека в мир культуры, отраженных в прикладной культурологии, в последние годы обогатились оригинальной методикой опоры на духовно-нравственные образцы, аккумулированные в персонифицированных символах культуры. В исследовании А. С. Запесоцкого (Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб.: ИГУП, 1996. 350 с.), в частности, убедительно показано, что в условиях принятия человеком идеала влечения к совершенству он становится не только внешней целью воспитания, но и внутренним свойством личности, основой духовно мотивированных действий. Срабатывает идентификационный механизм, в процессе которого человек равняет себя на избранный идеал, стремится ему подражать в поведении, в деятельности, в отношениях с окружающими. Референтный образ выступает эталоном саморазвития, и чем он духовно богаче, тем эффективнее его культуросоздающее воздействие. В этой ситуации историко-мемориальные музеи как центры пропаганды принятых обществом нравственных образцов подтверждают свою особую роль в нравственно-эстетическом воспитании, в духовной жизни каждого региона, где сегодня функционируют эти очаги исторической памяти. И это, естественно, должно быть отражено в региональных и общенациональных программах социально-культурного развития.

В. А. КОНЕВ,

действительный член Академии гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

ОБРАЗОВАНИЕ В НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

1. Современная эпоха — эпоха смены культурной парадигмы, а это неминуемо меняет архитектуру педагогического пространства. Ибо образование — это канал в структуре, по которому культура пропускает свое содержание, упорядочивая его, чтобы организовать и утвердить самое себя в деятельности новых поколений, поэтому успех функционирования этого канала, его пропускная способность зависят от того, насколько его строение соответствует строению и логике культуры, ее основным установкам.

2. Современная система образования — порождение культуры модерна, культуры нового, послевозрожденческого времени. Главная единица современной системы образования, вокруг

которой выстроено все образование. — знание, причем знание-информация, знание о чем-то, знание определенного содержания (то есть содержания, которое можно точно определить). Это знание имеет в современной системе образования две персонализации — учителя-предметника и оцененного ученика и два структурных проявления — урок (конкретное предметное знание) и класс (ранжированное по уровню сложности знания). Модуль классно-урочной системы, как известно, был введен великими педагогическими реформаторами в начале нового времени. Откуда этот модуль? Это калька со структуры культуры Просвещения.

3. Культура модерна или культура Просвещения — это:

— культура отраслевая, в которой происходит жесткое разделение труда, дифференция наук и отраслей культуры, что находит свое выражение в “уроке”;

— культура рационалистическая с четким разделением ступеней, этапов дискурса, что находит свое отражение в ступенчатости образования (классы);

— культура монологическая, в которой звучит только один голос — голос разума, который знает истину и которая всегда одна, что находит отражение в доминирующей позиции учителя в структуре педагогического пространства;

— культура утилитаристская, в которой все подчинено определенной пользе, что выражается в предназначенности образования для целей вне его.

Одним словом, культура просвещенческого типа — это культура знания, в которой ее доминирующий элемент принимает различные модификации. Система образования (просвещения!), также выстроенная вокруг знания-информации, прекрасно работала почти триста лет. А сейчас перестает эффективно работать. Почему? Потому что изменилась культура.

4. Современная (постнововременная, постмодернистская) культура это:

— культура не отраслевая, а мозаичная (коллажная), в которой именно “стыки” наук, отраслей, конкретного знания становятся местом продуктивного мыслительного действия, местом жизни мысли;

— культура свободных ассоциаций, а не жесткого рационализма и сциентизма, это культура гипертекста со свободным переходом от одного фрагмента к другому, а не текста последовательного изложения; переход и движение ассоциаций направляется ценностной установкой, а не логикой;

— культура диалога, а не монолога, культура, признавшая, что нет абсолютной истины, нет даже одной истины, а есть и должны быть разные состояния мысли, которые существуют только в диалогическом отношении;

— культура рецензивистская, а не утилитаристская, которая исходит из самооценности настоящего (лат. *resens* — настоящее, свежее).

Доминантой постпросвещенческой культуры становится не знание, а мысль как живое состояние сознания, которое может быть достоянием именно этого человека и которое за него никто не может ни породить, ни пережить.

5. Таким образом, постпросвещенческая система образования должна быть не образованием знания, а образованием мысли; она должна ставить человека в ситуацию мысли. А мысль — достояние личности и не может быть от него объективирована. Поэтому цель современной системы образования, если ее сформулировать в терминах действующей системы образования, не обучение, а воспитание. Каким должен быть модуль этой системы образования? Это модуль диалога.

Вместо фигуры учителя-предметника должна появиться фигура учителя-тьютора, который работает не со знанием, а с мыслью, выстраивая ситуацию диалога, ситуацию культуры. Последняя существует как ситуация вопросов-ответов (майевтическая беседа), как ситуация обсуждения, как ситуация обнаружения незнания. Тьюторский урок — не урок ответов, а урок вопросов. Типология вопросов и логика вопросов становятся основанием определения содержательной направленности уроков.

Необходимый для системы образования процесс формирования знаний и навыков в новой системе образования может и должен проходить по новым технологиям, которые позволяют самому учащемуся получать всю необходимую информацию. Компьютер, открывающий гипертекст как форму знания, адекватную современной культуре, должен стать основным орудием получения знания-информации, после работы с которым ученик должен приходить к учителю и соученикам с вопросами, требующими обсуждения. Так, компьютер и другие современные средства обучения (ТВ, видео) могут быть включены в процесс диалога. Новая культурная ситуация требует перехода от образования, сообщающего ответы, к образованию, ставящему вопросы.

БОГДАН СОЙКО,

протоиерей, настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора,
профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАДАЧИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Культура отношений человека к человеку, к природе, окружающему миру и к Богу заложены в Священной летописи — Библии. “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным пресмыкающимся по земле” (Быт. 1.27—28).

В повелении Бога первозданным людям сказано: хранить и возделывать рай, наполнять землю, подчинять ее себе и господствовать над нею; указана сущность того, что мы называем культурой и определены навсегда культурные задачи человечества.

Человеческом завершилось творение; таков голос и религии, и науки. Наука видит в этом мире великую мастерскую естественных сил и естественных законов, религия прибавляет сюда свое воззрение, без которого не может обойтись человек и без которого мир наш был бы и бессмыслен, и жалок, и пуст, и холоден; она объединяет эти силы и законы в Едином Творце, Божественные свойства и планы Которого осуществлялись в мире.

Голос веры и голос науки согласно говорят нам, что в мире не есть что-либо чуждое для человека, что в нем выступает и волнуется родственная нам жизнь, которая предназначена для нас. Природа — это великая и богатая образная письменность, которую дано разгадывать и читать из всех тварей земных только одному человеку; она опознала себя в сознательном духе человека; все голоса ее находят себе отзвуки в нашей груди.

На этом и основана культура. Подчинять себе мир; господствовать над ним, по библейской заповеди: проникать в него духом; облагораживать, одухотворять окружающую природу; сделать этот мир нашим материальным и духовным достоянием в самом широком смысле этого слова, сделать его орудием и местом насаждения Царства Божия и религиозно-нравственного миропорядка, по указанию Божественного Откровения, и в этой деятельности не знать и не иметь даже предположительно определяемых границ, — это воля Божия о нас и наше призвание.

История есть последовательное выполнение культурных задач, и мы видим, как, углубляясь более и более в этого рода деятельность, человек, если он не забывал Единой высшей Силы, если он не смешивал средства с целью, и сам духовно совершенствуется, возрастая от силы в силу. В противном случае он неприметно обращался бы из царя в раба этого мира...

Христианство именуется новым заветом (2 Кор. 3, 6), новою заповедью (Иоанн. 13, 34), путем новым и живым (Евр. 10, 19); оно называет каждого своего последователя новою тварью (2 Кор. 5,

19; Галат. 6, 15), новым человеком (Еф. 2, 15, 4, 24; Колос. 3, 10); требует от нас не только единичного, но постоянного, непрерывного повседневного обновления (Римл. 6, 4; Кор. 4, 16; 1 Петр. 2, 9; 1 Кор. 5, 7) и в нем полагает задачу нашей нравственной деятельности на земле до тех пор, пока, в завершение жизни мира, мы не увидим нового неба и земли (2 Петр. 3, 13), нового города — скинии Бога с людьми (Апок. 21, 1—4), и пока не услышим вечного слова Бога, полагающего конец видимому порядку вещей: се творю все новое (Апок. XXI, 5)...

Христианство увенчало собою пять с половиной тысяч лет пламенных ожиданий возрождения и обновления; о нем, как о новом завете, лучшем и совершеннейшем, как о величайшей радости и грядущей замене ветхого завета, говорили древние пророки еврейскому народу (Иерем. 31, 31—34); о нем, как о новом порядке вещей, мечтали философы и поэты древнего языческого мира, который был объят процессом нравственного разложения и стоял на краю гибели (Сократ, Платон, Virgilий, Тацит, Сенека); о нем же говорили и древние языческие религии, научившие народы Востока и Запада ожидать пришествия нового Учителя, нового Царя мира и Искупителя, имеющего сообщить людям волю небес, избавить от грехов и дать основы новой, блаженной — счастливой жизни. Но причины, вызвавшие грех и заблуждение в древнем мире и заставлявшие человечество ждать обновленной жизни, не умерли в злой и греховной воле человека. И в истории христианского мира время от времени мы замечаем периоды упадка духа, отчаяния, сомнения и слабости — периоды, когда нравственные начала теряют силу в жизни человечества, и лучшие его представители начинают с тоской озираться вокруг, ища средства вдохнуть в людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояние общества.

Наше время ищет этого обновления: оно стоит перед многими вопросами, перед многими язвами, требующими разрешения и врачевания. Учащенные случаи самоубийства показывают общее недовольство жизнью и даже какое-то притулившееся чувство жизни. Наше время характеризуется особым размахом преступлений, иногда диких и совершенно необъяснимых, падением основ жизни семейной, общественной, государственной.

При всем уважении к культуре и образованию нельзя ожидать и требовать от них того, чего они дать не в состоянии: нельзя думать, что люди могут сделать мир лучше только и исключительно через знание и прогрессивную культуру. Культура, если она не имеет здоровой духовной основы, если знание наклоняет человека только к жизненным удобствам, а не ведет его к истине. Верховной Истине — Богу, то она еще мало говорит о человеческой, в истинном смысле слова, стороне жизни. Используя выражения Священного Писания, человек душевный, а не духовный, здесь только усовершенствованная жизнь животного. Прекрасно говорит древний пророк Исаия о таком знании: "Мудрость твоя и знания твои — они сбили тебя с пути, и ты говорил в сердце своем: я и никто, кроме меня" (Ис. 47, 10).

Но если знание и обращено к вопросам нравственным, и даже тогда не в нем одном спасение. Как наивно и горячо верили и верят, что простое знание добра есть надлежащее и верное средство сделаться добродетельным, что борьба, неизбежный спутник наш в нравственном восхождении, есть только борьба против заблуждений и предрассудков! Знание, может быть, спасает от глупости, хотя и здесь на всякого мудреца довольно простоты, но не может оно спасти от безнравственности. Кто из нас не испытывал моментов искушения ко злу, когда страсть пользуется правом сильного, когда грех манит обещанием наслаждения и счастья, обещает уплатить наличною монетою — непосредственным и немедленным удовлетворением нашего ли гнева, гордости или чувственности, и мы, тысячи раз обманутые, снова и снова легкомысленно верили обещанию?

Здесь не только моменты неведения. В этом есть признание какого-то бессилия. Это та греховность, о которой учит нас Священное Писание, возводя нас ко временам первого грехопадения и к глубокомысленному мировому учению о грехе первородном, то зло, "неистребимо живущее в нас", о котором говорили древние философы от Гераклита до Сократа и Платона и которое Кант выразительно называет злом радикальным.

Апостол Павел в послании к римлянам говорит, что зло радикальное "требует не частичного улучшения или преобразования, а целостного переворота в нас, который можно сравнить только с

новым творением". Здесь и припоминаются слова апостола Павла, что христианам — "новая тварь" (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15). Таким образом, в виду греховности, даже при совершенном знании человек часто "не в силах бороться в исполинской битве долга", потому что одно знание не может сделать слабые силы крепкими, нездоровые — здоровыми. Стоит прочесть знаменитую "Исповедь" блаженного Августина, чтобы убедиться в этой истине. По словам апостола Павла, "закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра ... а я плотянин, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, что не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?" (Римл. 7, 12, 14—18, 21—24).

Тяжкий житейский опыт разве не свидетельствует о том, что, находясь в среде образованных людей, деятели, которым вверена судьба обществ и государств, не находят себе надежных (в смысле нравственном) сотрудников, и разве не раздаются их горькие жалобы: "Нет людей"... Не редко люди пользуются изощренностью своего ума и обширными сведениями для совершения и сокрытия преступления. Часто ученость ничего общего не имеет с честью и любовью.

Кроме знания, которое, несомненно, необходимо, требуется и другая сила, через которую знание могло бы становиться деятельным. Эту силу и надеются найти в государственно-общественных преобразованиях. Думают, что взятые сами по себе, независимо от другой какой-либо силы, независимо и от какой бы то ни было религии, они способны дать верную основу внутреннего благоденствия государству и его народам.

Многие надеются, что в смене одних реформ на другие, более жизненные и плодотворные, в широком развитии и правильной постановке законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновления и возрождения, и спасения человечества.

Светлые картины иногда поражают воображение человека: улучшаются законы, предусматриваются взаимные отношения. Под влиянием законов и реформ воспитываются люди. Хорошее законодательство, в конце концов, поставит человека в невозможность быть худым и порочным, в невозможность совершить преступление... Социология даст для этого помощь. Изучена будет психология масс и управления людьми, урегулирование их жизни станет просто механическим, от того легким и в то же время достигшем цели. При всем этом разнообразии стремлений и предполагаемых мер остается вера в то, что стоит только дать тот или другой желанный строй жизни человечества, и оно исцелится от своих язв и заживет счастливою жизнью. Так говорили и говорят восторженные теоретики и мечтатели, но совершенно обратному учит жизнь и история всякого, имеющего глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Летописи мира громко проповедают истину о том, что в то время, как все сферы человеческой деятельности, в том числе законодательство и правление, достигли высшего развития, в то же время и зло, живущее в природе человека, развивалось со свойственной ему силою и обнаруживалось разложением нравов, потрясая и сокрушая самые внутренние основы общечеловеческого благоденствия и счастья, — все, что было создано в течение веков напряженною деятельностью целого ряда поколений.

Под влиянием долговременного воздействия законов и общественного строя силою привычки и внутреннего обычая удерживалось добро. Но тою же силою привычки удерживалось и зло, также делаясь "второю природою" и обращая в органы служения себе и ум, и волю человека. Поэтому эпохи высшего научного и государственного развития народов совпадали с эпохой высшего развращения их нравов и часто служили началом их гибели и падения.

Царство Соломона, блиставшее славою, мудростью и богатством, вследствие нравственного разложения привело народ к разделению, потом к гибели. Вавилон, этот молот всей земли, по

выражению пророка Иеремии, погиб в грубой чувственности и пороках непосредственно после всемирного могущества. Та же судьба постигла в свое время и Египет, и Ассирию. Древняя Персия, достигнув мирового господства, изменила чистоте своих нравов — и пала. Спарта, Афины после расцвета стали клониться к упадку. Царствование Александра Македонского, совместившее все блистательное, могущественное, ученое с безумно роскошным, сладострастным, грубо деспотическим, едва пережило себя. Блистательный век Людовика XIV, век всего изящного, утонченного, век расцвета поэзии и философии, как известно, был временем самого глубокого и сильного развращения, заразившего Европу, и предварил ужасы революции. Древний Рим, без сомнения, по словам своего национального поэта, отличался особым умением “править народами” (Виргилий). Рим служил и доныне служит образцом законодательства, он и сам пережил самые разнообразные виды управления. Однако тяжело смотреть на картину его нравов, которую рисует Сенека: “Все полно разврата и преступления, ежедневно теряется стыд, порок не скрывается более, а явно выступает пред глазами всех, что невинность не только редка, но ее совсем нет”. Тацит говорит, что в Риме “добродетель стала пороком”. По словам Марка Аврелия, “верность и честность, справедливость и истина отлетели на небо”.

При самом лучшем, гуманнейшем и справедливейшем законодательстве всегда найдутся люди, которые, пользуясь этим же законодательством, делают его средством нечистой наживы, оправдания преступления в судах, и через это — орудием развращения народа. Никакое законодательство внешнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшим Божественным авторитетом, никогда не приведет человека к счастью, не упорядочит его жизни, не даст ему веры в будущее торжество добра над злом, а без этой веры жизнь человека и жалка, и бессмысленна.

Распалась, наконец, самая страшная и чудовищная советская империя зла. С расцветом научных достижений и открытий, стремительного покорения космического пространства, в век атомной энергетики, электроники и кибернетики разрушались и уничтожались культура, архитектура, литература, живопись, искусство, вера, надежда, любовь, свобода и сам человек. Гибель множества людей — великанов науки, культуры, религии — говорит нам о внутренней поврежденности грехом, этим “радикальным злом”, правителей и всей государственной системы. Причина зла лежит глубоко, причина не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся в ненормальном состоянии самой человеческой природы.

Общечеловеческое сознание говорит, что своими собственными силами люди не могут сделаться чистыми сердцем. Человечество ждало искупления. Для достижения нравственного совершенства нам нужно стоять на совершенно независимой от врожденной греховности почве, вне нашего естественного Я. Архимед сказал: “Дайте мне точку опоры, и я поверну землю”. Вот этой точки опоры, этого рычага для того, чтобы повернуть, изменить, возродить себя, человек, поврежденный глубоко и внутренне грехом, не находит в себе, но находит его в чистой и могучей религии Христа, искупившего людей и даровавшего им чрез веру силы высшие, благодатные, — все необходимые Божественные силы, которые к жизни и благочестию (2 Петр. 1, 3).

Если современное образованное человечество желает свой век сделать веком врачевания старых ран и исправления старых ошибок, то залогом исправления старых немощей и залогом будущего обновления жизни оно должно избрать обращение к Богу, ко Христу и к Церкви. В христианстве и теперь тот же дух, та же жизнь, что дарована ему на вечные веки. Своим небесным светом оно и науке поможет в ее исследованиях, и предохранит ее от опрометчивых выводов. Своим духом оно согреет и воодушевит государственное и общественное законодательство и даст ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязанности. Своей жизнью оно обновит нашу жизнь земную, осветит и осчастливит загробную.

Истина — в Иисусе, говорит апостол (Ефес. 4, 21). Во Христе “сокрыты все сокровища премудрости и ведения” (Кол. 2, 3). Он и доныне стоит пред миром и говорит: “Я есть путь и истина, и жизнь” (Иоанн 16, 6); “Придите ко Мне все” (Мф. II, 28).

В. М. РАЗУМОВСКИЙ,

действительный член Российской экологической академии, доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета;

О. В. ЧЕРВЯКОВ,

президент Ассоциации заповедников и национальных парков Северо-Запада России, директор национального парка "Водлозерский";

Н. В. ЧЕРВЯКОВА,

заведующая сектором культурного наследия национального парка "Водлозерский"

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ РУССКОГО СЕВЕРА

Русский Север располагает богатейшим историко-культурным наследием. Достаточно упомянуть такие историко-архитектурные и природные комплексы, как музей-заповедники "Кижский" и "Соловецкие острова", включенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Только в пределах российской части Баренц-региона (территории республик Карелия и Коми, Мурманской, Архангельской и частично Вологодской областей) насчитывается около 5000 археологических объектов и памятников каменного и деревянного зодчества XV—XX веков.

Объекты историко-культурного наследия широко распространены по территории региона, значительная часть которого слабо освоена в транспортном и экономическом отношении и характеризуется преимущественно сельскохозяйственно-лесохозяйственной специализацией. Размещенные в этих условиях историко-культурные объекты органично входят в окружающие их природные ландшафты и в то же время являются вещественным выражением традиционных культур народов, населявших и населяющих эти ландшафты. Оторванные от своей среды указанные объекты очень много утрачивают в познавательном, эстетическом и функциональном отношении. В связи с этим представляются недопустимыми попытки концентрации таких объектов в туристических центрах с целью создания компактных экспозиций, как это имело место при создании известных музеев деревянного зодчества в Кижях и Малых Карелах. Объекты историко-культурного наследия должны сохраняться в той среде, где они были созданы. Поэтому задача сохранения таких объектов неотделима от задачи сохранения и рационального использования соответствующих ландшафтов. В условиях практически повсеместного развития лесозаготовительных работ в таежных районах рассматриваемого региона решение последней задачи, а следовательно, и всей проблемы сохранения историко-культурного наследия в целом, существенно усложняется.

Как показала практика, наиболее эффективным направлением в решении указанной проблемы в условиях Русского Севера является организация в местах сосредоточения объектов историко-культурного наследия особо охраняемых природных территорий — заказников, национальных и природных парков, наделенных соответствующими функциями. Ярким примером в этом отношении является национальный парк "Водлозерский", на территории которого сохранились следы поселений разных эпох (начиная от мезолита), памятники архитектуры, старинные промыслы и ремесла, обычаи и обряды, а также традиционная система природопользования. При сохранении историко-культурного наследия стратегией деятельности национального парка "Водлозерский" является не омертвляющая музеефикация соответствующих объектов и не организация этнографического аттракциона для туристов, а создание функционирующего, живого и жизнеспособного социокультурного организма. Основой этого процесса должно стать восстановление традиционной для этих мест системы сельского расселения, функциональная специализация отдельных поселений на исконных для них видах деятельности, а также развитие рекреационной инфраструктуры.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

профессор, заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

(опыт системного анализа)

Формирование и реализация региональной культурной политики — относительно новые задачи для органов управления культурой. Их решение предполагает предварительное осмысление ключевых категорий, таких, как цели культурной политики, ее средства и механизмы, ресурсы и так далее. В системе этих понятий центральное место занимает категория “объект культурной политики”, то есть то, на что она направлена. От этого зависит точность формулирования задач культурной политики, определения приоритетов, отбора средств ее реализации и так далее. Объект культурной политики можно представить в виде следующей системы, которая включает:

1. Деятельность личности, социальных групп и общностей (как институционализированных, так и неинституционализированных) в сфере производства, распространения и потребления культурных ценностей, норм, правил, то есть культурный процесс. На этом уровне культурной политики мы выходим на две основополагающие проблемы:

а) определение приоритетных направлений культурной политики — конкретных сфер социально-культурной деятельности личностей, групп, социальных институтов в области искусства, экологии, политики, истории, здоровья и так далее;

б) определение приоритетных категорий и социальных групп населения, которые составляют “поле” культурной деятельности (социально-культурную структуру); это те группы и общности, в которые включен человек в силу ряда жизненных обстоятельств и социальных ролей.

2. Продукты культурной деятельности (то есть овеществленный процесс в виде его результата). Основные задачи культурной политики на этом уровне заключаются в поиске, комплектовании, документировании, изучении, реставрации и хранении продуктов культурной деятельности — памятников истории, культуры. Направления культурной политики по отношению к продуктам культурной деятельности:

— организация музейного дела (в том числе реставрация, строительство, музеефикация объектов);

— краеведческая деятельность, которая, в свою очередь, подразделяется на:

а) фиксацию источников, которым грозит утрата (личные документы, воспоминания, микропонимка);

б) обеспечение сохранности культурно-исторического ландшафта;

в) передачу знаний о крае поколениям, вступающим в жизнь (в частности, развитие школьного краеведения);

— сохранение памятников истории и культуры (определение приоритетов реставрации или консервации, ориентация на максимальное сохранение их подлинности);

— организация выставочной деятельности (создание салонов, картинных галерей, передвижных выставок и тому подобное).

3. Инфраструктуру культуры — комплекс организаций, учреждений и институтов, обеспечивающих производство, сохранение и распространение культурных ценностей.

Культурная инфраструктура представлена конкретной номенклатурой предприятий, учреждений и организаций. Поэтому здесь возможны нормативы, подлежащие планированию. Культурная политика в сфере инфраструктуры включает:

а) совершенствование и переориентацию деятельности традиционных культурно-досуговых учреждений в соответствии с задачами культурной политики;

б) создание новых типов культурно-досуговых и других учреждений и институтов, способствующих решению задач культурного развития территории (центров традиционной народной культуры, домов народного творчества, клубов-музеев, национально-культурных центров и тому подобных учреждений).

Учитывая, что культурная инфраструктура — это важнейший элемент формирования социально-культурной среды обитания человека, критериями определения нормативов при планировании должны быть:

— во-первых, соответствие культурной инфраструктуры структуре социально-культурных групп и общностей на территории;

— во-вторых, мера доступности объектов инфраструктуры основным социальным группам населения;

— в-третьих, соразмерность культурной инфраструктуры проблемам социальных групп, от чего во многом зависит социальное самочувствие человека, обуславливающее в числе прочего и его "оседлость".

Задачи культурной политики в сфере развития инфраструктуры выстраиваются следующим образом:

1. Создание социально-педагогических и культурных центров, сочетающих досуговые, воспитательные и трудовые функции.

2. Инициирование и поддержка культурно-досуговых учреждений, способствующих снятию социальной напряженности (политклубов, культурно-просветительных обществ, национально-культурных центров).

3. Создание центров местной культуры — народных музеев, музеев частных коллекций, домашних библиотек, выставок и других подобных центров.

4. Вовлечение отраслевых организаций, действующих на данной территории, в развитие социально-культурной среды.

5. Привлечение населения к достройке и дооборудованию помещений и территорий, пригодных для создания культурно-досуговых центров.

6. Муниципализация культурной инфраструктуры с последующей сдачей ее объектов в аренду с сохранением профиля.

7. Реставрация нежилого фонда, пригодного для организации культурно-досуговых учреждений или их филиалов.

Стратегическая цель этих мероприятий — обеспечить многообразие субъектов культурной жизни, дать реальный доступ к культурным ценностям всем социальным группам и категориям населения, сделать реальностью альтернативность социально-культурных программ.

В качестве самостоятельного направления культурной политики по отношению к инфраструктуре можно рассматривать индустрию досуга, что требует другого рода мероприятий, а именно:

а) насыщения рынка товарами спортивно-культурного назначения, оптимизирующими индивидуальный и семейный досуг (спортивные тренажеры, игры и т. п.); с этой целью депутатским комиссиям по культуре необходимо содействовать льготному налогообложению предприятий, организаций, кооперативов, выпускающих товары и изделия соответствующего профиля; эти комиссии также должны всемерно содействовать созданию кооперативов, товариществ с ограниченной ответственностью, малых предприятий, выпускающих товары культурно-досугового назначения; в целом развивать предпринимательство в данной сфере;

б) планирования при формировании бюджета капитальных вложений в развитие инфраструктуры досуга (строительство аттракционов, детских площадок, игротек, спортивных и культурных центров и тому подобных объектов);

в) создания условий для качественной организации культурного досуга на различных уровнях: квартира — жилой дом — двор — микрорайон — район — город, что в итоге даст каждому жителю возможность широкого выбора форм, видов, содержания проведения свободного

времени в зависимости от его интересов, физического состояния, материальных возможностей и других факторов.

На всех уровнях культурной политики основной задачей является создание условий, стимулирующих социально-культурную деятельность индивидов, социальных групп, учреждений, институтов культуры и досуга, способствующих решению территориальных проблем, носителями которых являются различные категории населения. В этом случае результатом и критерием эффективности культурной политики будут интенсивность и качество социально-культурной деятельности, ее вклад в решение проблем конкретных социальных групп, а развитие инфраструктуры выступает как средство совершенствования культурной жизни.

В. П. ШЕСТАКОВ,

директор Санкт-Петербургского научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов

ИНВАЛИДЫ КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Категория “культура”, как известно, трактуется неоднозначно. Чаще всего под культурой понимается духовная жизнь общества, выражающая не только основные характеристики условий материальной жизни и социальных отношений, но и оказывающая на них обратное влияние.

С этих позиций соотношение “культура и инвалиды” приобретает довольно определенный смысл. Социокультурные отношения в обществе многомерны и многоаспектны. В последние годы в этом плане все большее внимание стали привлекать вопросы социокультурной политики в отношении различных социальных категорий (групп) общества. При этом на первый план стали выходить наименее социально защищенные группы населения, к числу которых относятся и лица с ограниченными возможностями или, как принято их называть, инвалиды.

Следует отметить, что мировая статистика свидетельствует: число инвалидов увеличивается с каждым годом, а инвалидность (ее показатели) также имеет устойчивую тенденцию к росту. В ряде публикаций приводятся данные о доле инвалидов среди населения — 10%. Поэтому социальная политика не обошла их вниманием, включив в свое содержание понятие “социальная интеграция инвалидов в общество”.

Приоритетное направление социальной интеграции инвалидов — реабилитационное. Реабилитация — это, во-первых, цель при планировании и осуществлении комплекса мер, а во-вторых, сам процесс реализации мер по восстановлению социального статуса инвалида.

Одним из основополагающих принципов реабилитации является ее комплексность в широком смысле этого слова, то есть она включает меры медицинского, психологического, педагогического, правового, социального и многих других характеров, а также различные виды реабилитации, в том числе и социокультурную реабилитацию. Последняя имеет свои цели, задачи, приоритеты в формировании социокультурной политики в отношении инвалидов, всевозможные практические аспекты реализации с учетом региональной специфики и особенностей.

На практике же специалисты в области реабилитации довольно часто сводят проблему “культура и инвалиды” к таким мероприятиям, как создание на базе учреждений культуры центров творческой реабилитации, школ ремесел, творческих мастерских, различных клубов, кружков, секций для инвалидов и так далее, либо считают достаточным на базе реабилитационных учреждений прибегать к мерам повышения общей культуры инвалидов общеизвестными средствами — целенаправленным использованием литературы (библиотерапия), музыки (музыкотерапия), изобразительного искусства (арттерапия), театра (театротерапия) и так далее. В лучшем случае одни мероприятия дополняются другими.

Однако все эти меры недостаточны, имеют одностороннюю направленность — на инвалида и не приносят ожидаемого реабилитационного эффекта. При этом необходимо учитывать и неразвитость инфраструктуры социокультурной деятельности инвалидов (недостаточные материально-технические, технологические, кадровые возможности), которая присуща всем регионам.

Необходима иная философская концепция подхода к реабилитации, социальной интеграции инвалидов, которая бы не рассматривала ее как проблему, касающуюся лишь определенной части общества (“неполноценных людей” или даже неких “изгоев” общества). Современный социофилософский подход к данной проблеме должен исходить из того, что это проблема отношений инвалида и общества. Таким образом, инвалидность в качестве социального явления начинает определяться как функция отношений между инвалидом и обществом, в основе которых лежит признание прав инвалидов на равные возможности с другими членами общества. На этом постулате должна базироваться и строиться социокультурная политика в отношении инвалидов.

М. А. АРИАРСКИЙ,
профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургской государственной академии культуры

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Вовлечение человека в мир культуры осуществляется всей сложившейся в обществе системой социализации и воспитания. При этом следует учитывать, что в отличие от предметно ориентированного и методически инструментированного обучения культурологическое образование в основе своей носит надпредметный характер. Его объем призван охватить культуру духовную и материальную, высокую и повседневную, национальную и общечеловеческую, современную и простирающуюся к истокам цивилизации; культуру общества, региона, социальной группы, семьи, личности; культуру труда, познания, общения, быта, досуга.

Если взять только такую область высокой культуры, как искусство с его разнообразными жанрами, то для постижения всех его глубин не хватит и человеческой жизни. В этих условиях культурологическое образование призвано заложить у каждого знание общих закономерностей зарождения, становления, развития и функционирования культуры; раскрыть специфику различных компонентов современной культуры; сформировать принципы следования требованиям культуры в различных сферах жизнедеятельности; выработать умения и навыки социально-культурной деятельности в одной или нескольких областях культуры; подготовить человека к социально-культурному творчеству.

Многослойность и диалектическое многообразие транснациональных и региональных культурных процессов предопределяет и сложность их отражения в прикладной культурологии, которая призвана донести до человека это духовное богатство. Философские концепции развития духовного мира, равно как сложные процессы, происходящие ныне в музыке, хореографии, изобразительном и иных видах и жанрах искусства (благодаря доступным непрофессионалам информационно-просветительным методикам), должны быть осознаны широкими слоями населения, и это, несомненно, повысит общий уровень бытового сознания, поможет преодолеть перекосы массовой культуры, уберечь молодежь от пагубного влияния пропагандируемого с эстрады культа насилия и иных низменных физических инстинктов. Особое значение эти методики приобретают для учителей, социальных педагогов, специалистов культурно-просветительных учреждений и сотрудников средств массовой информации, управленцев социально-культурной сферы, которые профессионально призваны стать посредниками между теоретической культурологией и практикой вовлечения людей

в мир культуры. Они обязаны разрабатывать региональные и общенациональные культурные программы, осуществлять культурную политику в соответствии с требованиями гуманизации общества и достижениями науки в области культурологии. Эти методики должны обеспечить преобразование обыденного сознания в научное; поднять уровень культуры домашнего хозяйствования до профессионально-технологической культуры, бытовую мораль — до нравственно-правовой культуры, суеверие — до способности научно осмыслить себя и свое место в окружающей действительности.

Можно по-разному относиться к массовой культуре, но нельзя забывать, что благодаря простоте и доступности языка средств массовой информации это транснациональное явление в значительной мере является отправной точкой, с которой начинается вхождение человека в мир культуры, и в этой связи перед прикладной культурологией стоит двудеятельная задача:

— всемерно влиять на качественное совершенствование культурной информации, идущей в рекламе, с эстрадных подмостков или транслируемой посредством радио, телевидения и иных средств массовой коммуникации;

— видеть в массовой культуре плацдарм, с которого должно начинаться последовательное возвышение духовных интересов и потребностей людей, их восхождение к подлинным высотам отечественной и мировой культуры.

Вовлекая человека в мир культуры, прикладная культурология призвана раскрыть все ее многообразие, всю многослойность культурных явлений и процессов на разных уровнях функционирования духовной жизни.

Во-первых, это раскрываемый этнологией и культурной антропологией уровень эстетической культуры, характеризующийся локально-групповым восприятием действительности и представленный наследием дописьменных средств общения и информации, родовыми и семейными устоями, народной педагогикой, обрядами, ритуалами и иными формами традиционной культуры.

Во-вторых, это изучаемый семиотикой и смежными науками уровень национальной культуры, который закреплен в литературе, музыке, хореографии, театральном, изобразительном и иных видах и жанрах искусства и находит свое место выражения в национальном менталитете.

В-третьих, это анализируемый социальной культурологией уровень массовой культуры, принимающий благодаря современным средствам информации транснациональный характер.

К сожалению, кино, телевидение, иллюстрированные журналы и другие средства массовой информации, равно как реклама или коммерческо-развлекательные учреждения, часто пропагандируют далеко не лучшие образцы культуры и в определенной мере подрывают в массовом сознании традиции этнической и национальной культуры. Однако уровень массовой культуры во всей своей противоречивости — это объективная реальность. Ее нужно постигать и по мере возможности совершенствовать.

Еще более важно, чтобы человек увидел культуру в единстве многообразия и мог воспринять все лучшее, что способны дать и этническая, и национальная, и транснациональная культуры. Интегративным фактором, способным помочь увидеть это лучшее и утвердить себя в культуре, может стать философия культуры как наука, позволяющая подняться над частностями, осознать национальную идентичность, достичь культурного самосознания. Знание истории, теории, социологии, экономики, культуры — непреложное условие усвоения принципов культурной деятельности, но оно не гарантирует, что человек, познавший закономерность становления, функционирования и развития культуры, следует им в повседневной жизни. Знать о культуре и жить ею — понятие далеко не равнозначное и в этой связи следует отметить социальную значимость прикладной культуры, но и интериоризации ее норм и принципов, определяет пути и средства включения индивида в мир культуры, в систему отношений, основанных на высочайших нравственно-эстетических критериях; реализует технологию стимулирования творческих потенций личности, вовлечения ее в систему культуросозидающего творчества.

Н. Ф. ДМИТРЕВСКАЯ,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета эконо-
мики и финансов

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ УЧЕТ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Интермодальные коридоры, сжав каркас больших городов, создали технические возможности (и иллюзии) для переноса любой информации, включая городскую культуру. Однако неповторимость городов и их образов убеждает, что трансляция городской культуры наталкивается на непреодолимые препятствия, которые дают о себе знать в виде особенностей восприятия. Для методологии культурной политики этот феномен должен быть исходным, предплановым. Фрагментарно покажем некоторые срезы структурирования имплицитной среды города.

Городская культура как социокультурная подсистема разделена на множество вертикальных и горизонтальных субсистем, несоприкасающихся параллельных миров в большом городе. Их информированность о материальной и духовной жизни друг друга искажена вследствие отсутствия каналов связи. Разные слои населения идентифицируют себя с определенным городом благодаря наличию общих городских символов и мифов. Семиотика общего объекта требует однозначной реакции на нее. Это способствует формированию общих для жителей города черт, но семантически символы многозначны. Поэтому, будучи по принадлежности горожанами, люди воспринимают информацию о культуре согласно действию множества факторов (например, профессиональной структуры), под воздействием которых оценивают или отсеивают те или иные элементы вносимой культуры.

“Культуртреггеры” передают нечто реальное (объекты, слова, звуки), и только это реальное в местной интерпретации могут “схватывать” люди. Суть же культуры, душа ее принципиально не передаваема и тем более не восприимаема однозначно.

Город выступает генератором и распространителем культурных явлений, рождение которых накладывает неповторимый отпечаток на его культуру. Движение культурных явлений до недавнего времени можно было представить в виде затухающей волны, всплески которой через некоторое время достигали самых отдаленных уголков страны (например, распространение моды, имен, городских праздников, не говоря уже о более крупных явлениях). Затухающая и оттянутая временем волна смягчает инновационный удар и позволяет элементам нового постепенно вливаться в местную культуру, незаметно обогащая ее колорит.

Современные интермодальные коридоры сводят на нет временной лаг и обрушивают на город с его самобытной культурой, на его жителей весь поток информации. Жители данного места начинают ощущать себя маргиналами, что, с одной стороны, пагубно для культуры города, так как сознание принадлежности к городу носителей его культуры утрачивает свою ценность. Спасает наличие местной культурной волны, создаваемой неумирающим племенем энтузиастов. С другой стороны, встреча с инородной культурой неизбежно приводит к восприятию наиболее простых символов этой культуры, дискредитирующих ее самое. Воспринимается внешняя, наиболее доступная сторона (недаром часто в сельской местности бытует мнение, что горожан отличают крашенные губы, яркость и дороговизна одежды, развязность поведения). Этот феномен создает поле для всевозможных манипуляций общественным сознанием и поведением, мастера которого всегда найдутся, если это поле не защищено (согласно словам П. А. Столыпина, а еще ранее — М. В. Ломоносова о том, что пустое место непременно будет кем-то или чем-то занято).

Восприятие городской культурой новых явлений имплицитно и из-за малого понимания нами этого процесса непредсказуемо. В культурной политике следует предусматривать, что трансляция культуры может привести к негативным последствиям, особенно при наличии множества каналов информации в нестабильном обществе.

В. И. ГРАЧЕВ,
доцент кафедры социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

КОММУНИКАЦИОННО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В условиях развития современного общества решающими факторами формирования культурной среды становятся коммуникационные и информационные процессы, происходящие в ней.

Однако в силу слабого развития информационной, коммуникационной и рекреационной культуры населения бурно развивающаяся в настоящее время система средств массовой коммуникации зачастую является стрессообразующей средой для людей с неустойчивой ценностной ориентацией и недостаточно сформированной культурной традицией.

Эти особенности характерны прежде всего для удаленных от культурных центров регионов. Современная российская провинция подвержена мощному тотальному воздействию телевидения, которое подчас становится важнейшим культуuroобразующим фактором. Некоторые отдаленные регионы, например, шахтерские города и районы, серьезно подвергаясь в настоящее время социальной и экономической дискриминации и не имея устойчивой культурной среды обитания, но располагая достаточно разветвленной сетью средств массовой коммуникации, подпадают под их часто “квазикультурное” влияние. Все это, несомненно, приводит к снижению качества жизни в этих регионах и девальвации подлинных культурных ценностей.

Сегодня Россия, переживающая экономические трудности, превратилась в страну с утраченными и неясными социально-политическими и культурными ценностными ориентациями. Поэтому так легко формируются в дезориентированном общественном и индивидуальном сознании не совпадающие с реальной жизнью, чуждые российской ментальности и психическому строю людей нашего еще недавно социально сплоченного общества культурные ценности. Это вызывает образование синдрома когнитивного диссонанса, то есть рассогласования в сознании людей социальных и культурных идеалов, экономических и политических ориентиров, образов товаров и услуг, недоступных большинству, но навязываемых через систему средств массовой коммуникации, со сформировавшимися ранее культурными традициями, ценностными ориентирами, социальными устремлениями людей, их возможностями в условиях современной российской реальности.

Попытка вестернизации российской культуры через эскалацию по многочисленным каналам средств массовой коммуникации насилия, жестокости, порнографии, недостижимых и чуждых жизненных стандартов, обрушивающихся на психологически и культурно неадаптированного к ним российского человека, зачастую приводят к психическим стрессам, депрессивным состояниям. Особенно сильно это проявляется в дискриминированных в социально-экономическом и культурном отношении отдаленных регионах.

Для коррекции социально-культурной ситуации и ориентации населения в региональном культурном пространстве необходимо создавать более совершенную коммуникационно-информационную систему трансляции культурных ценностей. Важно осуществлять постоянный культурный мониторинг населения отдаленных от центра регионов через проведение социокультурных исследований и опросов людей, совершенствование существующей системы учреждений и организаций социокультурной сферы.

Таким образом, проблема региональной культурной политики и культуризации населения удаленных от культурных центров регионов должна рассматриваться комплексно, во всем разнообразии не только экономических, но и социокультурных аспектов, среди которых весьма важными становятся коммуникационно-информационные факторы формирования региональной культурной среды.

Н. И. КОРОЛЕВ,
заведующий кафедрой управления Белорусского государственного
университета культуры

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Решение задач формирования и реализации территориальной культурной политики неотделимо от ее кадрового обеспечения, то есть наличия кадров, обладающих необходимыми знаниями и умениями, позволяющими определять цели, задачи и приоритеты культурной политики, отбирать средства и методы ее воплощения в жизнь. Это актуализирует проблему создания стройной системы подготовки, доподготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для работы в сфере культуры.

В сущности, подобная система в полном смысле слова еще не сложилась. Существует конгломеративное подобие системы непрерывного образования кадров культуры и искусства, состоящее из разрозненных звеньев, координируемых, насколько это возможно, Министерством культуры РБ. Какого рода факторы не позволяют говорить о целостной системе в непрерывном образовании кадров культуры и искусства. Прежде всего, это рассогласованность учебных учреждений и структур, осуществляющих подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров культуры и искусства. К примеру, БУК (Белорусский университет культуры) не знает, по каким учебным и перспективным планам работает БелИПК (Белорусский институт повышения квалификации). А БелИПК смутно представляет, что делается и проектируется в БУК. Областные курсы повышения квалификации, образно говоря, “местничают” на отшибе. Из факультета искусства и продюсерского факультета Института современных знаний информация “просачивается” только через преподавателей-совместителей и членов аттестационных комиссий, делегированных БУК. Факультет искусств Европейского гуманитарного факультета — “вещь в себе”. Музыкально-педагогический факультет и музыкальное отделение факультета начальных классов Белорусского государственного педагогического университета — “вещь для себя”. Они работают в локальном внутреннем режиме, хотя и неплохо справляются с текущими задачами в рамках уже заданного интервала деятельности. Короче говоря, пока не сложилась должная, рассчитанная на перспективу координация в подготовке кадров по родственным и смежным специальностям ни между тремя ведущими вузами культуры и искусства, ни между ними и средними учебными заведениями культуры и искусства, ни между теми и другими. Переподготовка и повышение квалификации кадров культуры и искусства ведутся практически в изоляции от подготовки молодых специалистов. В результате мы имеем дело лишь со слабым “намеком” на непрерывное образование работников культуры. Тривиальная ситуация “лебедь, рак и щука” — подходящая образная характеристика для сложившегося положения дел.

Как можно принципиально поправить положение? Есть три пути, которые, видимо, следует объединить.

Первый путь определяется комплексной темой “Кадры”, выполняемой в составе программы “Культура”. Исполнители темы предлагают положить в основу объединения всех звеньев системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров культуры сводный перспективный план непрерывного образования специалистов, состоящий из взаимно согласованных интегрированных индивидуальных перспективных планов высших и средних учебных заведений культуры и искусства. Образец примерной “спайки” должны показать перспективные планы Белорусского университета культуры, Белорусского института проблем культуры, областных курсов повышения квалификации работников культуры.

Второй путь — это разработка и внедрение единого Государственного стандарта подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров культуры и искусства, охватывающего все звенья непрерывного образования специалистов данного профиля.

Третий путь — это создание при Белорусском университете культуры постоянно действующего научно-методического центра подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров культуры и искусства с координирующим органом, в который бы вошли высшие должностные лица всех участвующих в этом процессе учебных заведений и представители Министерства культуры и Министерства образования (на уровне заместителей министров).

Есть еще одно важное условие, без которого не может быть обеспечено достижение успеха. Это постоянное приведение в соответствие “Перечня должностей по отрасли культуры и искусства” и штатных расписаний УК и ПК с теми новыми специальностями (специализациями), квалификациями, по которым готовятся специалисты в профильных высших и средних учебных заведениях. Ведь складываются порой парадоксальные ситуации: потребность в определенном специалисте в социально-культурной сфере есть, а в классификаторе должностей это не находит своевременного отражения. И “воз” порой тянется годами. Например, БУК уже не один год выпускает и через систему очного, и через систему заочного отделений режиссеров массовых праздников, на которых большой спрос в районных Домах культуры, клубных учреждениях областного и республиканского масштаба. Немало среди них классных, авторитетных специалистов, но администрации домов и дворцов культуры вынуждены держать специалистов по массовым праздникам “на птичьих правах”, называя их методистами или трудоустраивать на какие-либо иные малооплачиваемые должности. Энтузиасты своего дела, несущие людям радость праздничного общения, формально выступают в роли каких-то “полуофициальных маргиналов”, порой испытывающих серьезные материальные трудности. Примерно таким же образом обстояло дело до последнего времени и с менеджерами социокультурной сферы. Недавно принято в централизованном порядке положительное решение об отражении этой специальности в вышеуказанном перечне. Но на местах же, судя по опросам экспертов, еще до сих пор молодых специалистов-менеджеров трудоустраивают в клубных (культурно-досуговых) учреждениях на должности экономистов или бухгалтеров, у которых несколько иные функциональные обязанности. Тем самым созданы искусственные трудности, вызванные ведомственной разобщенностью.

Как представляется, при реализации предлагаемых выше подходов к созданию единой системы подготовки кадров для сферы культуры возникнут необходимые и достаточные условия для эффективного кадрового обеспечения региональной культурной политики.

Н. Ф. МАКСЮТИН,

профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности
Казанской академии культуры и искусства

ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Частным моментом незавершенности вопроса о разграничении полномочий центра и регионов является культурная политика. Здесь в ведении Федерации должны быть: исследовательская деятельность, программное обеспечение, кадры, новейшие технологии промышленной базы культуры, объекты культуры федерального значения. Предметом региональной культурной политики должно стать содержание культурной деятельности с ее региональными приоритетами, управление ею, а также развитие сети финансирования и материальное обеспечение учреждений культуры. Перманентные реорганизации и смена руководителей не позволили Министерству культуры Российской Федерации выполнить роль инициатора, разработчика, интегратора и локомотива культурной политики России и главного ее защитника в правительстве. Основы российского законодательства о культуре не получили развития в конкретной правительственной программе и зачастую не исполняются на местах.

2. Известные плюсы самостоятельности регионов в осуществлении культурной политики (меньше формализма и обязаловки, ближе к реальным проблемам и приоритетам в культурной деятельности) сегодня обесцениваются рядом отрицательных показаний. При слабой федеральной культурной политике сегодня свирепствует плохая региональная самодеятельность, особенно в суверенных республиках (бывших автономных): методологическая и социологическая недостаточность (обоснование приоритетов не поднимается выше идеологической риторики), управленческое, кадровое и финансовое обеспечение региональных культурных программ обозначено весьма приблизительно или отсутствует, что очень напоминает популистские решения партии и правительства советских времен, о неисполнимости которых знали сверху донизу. Прогнозированием перспективных направлений досуга и, соответственно, подготовкой кадров в органах культуры различных уровней как никто никогда не занимался всерьез, так и сегодня не занимается. Учебные заведения культуры в меру своих представлений и своего изучения вопроса сами планируют госзаказ и сами его исполняют.

3. Региональная культурная политика, судя по Татарстану и Марий Эл, будучи продуктом традиционных советских, то есть идеологических и ненаучных приемов планирования, на сегодня весьма ущербна: это сводные планы развития подведомственных учреждений с заданной установкой. Основные их изъяны:

а) Моноэтнизм. Полагаю, это не только грех нашего региона. Все "помешались" на развитии титульной национальной культуры, забывая для удобства о том, что регион Среднего Поволжья полиэтничен, а национальные предпочтения порождают новую несправедливость. Оговорки о предоставлении возможностей развития всех этносов на территории не устраняют практики свирепого этноцентризма. Например, благообразный закон о двух государственных языках в Республике Татарстан стал мощной дубинкой татаризации всех государственных, промышленных, научных, культурных и других структур. Не знаешь татарского языка — вкалывай у станка или на дорогах в оранжевых жилетах, где нет необходимости знания языка, а коли знаешь — тебе открыты двери во все уровни управления, гарантированы льготы в оплате образования. Дискриминация в равной мере относится и к татарам, недостаточно знающим (то есть только на бытовом уровне) татарский язык. К ним отношение еще более суровое. Еще в советское время в Эстонии, на Кавказе, в Средней Азии основные позиции в управлении, культуре и сельском хозяйстве занимали представители "титульных" этносов, а русскоязычным представлялась производственная сфера и обслуживание. Похоже, и в нынешних суверенных республиках России русскоязычному населению отведена та же роль работников и obsługi. Справка: татары не составляют большинства в Республике Татарстан, в Республике Марий Эл численностью 750 тысяч жителей марийцы составляют около 40%. Скажу по поводу "ущемления" татарского языка в прошлом: еще в 50-е годы я в обязательном порядке изучал татарский язык и татарскую литературу.

б) Ведомственность региональных программ. Это, повторяю, сводные ведомственные планы министерств культуры автономии суверенных республик, одобренные идеологической (культурно-возрожденческой) задачей. Поскольку основная сеть министерств культуры располагается в районах и селах, приоритеты в определении содержания и сети также располагаются в этой "деревенской" сфере. В Татарстане только Казань и Набережные Челны составляют более 1/3 населения. Есть и другие крупные города. А "культурная политика" Татарстана рассчитана на 1/4 жителей сельской местности. Город почти выпал из этой программы. В программе не обойдены музеи и учреждения искусства. Все они в основном на содержании местного бюджета, живут сносно, за исключением молодежного театра, малоценного с точки зрения пропаганды татарской культуры.

в) "Деревенскость" культурной политики суверенных республик привела к остросюжетной проблеме городской культуры. Жилые массивы в десятки и сотни тысяч жителей оказались вне культурных программ. В прошлом осталась когда-то обязательная для предприятий и дворцов культуры города работа по месту жительства. Дети и подростки остались в известной мере в зоне внимания Комитета по делам детей и молодежи и органов народного образования. Первые, не имея своих учреждений, заняты организацией семинаров, курсов, фестивалей, смотров, конкурсов и тому подобных мероприятий, то есть работают с приятной "верхушкой" детско-подростковой

массы. Вторые через школы (эстетический цикл, дополнительное образование) и центры детского творчества (бывшие Дома пионеров) методами отнюдь не лучшей для досуга школьной педагогики стараются поддерживать художественную и спортивно-оздоровительную деятельность. Здесь много формализма, обязательности, мало души. А все остальные возрастные группы совсем выпадают из зоны культурного влияния. Малозатратные предложения и идеи по формированию структуры учреждений для культурной деятельности в городах с большими «спальными» районами и новых городов с градообразующим промышленным гигантом известны, но в программах ведомственной культурной политики они не отражены.

4. Что же составляет суть культурной политики Республики Татарстан и Республики Марий Эл? Фольклоризм, возвращение к истокам, что особенно заметно в практике культурной деятельности в Марийской республике. Необходимость возрождения этнических культурных традиций в целях их музеефикации бесспорна, но навязывание их в качестве элементов образа жизни современникам идиотично, ибо сродни впадению в детство взрослого человека. Наиболее последовательные и усердные ревнители моды на прошлое сочиняют сценарий и организуют православные и мусульманские праздники, а в Марий Эл — религиозные языческие обряды с искренней верой в то, что они возрождают духовность этноса. При этом на обочине внимания учреждений ведомства культуры оказались спортивно-оздоровительные и информационно-образовательные направления деятельности, естественнонаучное и научно-техническое любительское творчество как далекое от фольклора; в бедственном положении зоопарки, туризм уходит с поля культуры и не питает свою исконную базу — памятники истории и культуры и заповедные редкостные зоны природы. Музейный ренессанс имеет односторонности: корректируя искажение истории и восстанавливая справедливость, открываются десятки, а по России сотни мемориальных музеев, посвященных людям, достойным памяти земляков, но второстепенной культурной значимости. При этом в безызвестности остаются достижения человеческой мысли, выраженные в недоступных широкой публике экспонатах вузовских и заводских музеев. Какой простор для организации городских музеев естественнонаучного и научно-технического профиля! С этой группой музеев в России всюду бедственное положение, ибо взгляд на культуру в ее фольклорно-орнаментальном измерении был и останется доминирующим при отсутствии нормальной федеральной культурной политики. Милые сердцу руководителей культуры этнографические предметы и продукты народных ремесел могли бы найти место в названной непопулярной группе музеев, ежели нет краеведческих. Парки, наиболее перспективные и массовые учреждения досуга остаются вне региональных культурных программ с их убожеством в природно-ландшафтных и технико-технологических аспектах. Ну не работают они на идею этнического величия, а посему — неинтересны.

Э. Л. ФАЙБУСОВИЧ,

действительный член Академии туризма, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ЗАДАЧА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Под историко-культурной средой мы понимаем территориальные системы, состоящие из материально-вещественной среды, созданной деятельностью предшествующих поколений, и видоизмененного, адаптированного этой деятельностью для жизни людей природного ландшафта. На большинстве территорий антропогенное воздействие длится многие тысячелетия, какие-то следы его сохраняются в современном ландшафте. Но возраст национальной историко-культурной среды определяется возрастом этноса, для которого она генетически являлась «кормящим ландшафтом» в руральной (сельской) стадии его развития. На современном этапе развития большинства этносов

ландшафт уже не является кормящим. Трудно представить, что ландшафт Невской низины и дельты, бывший кормящим для “убогого чухонца”, способен прокормить пятимиллионное население петербургской агломерации.

Современная историко-культурная среда — продукт сотворчества человека и природы. Облик современной страны — это не дремучие германские леса, не дикое поле, а облагороженные, удачно вписавшиеся в естественную среду бокажи Франции, возделанные и населенные ландшафты Среднерусской возвышенности.

Процесс видоизменения историко-культурной среды нельзя остановить. Изменения в природе, в том числе циклические, происходят сами по себе. Изменяется техника и технология производственной деятельности человека, а вместе с тем и реакция на ее воздействие природной среды. Разрушается под действием времени искусственная материально-вещественная среда (мы не говорим о сознательном разрушении). Но каждое поколение должно хотеть сохранить для потомков лучшие черты национальной историко-культурной среды, справедливо полагая, что они формируют национальное самосознание, не говоря уже о том, что деструкция этой среды может ухудшить условия жизни потомков.

Почему речь идет о реставрации историко-культурной среды, сохранении ее в нынешнем состоянии? По понятным причинам воссоздание исходной природной среды не представляется реальным. Да и в такой воссозданной среде современное человечество существовать не сможет. Не имеет смысла воссоздавать и историко-культурную среду прошлых эпох — допустим, городскую застройку XVII века — там, где она утрачена. Современная жизнь горожан не может протекать в этих рамках. Консервация сохранившихся природных ландшафтов или старинной застройки возможна лишь на ограниченных участках заповедников, национальных парков или в пределах не освоенных экономически территорий. В городах возможна музеефикация отдельных кварталов. На основной части освоенных территорий нужно поддерживать историко-культурную среду в действующем состоянии при осторожном, тактичном включении в нее прогрессивных, необходимых для развития общества элементов.

По известным причинам состояние историко-культурной среды в нашей стране плохое. Утрачены сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, особенно мелкоконтурных, вносящих разнообразие в бесконечные лесные и болотные пространства. Обветшало большинство сохранившихся сельских храмов, жалкое существование влечат многие малые города со славным историческим прошлым.

Основные усилия следует направлять на бережную реставрацию того, что еще поддается реставрации, что еще способно функционировать, а не на искусственное воссоздание полностью утраченного, как это стало модно делать. Новоделы чисто внешне воспроизводят оригиналы, не обладая исторической аурой. Полезнее реставрировать сохранившийся храм, чем вкладывать силы и средства в создание копии утраченного.

Насыщенность историко-культурной среды и уровень потребности в реставрации, требующей значительных средств, различны по районам страны. Основные регионы — доноры федерального бюджета — молоды, тогда как исторические районы старого освоения в большинстве депрессивны, не имеют собственных средств для реставрационных работ. Сущность региональной политики в области реставрации историко-культурной среды заключается в межрегиональном перераспределении средств на поддержание национального историко-культурного наследия. Сохранение региональной специфики культурного ландшафта и расселения позволит противостоять тенденции к унификации, диктуемой техническим прогрессом. В то же время реставрация, сохраняя дух местности, не должна омертвить исторические города, превратив их в музеи, а то и в декорации под открытым небом исключительно на потребу туристам. Однако затраты на реставрацию могут и окупиться именно за счет привлечения туристов. Ведь хороший хозяин, заботящийся о своем добром имени, не захочет показать гостям Усолье и Чердынь, Сольвычегодск и Слободской и многие другие славные города в том виде, в каком они находятся в наши дни. Собственными силами им не подняться. Но с помощью дотаций путем реставрации их памятников можно сделать эти города привлекательными для туристов, способствовать их экономическому возрождению.

А. В. ПОЗДНЯКОВ,
кандидат исторических наук, доцент, проректор Белорусского
университета культуры

УЧЕТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛАРУСИ

Разработка и осуществление культурной политики государства, являющейся неотъемлемой частью программы реформирования, трансформации общества в целом, не может не учитывать этнического, этноконфессионального состава населения страны. Исходя из этой посылки, важнейшим направлением культурной политики Республики Беларусь является создание реальных социально-политических и экономических условий для возвращения и развития национальных традиций, культур не только белорусов, но и других этносов, проживающих на территории республики, установить равноправные культурные взаимоотношения между всеми этническими, этноконфессиональными общностями. В этом отношении можно говорить об определенном опыте, который может быть полезен и другим странам.

Беларусь исторически представляет собой многонациональное государство. На протяжении столетий она отличалась этнической пестротой. Этому в немалой степени способствовал так называемый геополитический фактор.

На состояние этнического, этноконфессионального состава оказывают влияние значительные миграционные процессы. Они в значительной степени определяют численность, демографическую структуру, характер и динамику воспроизводства. Миграционные процессы изменяют этнический состав населения, расширяют межнациональное общение, способствуют взаимовлиянию духовных и культурных ценностей. В результате указанных факторов наша земля всегда была местом взаимодействия разных народов, разных культур. Белорусский народ всегда жил в согласии с национальными меньшинствами.

На территории Беларуси, кроме белорусов, проживают представители свыше ста различных этносов, которые составляют 22,1% населения страны (по данным переписи 1989 года). Самой большой национальной группой после белорусов (77,9%) являются русские, поляки (4,1%), украинцы (2,9%), евреи (1,1%), представители других национальностей (0,8%).

В результате естественного и миграционного процессов количество русских на территории Беларуси с 1959 по 1989 год удвоилось. Они проживают преимущественно в соседних с Россией областях — Витебской, Гомельской, Могилевской и в Минске. Русские — в основном горожане (86,8%). Большинство из них считают родным языком русский (97,7%). Однако за последние 30 лет доля русских, считающих родным языком русский, уменьшилась на 2% в пользу белорусского языка.

Беларусь всегда отличалась взвешенной политикой во взаимоотношениях с представителями разных этносов, проживающих в стране. Естественно, что русские занимают в этом процессе особое место. Этому способствует и количество русских, проживающих в Беларуси, и интенсивность контактов, и родственность происхождения, вероисповедания, культуры, интеграционные процессы в рамках союза Беларуси и России.

Серьезные конкретные шаги в интенсификации этнокультурных отношений предприняты в последние годы, в том числе и по созданию необходимой организационно-правовой базы. Например, при кабинете министров Республики Беларусь действует Совет по делам национальных меньшинств. В июне 1996 года Министерством юстиции республики зарегистрирован Устав международной академии изучения национальных меньшинств. Действует Республиканский центр национальных культур. Создано большое количество национально-культурных конфессиональных обществ, союзов, объединений. Сегодня успешно работают многочисленные объединения русских, украинцев и представителей других национальностей.

Об этом свидетельствуют конкретные шаги, в том числе и по созданию необходимой организационно-правовой базы. Например, активно действует Союз поляков Беларуси, структуры которого образованы во всех районах Гродненской области, в ряде районов других областей республики. При Союзе поляков созданы научное, медицинское, спортивное товарищества, клуб католической молодежи, функционируют польские ансамбли, хоры и иные самостоятельные коллективы. В Гродненском и Белорусском государственном университетах открыты отделения польского языка и литературы.

Значительную работу проводит общественно-культурное объединение татар-мусульман Беларуси. Издаётся журнал "Байрам", проводятся этнографические экспедиции, реставрируются мечети, организована работа воскресных татарских школ, курсов для детей и взрослых по изучению арабского языка. В начале 1997 года по проблемам национально-культурного возрождения татар Беларуси проведена международная конференция.

В 1990 году организовано общество немцев Беларуси "Видергебург" и зарегистрирован центр немецкой культуры. В рамках этих организаций этнические немцы изучают язык, историю, культуру немцев Германии и СНГ, проводятся различные мероприятия, официальные и дружеские встречи.

Белорусское общество немцев имеет свои структурные подразделения в городах Бобруйске, Витебске, Гомеле, Гродно.

Подобную деятельность ведут этнокультурные и этноконфессиональные объединения других народов, населяющих нашу страну.

В Беларуси, в отличие от других бывших республик СССР, взаимоотношения между представителями различных этносов развиваются традиционно доброжелательно, плодотворно, обогащая друг друга. Несмотря на некоторые элементы национализма со стороны отдельных политических деятелей и представителей творческой интеллигенции, белорусская толерантность, менталитет народа позволяет жить в согласии и сотрудничестве многонациональному населению. Белорусский народ выработал свою особую субкультуру взаимоотношений с проживающими в его среде национальными меньшинствами.

А. С. ЗОГИН,

директор Санкт-Петербургского института культурных программ

КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА РОССИИ: ОТ МЕТАФОРЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Многолетний европейский опыт реализации программы "Культурная столица" вполне применим и для нашей страны. Впервые идея программы "Культурная столица" прозвучала в 1983 году как предложение Министерства культуры Греции. Идея была одобрена Европейским сообществом.

Концепция городов — европейских столиц культуры — основывается на идее, согласно которой европейская культура "характеризуется присутствием как общепринятых элементов, так и богатства, рожденного культурными различиями". Согласно концепции, каждый город, принимающий участие в программе, должен:

— представить европейской аудитории своеобразие культур данного города, региона или страны;

— отразить влияние культур других европейских стран.

В 1990 г. по инициативе Глазго была создана сеть европейских столиц культуры, объединившая представителей оргкомитетов городов, уже принимавших участие и собирающихся участвовать в программе. Цель сети — осуществление постоянного обмена информацией и профессиональным опытом. Европейская комиссия оказывает сети финансовую поддержку для организации регулярных встреч.

Безусловный интерес, проявленный со стороны бизнес-сектора к европейским столицам культуры, объясняется в первую очередь масштабом, международным характером и уникальностью программы.

Поддержка, оказанная программе примерно 559 компаниями (деньгами и услугами), оценивается приблизительно в 42 млн экю. Наиболее действенную спонсорскую помощь предоставили местные фирмы, а также региональные и международные компании, чьи штаб-квартиры были расположены в городах — европейских столицах культуры. Благодаря программе многим городам удалось установить долгосрочные спонсорские контакты. Согласно исследованиям, представители бизнес-сектора ответственно отнеслись к своим социальным обязанностям, расценивая спонсорство не только как возможность финансирования программы, но и своего в ней участия.

За период с 1985 по 1993 год мероприятия программы посетило около 15 млн человек. Эта цифра включает в себя 5,5 млн зрителей бесплатных спектаклей, представлений и шоу на открытом воздухе. Центральные мероприятия программы привлекли внимание 9,7 млн человек. Особенно существенно, что большинство организаторов полностью осознавало значение сфер культуры и искусства для экономического развития города. Как в теоретических дискуссиях, так и в практических действиях было зафиксировано стремление увязать «культурную политику с маркетингом городов и стратегиями, нацеленными на расширение туристической и других потребительских индустрий».

В 1997 году Институт культурных программ предложил Министерству культуры Российской Федерации концепцию федеральной программы «Культурные столицы России». Миссией программы является содействие процессу сближения народов России и восстановление единого российского культурного пространства.

Цель программы «Культурные столицы России» — показать уникальность культуры каждого города, взаимопроникновение культур различных регионов России, привлечь внимание всей России к данному городу, дать толчок развитию инициатив, укреплению чувства патриотизма.

Прагматическая цель программы «Культурные столицы России» — консолидация федерального и городского бюджетов на развитие культурной деятельности и стимулирование поиска внебюджетных средств на деятельность в сфере культуры в конкретном регионе России.

Предложение начать реализацию программы «Культурные столицы России» в 2000 году в Санкт-Петербурге обусловлено накопленным в городе опытом проведения крупных международных культурных акций. В 1996 году в Санкт-Петербурге успешно прошел «Месяц европейской культуры», подтвердивший значимость Петербурга для европейского культурного процесса и содействовавший образованию новых международных контактов. Опыт проведения подобного крупномасштабного мероприятия необходимо использовать для дальнейшей разработки программ, направленных на продвижение нашего города как центра культуры, искусства и туризма.

Основной механизм реализации программы «Культурные столицы России» должен быть зафиксирован в специальном Указе Президента России. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации разрабатывается «Положение о культурной столице России». В этом положении необходимо отразить следующие моменты:

— основная цель программы — развитие и укрепление культурных связей между регионами России; художественная задача — наиболее полное представление роли города в общероссийском культурном пространстве;

— решение о выборе города принимается ежегодно Советом Федерации;

— выбор города производится посредством конкурсного отбора на основе изучения заявок-концепций на проведение программы, поданных городами;

— определение основных направлений деятельности по осуществлению программы не ограничивается строгими критериями и требованиями и формулируется самим городом;

- организационный комитет, ответственный за проведение программы, утверждается губернатором или мэром города;
- организационный комитет разрабатывает программу мероприятий и определяет его сроки;
- источники финансирования программы — федеральный и местный бюджеты, спонсорские средства;
- по мере осуществления программы создается сеть городов, объединяющая представителей оргкомитетов городов, уже принявших в ней участие и собирающихся участвовать в программе, для обмена опытом, информацией и творческими идеями; задача сети: консультационные услуги городам — предстоящим “культурным столицам России”.

П. И. БАБОЧКИН,

заместитель директора Научно-исследовательского центра при Институте молодежи;

Л. П. РЯБОВ,

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института высшего образования

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (на опыте зарубежной высшей школы)

Современный мир характеризуется динамичными изменениями во всех сферах социального и индивидуального бытия. В этих условиях особая роль отводится системе высшего образования, его гуманитарным и духовным компонентам. Сегодня в развитых странах мира совершенствование национальной системы высшего образования рассматривается как важнейшая составляющая процветания и безопасности страны в будущем.

В зарубежной высшей школе гуманистические системы обучения и социализации имеют давние традиции. Исторически сложившийся характер высшего гуманитарного образования в течение длительного времени давал серьезные преимущества всей системе высшего образования в мире. По традиции старейшие университеты Англии, Германии, Франции и других стран были ориентированы на высшее гуманитарное образование, которое считалось единственным, имеющим подлинную образовательную ценность.

Анализ зарубежного опыта, традиций и тенденций развития высшего образования показывает, что лучшие модели гуманитарного образования имеют некоторое общее основание. В идеологической основе зарубежного гуманизма прежде всего лежат такие ценности, как семья, религия, нация (как этническая общность) и мир в целом (как мировое сообщество). По мнению Генерального секретаря Ассоциации европейских университетов А. Барблана, университет будущего должен стать центром формирования глобального мировоззрения человека — ключевого пункта в иерархии ценностей, с помощью которого европейцы могли бы пересмотреть и найти общие черты в своей умственной, материальной и эмоциональной деятельности, определяющие их персональную и коллективную свободу, заложив тем самым основы интеграции.

Вместе с тем представление о гуманитарном образовании в зарубежной высшей школе достаточно неоднородно. Оно весьма существенно различается в зависимости от социальных и национально-культурных особенностей стран. Наблюдаются значительные различия как в самих системах гуманитарного образования, так и в образовательных классификациях, организации гуманитарной подготовки. Примером может служить отличие американской системы образования от европейской, японской и других систем.

На Западе, в том числе и в США, принята расширительная концепция высшего образования (в том числе и гуманитарного), включающая в себя не только собственно высшее, но и так называемое послесреднее образование, являющееся аналогом среднеспециального в нашей стране. Подготовка специалистов ведется не по конкретным специальностям, а по направлениям подготовки. В вузах осуществляется подготовка специалистов широкого профиля, а непосредственная их "доводка" происходит в процессе трудовой деятельности. Этой концепцией предусмотрено условно три уровня вузов: младшие и местные колледжи (двухгодичные вузы), аспирантские и профессиональные школы университетов. Важной традиционной чертой гуманитарного образования в США является автономность вузов в определении направлений подготовки и содержания программ обучения, а определяющее содержание курсов по конкретным дисциплинам является прерогативой профессоров и преподавателей. Государственные органы осуществляют контроль за содержанием обучения лишь по направлениям, по которым готовятся специалисты для госслужбы, а также по тем направлениям, которые непосредственно связаны с жизнедеятельностью человека.

Концептуальные цели, пути и средства развития и преодоления кризисных явлений в системе высшего образования, в том числе и гуманитарного, излагаются в государственных документах. Например, в США таким документом, изданным Министерством образования в 1991 г., является "Америка-2000: стратегия и национальные цели в области образования". Суть стратегии в области высшего образования в нем сводится к следующему: изменить негативные тенденции в сфере высшего образования к 2000 году.

Целью концепции улучшения и развития высшего образования Франции ("Университеты-2000"), принятой в мае 1990 года, является подготовка страны к полному членству в ЕС и к конкуренции, которая проявляется в интеллектуальной и образовательных областях.

Гуманитарное образование, широко распространенное в зарубежных странах, имеет существенное отличие от системы, которая существовала в Советском Союзе. Так, например, типичные американские четырехгодичные программы в области гуманитарных наук не используются для подготовки к определенной профессиональной деятельности. Однако во многих колледжах и университетах с гуманитарным уклоном введено практическое, техническое и профессиональное обучение. Например, в учебных заведениях гуманитарного профиля часто преподаются курсы по патронажу, журналистике и технике. Кроме того, в некоторых университетах технического профиля в условиях преобладания технических дисциплин изучаются также гуманитарные науки.

Опыт США, Японии и государств, входящих в ЕЭС (ФРГ, Франция, Великобритания, Бельгия, Италия), показывает, что, сохраняя контроль над собственными системами высшего образования, они добиваются их постоянного совершенствования, интеграции, взаимопроникновения с использованием всего позитивного в мировой практике. Зарубежные вузы обладают большими правами, что подтверждается отсутствием единых учебных планов и программ, а также учебников. Каждый вуз вправе сам определять содержание и объем гуманитарной подготовки своих студентов с учетом установившихся традиций, опыта, структуры студенческого, профессорско-преподавательского состава и других показателей.

Неизбежно возникающий при этом разноречивый в качестве учебных программ регулируется деятельностью общественных региональных профессиональных организаций через систему аккредитации. Например, большая часть преподавателей вузов США являются членами соответствующих профессиональных ассоциаций. Объединенные по дисциплинарным интересам, они в результате взаимного обмена идеями и мнениями, с одной стороны, контролируют развитие вузовской науки и качество подготовки специалистов, с другой — способствуют дальнейшему развитию своих дисциплин и повышению качества научно-педагогической деятельности в вузах. Влияние профессиональных ассоциаций на направление деятельности высшей школы США чрезвычайно

высоко. Когда государство разрабатывает программы развития гуманитарных наук или искусства, оно обращается за помощью к дисциплинарным ассоциациям.

Страны Центральной и Восточной Европы с 1990-х годов также осуществляют реорганизацию своих систем образования в демократическом направлении. Концепции и стратегические планы реформирования систем высшего образования здесь сводятся к следующему: приспособление к новым глобальным политическим и экономическим реалиям, перестройка высшего образования в соответствии с нуждами экономического и духовного развития этих стран; восстановление академической автономии, обеспечение свободы обучения, преподавания и проведения исследований. Развитие высшего образования рассматривается в качестве приоритета национальной политики, поэтому государство стремится повысить его качество, чтобы удовлетворить растущие запросы населения и достичь европейских и мировых стандартов, поддержать стремление к высшему образованию, особенно среди экономически ущемленных групп населения.

Опыт государственной политики зарубежных стран в области образования представляет непосредственный интерес для отечественного высшего образования. Во-первых, в ходе осуществляемых общественных и образовательных реформ необходимо перенять ответственное и заботливое отношение государства и общества к системе высшего образования как к своему национальному богатству, обеспечить его высокий общественный престиж. Во-вторых, в развитии системы высшего образования, его гуманизации и гуманитаризации необходимо видеть гарантии упрочения своих позиций в экономике и культуре, залог достойного вхождения России в XXI век. В-третьих, учитывая, что сознание людей, в том числе и выпускников вузов, формируется главным образом в процессе усвоения гуманитарных знаний, содержание высшего гуманитарного образования в российской высшей школе следует развивать на основе приоритета гуманистических ценностей мировой и отечественной культуры, принципов глобальной этики и глобальной ответственности как основополагающих норм нового гуманизма.

СЕКЦИЯ 2. КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

И. И. ЕЛИСЕЕВА,

член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ

Экономика, в широком ее понимании, является частью культуры, как и всего, что создано людьми, благодаря их физическому и умственному труду. Слово “культура” происходит от латинского “cultura” и дословно означает “возделывание, обрабатывание”. В такой буквальной трактовке единство культуры и экономики еще более очевидно. Крестьянин обрабатывает землю, рабочий — металл и так далее. Обработка составляет элемент повседневной экономической жизни и одновременно материальной культуры. Культура как идейное и нравственное состояние общества нацелена на обработку людей через идеологию, науку, разные виды искусства. При этом и экономика, и культура стремятся к достижению эффективности, т. е. получения максимального результата минимальными средствами. Стремление к эффективности вызывает появление новых неожиданных явлений культуры (цветомузыки, объемного изображения, включения зрителя в театральное действие и так далее) и новых экономических явлений (новых форм организации, методов учета затрат и прибылей, новых институтов — коммерческих банков, таможи, налоговой инспекции и пр. и отношений между ними).

Культура как более широкое явление играет определяющую роль по отношению к экономике. Вряд ли можно сомневаться в том, что чем более культурными будут менеджеры, представители исполнительной, законодательной и судебной власти, тем разумнее будет организована экономика, тем лучше она будет функционировать.

Уровень экономического развития влияет на состояние культуры, возможности ее воспроизводства. Однако это влияние не однозначно и реализуется не только непосредственно, но также и опосредованно через создание соответствующих социополитических условий, демократизацию общества, изменение норм жизни. Пословица “По одежке протягивай ножки” действует в материальной сфере, сравнительно слабо затрагивая духовную жизнь. Реформирование экономики в России еще раз показало, что происходит с культурой “на сломе времен”. Культура как система сложившейся идеологии, способов трансляции дает сбой под воздействием экономических и политических потрясений, и тогда происходит взрыв в культуре — возникает новое прочтение старого, новые сюжеты и герои.

Никогда прежде не было таких условий для восприятия идей русской интеллигенции как сейчас. Достаточно зайти в книжный магазин и посмотреть какие книги там продаются. И станет ясно, что люди покупают то, о чем семьдесят с лишним лет они только мечтали: книги М. Цветаевой, И. Бродского, М. Булгакова, Б. Пастернака и др. можно приобрести, не прибегая к услугам самиздатовских посредников. Новые концерты постоянно радуют любителей искусства. Мы стали свидетелями ярких проявлений нового духа новой российской интеллигенции, возрождения лучших традиций. Распад надуманных объединений вроде Союзов художников, кинематографистов, композиторов и т. п. свидетельствует о том, что люди творческого труда получили возможность свободного объединения и разъединения, и это — лучшее свидетельство возрождения духа русской интеллигенции. В самом деле, можно ли представить в одном “творческом союзе” таких людей как М. П. Мусоргский и П. И. Чайковский, И. П. Павлов и В. М. Бехтерев?

Часто жалуются, что невостребованная интеллигенция уезжает на Запад. Но разве от того, что именно на Западе творили А. И. Герцен, И. С. Тургенев, И. И. Мечников и представители всех трех волн русской послереволюционной эмиграции, они перестали оказывать влияние на судьбы своего народа? Если ученый, артист может полнее реализовать себя в других условиях — было бы преступлением не сделать этого. Таланты должны принадлежать всему миру. Складываются новые формы участия уславивших блестящих математиков, физиков, химиков в образовании российской молодежи — это летние школы, организуемые в России, индивидуальное научное руководство и т. д.

Приоритет должен быть отдан сфере образования. Нам надо научиться жить по новым правилам. Знакомство с системой образования в развитых странах позволило утвердиться во мнении, что наше высшее образование в целом лучше. Это же можно сказать и про некоторые виды специального образования: математическую, физическую, историческую школы. Естественнонаучная подготовка испытывает нужду прежде всего в материальной базе: требуется оснащение современным оборудованием, вычислительной техникой, специальными программными продуктами, новой учебной и научной литературой. В области экономического образования движение только-только начинается и идет весьма хаотично. Провозглашенная многоступенчатость высшего образования существует пока что только на бумаге, необходимое усиление фундаментальной подготовки подменяется введением сиюминутных дисциплин и специализаций.

В диалоге экономики и культуры усиливается значимость культуры экономического поведения, его правовой регламентации, культуры бытового поведения. Важными вехами являются развитие контрактной основы отношений работодателя и нанимаемого работника, цивилизованных методов разрешения трудовых конфликтов, возникновение профессиональных и других общественных ассоциаций и усиление их роли, укрепление чувства персональной ответственности.

Н. И. ДИДЕНКО,

действительный член Академии экономики, управления, права и Международной академии промышленности, культуры, искусства и образования, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного технического университета

КУЛЬТУРА, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Понятие о культуре в теоретических исследованиях и практической деятельности человека используется в нескольких значениях для характеристики:

- развития определений исторически сложившейся эпохи;
- конкретного общества;
- определенной народности и нации;
- духовной жизни людей.

Существует достаточно большое количество концепций, объясняющих культуру как теоретическую категорию. Наряду с представлениями, вкладываемыми в той или иной концепции в понятие “культура”, зародилось и получило распространение и понятие “цивилизация”.

Понятие “цивилизация” используется как синоним культуры, или как уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры.

Основная стратегическая направленность развития мировой цивилизации ясна. Она характеризуется процессом общей модернизации, обеспечивающим переход от доиндустриального к индустриальному, а затем и к постиндустриальному обществу.

Категория “модернизация” рассматривается в достаточно широком смысле и используется для раскрытия процесса трансформации не только технико-технологического уклада, в котором ведущее место принадлежит научно-техническому прогрессу, но и всех сфер общественной жизни: изменения в сфере политической, социокультурной, социально-психологической, а также институциональных структурах государства.

До недавнего времени было весьма распространено убеждение о примате производственных отношений, формирующих основу способа производства и соответствующий социально-экономический тип развития общества.

Идеологическая надстройка, социокультурная среда, нравственные ценности рассматривались как дополнительные факторы экономического роста.

Часть ученых, политиков и часть общества придерживаются такого мнения и сейчас. Всеми, естественно, признается, что учителя, врачи, работники театров, библиотек и музеев приносят общественную пользу, но считается, что богатство нации создают так называемые “производственные” отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт), за счет которых и существуют так называемая “непроизводственная” сфера, сфера услуг: медицинское обслуживание, образование, туризм, финансовая сфера и другие.

Анализ тенденций мировой цивилизации при движении от доиндустриального к индустриальному и постиндустриальному обществу подводит нас к пониманию совершенно иных кардинальных изменений. Назовем их.

1) Процесс индустриализации в конце XIX века привел к перемещению массы трудоспособного населения в промышленность.

2) Научно-техническая революция конца XX века переместила огромную массу экономически активного населения из промышленности в сферу услуг. Сфера услуг превращается в доминирующий фактор развития национальных экономик.

3) Кардинально перестроенная сфера услуг является главным механизмом духовного и интеллектуального производства и влияния на экономику. Отрасли сферы услуг — воспитание, образование, наука, здравоохранение, социальное обеспечение, туризм, развлечения, материальные услуги (транспорт и т. п.) во всех промышленно развитых странах доминируют над отраслями — производителями товаров.

4) Экономический рост современных экономически сильных стран базируется на “оплодотворенном” мировой наукой и мировой культурой развитом интеллектуальном и духовном мире населения. Интеллектуально и духовно развитое население предъявляет спрос на новые условия жизни. Экономика адаптируется к возникающему спросу и сама предлагает новые услуги.

5) Происходят кардинальные изменения в характере производственных отношений. Экономика становится интернациональной сферой, в которой развитие каждой конкретной национальной экономики определяется не внутренними факторами, а факторами развития мировой экономики в целом. Отдельные национальные экономики втягиваются в международные экономические отношения помимо их внутренней готовности к этому и целесообразности.

6) Меняется концептуально представление о богатстве наций, которое с XVII века до настоящего времени проходит следующие фазы:

- золото (меркантилисты);
- товар (экономика предложения, экономика спроса);
- инновации (инновационная экономика).

Под инновациями понимается не сумма научно-технических, организационных и управленческих новинок, а способность отдельных фирм и национальной экономики в целом успешно функционировать на конкурентном рынке за счет создания и использования инноваций.

Итак, анализ показывает, что происходят кардинальные изменения во всех сферах деятельности человека. Выявить их и использовать в практической деятельности весьма важно. Практика в таких случаях пытается опереться на фундаментальную науку, а фундаментальная наука ищет общие принципы решения возникающих проблем.

Для российской экономической науки характерен поиск принципиально новых концепций, которые могли бы стать опорой для понимания сложных процессов развития мировой экономики, научно-технического прогресса и культуры.

Дадим краткий анализ одной из концепций, объясняющих развитие мировой цивилизации, базирующейся на ускорении научно-технического прогресса, на использовании интеллектуального и духовного потенциала людей.

Концепция носит название “постиндустриальная экономика” или “постиндустриальная модель”. Основные черты постиндустриальной модели:

— техногенная парадигма развития, начавшаяся с промышленной революции и переросшая во всеобъемлющий научно-технический прогресс;

— последний, новый виток техногенности, получивший название “информационное общество”, размывает границы среды функционирования постиндустриальной модели;

— инновационная культура компаний, являющихся ячейкой постиндустриальной экономики, создает дух сотворчества, новаторства, инициативы.

В динамике и структурных особенностях современной дифференциации рабочей силы все более существенную роль играет отказ фирм от тейлористского, технократического пренебрежения работающим человеком и очевидный поворот к развитию человеческих ресурсов.

Теория, описывающая индустриальное общество, имеет ответы на некоторые современные проблемы, а на некоторые не имеет.

Во-первых, с позиций постиндустриальной модели можно сказать какие страны входят в число постиндустриальных. Это высокоразвитые страны, в которых созданы и функционируют гигантские индустриальные конвейеры. В число стран необходимо включить и те страны, которые открыли экономику постиндустриальному обществу и которые помимо своего желания втягиваются в мировой экономический процесс. Как правило они не полностью получают свою долю мирового дохода.

Во-вторых, можно уяснить какие страны не попадают в зону действия постиндустриального общества, т. е. страны, где проникновение индустриальных конвейеров вызывает противодействие.

К таким странам принадлежат восточные фундаменталистские государства, в которых существует отрицательное отношение к ценностям постиндустриализма, и страны с переходной экономикой.

В-третьих, в рамках постиндустриальной экономики существует определенный мировой экономический порядок (для некоторых стран позитивный, а для других негативный), основанный на мировых финансовых потоках, международных организациях, функционировании транснациональных корпораций, для которых требуется бесперебойная поставка разнообразных ресурсов из всех стран мира.

В-четвертых, требуется переосмыслить понятие устойчивого развития постиндустриальной модели в условиях конкуренции национальных экономик. Свойство мира, в котором экономическая теория чувствует себя наиболее уютно, не знает резких сдвигов, коллизий старого и нового, это свойство — равновесие. Уравновешены спрос и предложение, общие затраты и суммарный эффект, доходы и расходы. Многие исследователи подчеркивают такие черты постиндустриальной модели, как ее неутолимую жажду инноваций, в том числе новых ресурсов, что ставит под вопрос выживание человека, сохранение природных, национальных, экономических и культурных форм его бытия.

Что понимается под устойчивым равновесием в этих условиях?

При рассмотрении постиндустриальной модели, противоречий, имеющих в ее недрах, становятся более рельефными проблемы, относящиеся к анализу сценариев развития России.

Возможно несколько сценариев.

А. Россия самостоятельно развивается в соответствии с закономерностями функционирования постиндустриальной модели.

В. Мировая интернационализованная экономика, расширяясь на восточноевропейское и российское геоэкономическое пространство, диктует ускоренное проведение как всеобъемлющих экономических реформ, так и формирование компрадорского постиндустриального ядра.

Первый сценарий развития событий подразумевает, что Россия, используя свой инновационный задел, культурный и духовный потенциал гармонично входит в цивилизованное развитие, не позволяя постиндустриальной модели расточительно использовать свои ресурсы. Для этого надо немного: отбросить остаточный принцип финансирования образования и культуры, изменить структуру экономики, объявить и получить всеобщее одобрение новым ценностям, иметь программу экономических реформ и выполнять ее.

При оценке реформ в России с позиции критериев экономической науки можно сделать вывод, что цели экономической реформы не ставились, механизмы, способствующие росту ВВП, повышению жизненного уровня, повышению производительности труда не разрабатывались. В стране проводилась политика достижения финансовой стабилизации и сделаны социально-политические преобразования, выразившиеся в ликвидации централизованно планируемой системы, создании частной собственности и первичном накоплении капитала в руках собственников.

Второй сценарий развития событий подразумевает, что Россия проводит реформы на основе внедрения постиндустриальных схем, апробированных в промышленно-развитых странах (финансовая система, банковская, налоговая и др.) без использования своего инновационного, культурного и духовного потенциала, формирует российские транснациональные монополии, схожие с западными, расширяет границы для постиндустриальных ценностей без одобрения большинством населения.

Анализ постиндустриальной модели, логика анализа сценариев развития России должны учитываться при формировании как минимум следующих концепций: концепции национальной безопасности, концепции интеграции России в мировую экономику, концепции развития социокультурной сферы.

Концепции национальной безопасности, концепции интеграции России в мировую экономику уделяется какое-то внимание, что нельзя сказать о социокультурной сфере.

Развитие социокультурной сферы в условиях перехода к постиндустриальной модели должно базироваться на следующих основных теоретических принципах: целеполагание, комплексность, сравнимость.

А. Д. ЕВМЕНОВ,

доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной работе
Санкт-Петербургского института кино и телевидения

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАТИЗАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Формирование и развитие рынка информатизационных услуг и продукции в условиях экономического кризиса, сопутствующего становлению демократических основ в Российской Федерации, требуют не только повышения уровня информированности общества о текущих и предстоящих общественно-политических, культурно-массовых, художественно-эстетических, учебно-образовательных, развлекательных и иных фактах и событиях в стране и за рубежом, но

и модернизации самого процесса информатизации, совершенствования его организации и регулирования. В современных российских условиях телевидение, являясь одновременно и средством массовой информации, и средством тотальной коммуникации, при высокой степени конкурентности продукции телекомпаний не в состоянии функционировать и развиваться без рациональной и жизнеспособной организации взаимодействия всех его элементов, без экономического, правового, социального регулирования процесса информатизации.

Одним из условий рационального управления развитием средств массовой информации в целом, телевидения, его отдельных структурных элементов является повышение научной обоснованности эффективной деятельности полифункциональной, сложной социально-экономической и одновременно информатизационной системы средств массовой информации.

Наметившиеся тенденции в развитии средств массовой информации по информационному и коммуникационному обеспечению выхода человека в общественную среду, высвобождению значительного количества свободного времени за счет информатизации и электронизации быта, использованию общеобразовательных и обучающих, развлекательных, культурно-массовых телепрограмм характеризуются низким уровнем создания, хранения и передачи видов информации и знаний, неудовлетворительным положением в развитии качественной базы для информационной экологизации, загрязнением окружающей среды электронными волнами, увеличением информационного загрязнения социальных процессов, вызванных реализацией действующего механизма регулирования производства, содержания, рационализации структуры, распространения, передачи и распределения информации среди сегментов информационного рынка.

Сложность управления системой средств массовой информации в методологическом отношении заключается, прежде всего, в ее многофункциональности. В свою очередь, сложная структура функциональной модели объекта управления определяет сложность ее организационной структуры.

В этой связи отметим, что любая сложная система, состоящая из подсистем с самостоятельными функциями, может быть управляема на основе изучения не только содержания подсистем, под которыми авторы в специализированной литературе рассматривают журналистику, художественное вещание и другое, но и содержание связей между ними. Однако изучение средств массовой информации, на наш взгляд, должно осуществляться не только на комплексной, но и, в первую очередь, на системной основе.

Особое место следует отвести средствам массовой информации в осуществлении концепции создания в России информационного общества. Основной содержательной частью данной концепции является создание суперплюралистического общества, ориентированного на общечеловеческие ценности и потребности, на полное удовлетворение ими общества. Такое общество может противостоять социальным и природным возмущениям, конфликтам и катастрофам. Оно может не только выжить, но и развиваться, поставив человека в центр этого развития. Решение проблемы перехода к новой постиндустриальной цивилизации выдвигает задачу удовлетворения потребностей в информации, свободном времени, создании условий для всестороннего духовного развития личности.

Возникновение информационной цивилизации связано с глубокими технологическими, социальными, экономическими, политическими, духовно-культурными преобразованиями. Наиболее развитые страны Запада и Япония уже поднялись на первую ступень такой цивилизации. Очевидно, что роль и функции средств массовой информации в контексте предлагаемой нами концепции могут определяться теми задачами, которые эта концепция решает.

Таковыми задачами, решение которых позволяет считать общество информационным, можно считать:

— обеспечение каждому гражданину возможности бесплатно или за приемлемую плату получить необходимую информацию и знания;

— создание технологии информатизационного процесса, позволяющей наиболее эффективно формировать, хранить и передавать все виды информации и знаний, а также обеспечивающей включение в глобальную информационную систему;

— создание эффективно действующего института и социальных механизмов, обеспечивающих экспоненциально нарастающее производство всей информации и знаний (а также доступ к ним), необходимых для обеспечения потребностей и жизнедеятельности отдельных граждан и их групп, предприятий, общественных объединений, органов управления и государства в целом.

В решении перечисленных задач телевидению отводится весьма значительная роль. Еще более существенной становится роль телевидения, если рассматривать ее под углом зрения новой концепции социальной информации. Эта концепция рассматривает информатизацию не просто как науку, а как более широкую систему деятельности, объединяющую в единое целое науку, технику и индустрию, а социальную информацию представляет как единство науки и практической социальной деятельности по информатизации общества.

В концепции социальной информации отсутствует одно существенное звено, без которого социальная информация теряет смысл. Этим звеном может, на наш взгляд, выступать культура. Рассматривая социальную информацию как средство науки, техники, культуры и социальной деятельности по информатизации общества, можно обнаружить ее полную тождественность с сущностью телевидения, изложенной в приведенном выше определении. Индустрия средств массовой информации вообще, а телевидение в наибольшей степени, отличается, на наш взгляд, от любого другого вида производства тем, что его продукция непосредственно воздействует не только на индивидуальное, но и на массовое поведение людей. Если социальный эффект, получаемый от использования какой-либо продукции (товары народного потребления, коммунальные услуги, услуги просвещения, образования, культуры), проявляется опосредованно и распределен во времени, то социальный эффект от телевидения достигается практически мгновенно и на конкретной территории, причем в массовом проявлении.

Таким образом, можно говорить о важнейшей функции телевидения как средства массовой информации, более конкретно — это осуществление социальной информации в процессе взаимодействия с обществом. Такое взаимодействие происходит в направлениях воздействия информации на социум при соответствующей его информатизации, воздействия социума на информационный процесс (обратная связь).

Фундаментальной частью предлагаемой концепции управления информатизационными потоками в средствах массовой информации является познание законов взаимодействия общества и информатики, а прикладной частью — создание информационного общества на основе гуманистической ориентации процесса информатизации.

А. В. ЛАБУДИН,

доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ

Формирование и осуществление научно обоснованной экономической политики предполагает всесторонний учет различных факторов, влияющих в той или иной степени на экономическое и социальное развитие территориальных общностей различных уровней от района и города до страны и межгосударственных объединений. Необходимость такого комплексного подхода была обоснована еще в XVIII—XIX вв. классической политической экономией (Ф. Кэнз, А. Смит, Дж. Ст. Милль и др.) и, особенно, национально ориентированной экономической теорией (Ф. Лист, В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс, Г. Шмоллер и др.). Теория пассионарности Л. Н. Гумилева

выявила объективные закономерности развития этносов (этногенеза), взаимосвязь этнического и культурного развития (культурогенеза) и обосновала влияние качественных характеристик этносов на положение в соответствующих странах и регионах. Поэтому можно сделать вывод, что обществоведением создана теоретическая основа для разработки конкретных и прикладных вопросов взаимодействия этнокультурного и социально-экономического развития.

Уже в 1970—1980-е годы наиболее дальновидные исследователи отмечали в отличие от официально провозглашаемой концепции единого советского народа как новой исторической общности людей существенные различия между населяющими СССР этносами и соответствующими национально-территориальными образованиями. Указывалось и на то, что любой процесс реформирования советской экономической и политической системы приведет к разной реакции различных составляющих советской интернациональной общности народов и резкому усилению дифференциации региональных скоростей и даже направлений развития. Однако в ходе формирования концепции перестройки эти предупреждения учтены не были. Центральные управленческие органы не разработали сценариев реформ для отдельных республик и регионов. Более того, в начальный период перестройки были предприняты некоторые нивелирующие действия центра, вызвавшие неприятие и отторжение республиканских элит. Проявление и резкое обострение межнациональных прогиворсчий, равно как и качественный подъем национального самосознания большинства народов СССР, стали неприятной неожиданностью для центральной советской политической элиты. В значительной мере ее неготовность к подобному повороту событий и постоянное отставание политики от развития в этнической сфере привели к провалу предпринятых на завершающем этапе перестройки попыток приведения структуры Советского Союза в соответствие с новой и постоянно меняющейся реальностью.

После распада СССР аналогичная проблема обеспечения соответствия системы управления и ее территориальной структуры объективной этнокультурной картине общества встала перед каждым из независимых государств. Там, где были найдены более или менее удачные подходы к решению этой проблемы или где этнокультурная мозаика представлена практически одним цветом, удалось обеспечить высокий уровень стабильности и тем самым создать достаточно благоприятные стартовые условия для проведения экономических и политических реформ. Там же, где были допущены “срывы”, предприняты попытки одним ударом разрубить гордые узлы национальных и межнациональных проблем, упростить территориальную управленческую структуру, возникли, проявились или же обострились уже наличествующие конфликты, а развитие неизбежно замедлилось (красноречивые свидетельства — Чечня, Абхазия, Приднестровье).

Насыщенный переломными событиями период конца 1980—1990-х годов отечественной истории позволяет сделать некоторые теоретические и одновременно политические выводы.

1. Как показывает опыт не только последних лет, но и всего мирового развития, каждая территориальная общность обладает неистребимым стремлением к той или иной степени обособленности, определяющейся многими факторами географического, исторического, экономического, этнического порядка. Если территориальная общность имеет и этнокультурную (т. е. этническую, проявляющуюся в том числе и прежде всего в материальной и духовной культуре) специфику, стремление к обособленности, как правило, многократно усиливается. То, что на политическом уровне получило название сепаратизма, заложено как в каждом отдельном человеке, в его природе, так и в связанной с определенной территорией (страной, регионом, городом и даже районом) общности людей. Не признавать этот имманентный сепаратизм, не учитывать его в политике — это значит идти против природы, превращать потенциальных сепаратистов в реальных и загонять их на путь террора и вооруженной борьбы.

2. Как бы парадоксально не звучало, государство, включающее в себя несколько территориальных общностей, а чем больше оно в размерах, тем сложнее его территориальная структура, тем устойчивее, чем более гибкой является внутренняя организация этого государства. Механизм взаимоотношений центральных и региональных органов власти должен давать последним максимум полномочий, которые они в состоянии выполнить. Соответственно, следует признать

правильной постановку вопроса о региональном суверенитете Б. Н. Ельциным в 1990 году: "Возьмите такую долю самостоятельности, которую можете переварить. А что не можете — отдайте России по договору" (Выступление Б. Н. Ельцина в Казанском университете 6 августа 1990 г. // Татар Иле. 1992. № 12. С. 11). Более того, государственный каркас должен строиться в известной мере "на вырост", с учетом не только сложившегося, но и возможного в перспективе роста регионального и этнического самосознания. Образно говоря, сложное государство тем прочнее, чем просторнее себя чувствуют все составляющие его общности.

3. Региональные и этнические элиты, то есть круг людей, участвующих в принятии решений, в формировании "лица" региона и этноса, всегда, даже в самом жестко управляемом тоталитарном государстве, прямо или косвенно, открыто или исподволь формулируют или, по крайней мере, интуитивно выражают специфические интересы соответствующих общностей. Центральная элита, так или иначе связанная с региональными (а в полиэтническом обществе — и с этническими) элитами, питаемая ими и материально, и идейно, и в кадровом отношении, с одной стороны, объединяет, уравнивая, интересы различных регионов и этносов, а с другой стороны, вырабатывает особые интересы государства, страны как целого, становится их носителем. Степень разумности и зрелости центральной элиты в значительной степени проявляется в способности и умении обеспечить гармоническое сочетание частных (региональных и этнических) и общих (общегосударственных) интересов, не уклоняясь от уступок регионам и этносам. Мудрое старое правило "пожертвовав малым, сохранить большое" с полной силой действует и здесь. В этой связи следует оценить подписание договоров о разграничении предметов ведения и полномочий (взаимном делегировании полномочий) между Российской Федерацией и входящими в ее состав республиками и другими ее субъектами как пример обоснованного, дальновидного подхода к государственному строительству. Договорное регулирование создает достаточно мощный резерв доверия в отношениях "центр — республики" и "центр — регионы", позволит заранее предотвратить конфликты, вызванные отсутствием правовой базы решения тех или иных вопросов, конкретизирует положение Конституции и федерального законодательства применительно к специфике субъектов федерации, весьма различающихся между собой.

4. Экономическое и политическое устройство возникших на месте СССР независимых государств, взятые ими на вооружение модели развития в основных чертах обусловлены национальным менталитетом (этническим стереотипом) преобладающих в них народов; переживаемыми ими фазами этногенеза. Вопрос лишь в том, насколько та или иная модель действительно соответствует этим этнокультурным особенностям, а не является искусственно навязанной, а поэтому нежизнеспособной, или же лишь выдается за национально обусловленную, выражая на самом деле интересы лишь узкой социальной группы или тем более олигархической группировки.

5. В таких больших, территориально и этнокультурно разнообразных и сложных странах, как Россия, недостаточно только государственной политики, в том числе и экономической. Зависимость экономических отношений от преобладающих этнокультурных типов очевидна. Поэтому темпы, формы и даже характер преобразований не могут не иметь региональной специфики. Необходимы региональные концепции развития. Если применительно к СССР говорилось, что не может быть общей модели перестройки для Эстонии и Таджикистана, то столь же правильно будет сказать, что модели реформ для Санкт-Петербурга и Чечни или Дагестана должны существенно различаться. Более чем своевременна инициатива руководства Санкт-Петербурга: разработать стратегический план развития нашего города, всестороннее и в наиболее полной степени учитывающий исторические, культурные, экономические и другие их особенности, а также геополитическое положение. И не следует бояться, что подобное разнообразие подорвет единство Российской Федерации. Напротив, оно лишь укрепит ее, поскольку, во-первых, обеспечит эффективное развитие всех субъектов федерации, а, во-вторых, сделает пребывание в составе Российской Федерации необременительным и более того выгодным для каждого из них.

ЧЕСЛАВ ГЛИНКОВСКИЙ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики производства Экономической академии (Польша);

ЯН СИКОРА,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Экономической академии (Польша)

ИЗБРАННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ БИЗНЕСА

1. Сущность, обусловленности и внедрение этики бизнеса в условиях экономической трансформации

Сущность этики бизнеса относится к определению этических принципов, их внедрению в жизнь, а также формулировки санкций за неподчинение им. Предметом этики бизнеса являются нормы и этические достоинства участников бизнеса, т. е. как лиц, принимающих решения, так и технических работников, являющиеся результатом их собственной личной восприимчивости, а также этических знаний, которые они черпают из общего уровня общественного отношения работника к своему предприятию и к работе. Предмет этики бизнеса есть также отношение к внешнему окружению (например, к рынку, то есть этические реляции с клиентом), общественная ответственность фирмы за свое действие.

К факторам, оказывающим влияние на создание норм этического поведения в бизнесе относятся:

- основные этические права;
- специфические этические права;
- эффективность санкций, угрожающих за несоблюдение этики;
- общий уровень общественного сознания, т. н. этической впечатлительности основных профессиональных групп в бизнесе, например, менеджеров, бизнесменов.

Этика в бизнесе — это применение особых норм, которые развиваются данной фирмой. К ним можно отнести:

- солидарность в реализации обязательств по отношению к потребителям;
- соблюдение полномочий и ответственность владельца фирмы, а также сотрудников;
- поведение, соответствующее правовым нормам;
- поведение, соответствующее общепринятым принципам общественного сосуществования.

Этика в бизнесе имеет свое соотношение в практике. В Польше, в условиях экономической трансформации, экономической свободы, субъекты, занимающиеся экономической деятельностью, не всегда хотят соблюдать закон, действовать согласно с принципами общественного сосуществования, с хорошими обычаями, а также соблюдать принципы этики экономической деятельности.

Неуверенность, относительно этики польских бизнесменов, экономические аферы, отсутствие доверия работников фирмы к их руководству вызывают проблемы, препятствующие участию в мировом бизнесе.

В практике часто провозглашаются неолиберальные взгляды, основанные на тезисах американского экономиста Мильтона Фридмана: "Допустимо все то, что не противоречит праву". Данные односторонние мнения не учитывают в экономической деятельности поведения согласно с моральными нормами и нравственными правилами. Объясняя такое поведение, Эрих Фромм отмечал, что не следует особенно удивляться тому, что в культуре, в которой преобладает торговая ориентировка, а материальный успех является наибольшей ценностью, отношения в области человеческой любви подлежат той же самой схеме обмена, которая руководит товарным рынком труда. Усиление неэтичного поведения начало вызывать беспокойство в некоторых кругах польского бизнеса, а также в научной среде, которая заметила эти тенденции и признала жизненной необходимостью потребность разъяснения, распространения и обеспечения соблюдения принципов этики в деятельности многих фирм. Включение Польши в структуры Европейского сообщества потребует

применения системы стоимости и этических критериев, накладывающих обязательства в международном масштабе.

Отсюда заинтересованность этикой бизнеса постоянно увеличивается. Организуются всеобщие конференции этики бизнеса; создаются научные общества, занимающиеся этим вопросом; издаются кодексы этики в экономической деятельности. Следовательно, в этой области предпринимаются разные образовательные действия, задача которых состоит в рекомендации распространения, внедрения и обеспечения соблюдения решений этического поведения в бизнесе. Все больше вузов ведет лекции и вводит этику бизнеса как предмет обучения.

Итак, мы видим, что этика бизнеса стала очень важным элементом жизни и каждый, кто ее игнорирует, остается позади своей эпохи.

2. Изменения этики бизнеса в Польше после 1989 года

В этой части работы предпринята попытка анализа влияния избранных общественных, политических, экономических и культурных факторов на этику хозяйствования. Конечно, в рамках такого небольшого труда невозможен исчерпывающий анализ, оценка обсуждаемого феномена, поэтому были приведены примеры, которые должны иллюстрировать это влияние в нескольких избранных направлениях до и после 1989 года, одновременно учитывая определенные оценки человеческого поведения, а также используя концентрации структур, выступающих против этики.

Влияние политических, общественных, экономических и культурных изменений на этику бизнеса будет анализировано в трех аспектах:

— индивидуальный — поведения отдельных лиц и реляций между индивидуальными единицами;

— структуры власти — поведения менеджеров и реляции между ними, а также между ними и подчиненными;

— организационный — отношений между организациями одного типа, а также находящимися в реляции подчинения и приоритета.

Оценку этики бизнеса следует также провести согласно с классическим разделением на описательную и нормативную этику. Это чрезмерно важно в связи с фактом, что в нормативной сфере, т. е. в сознательной, изменения в масштабе всего общества происходят медленно. Зато в бихевиориальной сфере в такие периоды, как крах одного строя и образование нового — изменения драматичны и сопутствует им более короткий или более длинный период аномии. Такая трактовка кажется очень выгодной, когда мы хотим понять и объяснить, почему во время изменений в Польше (после 1989 года) поведение в массовом масштабе не отражало всеобщие признаваемые этические нормы.

Происходящие после 1989 года изменения, относящиеся к общественному строю, политическим, культурным изменениям, и прежде всего процессы рыночной трансформации, создали новую среду для этики бизнеса. Итак, изменения открыли ряд новых, интересных этических областей. Ниже приводим некоторые из них.

Отменение бюрократических ограничений минувшего периода вызвало быстрое развитие частных магазинов и ремесленных мастерских, появились многочисленные общества с ограниченной ответственностью, совместные предприятия и т. п. Магазины начали заполняться говарами, как в самых богатых европейских столицах. Благодаря этому степень продажности работников торговли значительно уменьшилась. Исчезла проблема взятки за предоставление возможности покупки в магазине. Однако появилось явление вручения взятки за то, чтобы представитель данной фирмы сделал покупку в том, а не в другом магазине. Другим явлением, известным у нас до сих пор только по гангстерским фильмам, является вымогательство. Хорошее снабжение магазинов изменило также поведение продавцов. Бывшие пустые магазины с нелюбезным, невежливым обслуживанием были заменены магазинами полными товаров с любезными вежливыми продавцами. Кроме этих этических выгод описанные изменения делают также возможным неэтичное поведение как убеждение себя и других в том, что человек вынужден красть только потому, что некоторые абсолютно необходимые блага недоступны легальным путем.

Другим явлением этики бизнеса после 1989 года является влияние конкуренции на рационализацию занятости. В новых условиях рыночной экономики как частные, так и государственные, конкурирующие с собой предприятия, не могут позволить себе принять на работу лишних работников. Появление конкуренции вызвало то, что в течение нескольких лет Польша, будучи страной, в которой постоянно не хватало рабочих рук, превратилась в страну, в которой количество безработных составляет около 14%, а в некоторых районах даже 30%. Эти изменения вызвали огромное влияние на этику хозяйствования. Изменилось поведение работников, менеджеров и владельцев.

Для работников работа стала настоящей стоимостью. Кончился период, в котором власть обеспечивает полную занятость; период, в котором уверенность в том, что работа есть, отсутствие необходимых реляций между количеством и качеством выполненной работы и заработной платой имели самое плохое влияние на т. н. культуру труда, которая не является ничем другим, как соблюдением основных этических норм. Новое положение на рынке труда повышало дисциплину труда, готовность работников подчиняться всем требованиям поставленной работой, а также их производительность и мораль. Исчезла "общественная поддержка" для неэтичных действий, опирающихся на предпосылки: "Я не хочу, потому что знаю, что не следует, но должен" (например, для кражи инструментов или изделий работником; кражей, обоснованной в прошлом тем, что их нельзя было купить).

Обсуждаемые изменения занятости вызвали одновременно отрицательные последствия в области соблюдения общих правил и этических норм, главным образом владельцами и менеджерами. Они используют высокий уровень безработицы с целью излишнего эксплуатирования работников, требуя от них работы даже в течение более десяти часов в день. Они заставляют подчиненный себе персонал нарушать правила, пугая его тем, что в случае отказа персонал будет "выброшен за ворота". Это им удается довольно легко, потому что в частных предприятиях или нет профсоюзов, или они очень слабые. Тем самым положение сотрудника в отношении к менеджеру или к владельцу меняется к худшему. Последние укрепляют свою власть, все смелее применяют также неэтичные действия, такие как снижение жалованья, увеличение рабочего дня, при этом не изменяя других условий, несправедливое отношение к подчиненным, злоупотребление властью и т. п.

Повышения по службе работников, обусловленные в социалистическом строе степенью покорности и преданности элите политической власти, теперь обусловлены рабским отношением к менеджерам или владельцам. Единственными предпосылками ограничения этой практики является конкурентность на рынке труда, главным образом, по отношению к специалистам, обмен которых, из-за высоких расходов на обучение, необоснован.

Специфическим явлением этики экономической жизни в новых, относящихся к общественному строю, условиях являются общественные забастовки. Некоторые из них вызывают много разногласий и дифференцированных этических оценок. Это, главным образом, относится к общественным реакциям на забастовки, вызванные работниками относительно хорошо оплачиваемыми, которые требуют для себя еще больше (например, последние забастовки городского транспорта в Познани). Много сомнений с этической стороны вызывают некоторые драматические формы забастовок, например, голодовка.

Конкуренция и неопределенная ситуация на рынке труда вызвали неизвестные в минувшем строе этические проблемы, связанные с деятельностью работника по совместительству в конкурентной фирме. Это относится к научным сотрудникам, которые получили степени и звания в государственной школе и поступают на работу в конкурентную частную школу, в которой используются не только знания, но также и программы, оборудование, аудитории из родного вуза. То же самое относится к врачам, офисам налоговых расчетов, лабораториям. Вышеупомянутые ситуации способствуют появлению и развитию структур, выступающих против этики.

Новым явлением из этики бизнеса, рожденным приватизацией, является безумная погоня за прибылью. Наряду с положительными последствиями в области количества, качества и доступности товаров это вызывает ряд новых неэтичных моментов, таких как получение банковских креди-

гов, которые и так никто не будет погашать, и использование для этой цели мнимой бездарности продажных сотрудников банка, использование правовых пробелов или обход налоговых правил для получения материальной выгоды и т. п. Появилось явление целевых банкротств и ликвидирование хорошо развивающихся фирм. На этих примерах видно, что у некоторых наших менеджеров и бизнесменов этика свободного рынка ассоциируется с освобождением от всех этических норм. Они готовы зарабатывать на мероприятиях, глубоко противоречащих закону. Типичным примером этого является появление, даже некоторого общественного разрешения для г.н. "серой сферы", в которой, без сомнения, выступают сильные структуры против этики. Упомянутое некоторое общественное разрешение связано с показываемой предпринимательностью, сопротивлением по отношению к необоснованной и чрезмерной интервенции государства, влиянием на безработицу и т. п. Конечно, такая этическая оценка этого явления, по-нашему мнению, по крайней мере, дискуссионна.

Интересный предмет этических выяснений появился также в области проникновения политики и бизнеса. Достаточно просмотреть годовые комплекты газет за 1990 год, чтобы убедиться, как много афер появилось на стыке этих двух областей. Поэтому этика экономической деятельности и этика политической деятельности вызывают в настоящее время много эмоций. Особенно дискуссионным кажется здесь популяризирование некоторыми политиками и менеджерами понятия этики успеха, для которого слово этика трактуется как "фиговый листок". На концепции этики успеха основаны формулировки "этика проституции", "этика загрязнения среды" или "воровская этика". Авторы сомневаются, однако, не является ли, например, понятие "этичный вор" само по себе парадоксом.

Наконец, говоря о этике бизнеса в период трансформации нашей экономики, нельзя обойти вниманием все более атакующих, крикливых, цветных, а также цепких знаков этих перемен, какими являются разнообразные формы промоции и рекламы.

Организации делают себе имидж при помощи своего продукта и услуг, цены, качества, престижа и т. д., важное место занимают также элементы "этичной натуры", которые особенно влияют на создание доверия; это солидность и надежность, которые проявляются в выполнении обязательств и обещаний.

В случае промоционных действий реклама должна быть солидной, добросовестной и правдивой. Этические проблемы, связанные с рекламой, вытекают из того, что ее эффективность связана с манипуляцией инстинктами и эмоциями получателя, который не должен отдавать себе отчета в том, что ему предлагается только символ его желания, а не его исполнение.

Определение "нечестной рекламы" появляется обычно в случае использования ее в борьбе с конкуренцией, а также в атаке самых слабых единиц. Наши дети становятся часто "жертвами" рекламы потому, что ими легче всего манипулировать, предлагая им рекламу красивых, но недоступных игрушек, что негативно влияет на их психический комфорт.

3. Решение этических конфликтов во внутреннем масштабе предприятия

Основными моральными достоинствами в этике бизнеса является искренность, добросовестность, свобода, собственность. Эти достоинства в бизнесе, как способ получения денег, трудно совместить. Часто доходит до разногласия, противоречий интересов между этическими достоинствами и рентабельностью действий в экономике. Итак, этические достоинства и экономическое поведение являются источником этических конфликтов менеджеров, лиц, принимающих решения, и работников, которые в экономической деятельности должны многократно отвечать себе на вопрос: что важнее, этика или бизнес?

Отсюда также совмещение этических отношений работников с интересом предприятия может встречать на своем пути трудности. Неоднократно случается, что фирма определяет работникам задачи, реализация которых может противоречить их личным этическим критериям. Эти ситуации и возникающие на этом фоне конфликты тем сильнее, чем более работник ценит в себе этические критерии и чем менее оппортунистическое отношение к профессиональному труду он проявляет. Из сложившейся конфликтной ситуации у работника практически есть три выхода: убедить

начальника в собственной системе ценностей, или же моральную ответственность за выполнение задачи оставить начальнику, или же отказаться от дальнейшего выполнения своих профессиональных обязанностей. Наиболее популярные и выгодные утверждения это те, что "этичную ответственность несет только начальник работника, а сам он обязан выполнить поручение". Однако определение этично допустимой границы является всегда предметом индивидуального решения работника, в котором ему помогают этические кодексы или же профессиональные кодексы фирмы.

Поэтому способы решения этических конфликтов в предприятии не должны ограничиваться только многократным увеличением негативных санкций, наказаний за неэтичное поведение. Решение таких конфликтов должно происходить путем ведения собственной политики управления этическими конфликтами, разъяснение работникам норм и поведений, получивших акцептацию руководства.

В этом существенна роль менеджера. Итак, задача менеджера состоит в создании такой структуры внутри фирмы и таких систем стимулов, которые бы благоразумным образом совмещали интересы работников и клиентов, интересы соучастников рынка и пайщиков, а также установление таких задач для работника, которые учитывали бы признаваемые им нормы и этические, а также материальные ценности. Итак, важной задачей менеджерской этики является творческое умение совмещения собственной системы этических ценностей с целями предприятия, так чтобы достичь благополучия фирмы, личного успеха и удовлетворения работников.

Опыт американской фирмы "Леви Страусс" — первого производителя джинсов, которая в 1987 году ввела "каталог ценности фирмы", указывает, что мораль работников в концерне является одним из важнейших факторов, имеющих влияние на финансовые результаты. Кроме этого, в концерне "Леви Страусс" соблюдаются этические нормы работников, что успешно предохраняет появление этических конфликтов, руководствуясь убеждением, что в своих отношениях с работодателем люди нуждаются в тех же самых основных ценностях, благодаря которым хорошо складываются между людьми отношения другого типа. "Если предприятие создаст своим людям условия идентификации с ним, то есть будет соблюдать их ценности, чувство справедливости, этические нормы и гарантировать соответствующее признание — тогда они помогут достичь успеха", — утверждает председатель концерна Роберт Хаас.

Итак, мы видим, что этика в бизнесе — это применение таких форм действия, которые развиваются данной фирмой в смысле самодисциплины и получают обязывающую силу. Имеет тем самым свое внутреннее и внешнее измерение.

Основным условием этического отношения предприятия к окружению (клиентам, конкурентам, кооператорам, поставщикам) — внешнее измерение этики бизнеса — является развитие деятельности, согласной с принципами экономической свободы и равенства. Задачей каждой фирмы здесь является служение клиентам; удовлетворение наилучшим образом их потребностей; стремление к чистой конкуренции с другими фирмами; служение финансистам; обеспечение им дивидендов; поддержание технического, организационного прогресса; служение обществу.

Во внутренней сфере фирмы этика бизнеса направлена на соблюдение интересов работников, например: забота об обеспечении рабочих мест; соответственное регулирование их доходов; способствование гуманизму труда и общественных отношений в фирме.

Перед этикой бизнеса поставлены особенно важные задачи формирования нового вида мировой экономической жизни. Реализация этой цели не может проходить без промоции этой этики в широкой среде теоретиков и практиков.

4. Резюме

Из-за необходимости довольно поверхностного подбора этических проблем, вызванных экономическими и политическими изменениями, ясно вытекает, что эти изменения не поддаются однозначной оценке. Бесспорно они принесли много положительных результатов, одновременно вызвали много проблем, раньше не существовавших.

Когда в 1989 году начался процесс демонтажа реального социализма и связанной с ним экономики, опирающейся на поступающие сверху директивы, многие люди верили, что будут снесены связанные с ними структуры, выступающие против этики, благодаря чему как в политику, так и в экономику бесповоротно войдет мораль. Но этого не произошло. Правда, благодаря изменению принципов политической и экономической жизни, много структур и неэтичных явлений исчезло, однако появились новые, не менее грозные. Некоторые неэтичные действия остались в неизменной форме, зато изменились вызывающие и закрепляющие их факторы.

С. И. ИВАНОВ,

доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

1. Повышение культурного уровня любой страны оказывает существенное влияние на развитие экономики. Под культурой в широком смысле следует понимать определенный уровень развития общества и человека, выражающийся в различных формах организации деятельности людей и в качестве создаваемых людьми различных материальных и духовных ценностей. Она включает в себя, во-первых, результаты производственной деятельности людей. К ним могут быть отнесены, например, потребительские товары и услуги, природа и качество которых соответствует эстетическим потребностям людей.

Во-вторых, культура в широком смысле включает в себя способности людей, используемые и реализуемые ими как в производственной деятельности, так и вне сферы производства. Эти способности в значительной мере зависят от уровня образования человека и его знаний, от умений и навыков производителей товаров и услуг, от уровня эстетического и нравственного развития общества, от способа общения.

2. Таким образом, с одной стороны, развитие культуры находит свое выражение в создании качественно новых изделий, являющихся не просто продуктом факторов производства (труда, капитала, природных ресурсов), но и прежде всего — результатом творческой деятельности людей, обладающих специфическими способностями. В этом смысле культура может и должна рассматриваться как сфера деятельности людей — работников этой сферы, принимающих непосредственное участие в производстве общественного продукта и национального дохода. Это означает, что развитие экономики создает не только предпосылки и условия для развития культуры (материально-вещественные факторы развития культуры, подготовку специалистов для тех или иных ее отраслей, источники для ее финансирования и т. д.), но также и само развитие экономики в определенной степени зависит от прогресса культуры.

Из этого следует, что, с другой стороны, уровень культуры, в основе которого лежат творческие способности ее деятелей, работа исполнителей, материально-вещественные и финансовые ресурсы, которыми располагают институты культуры, выступают факторами производства валового внутреннего продукта (ВВП) и национального дохода (НД).

3. Обеспечивая производство духовных ценностей, культура выступает в качестве фактора развития творческих способностей людей. В силу этого она играет такую же роль в развитии экономики любой страны, как и образование, то есть на основе ее развития происходит повышение квалификации рабочей силы, совершенствование навыков труда, расширение знаний, повышение уровня интеллектуального и эстетического развития производителей материальных и духовных благ. Тем самым, прогресс в области культуры следует рассматривать как один из элементов

модели экономического роста. На наш взгляд, для оценки роли культуры в развитии экономики требуется не только качественный анализ того, каким образом культурный прогресс воздействует на качество труда, культуру производства, художественное оформление готовой продукции и так далее, но и количественное измерение вклада культуры в прирост ВВП, а также количественная оценка культуры как фактора производства ВВП и НД. Такого рода количественная оценка культуры как фактора экономического роста может быть выполнена на основе использования модели экономического роста Солоу (R. M. Solow, *Technical Change and the Aggregate Production Function*, "Review of Economics and Statistics", 1957, August).

4. Формализация модели Солоу основана на использовании производственной функции, в которой величина ВВП или НД (Y) рассматривается как функция трех переменных: капитала (K), затраченного труда (L) и уровня технологии (T), то есть

$$y = f(K, L, T) \quad (1)$$

Представив функцию (1) в развернутом виде, где темп прироста ВВП $\frac{\Delta y}{y}$ находится в функциональной зависимости от темпа прироста капитала $\frac{\Delta K}{K}$, темпа прироста затрат труда $\frac{\Delta L}{L}$ и темпа развития технологии $\frac{\Delta T}{T}$, получаем уравнение:

$$\frac{\Delta y}{y} = K_1 \frac{\Delta K}{K} + K_2 \frac{\Delta L}{L} + K_3 \frac{\Delta T}{T} \quad (2)$$

где K_1, K_2, K_3 — параметры, показывающие долю темпа прироста данного фактора в темпе прироста ВВП или НД. При этом в модели Солоу подразумевается, что $K_1 + K_2 = 1$ и, следовательно, рост затрат труда и капитала происходит пропорционально росту ВВП (НД), а значит совокупная факторная производительность труда и капитала остается неизменной; сумма же $K_1 + K_2 + K_3 > 1$, в силу чего рост ВВП происходит быстрее, чем рост затрат труда и капитала. Тем самым уравнение (2) содержит условие, согласно которому совокупная производительность труда и капитала повышается. Элемент в уравнении (2) показывает роль введения новой технологии в повышении темпа прироста ВВП.

5. Третьему элементу в уравнении (2), совершенствованию технологии, можно дать самое широкое толкование, включив в него не только совершенствование оборудования, применение новой технологии в производстве и так далее, но и прогресс в области науки, повышение квалификации рабочей силы, совершенствование организации и управления производством. Все эти способы повышения совокупной факторной производительности труда и капитала в свою очередь в той или иной мере опираются на прогресс в образовании, культуре и достижения в области фундаментальных наук. Такой подход к использованию модели Солоу позволил в дальнейших исследованиях количественно оценить роль различных факторов в приросте НД. В первую очередь это относится к результатам, полученным Е. Денисоном (E. Denison, *Trends of American Economic Growth, 1929—1982*, Wash., 1985).

При использовании модели Солоу Денисоном были выделены следующие факторы: труд, капитал и земля (эти факторы с полным основанием нередко объединяются под рубрикой "экстенсивные"); образование, прогресс в знаниях, усовершенствования в распределении ресурсов, законодательная и человеческая среда (интенсивные факторы). Развитие культуры оказывает прямое влияние на образование, прогресс в знаниях, законодательную и человеческую среду.

6. Количественная оценка культуры как фактора роста может быть получена, если элемент

$K, \Delta T/T$ представить как сумму трех элементов $K, \Delta E/E + K, \Delta S/S + \Delta C/C$, каждый из которых представляет собой соответственно темп прироста уровня образования, науки и культуры и их вклад в прирост ВВП. Проблемой является определение величины каждого из этих элементов на основе имеющихся статистических данных. Исчисление данной величины может быть произведено тремя путями: 1) на основе данных о числе занятых в этих сферах и уровня квалификации работников этих сфер; 2) на основе данных о величине добавленной в образовании, науке и культуре стоимости; 3) учитывая, что многие учреждения образования, науки и культуры являются неприбыльными, определение искомой величины может быть получено на основе использования выплаченной заработной платы.

7. Теоретический аспект культуры как фактора экономического роста обычно не вызывает возражений. Что касается количественной оценки роли культуры, то такой подход нередко сталкивается со скептическим отношением. Между тем переход к рыночной системе в России из-за отсутствия адекватной рыночной правовой базы, непродуманности некоторых решений правительства и деятельности коммерческих структур привел к негативным последствиям в отношении прогресса в области культуры. Это не могло не породить тенденции, противодействующие установлению достаточно высокого и стабильного темпа экономического роста. Экономически обоснованная оценка вклада культуры в увеличение национального дохода послужит весомым аргументом в пользу того, что затраты на развитие культуры нельзя рассматривать только как потребление какой-то части ВВП. Эти затраты являются вложениями в развитие не только духовного, но и материального производства любого общества.

Р. А. ИСЛЯЕВ,

доктор экономических наук, профессор, директор Института региональной экономики и управления

ОБЩИЕ ЗАДАЧИ СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

В будущей концепции общественного воспроизводства в РФ предстоит учесть пока лишь формируемую нормативно-правовую базу, которая должна обеспечивать экономическую реформу необходимыми механизмами реализации. Есть и другой важный аспект разработки такой концепции: необходимость смены собственно экономических и, тем более, узкополитических приоритетов на гуманистические (в их числе на переднем плане должны быть и разнообразные культурологические приоритеты). Пока такая смена приоритетов еще не произошла, и в ее реализации огромную роль предстоит сыграть средствам массовой информации.

Выдвигая на передний план гуманистические приоритеты, нельзя игнорировать экономические и технико-экономические критерии и факторы, в том числе и факторы, связанные с территориальной организацией общества. Не рассматривая этот аспект подробно, отметим, что до настоящего времени не преодолены:

— экстенсивный подход, ведущий к чрезмерной концентрации всех сфер производства и одновременно к массовому возникновению локальных экологических кризисов;

— несовершенство и крайне высокая инерционность сложившейся в стране территориальной организации общества при низком технико-экономическом и организационном уровнях производства;

— недостаточно комплексное развитие и далеко не во всем рациональная специализация экономики субъектов РФ, низкая ее эффективность в подавляющем большинстве регионов.

Эти дефекты преодолеть сложно: нужны не только верный выбор приоритетов и системы действий для их реализации, но также огромные затраты финансовых, трудовых и материально-технических ресурсов, а также продолжительное время. Решение этой задачи может быть осуществлено в течение 25—30 лет и связано с необходимостью структурной перестройки всей экономики.

Задачи структурной перестройки экономики России определяются целым рядом объективных факторов. Это, во-первых, давно назревшая и сегодня уже неотложная необходимость перехода от преимущественно экстенсивной экономики к экономике интенсивной (широкое внедрение прогрессивных технологий и технических средств, изменение структуры потребительского спроса, переход к новым трудовым отношениям, обеспечение расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы и т. п.). В контексте интенсификации экономики нужно рассматривать такие проблемы, как повышение экономической эффективности производства, развитие рентных отношений, решение сложного комплекса социальных задач, обеспечение экологической безопасности и ряд других. Если курс на интенсификацию экономики не развернется уже в ближайшие годы, Россия сползет в ряды заштатных стран.

Во-вторых, структурная перестройка экономики нужна в связи с нарастающим многообразием форм собственности. В отличие от интенсификации, это фактор, принципиально новый для России. Масштабы, темпы и конкретные формы его влияния на структурную организацию экономики России пока не определились, результаты этого влияния еще далеко не очевидны. Однако, с учетом зарубежного опыта, можно уверенно прогнозировать, что среди этих результатов окажутся не только положительные.

В-третьих, важным фактором, делающим структурную перестройку обязательной, стал развал Советского Союза. В результате не только кардинально изменилось геополитическое положение России, но и обостренно выявились зияющие пробелы в составе ее хозяйственного комплекса.

В-четвертых, в России происходит создание общественной системы, которая должна органично сочетать общегосударственный (федеральный), региональный (на уровне субъектов федерации и их ассоциаций), а также местного самоуправления механизмы управления не только экономикой, но и всеми сторонами общественного развития. Одновременно планово-экономическое регулирование должно сочетаться с директивным управлением и рыночными отношениями.

В-пятых, необходимость структурной перестройки диктуется экологическим фактором, влияние которого неуклонно нарастает. Экологический императив все более определяет не только необходимость интенсификации экономики, но и ее направленность. Это значит, что задачи структурной перестройки экономики России в принципе нельзя сколько-нибудь серьезно рассматривать в отрыве от задач оптимизации природопользования и охраны среды обитания людей.

В. А. ЛАНЦОВ,

действительный член Петровской академии наук и искусств, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Эффективность функционирования различных объектов является важнейшей общеметодологической категорией, имманентно присущей человеческой деятельности. Суть эффективной работы заключается в том, чтобы добиваться намеченных целей наиболее рациональным путем, т. е. в запланированные сроки и при наименьших затратах труда, денежных,

материальных, природных и других ресурсов. В основе лежит необходимость выбора лучшего из возможных, т. е. оптимального решения.

Очевидно, обоснованность решений находится в прямой зависимости от той методологической базы, ориентируясь на которую эти решения принимаются. Важно подчеркнуть, что ориентация на гипертрофированный финансовый, меркантильный подход бесперспективна с позиций будущего человечества. В этой связи можно сослаться на ряд работ, выполненных за рубежом (Дж. Гэлбрейт, А. Кинг, В. Леонтьев, Я. Тинберген, Дж. Форрестер, В. Шнайдер). Можно сослаться и на таких политических деятелей, как Франсуа Миттеран и Улоф Пальме. В рамках данного подхода не могут быть успешно решены острейшие социальные и экологические проблемы.

Важно понимать, что в результате функционирования предприятий (организаций) должны быть удовлетворены не только индивидуальные и групповые, но также региональные и общенародные, а во многих случаях и мирохозяйственные интересы.

Ядром современной теории выбора оптимальных решений (вариантов, стратегий, альтернатив) должен быть народнохозяйственный глобально-инновационный подход. Его важнейшие черты: рассмотрение анализируемых объектов, как сложных социальных эколого-экономических систем и последовательное соблюдение принципа полного и точного учета затрат общественно необходимого труда (живого, прошлого и будущего), а важнейшим средством решения возникающих проблем является целенаправленная инновационная деятельность.

Практическая реализация принципов этого подхода осуществлялась на примере оценки эффективности ряда объектов, в том числе объектов социальной сферы по двум направлениям.

Первое направление связано с совершенствованием теории эффективности, а второе — с широким использованием методов современной прогностики. В рамках первого направления освещаются такие вопросы, как взаимосвязь системы показателей и обобщающего показателя эффективности; проблемы приведения вариантов к сопоставимому виду; проблемы прогнозирования исходной информации и мониторинга; формирования и последовательного использования факторных и иерархических моделей показателей эффективности и результата производства; полное и точное учёт социальных, и экологических аспектов. Второе направление ориентировано на последовательное использование разнообразных методов прогнозирования и в особенности методов экспертных оценок и инженерного прогнозирования, позволяющих получить оценки в количественно определенном виде на основе количественно неопределенной информации. Этот подход прошел апробацию при прогнозировании эффективности функционирования различных международных выставок (2) и других социально ориентированных объектов (музеи, театры, библиотеки, парикмахерские, ремонтные мастерские, бани, кафе, общежития, объекты туризма, транспорта и другие).

Вся процедура работы по оценке эффективности функционирования самых разнообразных объектов включала несколько этапов.

На первом этапе экспертам предлагались вопросы, касающиеся целей функционирования объектов, факторов, влияющих на эффективность принятых показателей для ее измерения.

На втором — осуществляется ранжировка признаков (целей, факторов, показателей), выявленных на первом этапе, и разрабатывалась генеральная характеристическая таблица. В нее вошли пять наиболее существенных ранжированных признаков, каждому из которых присвоен свой вес.

Третий этап предполагает экспертную оценку по каждому признаку, попавшему в генеральную характеристическую таблицу.

В результате становится возможным рассчитать обобщающий коэффициент эффективности и в зависимости от его величины судить об эффективности функционирования объекта в рамках требований, заложенных в генеральной характеристической таблице.

Таким образом, на основе количественно неопределенной информации, полученной от экспертов, представляется возможным разработать стратегию и систему мероприятий, направленных на повышение эффективности функционирования объекта.

Практикой доказана простота, универсальность и приемлемость рассмотренной методики, по существу являющейся составной частью стратегического анализа.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,
действительный член Академии гуманитарных наук, профессор,
заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ И КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ

Тяжелейший экономический кризис, в котором находится наша страна, обусловил сложное положение различных сфер культуры. Вместе с тем, выход из этого кризиса в значительной степени зависит от состояния культуры общества, содержательным центром которой является человек. Гуманизация жизни, самосовершенствование человека и человечества — таков объективный смысл исторического процесса. В широком смысле этого слова человеческий мир и есть мир культуры. Сохранение и развитие культуры — одна из важнейших смысложизненных ориентаций государственного строительства и межгосударственного сотрудничества. Именно поэтому свободное использование культурных ценностей и участие в культурной жизни — одно из определяющих прав человека, закрепленное в юридических документах как российского (Конституция Российской Федерации, п. 2, ст. 44), так и международного уровня (Декларация прав человека, ст. 27).

В условиях тоталитарного государства, когда культура была не только скована системой запретов, но и вынужденно подчинялась жестоким предписаниям, вторгающимся в творческий процесс, сложилось представление об управлении как о деятельности внешней по отношению к культуре, чуждой ей и в принципе невозможной.

Но если культура не только совокупность материальных и духовных ценностей, но и сам процесс их становления, функционирования, усвоения, то и управление этим процессом есть сущностный момент самой культуры, в той же мере определяющий ее жизнь (управление культурой), сколь и определяемый ею (культура управления). Чем выше уровень культуры общества, тем совершеннее оно может управлять культурным процессом. Разумеется, прежде всего, управление означает экономическое обеспечение культуры. Но не только. Управление — это определение приоритетных направлений, их поддержка и (как это ни трудно сегодня произносить!) определенные формы контроля и организационной деятельности в духовной сфере. Культура по самой сути не может быть стихийным процессом. Регулирование культурной жизни — это не запрет тех или иных спектаклей или формирование списков “невъездных” лиц и коллективов, а осознанное обеспечение условий, в которых культура наиболее полно может реализовать свое смысложизненное назначение. Право на пользование культурными ценностями предполагает наличие человека соответствующих потребностей и возможностей, а свободный выбор ориентирован системой ценностных представлений. Так, например, доступность искусства — результат многосторонней работы по поводу искусства и помимо его: создание необходимого общеобразовательного уровня, широкая просветительская деятельность, максимально равномерное распределение культурных ценностей, регулирование гармоничных отношений в системе культуры (искусство и наука, гуманитарное и естественнонаучное, “высокое” и “массовое” искусство и др.).

При том, что некоторые характеристики рыночных отношений приложимы к культуре, существуют в условиях рынка, она в принципе не может жить по его законам. Более того, именно культура должна корректировать общественный процесс, обеспечивая возможности самоцельного духовно-нравственного развития человека. При всех отклонениях и тяжелых перекосах смысл исторического развития определяется его гуманизацией. Универсализация человека, “всемирность” его бытия неотделимы от всевозрастающей ценности индивидуальной, единичной человеческой жизни. Рынок, ставший не условием, а целью, имеет иную ориентацию. “Личность с рыночным характером” (Э. Фромм) ныне — не теоретическая модель социологов, но активно утверждающийся (в том числе и в гуманитарной сфере) “человек — функция”, быстро достигающий, часто с завидным профессионализмом, прагматических целей. Бизнес, в кратчайшем

его определении, есть дело, приносящее доход, дающее выгоду. Не болсе. Культура же призвана обеспечить духовную целостность человека и государства и определить смысловые ориентиры этой целостности. Возрождение России немислимо вне нормализации ее культурной жизни.

Ф. Ф. РЫБАКОВ,

действительный член Академии гуманитарных наук и Нью-Йоркской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета

ГРАНИЦЫ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Экономика и культура все больше взаимодействуют друг с другом. Первая преимущественно питает вторую материальными и финансовыми ресурсами, вторая — облагораживает человеческий фактор производства и в конечном итоге косвенно содействует социально-экономическому росту в целом. Однако культура как сфера деятельности, отрасль социальной сферы имеет свои закономерности развития и собственную логику самоорганизации. Нельзя механически переносить закономерности материального производства на деятельность учреждений культуры.

В начале рыночных преобразований в России экономическое дилетантство, а также мучительная борьба за выживание толкали руководителей учреждений культуры на неадекватные действия. Кроме вреда это ничего не принесло. Однако вопрос о соотношении рыночного и нерыночного в деятельности учреждений культуры так и не решен. Более того, в ряде экономических программ превращение культурного события в культурный продукт со всеми атрибутами рыночного хозяйства рассматривается как основное условие функционирования культуры. Этим, например, грешит «Стратегический план Санкт-Петербурга», разработанный Леонтьевским центром.

Современная экономика в ее постиндустриальном развитии все больше зависит от так называемого третичного сектора — сферы услуг, где наиболее динамичными становятся здравоохранение, образование, организация досуга, т. е. производящие, «public goods». В российской экономике третичный сектор уже достиг половины в структуре ВВП, а в Санкт-Петербурге — 60%. Поэтому однозначное отторжение экономических рычагов в деятельности учреждений культуры также несправедливо, как и слепое копирование хозяйственного механизма отраслей материального производства.

Одно из направлений эффективного функционирования учреждений культуры — придание им статуса некоммерческих организаций. Российский Закон «О некоммерческих организациях», вступивший в силу с 24.01.96 года, приводит развернутый перечень целей, для достижения которых могут создаваться некоммерческие организации. В их числе культура и удовлетворение духовных потребностей граждан. Главный системообразующий признак некоммерческих организаций — отсутствие прибыли как основной цели деятельности. Однако возможность получения прибыли не исключается. Но последняя не должна распределяться между учредителями, а направляться лишь на благотворительность и развитие самих некоммерческих организаций.

В соответствии с мировой практикой существуют четыре источника финансирования некоммерческих организаций: бюджетные ассигнования, выручка от реализации собственной продукции, средства спонсоров, прочие источники. Так в некоммерческом секторе США структура источников финансирования сферы культуры выглядит следующим образом. бюджетные средства — 14—15%; выручка от реализации услуг — 8—10%; частные пожертвования — 65—70%; прочие источники — 5—10%. От других отраслей некоммерческого сектора культура

отличается более значительной долей частных пожертвований (в образовании — 15%; здравоохранении — 10%).

Современная экономика не может ориентироваться исключительно на одну форму хозяйствования. Справедливо это и по отношению к сфере культуры. Только многообразие форм хозяйствования позволит эффективно организовать деятельность во всех блоках экономики. Речь идет прежде всего о трех важнейших секторах: государственном, частном, некоммерческом. Например, театры или музеи могут принадлежать к любому из названных секторов экономики. В США в конце 70-х годов 65% художественных музеев принадлежали некоммерческому сектору, 5% — частному и 30% — государственному; театры — 26% — некоммерческому сектору и 74% — частному.

В России еще недавно культура, за исключением колхозных библиотек и клубов, была представлена исключительно государственным сектором.

Частный сектор, как известно, представлен предприятиями различных форм собственности, целью которых является извлечение прибыли. В сфере культуры возможно функционирование предприятий. Однако в качестве таковых не могут быть ни Эрмитаж, ни Третьяковка, ни Русский музей. Это — большая культура, которая без государственной поддержки существовать не может. В царской России было 6 Императорских театров (3 — в Москве и 3 — в Санкт-Петербурге). Остальные были частными. Великий Ф. И. Шаляпин начинал свой путь в частной опере.

Государственные учреждения культуры в значительной части своих расходов ориентированы на бюджетные инъекции. Однако и здесь реально используются принципы платности услуг. Специфика культуры как сферы деятельности состоит и в том, что частный сектор занимает незначительное место. Поэтому продукт этой сферы — услуги, представляет собой смешанные блага, т. е. им присуща двойственная природа.

С одной стороны, здесь действия рыночного механизма ограничены, но черты частного индивидуального блага также имеются. Подтверждение тому — камерные и элитарные формы досуга. С другой стороны продукту сферы культуры присущи свойства чистого общественного блага, что имеет значительный внешний эффект и предполагает пользование им широких слоев населения.

Итак, главная отличительная черта культуры с экономических позиций в том, что ее продукты являются смешанными благами, а значит ориентация исключительно на рыночные методы хозяйствования неправомерна. Отсюда вытекает необходимость построения адекватных методов управления. Задача огромной важности — построить такой экономический механизм, который бы соответствовал преимущественной ориентации на производство смешанных благ, не исключая при этом возможность производства частных индивидуальных и чистых общественных благ.

Н. А. ЧЕРКАСОВ,

действительный член Международной академии информатизации ООН,
научный консультант Межпарламентской ассамблеи СНГ, доктор
экономических наук, профессор

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА

В “механизме” взаимодействия экономики и культуры, а точнее — в системе управления этим взаимодействием важнейшим “рычагом” (элементом системы, гарантирующим эффективность взаимных связей данных сфер жизнедеятельности общества) является образование. Как составляющая культуры оно предполагает учет, с одной стороны, общих тенденций в развитии

экономики и культуры, с другой — национальных культурных традиций и, в том числе, возможностей развития неконфессиональной религиозной культуры. Следует подчеркнуть, что неконфессиональное религиозное образование позволяет не противопоставлять различные конфессии, а устанавливать место и роль каждой из них в истории мировой культуры и цивилизации. Вместе с тем, особенно важно, что от состояния образования зависит уровень общей и профессиональной культуры участников экономических процессов, характер кадрового потенциала экономики.

В СНГ, в переходной экономике в целом, большая часть проблем образования обусловливается недостаточным финансированием средней и высшей школ, трудностями, связанными с расширением сферы применения национального языка, не являющегося государственным, отсутствием, несовершенством или неисполнением законов о культуре и языках, о высшем образовании. Последние, в частности, должны предусматривать: минимальные размеры финансовых средств в расчете на одного студента; режим наибольшего благоприятствования для отечественных и иностранных инвесторов, обеспечивающих финансирование образовательных программ и применение новейших образовательных технологий; создание условий для соединения преподавания и научных исследований в вузах и т. д.

Особое место в организации образования в современном мире занимает процесс ориентации его на международные стандарты, от которых зависит реализация прав членов общества, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека; Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам; в международных пактах о гражданских, политических, экономических, социальных, культурных правах; в других международных документах.

Образование имеет первостепенное значение для устойчивого развития экономики и в период ее технологической модернизации. Оно обеспечивает формирование новых профессий, органически связанных с новыми областями науки и техники, выступает как средство преодоления противоречий между интернациональными и национальными интересами. С этой целью образовательная деятельность должна быть ориентирована и на решение задач по взаимопроникновению национальных культур, развитию экологического образования, становлению неконфессиональной религиозной культуры. Такие решения требуют использования также возможностей международных организаций, например, Гарвардского института международного развития, созданного в качестве центра технической помощи, исследований и подготовки специалистов с целью достижения устойчивого, экологически обоснованного экономического роста. (В СНГ институт имеет контакты с Межпарламентской ассамблеей, участниками международной программы "Лидеры в области развития и окружающей среды"; в России — с Межведомственным советом по экологической безопасности, Центром сохранения биоразнообразия, Независимым институтом устойчивого развития, Институтом системного анализа РАН, рядом университетов и других организаций). Само понятие устойчивости соответственно должно уточняться, дополняться оценками уровней общей и профессиональной культуры специалистов.

Для устойчивого экономического развития необходимо, чтобы система управления взаимодействием экономики и культуры предусматривала использование как внутренних, так и внешних факторов роста, согласованное их взаимодействие на основе международной интеграции в экономической и гуманитарной сферах. Так, Договор об углублении интеграции в этих сферах, заключенный 29 марта 1996 года Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией, ориентирует на выполнение таких стратегических задач, как: обеспечение эффективного функционирования предусмотренных им общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, единых транспортных, энергетических, информационных систем; создание равных возможностей для получения образования и приобщения к достижениям национальной науки и культуры, сохранение и упрочение общего культурного пространства; разработка совместных образовательных программ, взаимное признание свидетельств, дипломов об образовании, документов об ученых степенях и званиях; гармонизация законодательства по вопросам экономики и культуры.

Правовые основы международной интеграции формируются модельными законами и кодексами, образующими, в конечном счете, механизм защиты прав и свобод человека и организации общего образовательного и научно-технологического пространства. Международная научно-практическая конференция “Законодательное обеспечение развития науки и образования в государствах-участниках СНГ в условиях рынка” (состоявшаяся в штаб-квартире Межпарламентской ассамблеи СНГ 29 ноября 1996 года) в своих рекомендациях справедливо указала, что “формирование общего образовательного и научно-технологического пространства, академическая и профессиональная мобильность студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, научных сотрудников и специалистов, признание документов об образовании, ученых степеней и званий в рамках Содружества являются важнейшим условием углубления интеграции государств-участников СНГ”. По мнению президента Международной академии наук высшей школы В. Е. Шукшунова, на евразийском пространстве вообще должны: использоваться единая парадигма образования и, соответственно, сближаться национальные законы об образовательной деятельности, широко применяться системы дистанционного обучения, компьютерные телекоммуникационные сети, единые методические материалы.

В связи с этим актуальными задачами становятся также создание общего информационного пространства в регионе интеграции, организация сотрудничества национальных средств массовой информации, совершенствование работы международных информационных центров.

Перспективным направлением эффективного взаимодействия экономики и культуры, расширения и совершенствования экономического и культурного сотрудничества является развитие международного, в том числе образовательного и научного, туризма. В модельном законе “Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области туризма” подчеркнута, что туризм, с одной стороны — эффективная отрасль экономики, с другой — фактор, способствующий культурному взаимообогащению народов. В настоящее время поэтому необходимы согласованные мероприятия по созданию соответствующей правовой базы и равных условий для осуществления туристской деятельности юридическими и физическими лицами.

В. Я. ФЕОДОРИТОВ,

доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

1. Среди общих проблем развития социума большое философское значение имеет соотношение — или более точно для современности — партнерство экономики и культуры. Проблема будет напоминать вариант курицы и яйца, если не уточнить содержание понятий “экономика” и “культура”. Представляется, что структура может быть рассмотрена системой из трех пар, ибо состояние науки сейчас не достигло той степени определенности, что позволило бы предложить один вариант.

Самый широкий вариант рассматривает проблему в высокой степени абстракции, с ограниченным учетом исторического развития. В этом варианте культура была характеристикой собственно экономики в самом общем виде, когда культура и экономика не отделились друг от друга. Культура колес, культура Земли, культура экологии, культура информации и т. д.

На ступень выше по лестнице от абстракции в направлении конкретизации наблюдается большая дифференциация культуры и экономики, это уже понятия, которые характеризуют совершенно разные стороны общественной деятельности людей, в процесс вмешивается общественное разделение труда. Культура представлена в форме интереса всего общества как

родителя, носителя и потребителя культуры и в форме профессиональной деятельности людей, выполняющих специфическую функцию по удовлетворению впервые возникшей на Земле потребности в духовных благах.

В своем знаменитом труде "Метафизика" Аристотель отмечал, что для культуры, искусства, науки общество должно располагать досугом, т. е. свободным временем, свободным от занятий в сфере материального производства. По его мнению цивилизация началась там, где появился досуг для занятий культурой, наукой, политикой — в Египте.

2. На стадии зарождения цивилизации культура и экономика, являясь историческим условием выживания человечества, показали главенствующую роль культуры и ее непосредственное влияние на развитие экономики. Самостоятельное существование культуры и экономики еще не могло иметь места. Только совместное развитие и непосредственное взаимовлияние способны были осуществить быстрое развитие культуры и экономики как органического единства. Культура родилась как результат рационального и иррационального распознавания мира и их определенное единство в процессе использования для удовлетворения постоянно меняющихся материальных и духовных потребностей. Для начальной стадии возникновения и удовлетворения потребностей — материальных и духовных — они не были разъединены ни во времени, ни в пространстве. Потребность возникала тогда, когда появлялась возможность для ее удовлетворения. Наскальные рисунки охоты появились в процессе удачных экспедиций первобытных добытчиков. Постоянно повторяющиеся эпизоды в хозяйственной и быденной жизни постепенно превращались в опыт. Опыт откладывался в сознании человека. Опыты производства (собирачество и охота) были в то же время натурами для искусства, познания и использования — огня, круга, колеса, дерева, глины, металлов и т. д. Опыт представлялся как определенный отрыв от производственной практики. Образ практики подвергался критическому анализу посредством систем этических критериев. Реальные вещи изменялись не только под влиянием изменения их функций, но и под влиянием представлений о красоте. Вещи и поступки людей оценивались и изменялись по правилам не природы, а ее отражения в сознании. Сознание, наряду с природой, стало создателем. Все, что было создано, познано и сохранено сознанием стало первым содержанием культуры, внутри которой еще не было дифференциации — науки, искусства, спорта, морали, воспитания, образования, этики, эстетики, дизайна и т. д.

Первой дифференциацией, очевидно, было разграничение жизни и смерти и, как следствие, признание потусторонних сил, которые могли творить то, что не делал человек или то, что человек не видел. Причинно-следственная связь уже получила глубокий след в умах людей. В конце концов так были придуманы боги, ад, рай, потусторонние силы. Первым явлением культуры явилось создание потусторонней жизни, как отражение иррациональное, но связанное с нарисованным в воображении продолжением жизни после смерти. Всякий раз, когда человеческому обществу трудно, когда встречаются проблемы в жизни отдельного человека, возрастает роль религии, которая обещает продолжение жизни на том свете и прощение земных грехов. Отношение общества к смерти — внутренняя характеристика культуры, в условиях которой оно развивается. Свобода совести и право свободного выбора религии — наивысшая форма признания религии в условиях ее всеобщего отрицания.

3. Для современного общества проблема происхождения культуры отодвинулась несколько на второй план. Потеряло былую остроту противопоставление культуры и экономики, но чрезвычайно возросло значение взаимного проникновения культуры и экономики и взаимные выгоды от того, что экономика становится более "культурной", а культура все более экономически эффективной.

Что нового в теорию соотношения экономики и культуры привносит современный взгляд на проблему?

Нет постоянно верного единственного ответа. На первом этапе можно было говорить, что в масштабах мирового производства (в форме примитивного хозяйства), в условиях слишком малого свободного времени человек позволял себе затрачивать малую его долю на создание образов,

которые могли бы помочь в процессе добывания пищи, одежды, жилья и сформировать первые художественные образы.

На втором этапе условия производства настолько изменились, что общество смогло выделить много свободного времени для создания обособленной сферы отдельных отраслей блока культуры, где работали люди-профессионалы, квалификация которых была достаточной для компенсации затрат на удовлетворение культурных потребностей различных классов общества.

На третьем этапе происходит взаимное проникновение экономики и культуры, в известном смысле снимается сама проблема приоритетов. Научно-технический прогресс предполагает не только современное оборудование, но и все атрибуты человеческого капитала, самый широкий диапазон образования, в том числе знание философских законов, форм человеческого общения и мышления, обладание новыми методами работы вновь появившихся культурно-производственных отраслей, таких как информатика, эконометрия, экономика, менеджмент, политика, юриспруденция, история, культурология, социология, логика, этика, эстетика.

Если ранее культура выполняла функцию рекреационную, работала на отдых, способствуя восстановлению сил у человека, то сейчас культура проникает все глубже в экономику. Дело не только в образовании прикладных отраслей культуры; в экономике появляется культурная инфраструктура, на базе которой воспроизводится интеллектуальная собственность, которая без культуры вообще не может существовать (в нее входят средства массовой информации, полиграфия и т. д.).

С другой стороны культура приобретает свою экономику, в функцию которой входит система мотивации, определение предельных затрат, равновесие спроса и предложения, особенности ценообразования, источники покрытия затрат, инвестиции в отрасли культурной инфраструктуры, доходы и их распределение, проблема самоокупаемости и бюджетных дотаций.

4. Рыночная экономика — опосредованная экономика, т. е. общественные интересы являются заложниками в руках частных интересов.

Только тогда, когда реализуются частные интересы, можно рассчитывать на удовлетворение интересов общественных. В этих объективно рискованных позициях страховочным гарантом выступают два блока: мягкое государственное управление и культурный уровень производителей. Если уровень культуры в данном обществе достаточен для того, чтобы человек, разрабатывая свое дерево целей не мог принять варианты, которые обогащали бы его за счет обнищания других людей (в формах явного или скрытого грабежа), можно признать, что в обществе рыночной экономики достигнуто равновесие между материальными и культурными интересами. Общество находится в благоприятной ауре для развития экономики, с одной стороны, с другой — культура приобретает свой социально-экономический эффект. На все варианты, которые могли бы быть отнесены к классу “некультурные”, наложен добровольный мораторий, а “некультурно” все то, что противоречит общественному интересу; частный интерес реализует себя как часть структуры общественного интереса.

Экономический эффект у культуры складывается из экономии тех средств, которые потребовались бы для исправления ошибок развития частной собственности при нарушении общественных интересов, от увеличения числа лиц, которые могли бы взять на себя ответственность и риск, расширяя частное предпринимательство и увеличивая его эффективность.

5. Таким образом, современный период развития общества характеризуется отсутствием достаточных причин для противопоставления экономики и культуры. Они имеют общие корни, общее происхождение. Без общества не может быть ни экономики, ни культуры. По отношению друг к другу они выступают как партнеры. Экономика помогает культуре; культура способствует экономическому развитию. В ходе исторического развития человек освобождается от материальной зависимости, затрачивая все больше времени и энергии на удовлетворение культурных потребностей.

Некоторые обострения во взаимоотношениях экономики и культуры имеют место в переходный период, когда возникает проблема оптимизации распределения сверхограниченных ресурсов и определения приоритетов.

И. В. КРотова,

заведующая кафедрой управления и экономики культуры Московского государственного университета культуры

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Коренные преобразования в экономической среде, переход от административно-командных к экономическим методам управления, развитие предпринимательской деятельности и рыночных структур, а также отсутствие практического опыта, уникальность ситуации привели к существенным изменениям в культуре.

“Без культуры в обществе нет и нравственности, не действуют социальные, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука”, — сказал русский интеллигент, академик Д. С. Лихачев.

Из сказанного вытекает вывод об ошибочности популярного ныне тезиса: вначале поднимем экономику, а потом возьмемся за культуру. Экономика и культура идут рука об руку. Экономика связана не только с культурой, но и с нравственностью как основой культуры.

Забота о культуре как базе экономики — явление не национально-русское, обусловленное сегодняшними трудностями изменения исторического курса. Это предмет постоянного внимания любого цивилизованного общества.

Замечено, что самая высокая производительность труда там, где есть многовековая неразрушительная культура. Экономическое чудо Японии основано на высокой открытости национальной культуры влияниям иных культур при бережном отношении к культурным традициям, полторавековой практике всеобщего обязательного образования, трепетном отношении к интеллектуальной деятельности.

Экономическая система России приобретает новый облик с большими трудностями. Преобразования в отрасли культуры происходят долго и не всегда эффективно. Говоря о перспективах и тенденциях развития, следует отметить, что культура будет полностью включена в систему отношений, построенную на основе рыночных законов. В этих условиях выживут те, кто успеет себя к ним подготовить.

Вместе с тем, культура XXI века превратится в мощный противовес негативным процессам, неизбежно присутствующим в рыночном обществе с его конкуренцией и расслоением населения по материальным возможностям, устремлениям, интересам и запросам. Отказ от идеологического давления делает культуру интегрирующим фактором, способным объединить общественное сознание различных демографических групп.

Специфика вузов культуры в том, что они готовят не столько создателей новых культурных ценностей, сколько специалистов, способных обеспечить их потребление и организовать народно-художественное творчество, как массовое явление. Широкий спектр развития различных направлений культуры (порой противоречивых, исходящих из неодинаковой парадигмы) делает чрезвычайно сложным процесс ориентации в культурной сфере.

Сегодня требуется разработка педагогических форм и методов обучения специалистов, способных распространять культурные ценности в условиях рынка.

Рынок труда также все острее предъявляет требования к мобильности кадров, их быстрой адаптации в условиях структурных изменений в хозяйственно-экономической культурной деятельности, что потребует сочетания базовой фундаментальной подготовки и широкой прикладной ориентированности.

Особенностью России начала XXI века, по данным экономико-статистических исследований, будет оставаться невысокий удельный вес среднего класса среди других слоев общества, что увеличит количество студентов, совмещающих учебу и работу и нуждающихся в гибких графиках

аудиторных занятий, дистантном обучении, руководстве самостоятельной работой, использовании компьютерных тренингов и тестов, расширении экстерных форм обучения. С нашей точки зрения на сроки обучения и другие формальные факторы должно влиять повсеместное введение званий бакалавра и магистра. Данный процесс должен рассматриваться как сложное явление, охватывающее решение различных задач и соответственно рассмотрение различных форм, методов и организаций. Большие традиции, наряду со способностью и фантазией, ориентацией на национальную культуру, умение интегрировать в мировой опыт предопределяет возможности вузов культуры развить и укрепить свою роль в подготовке кадров. Важно отметить, что именно вузы культуры готовят специалистов в сфере менеджмента, экономики, информационных систем, т. е. современная экономика, техника, не только наукоемка, но и культуроемка. Наши специалисты привносят неповторимый стиль мышления, в котором преобладает логика, воображение, интуиция, богатые философско-гуманитарные обобщения, отличает от чистых экономистов, технократов и позволяет достигнуть в работе выдающихся результатов.

Б. С. ЖИХАРЕВИЧ,

доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем Российской академии наук, заместитель директора проектного бюро "Стратегический план для Санкт-Петербурга"

КУЛЬТУРА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

1. Стратегический план — новая культура планирования

Санкт-Петербург, завершив 1 декабря 1997 года разработку Стратегического плана, стал первым городом в России, сумевшим создать не только документ принципиально нового типа, но и заложить основы новой культуры планирования, основанной на стратегическом партнерстве властей, бизнеса и общественности.

Стратегический план отличается от прежних планов, во-первых, определенной предметной специфика. Он не может быть планом обо всем, а должен быть сконцентрирован на очень небольшом числе проблем, на ключевых, наиболее перспективных направлениях, выявленных на основе анализа потенциала, сильных и слабых сторон геополитического положения города, возможных сценариев развития внешнего мира. Стратегический план содержит базовые идеи и принципы, а также видение будущего города, которые дают ориентиры для бизнеса, потенциальных инвесторов, властей и населения, помогая принимать оперативные решения с учетом перспективы.

Вторая определяющая особенность Стратегического плана связана с методом его создания на основе партнерства при разработке и реализации. Стратегический план не является чисто административным документом. Это, скорее, договор общественного согласия, свод согласованных, признанных разумными требований от предприятий и общества к администрации, договоренность о конкретных мерах, имеющих стратегическую важность для города, которые необходимо предпринять в интересах производителей и населения. Процесс стратегического планирования направлен на поиск общественного консенсуса, на вовлечение в принятие решений, а значит и в их реализацию, широкого круга активных лиц. Таким образом, в процессе планирования формируется новая культура планирования на базе механизма стратегического партнерства в городе — механизма совместного поиска стратегических ориентиров и обеспечения согласованных действий по их достижению.

Изменение внешних условий (геополитических и социально-экономических) поставило Санкт-Петербург перед необходимостью развития новых функций и новых источников существования. Причем впервые проблема поиска своего пути возникла как проблема

самоидентификации города, который сам, без диктата центра и без расчета на его поддержку, должен найти и закрепить собственное место на карте глобализированной мировой экономики и постиндустриального общества. Именно поэтому городу понадобился Стратегический план, который стал итогом действительно общегородского творчества, объединившего сотни специалистов.

На практике оказалось очень трудным соблюсти оба названных принципа одновременно. Чем шире становился круг участников разработки, тем больше ощущалось давление с их стороны в сторону расширения плана. Еще сложнее было договориться о приоритетах. В числе отраслей и сфер, претендовавших на роль стержня или локомотива развития Санкт-Петербурга, чаще всего упоминались транспорт, наука, промышленность и культура. Компромиссом, отражающим объективные обстоятельства, стал отказ от выбора одной или двух ведущих сфер. Санкт-Петербург в силу своего масштаба не может существовать за счет одной какой-то отрасли. Он может развиваться только как многофункциональный город. Тем не менее ряд сфер, и в частности культурная, выделены в Стратегическом плане особо.

Из всех понятий, раскрывающих характер взаимоотношений Санкт-Петербурга с миром, наиболее полно отвечает сути дела понятие “контактный центр” — международный многофункциональный контактный центр региона Балтийского моря и Северо-Запада России. В городе осуществляются и будут развиваться все формы контактов: торговые, финансовые, производственные, научные, культурные, политические. Контактный центр должен сочетать качества транспортного, делового, информационного, туристско-культурного центров. Для этого нужны соответствующая инфраструктура и поддержание контактной среды, для которой характерны открытость, безопасность, удобство, привлекательность, дружелюбие, красота, уникальность.

В соответствии с мировыми тенденциями в Санкт-Петербурге продолжатся изменения в структуре экономики, приводящие к увеличению доли услуг. По мере стабилизации экономики произойдет оживление сферы науки, образования, культуры и искусства — отраслей, стратегически важных для сохранения долгосрочных источников развития, для поддержания благоприятного имиджа города. Санкт-Петербург сохранит функции научного образовательного и культурного центра для близлежащих регионов России и места соответствующих контактов с сопредельными странами Балтийского региона, усилит свои позиции в качестве мирового центра культуры. Развитию этих функций должны помочь проекты празднования трехсотлетия города “Санкт-Петербург — 2003” и “Санкт-Петербург — культурная столица”.

На поддержку перспективных изменений ориентированы четыре стратегических направления: “Формирование благоприятного хозяйственного климата”, “Интеграция в мировую экономику”, “Улучшение городской среды”, “Формирование благоприятного социального климата”, в рамках которых формулируются отдельные цели. Действия по этим направлениям позволят городу реализовать свои конкурентные возможности.

Если говорить о главных проектах, на которые нацеливает Стратегический план, то среди них следует назвать четыре. Во-первых, это подготовка к празднованию трехсотлетия города, которая должна стать стимулом к многим и многим творческим инициативам, дать толчок инфраструктурным проектам. Во-вторых, — проект реконструкции исторического центра, призванный обеспечить сохранность величайшего архитектурно-культурного наследия и создать условия для его эффективного использования в современной хозяйственной деятельности. В-третьих, — развитие Морского порта, скоростных автомагистралей и всего транспортно-экономического комплекса, позволяющее укреплять позиции Санкт-Петербурга как европейских ворот России. В-четвертых, это создание лучшего в России хозяйственного климата как основы для привлечения инвестиций и эффективного экономического роста в конкурентоспособных отраслях промышленности, науки, образования. Продвижение по названным направлениям создаст основу и позволит приблизиться и к достижению главной цели — улучшению качества жизни

каждого петербуржца. Для этого в “Плане” предусмотрены и проекты социальной, экологической, коммунальной ориентации.

2. Культура в “Стратегическом плане Санкт-Петербурга”

Для петербуржцев особую ценность представляют культурные составляющие качества жизни, гуманизация среды, воссоздание и сохранение особого петербургского менталитета, наличие демократических возможностей для полного раскрытия творческого потенциала личности, рост свободы выбора во всех сферах. Если конкурентоспособность промышленности города может вызывать сомнения, то практически вне конкуренции стоит получившая мировое признание петербургская культура. Именно богатый культурный потенциал Санкт-Петербурга может сыграть уникальную роль в возрождении и процветании города, став не только самостоятельным продуктом, но и катализатором развития деловой активности во всех отраслях, прежде всего, в отраслях, связанных с развитием культуры и обслуживанием туристов.

Культура рассматривается в Стратегическом плане в трех аспектах.

2.1. Культура как бизнес

Продолевая прежнее представление о культуре как чисто затратной сфере, существующей только за счет государственной поддержки. Стратегический план делает акцент на потенциале самофинансирования той части культуры, которая может адаптироваться к рыночному спросу. Такой взгляд требует изменение менталитета менеджеров культуры. Поскольку в условиях экономического спада в России внутренний платежеспособный спрос на культурные услуги сократился, особо актуальным становится “экспорт” культурного продукта либо путем доставки в город внешних потребителей, либо путем временных экспозиций, гастролей, культурных акций за рубежом.

Ключевой проблемой при этом становится международный маркетинг культурных событий Санкт-Петербурга с целью их превращения в продукт на рынке культурного туризма. Расширение “экспорта” культурных продуктов путем доставки потребителей в город возможно только в случае адекватного развития туристского сектора экономики города. Поэтому в Стратегическом плане культура и туризм рассматриваются в одном разделе как единый кластер, интегрирующийся в мировую экономику.

Мешают продвижению города на мировой рынок культурных и туристских услуг отсутствие необходимой современной инфраструктуры туризма, а также отсутствие финансирования активных рекламных маркетинговых кампаний. Основной проблемой в этой сфере является увеличение продаж туристского продукта, превращение культурных событий в культурно-туристский продукт, создание устойчивого образа уникальности Санкт-Петербурга и повышение его привлекательности для туристов. Как мощные инструменты маркетинга города рассматриваются в Стратегическом плане проекты празднования 300-летия Санкт-Петербурга и объявления города культурной столицей (в рамках создаваемой по образцу ЕС программы “Культурные столицы России”).

Тормозом туризма становится отсутствие общих условий: комфортной и безопасной среды, разнообразия гостиниц, системы информации. Улучшить общие условия пребывания — первая задача в этой сфере. Вторая задача состоит в поддержке организаций, работающих в сфере туризма и культуры, создания для них благоприятного нормативно-правового поля, снятия излишних барьеров при сохранении контроля качества. Третья задача — нацеленный на перспективные секторы рынка маркетинг города в целом и отдельных туристских продуктов.

На решение названных задач направлены меры, включенные в план: создание информационных центров для туристов, развитие гостиничной сети, маркетинг Санкт-Петербурга, подготовка менеджеров. Реализация этих мер будет усиливать позиции Санкт-Петербурга как мирового культурного и туристского центра.

2.2. Культура как катализатор бизнеса

Внимание к сфере культуры Санкт-Петербурга обусловлено еще и той ее ролью, которую она играет в общем имидже города, являясь одним из важнейших факторов, привлекающих в Санкт-Петербург деловых людей и инвестиции. Активный маркетинг инвестиционных возможностей Санкт-Петербурга не может не опираться и на культурную составляющую, очень важную для высокотехнологичных, наиболее перспективных отраслей. Без поддержки и развития сферы культуры оказываются мало реальными, утрачивают перспективу традиционные образы города как центра культуры, науки и образования, туристического центра и т. д.

И в этой связи снова нельзя не упомянуть приближающееся 300-летие города, которое представляет особую возможность активно использовать потенциал культуры и искусства Санкт-Петербурга в интересах маркетинга города. Это возможность формирования и реализации Международной программы подготовки к 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга, рассчитанной на 5 лет. Презентация этой программы и самая широкая ее реклама позволят привлекать большее количество как российских, так и зарубежных туристов, в том числе лидеров бизнеса и потенциальных инвесторов.

2.3. Культура как стратегический ресурс

В отдельную цель Стратегического плана выделено развитие образовательного, культурного и духовного потенциала петербуржцев. Данная цель подразумевает воспроизводство и эффективное использование такого особого, уникального ресурса города, который может быть обозначен как петербургский культурный и духовный климат. Этот ресурс образуется из органического сочетания культурных, образовательных и духовных характеристик жителей города, которые традиционно придавали ему статус культурной, духовной столицы России. Имеется в виду комплекс социокультурных параметров — высокий уровень общего и специального образования, интенсивное приобщение к культурным ценностям, гражданственность, гордость за свой город, его историю и культуру, особый стиль общения, интеллигентность, вежливость.

Воспроизводство петербургского менталитета требует роста качества школьного образования при интенсификации включения детей, подростков и молодежи в общественную и культурную жизнь города. Здесь предусмотрен переход на образовательные стандарты, гарантирующие получение образования надлежащего качества и соответствующие статусу Санкт-Петербурга, как одной из столиц мировой культуры; внедрение независимой системы аттестации учащихся; реализация концепции “Воспитание петербуржца” и целевых программ художественного образования и поддержки детского творчества “Культура и дети”, создание учебно-методического комплекса “Петербургский учебник”. Все это в совокупности позволит интегрировать усилия в деле сохранения и приумножения петербургского духовного потенциала, который является одним из главных стратегических ресурсов города. Петербургские культура и образование обеспечат воспроизводство человеческих ресурсов, способных творчески грудиться во всех сферах, во всех отраслях специализации Санкт-Петербурга.

При этом формирование петербуржца, обладающего перечисленными выше качествами, — это еще и формирование квалифицированного потребителя культурных продуктов, а кроме того и потенциального мецената. Таким образом культура создает базу для развития как всего городского сообщества и городской экономики, так и собственно культурной сферы, культуры как бизнеса.

Ю. А. МАТУСОВ,

действительный член Санкт-Петербургской инженерной академии и Международной академии наук, директор Санкт-Петербургского учебного центра курортов "Лахта", профессор кафедры высшей математики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

А. А. БОРОВИКОВ,

руководитель научно-методического отдела Санкт-Петербургского учебного центра курортов "Лахта"

КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА В УСЛОВИЯХ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Информация в цивилизованной экономике — главный ресурс. Сегодня уже не капитал определяет суть социальных и производственных отношений, а процесс и использование знаний (информации). Эффективная экономика является информационной по своей сути. В нашем случае рынок информации — это институт или механизм, который сводит вместе предъявителя спроса и поставщиков конкретной услуги. Первым является клиент, желающий воспользоваться через существующих представителей услугами оздоровительных учреждений (санаториев, домов отдыха, пансионатов и т. п.).

Здесь мы можем встретить следующих участников рыночных отношений:

- генераторы информации — оздоровительные и медицинские учреждения, которые поставляют услуги на рынок;
- информационные центры, осуществляющие обработку и реализацию информации, банки данных, анализ рынка спроса согласно его сегментации и т. д.;
- посредники — различные агентства, брокеры услуг, медицинские учреждения и т. д.;
- клиенты — конечные пользователи и потребители информации, такие как организации по предоставлению услуг, медицинские учреждения, посредники и обособленные потребители (отдыхающие, оздоравливающиеся туристы).

Такая схема информационного рынка требует несколько иных концептуальных основ. Как известно, наличие информации, пусть конкурентоспособной или даже уникальной, не гарантирует автоматически успешного ее использования. Для этого необходимо проведение ряда дополнительных мероприятий, объединяемых понятием "маркетинговая подготовка". Первоначально термин "маркетинг" относился к мероприятиям по продвижению уже готовых услуг на рынок и фактически отождествлялся с реализацией. Впоследствии (начиная с 50-х годов) получила распространение более широкая его трактовка, согласно которой маркетинг представляет собой рыночную концепцию управления современным предприятием, при которой в основе принятия хозяйственных решений лежит рыночная информация, а обоснованность решений проверяется рынком в ходе реализации услуг.

Если в соответствии с первой моделью предприятия, исходя из имеющихся у него ресурсов, организаторы стремились произвести как можно больше услуг и лишь затем всеми возможными способами обеспечить их реализацию, то вторая модель требовала, чтобы у организаций, придерживающихся расширительной концепции маркетинга, исходными пунктами цикла предпринимательской деятельности становились изучение потребительского спроса, поиск клиентов, и уже на этой основе строился весь процесс хозяйственной деятельности.

Основными принципами маркетинга как рыночной концепции управления являются:

- всестороннее изучение рынка, спроса, вкусов и желаний клиентов;
- приспособление структуры хозяйства к требованиям рынка, организация только тех услуг, которые отвечают спросу.

В настоящее время в санаторно-курортном комплексе профсоюзов России функционируют 682 предприятия, в том числе: 459 санаториев, пансионатов и домов отдыха общей вместимостью 205,5 тысячи коек.

Санаторно-курортная система профсоюзов имеет многолетний опыт оздоровления населения, обладает уникальной лечебно-оздоровительной базой, оснащенной самой современной диагностической аппаратурой, что позволяет эффективно проводить лечение заболеваний органов дыхания, обмена веществ, кровообращения, пищеварения, дыхательной и нервной систем, гинекологических и кожных заболеваний, а также болезней почек и мочевыводящих путей. Имеются кроме того специализированные санатории и отделения для лечения лиц, страдающих последствиями травм и поражений спинного мозга, бронхиальной астмой, глаукомой, сахарным диабетом, сосудистыми заболеваниями конечностей и др.

Исходя из этого, если рассматривать данную систему с точки зрения теории информации, при полной загрузке она должна работать в целом с общим примерным объемом в 200—400 тысяч Гбт. Очевидно, что решение такой задачи с помощью модели фон Неймана, использующей последовательное выполнение различных математических и технологических операций, становится весьма проблематичным. Естественно в данном случае воспользоваться информационной системой, базирующейся на фундаментальной концепции параллельного выполнения соответствующих операций, которая уже в принципе не ограничивает информационную производительность системы в целом. Такую систему предложил доктор технических наук, профессор Эдуард Владимирович Евреинов.

Все перечисленные свойства информационного рынка, идеология его маркетинга требует инновационных технологий, основанных на принципах Э. В. Евреинова. К таким системам относится компьютерная сеть Internet, способная пропустить около 45000000 бит в секунду и осуществить параллельное выполнение соответствующих операций.

История сети Internet началась более 20 лет назад в США и за это время она охватила там самые разные аспекты человеческой жизни и деятельности, став при этом такой же реальностью, как и многие другие компоненты современной американской инфраструктуры. Примерно около грех лет назад начался бум европейского Internet, и сегодня в Европе в этой сети уже работает почти каждый пятый компьютер. При этом интересно отметить, что среди стран с наибольшим числом пользователей Internet на душу населения находится наш северо-западный сосед — Финляндия.

По способу соединения между собой различных объектов санаторно-курортных предприятий можно выделить два основных подхода: “каждый с каждым” и магистральный.

Если, например, имеются девять различных пунктов, то, используя принцип соединения “каждый с каждым”, первый пункт следует соединить с остальными восемью, второй пункт будет иметь семь новых связей, так как одна связь (с первым пунктом) у него уже имеется, третий пункт потребует уже шесть новых связей и т. д. Общее число связей определяется по формуле для суммы арифметической прогрессии, например, при 682 пунктах потребуется 232903 связи. Такой огромный рост числа связей, свойственный данному способу, не позволяет применять его при большом числе пунктов приема информации.

С другой стороны, использование магистрального принципа требует при девяти пунктах только одной магистрали и девяти локальных соединений каждого пункта с магистралью. В свою очередь, каждую магистраль с подсоединенными к ней пунктами можно рассматривать как единую локальную сеть и строить магистральные связи теперь уже между такими локальными сетями, создавая супермагистраль. Магистральный способ соединения имеет еще одно важное преимущество — он позволяет осуществлять связь по принципу “многие со многими”, что обеспечивает в Internet возможность организации подписных листов и телеконференций.

В ближайшем будущем глобальная компьютерная сеть может стать самым эффективным средством в рекламе оздоровительных услуг. Кроме того, в перспективе она должна занять ключевое место в рекламе профессионального обучения потребителей, когда потенциальный учащийся сможет заблаговременно узнать все об учебных планах и программах центров обучения и повышения квалификации, о составе преподавателей, наличии технологических лабораторий и учебного оборудования, а также, при необходимости, о ценах за обучение, питание, проживание и содержание культурных программ.

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРА И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. ЗИНОВЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ КАК БАРОМЕТР ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Понятие “конституционность” в юридической литературе чаще всего используется в трех ипостасях: во-первых, как основа, “верхний этап” законности; во-вторых, как барометр уровня правовой культуры; в-третьих, как основа основ правового государства, его фундамент и главная несущая конструкция.

Название темы обязывает автора обозначить и исследовать главные составляющие этого феномена.

Прежде всего качество Основного закона представляет уровень правовой культуры и состояние фундамента правового государства. Оно зависит от демократизма Конституции и ее совершенства.

К сожалению, до сих пор россияне испытывают недостаток в объективной и квалифицированной оценке Конституции Российской Федерации 1993 года. Оценки подчас носят заангажированный, а иногда и непрофессиональный характер. Исследуя проблему демократизма Конституции, необходимо учитывать, что демократия в России находится на этапе своего становления, для которого характерна борьба между старым и новым. При этом не все старое реакционно, так же как и не все новое прогрессивно. На процессе становления демократии негативно сказывается глубокий общий кризис, переживаемый страной. Поэтому путь к демократии весьма противоречив. Кроме того в настоящее время Конституция Российской Федерации 1993 года не отражает те изменения, которые произошли в нашей стране за последние четыре с половиной года. Очевидно, что соотношение сил социально-политических групп, участвующих в осуществлении государственной власти и претендующих на власть, стало иным.

Несмотря на влияние существенных негативных факторов, демократия сделала громадный скачок в своем развитии, и это нашло отражение в Конституции Российской Федерации. Объем работы не позволяет рассмотреть все демократические и юридические достоинства Основного закона, но важнейшие необходимо обозначить.

Прежде всего это основные права и свободы человека и гражданина (статья 2, глава 2). Не будет преувеличением сказать, что ни одна из конституций стран мира не закрепляет так широко и полно свободы человека и гражданина, как наша Конституция. “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”. Причем права и свободы являются непосредственно действующими (статья 18). В Конституции Российской Федерации в полном объеме зафиксированы права человека из Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года ООН, из последующих пактов и хартий. В этом проявляется не только уважение нашего государства к общепризнанным нормам международного права, но и повышенная ответственность за их неукоснительное соблюдение.

Впервые в нашей конституционной практике в сжатой форме раскрывается полновластие народа, который “осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления” (статья 3).

Архиважные положения закреплены в статье 4 Основного закона: “1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. 2. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. 3. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории”. Совершенно очевидно, что статья призвана предупредить, предотвратить распад Российской Федерации.

В Конституции 1993 года впервые говорится о том, что Российская Федерация является социальным государством. Статья 7 гласит: “Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека...”, то есть государство берет на себя обязательство создать необходимые условия для всестороннего удовлетворения потребностей личности во всех социально значимых сферах. В то же время данная статья нуждается в следующем дополнении: “Основу социального государства составляет социальная справедливость — это эталон нравственности государства и общества”.

Нет необходимости доказывать, что уровень правовой культуры и прочность правового государства во многом зависят от совершенства Основного закона. Наши политики и юристы по существу разделились на две группы. Одни настаивают на необходимости внесения в Конституцию поправок, другие утверждают, что действующая Конституция еще не исчерпала свои возможности, успешно осуществляет свои функции, особенно стабилизирующую. Аргументы в пользу сохранения Конституции в неприкосновенности лишены оснований не только потому, что совершенству нет предела. Утверждать, что Конституция Российской Федерации не нуждается в совершенствовании — открыто проявлять политическую заинтересованность, так как слишком велика вероятность, что в нее могут быть внесены поправки, противоречащие правам и интересам определенных социально-политических групп, не желающих расставаться с преимуществами своего положения. Вместе с тем Конституция России далека от идеала. Многие ее положения носят декларативный характер (например, статьи 1, 2, 27, 37, 40, 42, касающиеся прав и свобод человека); ряд важных демократических устоев “выпали” из текста Конституции; явно не выдерживается принцип разделения властей, велика вероятность их противостояния; не свободна она и от редакционных погрешностей.

Наличие отдельных пробелов в конституционном законодательстве негативно отражается на развитии правовой культуры, является преградой на пути создания правового государства.

Из текста Конституции “выпала” глава об избирательной системе, что породило множество проблем, конфликтов и нарушений важнейших принципов избирательной системы.

Отсутствует глава о статусе депутата, что отрицательно сказалось на качестве федеральных и региональных законов о народных избранниках.

С целью устранения очевидных пробелов в конституционном законодательстве Государственной Думе надлежит внести в Конституцию два дополнения в виде глав “Избирательная система” и “Статус депутата”.

Особого внимания заслуживает проблема неспособности Президента по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия. Конституционная неурегулированность породила множество слухов и инсинуаций, которые не способствуют укреплению стабильности в обществе. Следует разработать и принять федеральный конституционный закон, который бы расставил все точки над “i”.

Закон должен установить, кто будет определять стойкую и временную неспособность Президента по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия. Целесообразно на этот случай создавать медицинскую экспертную комиссию из шести соответствующих крупнейших специалистов: по два эксперта назначают палаты Федерального Собрания и два — правительство.

В случае очевидной стойкой или длительной временной неспособности Президента осуществлять свои полномочия достаточно заключения консилиума лечащих врачей, подтвержденного заключением Конституционного суда Российской Федерации, которое данному факту придает

конституционное оформление, порождающее правовые последствия — признание вакансии и обязанность Совета Федерации назначить выборы нового Президента.

В законе следует особо оговорить, что временная неспособность Президента осуществлять свои полномочия не должна превышать четырех месяцев подряд, а в одном году — не более шести. В период общего глубокого кризиса, переживаемого страной, это предельные сроки.

Необходимо предоставить право инициировать вопрос о стойкой или временной длительной неспособности Президента осуществлять свои полномочия 1/5 членов Совета Федерации и 1/5 депутатов Государственной Думы, а также Правительству Российской Федерации.

Созданная медицинская экспертная комиссия тайным голосованием из своего состава избирает председателя. Решения комиссии принимаются абсолютным большинством голосов путем поименного опроса ее членов. Председатель комиссии голосует последним. В случае, если их голоса разделились поровну, то голос председателя является решающим. Члены комиссии не вправе уклониться от голосования или воздержаться при голосовании. Каждому члену комиссии должно быть предоставлено право в письменной форме изложить особое мнение по вопросу заболевания Президента.

Президент признается не способным осуществлять свои полномочия с момента провозглашения заключения Конституционного суда. С этого момента его полномочия возлагаются на Председателя Правительства. Совет Федерации Федерального Собрания не позднее шестидесяти и не ранее сорока пяти дней назначает выборы нового Президента. В статье 92 Конституции России этот срок установлен “не позднее трех месяцев”. Редакцию данной статьи нельзя признать удачной: ей не будут противоречить выборы и через неделю, а максимальный срок слишком велик.

Действия, направленные против соблюдения данного закона, считать тяжким государственным преступлением, предусмотрев его состав в УК РФ.

Необходимо отметить несовершенство конституционного законодательства в сфере отношений Президента и Федерального Собрания. Президенту предоставлено право в трех случаях распускать Государственную Думу (статьи 111, 117), которыми он может воспользоваться по своему усмотрению. Отношения Президента с Государственной Думой должны быть гибкими и сбалансированными, исключая отступления от принципа разделения властей.

Нельзя не обратить внимание еще на одно несовершенство Конституции Российской Федерации, в одной главе которой прописан Конституционный суд и суды общей юрисдикции, что едва ли правомерно. Конституционный суд занимает особое место в системе органов государства и в системе разделения властей, он независим от других органов государственной власти при осуществлении своих полномочий.

Конституция обошла молчанием вопрос о том, является ли Конституционный суд органом надзора или контроля. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года называет его “судебным органом конституционного контроля”. Думается, правы те авторы, которые относят Конституционный суд к органам надзора. Для того чтобы в этом убедиться, следует уточнить, чем отличается надзорная деятельность от контрольной. Между надзорным органом и поднадзорным нет отношений подчиненности или подведомственности. Надзорный орган не имеет права вмешиваться в оперативную административно-хозяйственную и иную деятельность, давать указания по устранению обнаруженных нарушений. Орган надзора не имеет права отменять незаконный акт, наказывать нарушителей. Объектом надзора является только законность, но ни в коей мере целесообразность. Если контроль отличается плановостью и системностью, то конституционный надзор осуществляется в случаях появления актов, соответствие которых Конституции надлежит проверить.

Закон исходит из того, что Конституционный суд не может допускать ошибок. Необходимо предусмотреть возможность устранения подобного рода недостатка в законе. С этой целью Прези-

денту, председателям палат Федерального Собрания, премьер-министру, Верховному суду, Высшему арбитражному суду, Генеральному прокурору, законодательным и исполнительным органам государственной власти субъектов федерации следует предоставить право обращаться с запросом в Конституционный суд о пересмотре ошибочного решения. Это право может быть предоставлено также самому Конституционному суду, для чего в федеральный конституционный закон о Конституционном суде необходимо внести соответствующую поправку.

Важнейшим показателем уровня правовой культуры, стабильности правового государства является конституционность в деятельности государственных органов и должностных лиц. Они должны быть эталоном неукоснительного соблюдения закона, воспитывать у россиян уважение, доверие к Основному закону страны. Конституционность должна соблюдаться не только в процессе деятельности органов государства и их должностных лиц, но и в процессе их формирования. Вместе с тем политические цели руководителей всех уровней и рангов иногда вступают в противоречие с Конституцией, нарушение которой не способствует становлению правового государства. Например, в 1991 году Б. Н. Ельцин подписал минские и алмаатинские соглашения с СНГ от имени Российской Федерации, тогда как наше государство официально именовалось РСФСР. Эту позицию Президента 25 декабря 1991 года поддержал Верховный Совет РСФСР, приняв блицзакон об изменении наименования Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика в Российскую Федерацию, на что Президент и Верховный Совет не имели право. Таким образом была нарушена не только статья 104 действующей тогда Конституции, изменялось и само название Конституции, а также названия всех высших органов государства.

Не может не вызвать удивления опубликование в 1993 году текста новой Конституции Российской Федерации, именуемого официальным, с приложением Федеративного договора, который не выносился на референдум и по этой причине не мог являться составной частью Конституции.

Иногда конституции республик и договоры России о разграничении предметов ведения и полномочий федерации вступают в противоречие с Конституцией Российской Федерации.

Приведенные факты с достаточной убедительностью свидетельствуют о невысоком уровне конституционности и правовой культуры, а также о серьезных препятствиях на пути становления правового государства. Естественно, возникают вопросы: что и как делать? Вопросы архитрудные: с учетом ограниченного объема статьи, высказанных ранее рекомендаций и готовый ответ будет сформулирован в тезисном варианте.

1. Необходимо обеспечить верховенство права, без которого невозможны конституционность, правовое государство, высокий уровень правовой культуры.

2. Следует привести Конституцию в соответствие с правом. Она должна отличаться совершенством, исключать пробелы и редакционные погрешности.

3. Полнота прав и свобод человека и гражданина, провозглашаемая Конституцией, должна быть наполнена адекватным содержанием.

4. Действия, направленные против единства и целостности Российской Федерации, считать тяжким государственным преступлением, предусмотрев его состав в УК РФ.

5. Принцип разделения властей должен трансформироваться из лозунга в неукоснительно соблюдаемый закон.

6. Каждому факту нарушения Конституции — неотвратимая правовая оценка. В обязанности Конституционного суда должно входить принятие решений по поводу действий и актов, противоречащих Конституции.

7. Необходимо установить конкретные виды ответственности за нарушения Конституции.

П. П. ГЛУЩЕНКО,

Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Международной славянской академии, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН КАК ИНСТИТУТ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Социально-правовая защита как самостоятельное направление в юридической науке своими корнями глубоко уходит в прошлое. До наших дней институт правозащитной деятельности дошел с существенными изменениями, так как его предназначение и социальная направленность во многом определяются сущностью государства, его внешней и внутренней политикой, тем, как оно намерено защищать своих граждан и как оно фактически их защищает. Недавняя наша история свидетельствует о существовании стройной системы социально-правовой защиты в советское время. И несмотря на то, что пенсии и пособия были невелики, этот институт в основном обеспечивал потребности граждан. Наши достижения в социальной сфере: обеспечение в старости, забота о детях (в детских учреждениях), системы образования, медицинского обслуживания, занятости населения — всегда являлись объектом пристального внимания представителей многочисленных комиссий из США, Великобритании, Канады, Японии, стран “третьего мира”. Многие социальные системы СССР и РСФСР сейчас с успехом внедрены за рубежом. Они заставляют работодателя идти на затраты ради главного — выстоять в конкурентной борьбе и приумножить свои доходы в будущем.

К сожалению, в то время как на Западе достигнутое нами совершенствовалось, обновлялось, реально работало на ту часть населения, от которой зависело будущее государства, у нас вследствие непродуманных реформ указанные системы деформировались, деградировали, вызвали законное недовольство масс, социальное напряжение в обществе.

Развал некогда мощной экономики, всей социальной структуры, разрыв традиционных связей между народами, населяющими территорию как Российской Федерации, так и бывшего СССР, значительный подрыв правоохранительной, финансовой, таможенной, фискальной деятельности (касающейся интересов государственной казны) с каждым днем усугубляют обстановку, ведут к большим экономическим и социально-правовым потрясениям.

Безусловно, требуется осмысление причин происходящего, поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Именно это и предопределяет актуальность становления института социально-правовой защиты. Важность становления данного института, переосмысления его назначения обоснована следующим:

1. В условиях кардинального изменения сущности и назначения различных отраслей права, перехода от коллективных форм взаимоотношений в сфере собственности к индивидуальным, частным неизмеримо возрастает роль правозащитной деятельности (оказание социально-правовой помощи различным категориям граждан, защита их прав, свобод и интересов).

2. Значительные изменения, происходящие в предназначении и содержании различных отраслей права и их институтов, сложности получения современной и полной правовой информации настоятельно требуют выработки эффективного, доступного для большинства населения механизма получения юридической помощи и социально-правовой защиты.

3. Распад СССР, появление новых государств, принявших нормативные акты, значительно отличающиеся по сути и направленности от российского законодательства, регламентирующего реализацию прав и свобод граждан, интересов юридических лиц, отсутствие у многих граждан, чьи родственники проживают в пределах государств СНГ, возможности ознакомления с данными нормативными актами предопределили крайнюю необходимость создания совместных правозащитных органов, организаций, общественных объединений в целях оказания юридическим и физическим лицам своевременной и качественной социально-правовой помощи и защиты.

4. Отсутствие многоуровневой, эффективной и доступной большинству населения системы социально-правовой помощи и защиты и необходимость предупреждения использования незнания населением законодательства для нанесения ему морального и материального вреда настоятельно требуют обоснования механизма социально-правовой помощи и введения его в действие.

5. Актуальность теоретико-методологического обоснования содержания, особенностей механизма социально-правовой помощи и защиты юридических и физических лиц предопределена еще и тем, что он является составной частью государственного управления, государственного воздействия на управляемость обществом, общественными отношениями, без которых крайне сложно вести разговор о наличии государственности, уважении к государственным и муниципальным институтам со стороны незащищенных юридических и физических лиц.

6. Отсутствие методически обоснованной, продуманно сконструированной системы социально-правовой помощи и защиты, экономически и социально обеспеченных условий для ее создания, совершенствования и функционирования может быть определено одним из доказательств актуальности, жизненности исследования сущности и предназначения системы социально-правовой защиты и помощи, а также механизма ее применения.

7. Разработка и принятие системы социально-правовой защиты физических и юридических лиц и помощи им, механизма ее бесперебойного и эффективного действия на всей территории не только России, но и государств, с которыми у нее имеются договоренности о правовой помощи, позволяют избежать разобщенности и волюнтаризма в деятельности органов, организаций, общественных объединений и граждан, занимающихся правозащитной деятельностью.

8. Дальнейшее снижение уровня жизни граждан, развал экономики, увеличение числа безработных, преступных посягательств на имущественные и личные неимущественные права, свободы и интересы граждан и юридических лиц, появление значительного числа беженцев и переселенцев требуют качественных изменений в деятельности государственных и муниципальных органов и организаций, общественных объединений, занимающихся социально-правовой защитой.

9. Актуальность исследования сущности и особенностей действия механизма социально-правовой защиты юридических и физических лиц, с нашей точки зрения, состоит еще и в том, что его предназначением должны стать повышение уровня правовой культуры и правосознания должностных лиц учреждений и органов любой формы собственности, приобретение гражданами навыков правомерной самозащиты и самопомощи, активное участие в формировании, становлении государства во главе с законом, поддержка усилий государственных и негосударственных объединений в борьбе за законность и правопорядок, демократизацию общественных отношений.

Только этот перечень предпосылок, обоснований необходимости, актуальности и своевременности исследования сути, содержания и эффективности социально-правовой защиты (СПЗ) показывает, насколько важно сегодня использовать все положительное из нашей и зарубежной правозащитной практики.

История становления института социально-правовой защиты граждан за рубежом гораздо богаче, разнообразнее нашей отечественной. Тому имеется множество причин: условия и особенности социально-экономических и политических систем, значительная правовая подготовленность граждан и так далее. Зарубежный опыт деятельности правозащитных органов и организаций также показывает, что там она чаще всего направлена не на последствия, а на вскрытие причин того или иного негативного явления и поиск кардинальных путей их ликвидации.

К сожалению, в сегодняшней России подобная практика отсутствует, проводится политика, направленная на противопоставление одной части населения другой: пенсионеры и работающие, здоровые люди и инвалиды, жители севера и юга, горожане и сельские жители. Уравнивать в правах всех граждан обязано законодательство. У нас же законы, подзаконные акты принимаются подчас в угоду тем или иным правозащитным организациям, об эффективности которых ошибочно судят именно по количеству законов, которые удалось "пробить".

Позиция автора сводится к тому, что закон должен быть един для всех, одинаково защищать любого гражданина, к какой бы категории он ни относился. Различные организации могут представлять интересы отдельных групп населения, используя при этом общие для всех уголовный,

гражданский, административный, жилищный, пенсионный законы. И тогда не придется больше говорить о том, что даже один слой населения страны — пенсионеры — люди разных профессий (сельский труженик, шахтер, летчик, моряк) защищены законом по-разному, но совсем не потому, что сфера труда этих людей была различна, а лишь потому, что соответствующие пенсионные фонды и государственные организации работают не одинаково, наиболее “пробивные” получают дотации за счет менее расторопных. Кто виновен в таком положении? Думается, ответ однозначен: чиновники, представляющие соответствующие инстанции.

История становления правозащитной деятельности в России и за рубежом во многом предопределена сложившимися на протяжении веков традициями, обычаями, особенностями взаимоотношений народов, наций, населявших то или иное государство, тот или иной континент. Современная Россия имеет в этой области значительные отличия, традиции, учет которых крайне необходим. Безусловно, отдельные элементы зарубежного опыта нужно и должно брать на вооружение, но не бездумно насаждать, как это делается у нас в настоящее время.

История становления института социально-правовой защиты со всей очевидностью показывает, что наряду с глобальными международными либо региональными программами нужны законы и акты, защищающие каждого человека.

В связи с этим с чрезвычайно важным становится умелое направление деятельности законодательных органов в целом, государственных организаций, общественных объединений на выработку широкомасштабных мер оказания социально-правовой помощи каждому гражданину России.

Отношение к истории становления института социально-правовой помощи как в России, так и за рубежом неоднозначно. Так, доктор юридических наук А. В. Стремоухов, занимающийся проблемой правовой защиты человека, утверждает, что, по сути дела, к содержанию, предназначению правовой защиты законодательство, юридическая наука и ученые стали обращаться только в 1960—1980 годы. Отдельные отечественные авторы считают, что проблемы социально-правовой защиты в России начали исследоваться с 1991 года с принятием первых законов и упоминанием понятий социальная и правовая защита. Почти аналогичное мнение высказывается в работах И. А. Зинченко, А. В. Коровникова, А. А. Магомедова, Г. Штайнбергера, А. В. Кальченко, А. А. Вихрова и других.

Иной позиции в данном вопросе придерживаются зарубежные юристы и историки. Так, французский юрист Марк Ансель еще в 1960-е годы утверждал, что институт социальной защиты имеет многовековую историю. Примерно так же относятся к истории возникновения института социальной защиты Жак Беллон, Анри Жоли, Фоктан Балестра, Джером Холл, Роже Мерль и многие другие.

С нашей точки зрения, позиция относительно истории возникновения института социально-правовой защиты, которой придерживаются зарубежные ученые-исследователи, верна еще и потому, что теория и история становления государства и права, политико-правовые учения, сохранившиеся и дошедшие до наших дней, свидетельствуют об одновременном развитии государства и права, об их неразрывной связи, а значит, возникновение и становление рассматриваемого нами института шло параллельно со становлением общественных отношений, при опережающих темпах развития государства.

Таким образом, вряд ли имеются основания для утверждения о том, что идеи социальной, а затем социально-правовой защиты являются искусственным (на злобу дня) возникновением научной мысли в период демократических преобразований. Сколько существует человечество, столько оно и занимается демократическими преобразованиями. Весь вопрос в том, кому достаются их результаты: народам или только представителям народа.

Возникновение и становление института социально-правовой защиты в историческом плане базировалось на таких идеях, как: а) обеспечить эффективную защиту интересов общества; б) создать условия для предотвращения нарушений прав, свобод и интересов граждан; в) воздать гражданам должное за их труд, отношение к соблюдению государственных интересов; г) создать механизм перевоспитания и исправления тех членов общества, которые допускают посягательство на права, свободы и интересы других граждан; д) способствовать воспитанию у граждан

нетерпимости к посягательству на их законные интересы. Вышеназванные идеи рождения института социально-правовой защиты и помощи актуальны и по сей день.

На каждом этапе развития общественных отношений, смены формаций менялись лишь формы, виды, менялось содержание социально-правовой защиты, она же как обязательное условие становления государственности, стабилизации отношений между государством и личностью совершенствовалась, становилась многогранней и весомей.

Ретроспективный анализ содержания, предназначения социально-правовой защиты и помощи, идей, на которых базировалось рождение, становление нового правового института, исследование современных начал правозащитной деятельности в России и за рубежом дают возможность сделать следующие выводы:

1. Зарождение, становление правозащитной деятельности диктовалось необходимостью сохранения человеческой популяции, предотвращения самосудов, самозащиты от анархии и вакханалии. Это относится как к глобальным, так и к местным проблемам. Первая и Вторая мировые войны, более 800 вооруженных конфликтов после Второй мировой войны — это отсутствие согласованности в работе Лиги Наций, а затем и ООН, которая после распада СССР стала открыто проамериканской организацией.

2. Правозащитная деятельность складывалась из отдельно взятых элементов, способов, традиций и обычаев, практики жизнедеятельности отдельных наций, народностей.

3. Институт социально-правовой защиты тем действеннее, эффективнее, чем выше уровень экономики, социально-культурной деятельности, образования в стране, отдельно взятом регионе (крае, области, субъекте федерации).

4. Создание института социально-правовой защиты — это процесс кодификации норм международного и национального права, это постоянная замена нецелесообразных, отживших норм, законов, подзаконных актов новыми, соответствующими уровню экономического, социального и идеологического развития в обществе.

5. Эффективность института социально-правовой защиты определяется уровнем уважения гражданина к государству и государства — к каждому гражданину.

6. Социально-правовая защита граждан, ее уровень и эффективность есть показатели могущества, стабильности, социальной направленности внутренней и внешней политики и наоборот.

7. Становление, совершенствование института социально-правовой защиты и помощи всегда предопределялось такими идеями, как создание условий для эффективной защиты прав, свобод и интересов граждан, предотвращение посягательств на законные права, свободы и интересы, вознаграждение граждан адекватно их вкладу в общие дела государства и общества.

Исследование понятия, сущности, социального предназначения института социально-правовой защиты и помощи невозможно без показа содержания и функций механизма социально-правовой помощи и защиты и выработки основных направлений его дальнейшего совершенствования, методики овладения им государственными и негосударственными структурами, должностными лицами и отдельными гражданами, занимающимися правозащитной деятельностью по должности либо по призванию.

Экскурс в данном направлении необходим еще и потому, что его результаты могут быть активно использованы в целях коренного изменения взглядов на его предназначение и, главное, применения в повседневной жизнедеятельности, значительного повышения эффективности социально-правовой защиты и помощи даже при наличии имеющихся для этого ресурсов: экономических, социальных, административно-правовых и человеческих (имеется в виду подготовленность специалистов в данной сфере правоотношения).

Исследование механизма организации и осуществления социально-правовой защиты и помощи обяжет в ретроспективном и современном плане уяснить международно-правовые элементы, особенности действия данного института, ибо международные обязательства России, сама Конституция Российской Федерации требуют выполнения международно-правовых предписаний, определяющих международные стандарты по правам и свободам человека. Подтверждением тому является реакция Запада, США и Ватикана на Федеральный закон России о свободе совести.

В. А. САПУН,

профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Правовая активность является специфическим видом деятельности субъектов в сфере правового регулирования. В общесоциальном аспекте деятельность представляет собой форму активного отношения человека к окружающему миру, ее содержание составляет целесообразное изменение и преобразование окружающего мира в интересах людей. Всякая деятельность включает в свой состав цель, средство, результат и сам процесс деятельности, что и составляет ее структуру. При этом неотъемлемой характеристикой содержания деятельности является ее осознанность. Деятельность как явление социальной действительности исследуется психологической, философской, социологической и иными гуманитарными науками.

Юридическая наука, воспринимая основные положения о человеческой деятельности общегуманитарных областей знаний, рассматривает эту проблему прежде всего в нормативно-институциональном аспекте, под углом зрения воздействия права на деятельность субъектов, а также использования правовых средств в процессе активной деятельности личности в сфере правового регулирования. При этом в юридической науке, прежде всего в общей теории права, формируются специальные области правовых исследований деятельности субъектов: поведенческая теория права, психология права, инструментальная теория права. Инструментальная теория исследует деятельность субъектов в сфере правового регулирования под углом зрения правовых средств, использование которых в процессе практической деятельности с юридической стороны характеризует виды, содержание и уровень активности такой деятельности при решении разнообразных социальных задач.

Правовая активность как специфическая деятельность субъектов в сфере правового регулирования рассматривается юридической наукой в различных аспектах.

В широком, общесоциальном смысле к правовой активности причисляется любая инициативная деятельность граждан, должностных лиц, организаций, связанная с правовым регулированием. В основу такого подхода положен общесоциологический анализ социальной активности личности, например, трудовая активность рассматривается как одна из форм (видов) ее проявления в правовой сфере.

Другой аспект исследования правовой активности определяется в правоведении как специально-юридический. Под этим углом зрения прослеживается взаимосвязь правовой активности с общеправовыми понятиями и явлениями, ей придается при этом характер самостоятельной юридической категории. Правовая активность в данном случае выражает степень участия субъектов, не обладающих государственно-властными полномочиями, в работе механизма правового регулирования на стадии реализации права.

Инструментальная теория права рассматривает правовую активность как самостоятельную деятельность субъектов по инициативному использованию правовых средств. В таком аспекте правовая активность предстает как инициативная деятельность субъектов по самостоятельному выбору и использованию правовых средств автономного характера в сфере общедозволительного регулирования в целях оптимального решения разнообразных социальных задач.

Правовая активность как вид юридической деятельности имеет сложное строение, состоит из различных объективных и субъективных элементов, образующих ее структуру.

Первичным объективным элементом правовой активности являются правовые средства, то есть институциональные правовые установления и формы, использование которых в процессе деятельности приводит к достижению определенных результатов. Правовые средства в структуре правовой активности придают этому виду деятельности нормативно-организующий характер. Она формируется в

рамках определенных правоотношений, проявляется и функционирует в специфических правовых режимах, прежде всего договорного регулирования, в сфере частного права.

Правовая активность предполагает свободу выбора правовых средств для достижения практических результатов в процессе деятельности, что с точки зрения инструментальной теории права означает самостоятельное, свободное включение в структуру действий и поступков личности. В процессе правовой активности субъекты не только используют в договорных отношениях частнопровового профиля правовые средства, закрепленные в законодательстве, но и определяют самостоятельно права и обязанности, санкции, иные автономные средства, обеспечивающие исполнение договорных обязательств, исходя из собственных интересов и специфики частнопрововых отношений.

Субъективные элементы правовой активности непосредственно связаны с уровнем правосознания и правовой культуры личности и включают следующие структурные компоненты: осознание необходимости выбора и использования правовых средств в практической деятельности; социально-психологическая готовность к использованию юридических механизмов; правовые способности: умения и навыки оптимального использования правовых средств.

Правовая активность всегда выступает как внутренне осознанная, основанная на свободном волеизъявлении, инициативе, самостоятельном усмотрении деятельности субъектов по использованию правовых средств. В основе правовой активности лежит субъективное отношение лиц к правовым средствам как лично-значимых, оно складывается путем интериоризации правовых форм и установлений в структуру деятельности и формирует социально-психологическую готовность субъектов к совершению правовых действий, направленных на оптимальное решение социальных задач. Такое осознание необходимо в тех случаях, когда субъект вынужден обратиться для установления средств удовлетворения своих потребностей к закону, отыскивая в нем нужные правовые средства, либо обосновать допустимость своих действий со ссылкой на закон как на их формальное основание, а также при необходимости оформить надлежащими процессуально-процедурными средствами свои фактические действия.

Социально-психологическая готовность субъектов к правовой активности определяется с субъективной стороны личностными возможностями и правовыми способностями к такому виду деятельности. В общей и социальной психологии под способностями понимаются свойства субъектов, от которых зависит степень приобретения и усвоения определенных знаний и умений, психологическое отношение к ним, возможность осуществления и степень успешности деятельности.

Способности всегда связаны с осознанием и свойствами субъектов, проявляются в творческой, активной деятельности, включаются в ее структуру и направлены на успешное достижение намеченных целей, определенных результатов. Свойства личности, определяющие возможность и степень активности в выборе и использовании средств, можно обозначить как правовые способности, в которых проявляются уровень развития основных компонентов правосознания и правовой культуры, степень готовности к правовой активности, интенсивность последней. Таким образом, правовые способности в структуре юридической деятельности — это обусловленные состоянием основных компонентов правосознания свойства субъекта, которые определяют успешный выбор и использование правовых средств в процессе намеченных целей.

Структура правовых способностей включает следующие компоненты, с субъективной стороны предопределяющие правовую активность личности: знание и усвоение содержания используемых правовых явлений; осознанное отношение к правовым средствам как лично значимым; умения и навыки практического и оптимального использования правовых средств в соответствии с их целевым назначением; наличие у субъекта правовых установок, фиксирующих готовность действовать определенным образом в юридически значимых ситуациях в соответствии с правовыми возможностями и требованиями.

Анализ субъективной стороны правовой активности, включающий правовые способности, не только выявляет особенности этого вида юридической деятельности, но и позволяет определить возможности субъектов общедозволительного регулирования в выборе и оптимальном использовании правовых средств при достижении с их помощью практических социально значимых результатов.

Б. П. БЕЛОЗЕРОВ,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА

Конституция Российской Федерации закрепила положение о том, что “Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления”. Впервые в российской Конституции записано положение — “правовое”. К этому своему шагу Россия идет долгим и сложным путем, как бы освобождаясь от единовластия и в то же время возвращаясь к нему, получая демократические свободы и ограничивая их.

Провозглашение ныне правового государства немыслимо без правовой культуры всех граждан общества и прежде всего тех, кто призван осуществлять исполнение законов. Составной частью правовой культуры является нравственность, одна из непреложных констант облика юриста. К сожалению, в современных условиях, когда размыты понятия ответственности, нравственности и другие, когда практически исчезли сдерживающие рычаги контроля и самоконтроля, на первый план в общественной жизни стали выступать пренебрежение к закону, невежество, нечестность, непорядочность и многие другие черты, позорящие честь государственного служащего. Они стали массовыми, пронизали общество сверху донизу, затронули все эшелоны власти. Для некоторых право стало карманным — как хочу, так и поступаю. Закону стали неподвластны высшие должностные лица, призванные стоять на страже закона. К нашему общероссийскому стыду, первый законник — и.о. Генерального прокурора Российской Федерации Ильюшенко за пренебрежение к закону оказался на скамье подсудимых.

В связи с тем, что нарушение законов в правоохранительных органах стало массовым, и проводятся такие операции, как “чистые руки” и другие, с целью выявления нечестных служащих Фемиды.

Обращение к нравственной чистоте, профессиональной этике работников права, их культуре ранее всегда находилось в центре внимания государственного и политического руководства России, видных юристов. Такие ученые в области права, как Л. И. Петражицкий, Б. Н. Чичерин, И. В. Михайловский, Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич и другие, связывали воедино нравственность и государственность. Б. Н. Чичерин писал о том, что “Человеческая личность с ее духовной природой и вытекающими из нее требованиями — составляет источник и основание всякого права...”. С этим нельзя не согласиться. Но как формируется личность юриста, его правовая нравственность? Вопрос сложный, философско-правовой. Безусловно, нравственное формирование работника юстиции происходит под влиянием общества, его культуры, в том числе и правовой. Для лиц, связанных с деятельностью в области права, это особенно важно. Поэтому всегда юридическая интеллигенция занимала в России высокое положение и этим очень дорожила. На высшие должностные посты подбирались лица не только преданные отечеству, но прежде всего честные и порядочные. Например, за период с 1722 до 1917 года, то есть почти за двести лет, должность генерал-прокурора занимали 33 человека. Хотя и редко, но были среди них случайные люди, корыстолюбцы и лихоимцы. Однако абсолютное большинство их оказались выдающимися государственными деятелями. Так, объясняя причины выбора А. А. Вяземского на пост генерал-прокурора, императрица Екатерина II подчеркнула, что его почитают за честного человека. И она в своем выборе не ошиблась. На этой высокой должности А. А. Вяземский служил около 30 лет, отличался верностью к престолу, правдивостью и чрезвычайным трудолюбием. И в советское время немало прокуроров пользовались большим авторитетом, в личном поведении были скромны. Известный советской юридической общественности, бывший министр юстиции РСФСР В. А. Аболенцев отмечал, что “прокуроры активно участвовали в общественной жизни, постоянно общались с населением,

выступали с лекциями, занимались правовой пропагандой и правовым воспитанием. В сознании людей утверждалось уважение к закону... Прокуроры всегда отличались скромностью, честностью, бескорыстием, остерегались любых нечистоплотных связей...”.

Таковыми качествами и обязан обладать защитник закона, прав и интересов граждан. Он должен быть бескомпромиссен по отношению к закону, нравственно чист перед человечеством и своей совестью. Приобретение этих качеств в первую очередь зависит от среды, окружения и особенно — семьи.

Не менее значимым институтом формирования высоких нравственных устоев остается юридический факультет, его кафедры. Именно здесь будущий юрист в рамках правовой культуры приобретает не только юридические знания, но прежде всего морально-этические, то есть нравственные нормы. Не рассматривая все формы такого воспитания, следует подчеркнуть, что в числе их эффективным будет являться систематическое включение в учебный материал фрагментов, связанных с показом деятельности работников правоохранительных органов с нравственной стороны. Далее, было бы целесообразно разработать спецкурс “Юристы России: традиции и преемственность”, который изучался бы на 3—4 курсах юридического факультета. Значительную роль в формировании профессиональных и нравственных качеств будущего юриста могут играть клубные формы работы, такие, например, как клубы молодого юриста “На страже закона”, “Юрист XXI века”. Проводимые в стенах Гуманитарного университета профсоюзов, они привлекают значительную часть студентов, стремящихся вобрать в себя лучшие черты выдающихся юристов страны. В этом плане сегодня возникла потребность в подготовке сборника очерков о видных юристах России, и, несомненно, для многих юношей и девушек будет поучительной жизнь известного юриста Анатолия Федоровича Кони, который писал: “Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть... Я любил свой народ, свою страну, служил им, как мог и умел... Я много боролся за свой народ, за то, во что верил...”. Именно на такой образ и должен равняться наш студент — юрист XXI века.

Ю. П. ИВАНОВ,

заместитель председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

РОЛЬ И МЕСТО “ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ” В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В судьбе любого государства важное место занимают прежде всего его граждане, доверяющие ему, уважающие его и заботящиеся о том, чтобы оно было суверенным, способным защитить их как в пределах своих государственных границ, так и за рубежом. Такое идиллическое состояние взаимоотношений возможно в том случае, когда законодательная и судебные власти располагают реальными возможностями обязать исполнительную власть обеспечить пунктуальное исполнение предписаний законов и подзаконных актов всеми, всюду и всегда.

Практика личной работы, законотворческой и адвокатской, подтверждает, что непременным условием благополучия общества, бесконфликтных общественных отношений является разумность учета интересов государства, личности и общества. Именно в этой триаде необходимо искать исходные данные как для обоснования успехов, так и для выявления просчетов в судьбе государства.

Для того чтобы указанные три ветви власти — законодательная, судебная и исполнительная — работали не покладая рук во имя государства, личности, общества, необходимо постоянное, добропорядочное, добросовестное освещение происходящих в государстве событий и отношения власти к ним.

Такая обязанность (и не только согласно закону) возлагается на средства массовой информации. От того, насколько они правдивы, объективны, во многом определяются спокойствие и благополучие в обществе, и наоборот — чем больше ажиотажа, “развесистой клюквы”, жажды во что бы то ни стало приукрасить либо очернить действительность, тем более взрывоопасной становится обстановка в государстве.

Нет нужды повторять, что, к сожалению, в советское время пресса, радио и телевидение дозировали истину, умалчивали о многом. Однако негативные сведения, появляющиеся в свет, требовали проверки и должной реакции, а поэтому в целом к так называемой “четвертой власти” отношение большинства граждан было относительно уважительным и доверительным. С началом демократических преобразований отношение к СМИ стало существенно меняться. Сначала стали верить абсолютно всему, а авторов боготворить, не задавая им вопросов о том, где же их смелость, героизм, непримиримость пребывали ранее, а затем все чаще о них стали говорить как о представителях древнейшей профессии, то есть кто содержит, тому и отдадут свои симпатии.

Указанная схожесть стала особенно явной с приватизацией государственных радио, телевидения, прессы. Их владельцы, будучи благодарными нынешнему режиму, делают все, чтобы опорочить прошлое, разрушить традиции, предать забвению обычаи народов, проживающих в пределах границ России, и всеми доступными и явно запрещенными средствами и методами протаскивать инородное, зарубежное, непристойное, унижающее достоинство человека.

Подтверждением тому являются разоблачения действительных способностей чубайсов, немцовых, бревновых, березовских, грачевых, дейнекиных и прочая и прочая. Уяснению истины о роли и месте СМИ служит и книга бывшего телохранителя президента Коржакова “Борис Ельцин: от рассвета до заката” (М., 1997). Читателю уже с первых страниц становится понятно, кто разрушил великую державу — Советский Союз — и что представляют собой главные действующие лица. Нынешняя растерзанная Россия отброшена на десятки лет назад в экономике, социальной сфере, образовании и воспитании.

Особую негативную роль который год играют СМИ в освещении деятельности Государственной Думы, депутатов, не входящих в такие объединения, как НДР, “Демократическая Россия” и прочие структуры, приближенные к Кремлю. Их роль принижается, искажается, изыскивается все негативное даже во внешнем облике, выступления на радио, телевидении им заказаны. На экране одни и те же лица: Чубайс, Бурбулис, Гайдар, Немцов, но ни в коем случае не представители оппозиции.

Целые батальоны устраивают СМИ, доказывая важность и успешность приватизации в промышленности, сельском хозяйстве, жилищной сфере, великих преобразований, достигнутых реформаторами в последние десять лет, доказывая необходимость начала продажи земли, дальнейшего дробления России на уезды, улусы. А какой шабаш был устроен 1 марта 1997 года на ОРТ в теленедельнике “Преступление без наказания”, в которой познеры, киселевы и сорокины воспитывали, отделявали и уничтожали прокуратуру, милицию и ФСБ.

Все чаще приходится читать заказные статьи, слушать заказные интервью, разоблачения, которые, как правило, либо предшествуют “новым шедеврам” типа обрезания бюджета, денонсации рубля, завершения жилищной реформы, принятия закона о люстрации, либо оправдывают очередные провалы, просчеты, издевательства над историей, прошлым, чувствами, святыми для подавляющего большинства граждан России. Деньги налогоплательщиков тратятся на такие передачи, как “Про это”, “Мы”, “Человек в маске”. Вдумайтесь только в информацию, прозвучавшую с экранов телевизоров, о том, что один из “лучших” молодых реформаторов Немцов уговаривает иностранных инвесторов не иметь дело с теми субъектами Российской Федерации, в которых первыми лицами избраны представители оппозиции. Официальное лицо, выступая против России, доставляет радость СМИ, ибо в их понимании Немцов фактически диктует нам: “Не выбирайте представителей оппозиции, и у вас все будет о’кей”.

Таким образом, “четвертая власть” вместо того, чтобы способствовать очищению общественных отношений от негатива, преступности, правдивому показу происходящего, а следовательно укреплению государственности, приближению нас всех к правовому государству, в подавляющем

большинстве случаев действует наоборот, что только усугубляет ситуацию и отодвигает Россию от выхода из тупика, в который она загнана реформаторами. Для того, чтобы СМИ выполняли свою функцию, необходимо всего лишь добиться от них честных действий в соответствии с существующим законодательством и эффективной, кропотливой работы во имя интересов государства и большинства населения.

В. Н. СМЕРНОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и профсоюзного права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

После принятия в декабре 1993 года Конституции Российской Федерации вряд ли у кого-либо из юристов-практиков и представителей науки трудового права существуют сомнения относительно того, что иной государственный строй и другая социально-экономическая формация нуждаются в том, чтобы привести правовое регулирование трудовых отношений в соответствие с этими другими социально-экономическими условиями и иным государственным устройством.

Следует особо подчеркнуть, что необходимость формирования нового трудового законодательства обусловлена именно вышеуказанными обстоятельствами (иные социально-экономические условия и государственное устройство), а вовсе не кризисом трудового законодательства, принятого в социалистическом обществе, как это утверждали некоторые авторы.

В науке трудового права не существует споров о необходимости нового трудового законодательства, которое соответствовало бы рыночным отношениям. Дискуссионным является вопрос, каким из двух возможных путей должно формироваться это законодательство:

- посредством издания крупных нормативных актов, регулирующих отдельные группы отношений, входящих в предмет трудового права с последующей кодификацией указанных актов;
- посредством разработки и принятия нового Кодекса труда переходного периода, приспособленного к правовому регулированию трудовых отношений и тесно связанных с ним отношений в условиях рынка, с учетом реального социально-экономического состояния общественного производства, наличия в обществе форм собственности и участия государства в управлении производством.

Из указанных двух позиций более предпочтительной представляется вторая: разработка и принятие нового Кодекса труда. Приведем ряд доводов в пользу данного решения.

Существует исторический опыт Советской России. При переходе к новой экономической политике был разработан и в 1922 году принят КЗоТ, который отражал реальные социально-экономические условия, в том числе и частную собственность на средства производства. КЗоТ 1922 года с различными дополнениями и изменениями действовал до принятия Основ трудового права Союза ССР и союзных республик (1970) и КЗоТа РСФСР (1971). Многие положения из КЗоТа 1922 года вошли в содержание ныне действующего КЗоТа РФ.

Разработка нового Кодекса, кодифицированного трудового законодательства, позволяет более глубоко и всестороннее урегулировать общественные отношения, составляющие предмет трудового права. С учетом их взаимосвязи и взаимозависимости следует учесть социальные потребности общества в сфере применения труда и реальные экономические возможности в установлении льгот и гарантий, необходимых ограничений в области охраны труда, средств надзора за соблюдением трудового законодательства и юридической ответственности за нарушение трудового законодательства.

В новом КЗоТе появляется возможность устранить “белые пятна”, то есть подробно и четко регламентировать отношения, отсутствовавшие в условиях социалистического общества, такие, как возмещение морального ущерба, нанесенного в сфере применения труда в связи с противоправными действиями субъектов трудового права, посягавшими на честь, достоинство, деловую репутацию работника, работодателя, а также конкретного предприятия или учреждения как субъекта трудового права; защита трудовыми средствами производственной и коммерческой тайны; регулирование трудовых отношений между частным предприятием и работающими собственниками.

Принятие нового КЗоТа позволяет координировать нормы трудового права с нормами других отраслей права, особенно тех, где в связи с принятием новых кодексов оказались “выпавшими” положения, связанные со сферой применения трудового законодательства. Так, например, в связи с принятием ГК РФ был отменен Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, вместе с ним оказался не урегулирован вопрос о трудовых отношениях внутри АО.

Принятие нового Кодекса труда потребует глубокой разработки целого ряда проблем, традиционно сложившихся в науке советского трудового права.

Рыночная социально-экономическая формация требует переосмысления понятийного аппарата в науке трудового права и соответственно в трудовом законодательстве, освобождения понятий от идеологической нагрузки, характерной для социалистического общества, и разработки в каждом институте трудового права более формализованных понятий, в большей степени со структурой правовой нормы, юридическим содержанием правоотношений и правовым статусом субъектов трудового права.

При этом необходимо избежать разрушения самого права как науки, так и законодательства, его основных понятий и систем.

Разработка нового Кодекса труда предполагает углубленную работу над проблемами предмета трудового права и разграничением с другими отраслями права, в частности, с гражданским и административным. Необходимость указанной работы подтверждается по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, во всех без исключения учебниках по трудовому праву, изданных в начале и середине 1990-х годов, вопросы предмета трудового права изложены не полностью, далеко не обстоятельно, а в ряде случаев просто небрежно. Во-вторых, появился ряд подзаконных актов в форме указов Президента. Например, “Положение о федеральной и государственной службе”, утвержденное Указом от 22 декабря 1993 года. Его содержание в значительной мере относится к трудовому законодательству, а обращение к законодателю о включении указанных норм в систему трудового законодательства отсутствует, что порождает совершенно неоправданную и бесплодную дискуссию между представителями науки трудового и административного отраслей права о том, к какой из указанных отраслей относится правовая регламентация труда государственных служащих.

Еще более разрушительным для системы российского права является указ Президента о правовом регулировании труда руководителя государственного предприятия, в котором вопреки элементарной логике и самой минимальной юридической грамотности предусматривается, что трудовые отношения с руководителем государственного предприятия регулируются нормами гражданского права.

Разработка нового Кодекса труда потребует углубленной работы над вопросами юридической техники. В общей теории особое внимание обращено на связь между отдельными нормами права (предписаниями). В нормативном акте должны быть исключены неоднозначность формулировки отдельных норм, нарушения логической связи между ними и связи данного нормативного акта со всей системой этой отрасли права. Необходимо использовать общеотраслевую терминологию, понятийный аппарат, соответствующий данному социально-экономическому устройству общества. Должна быть четко определена структурная организация текста, его реквизиты, расчлененность и согласованность, должно быть предусмотрено соблюдение процедуры оформления, подготовки (разработки) и принятия нормативных актов (Алексеев С. С. Проблемы теории права. М., 1972. С. 277).

Наконец, одна из сложнейших социально-отраслевых проблем в разработке и принятии нового Кодекса труда — это учет противоречивых интересов работодателя и работника в условиях рынка, сокращения многочисленных льгот и гарантий, предусмотренных действующим КЗоТом. Предоставление льгот и гарантий на государственных предприятиях и учреждениях должно быть связано с экономическим положением предприятия и возможностями государственного бюджета.

И. Е. ТАРХАНОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

За последние годы усиливается внимание к исследованию проблемы правовой защиты как предмета общей теории права. Однако ни в законодательстве, ни в науке права не раскрыто ее содержание, не изучены место и роль правовой защиты в системе российского права. Впервые термин “правовая защита” появился в Законе РСФСР “О милиции” от 18 апреля 1991 года. Теоретики права в понятии “правовая защита” видят двойной смысл: “охрана прав” и “защита прав”. Под “охраной” понимаются меры, осуществляемые органами государства и общественными организациями в целях предупреждения нарушений прав человека, а под “защитой” — меры, предпринимаемые в целях восстановления нарушенного права. Таким образом, охрана и защита прав человека — это только правоприменительная деятельность, а “правовая защита” — это еще и правотворческая деятельность, но это абстрактная, а не реальная правовая защита.

Целью правовой защиты является обеспечение правовой защищенности человека, а защита прав — ограждение от нарушения или восстановление нарушенного конкретного субъективного права. Под осуществлением прав человека понимается создание государством соответствующих политических, экономических, социальных и юридических условий для реальной правовой защиты, то есть правовая защита человека есть один из элементов осуществления прав человека. Производным от понятия “правовая защита” является понятие “правовая защищенность” — это состояние реализованных прав человека, это наличие у человека широких конституционных прав в совокупности с эффективным механизмом их правовой защиты. Наиболее убедительно и подробно эта проблема раскрыта в докторской диссертации А. В. Стремоухова “Правовая защита человека” (СПб., 1996) и его монографии “Человек и его правовая защита” (СПб., 1996).

Высшей правозащитной целью государства является уровень реализации прав и свобод человека. Эта цель достигается через реализацию конкретных и в том числе личных правовых норм. Цель защиты права — это восстановление нарушенного права средствами, предусмотренными законом.

Конкретный перечень прав и свобод человека закреплен во Всеобщей декларации, принятой в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года. Она и сегодня является одним из основных источников права, относящегося к правам человека.

Правовая система России закрепила практически все принципы и нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации. В ст. 2 Конституции Российской Федерации сказано: “Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”. Далее: “права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими... и обеспечиваются правосудием” (ст. 18).

Если сравнивать Всеобщую декларацию и Конституцию Российской Федерации, то вывод один: права человека и гражданина, закрепленные в Основном законе, сформулированы более

полно и конкретно. Однако их практическое воплощение в жизнь еще далеко от реальности. Причин для этого много. Одна из основных — отсутствие стройной системы процедур и механизмов защиты прав и свобод человека. Наша Конституция не содержит указаний, как, в каких формах должна осуществляться эта деятельность. В помощь Президенту, гаранту прав и свобод россиян, создана Комиссия по правам человека (Указ Президента от 20 мая 1996 года). В новом Положении о Комиссии записано, что она работает в тесном контакте с общественными комиссиями по правам человека, создаваемыми в субъектах Российской Федерации. Эти комиссии в большинстве субъектов созданы. Поэтому можно констатировать, что впервые за 50 лет создан новый механизм защиты прав и свобод россиян. Учреждение уполномоченного по правам человека в субъектах Федерации не исключает создания комиссий, которые работают при администрациях. Исследование проблемы прав человека и реализация этих прав подтверждают, что комиссии по правам человека и выбираемые законодательными органами комиссии в полном объеме своих прав и обязанностей могут функционировать только в правовом государстве, которое одновременно должно быть и социальным (ст. 7 Конституции). Свергивание государством своих социальных программ является отказом от строительства демократического правового государства. Это главная забота Комиссии по правам человека.

В связи с празднованием в 1998 году 50-летия принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека Президент Российской Федерации объявил этот год Годом прав человека в Российской Федерации и образовал Национальный комитет по его проведению. Этот год должен быть знаменательным в соблюдении прав человека в России.

Проблема контроля за соблюдением прав человека и предупреждения их нарушений связана с проблемой правовой культуры. Правовая культура охраняет права человека не прямо, не непосредственно, а опосредованно через систему и совершенство правовой организации общества и правовоспитательной деятельности.

Как юридическое явление правовая культура стала исследоваться недавно. Рассматривая правовую культуру как систему позитивных компонентов правовой действительности, как разновидность общественной культуры, воплотившей достижения правовой мысли, юридической техники и правовой практики, В. П. Сальников справедливо утверждает, что правовая культура общества включает в себя право, правосознание, правоотношения, законность, правопорядок, правотворчество, правоприменительную, правоисполнительную деятельность и правовую защиту человека. Правовая культура человека — это степень и характер прогрессивно-правового развития личности, обеспечивающие ее правомерную деятельность.

Правовая культура человека — это совокупность определенных качеств: знание права, понимание его сущности и принципов, уважение закона, убежденность в справедливости национального права и гуманности правосудия, привычка соблюдения правовых предписаний, способность обеспечить реализацию права в соответствии с его целями.

Важнейшим свойством правовой культуры, как и любой культуры, является ее действенность в жизни государственных предприятий, общественных учреждений, объединений и деятельности самого человека.

Наиболее сложным теоретическим и практическим вопросом является уяснение того, каким образом правовая культура воздействует на охрану (защиту) прав человека. Исследование этой проблемы, проведенное А. В. Стремоуховым, показывает, что правовая культура оказывает свое воздействие “количеством (совершенством) тех правовых средств, которыми располагает в каждый данный момент субъект права”.

В связи с этим конкретное значение приобретает положение о “культуре охраны прав человека”, которое включает уровень совершенства правотворческой, правоприменительной и организационно-правовой деятельности по недопущению нарушения прав человека.

Охрана прав, свобод и обязанностей человека в значительной мере обеспечивается наличием у него правовой культуры, ее уровнем.

Проблема защиты прав человека является объективной необходимостью. Права, не обеспеченные средствами защиты, остаются декларативными. Проблема защиты прав является составной частью проблемы правовой защиты человека.

Защита права — это принудительная правовая деятельность органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, общественных объединений, должностных лиц и государственных служащих, а также граждан и лиц без гражданства, осуществляемая законными способами с целью восстановления права человека. Фактически вопрос сводится к праву на защиту права, которое регламентируется Конституцией: каждому человеку гарантировано право для защиты своего права вплоть до обращения в компетентные государственные или международные органы.

Однако право на защиту не есть еще сама защита. Защита права — это юрисдикционная, а также правоохранительная деятельность, она должна осуществляться в соответствии с законом и в определенной форме в виде юридической конструкции. Таким образом, форма защиты права — это регламентированный правовым актом комплекс особых процедур, осуществляемых правоприменительными органами и самим управомоченным лицом на восстановление нарушенного или оспариваемого права. Форма защиты определяется конкретными обстоятельствами: юрисдикционная — через органы власти, местное самоуправление или правоохранительные органы и неюрисдикционная — через действия самих управомоченных лиц.

Особая роль в защите конституционных прав и свобод граждан отводится Конституционному суду (Закон от 23 июля 1994 года), который самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Он непосредственно участвует в защите прав человека.

Активизируются и другие формы защиты прав человека: гражданско-правовая защита прав, административно-правовая, общественная защита через общественные объединения и трудовые коллективы, а также самозащита прав человека (необходимая оборона, крайняя необходимость и самозащита в гражданском процессе).

Новым видом правовой защиты человека становится международно-правовая защита, являющаяся результатом реализации одного из основных принципов современного международного права — принципа всеобщего уважения прав человека и основных свобод. Этот вид правовой защиты человека имеет большое международное и внутригосударственное значение. Поэтому данная проблема требует самостоятельного рассмотрения.

Выводы:

1. Проблема правовой защиты человека стала общепризнанной, получила закрепление в национальном законодательстве, в конституциях и других правовых актах, а также в международно-правовых актах (Устав ООН, основные принципы международного права, пакты о правах человека и так далее).

2. Возрастает роль правовой культуры в охране прав человека, особенно в недопущении их нарушения. Становится общепризнанным положение, что при высокой правовой культуре повышается эффективность нормативной (нормотворческой) и правоохранительной деятельности. Правовая культура постепенно включается в механизм правовой охраны человека.

3. Рассмотрение в международных органах нарушений прав человека стало важным средством воздействия на государства, нарушающие права человека. Активизировалось региональное сотрудничество государств в области прав человека: в Европе действует Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, механизм так называемого человеческого измерения функционирует в рамках ОБСЕ.

4. Возрастает не только национальная, но и международная ответственность за нарушение прав человека. Некоторые виды нарушений рассматриваются как международные преступления.

При решающей роли ООН приняты Конвенции: “О предупреждении преступления геноцида и наказании за него” (1948), “О пресечении преступления апартеида и наказании за него” (1973).

5. В Конституции Российской Федерации провозглашено, что “человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”. Президент России провозглашен гарантом прав и свобод российских граждан. В новом составе учреждена Комиссия по правам человека при Президенте (20 мая 1996 года). 1998 год — год 50-летия принятия Всеобщей декларации прав человека — объявлен Годом прав человека в Российской Федерации, образован Национальный комитет по его проведению. Основной проблемой в области защиты человека и гарантии его прав является создание материальных, социальных и политических условий, реально обеспечивающих их соблюдение.

Н. А. ЧЕЧИНА,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Судебная власть — могучий рычаг в жизни общества. Осуществляемая по правилам гражданского судопроизводства (в процессуальной форме), она обеспечивает необходимое и угодное правовому государству поведение субъектов гражданско-правовых отношений.

Обеспечение предусмотренного законом поведения достигается принуждением и воспитанием граждан, которые обязаны соотносить свое поведение с правилами, установленными законом, то есть четко и строго соблюдать законность.

Судебное принуждение как таковое не исчерпывается применением установленных в законе санкций, оно осуществляется посредством воздействия на волю и сознание обязанных лиц, воспитания конкретных граждан в духе неукоснительного, обязательного исполнения правовых норм под страхом принуждения к исполнению.

Рассматривая и решая конкретные дела, суд своими действиями, содержанием постановлений, им выносимых, оказывает воспитательное воздействие как на граждан — участников процесса, так и на граждан, которые знакомятся с содержанием судебной деятельности в той или иной форме.

Новые экономические связи и отношения в обществе внесли существенные коррективы в привычные правовые понятия и представления. Степень изученности воспитательной функции судопроизводства, воздействия правосудия на поведение граждан — субъектов общественных отношений, отражает уровень и тенденции развития современной правовой науки в целом и науки гражданского процессуального права в частности.

В правовом государстве при осуществлении судебной власти особое значение приобретает задача обеспечения государством результативности (эффективности) защиты свобод, прав и законом охраняемых интересов граждан.

Практическая реализация этой задачи в нынешних условиях связана с глубокими переменами во внутренней экономической жизни нашего общества, а также существенным обновлением законодательства. Именно поэтому необходимо с позиций нового правового мышления, с учетом нового правосознания не только теоретически осмыслить проблему воспитательной функции, но и разработать механизм ее реализации, а также выявить способы и формы закрепления ее в гражданско-процессуальных нормативных актах, обеспечивающие выполнение этой функции.

Поскольку деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел — гражданское судопроизводство, осуществляется в процессуальной форме, то есть по правилам, выраженным системой норм гражданского процессуального законодательства, то естественно, что задачи и

способы осуществления воспитательной функции судопроизводства нашли непосредственное выражение в процессуальных нормативных актах. А именно, ГПК РСФСР 1964 года ст. 2 предусматривает: "Гражданское судопроизводство должно способствовать воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов и уважения правил общежития". Ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 3 ГПК РСФСР, закрепляя принцип гласности процесса, раскрывают один из механизмов осуществления воспитания судом. Ряд статей ГПК, непосредственно не упоминая о задаче суда по воспитанию граждан, опосредованно содержат правила, обеспечивающие эту функцию процессуального права. Так, статьи 132, 197, 306, предписывая суду обязательность вынесения обоснованных решений, предполагают необходимость убеждения граждан (что есть чистый элемент воспитания).

Помимо этого, ряд статей ГПК не смогут быть применимы судом без учета им правового сознания общества, его морали и обычаев. Так, без учета этих факторов невозможно применить статьи 91, 92, 93, которые обязывают суд действовать "в разумных пределах".

Однако перечисленными статьями не исчерпываются способы и средства воспитания граждан в процессе судопроизводства.

Деятельность суда осуществляется по правилам (нормам), составляющим систему гражданского процессуального права, а каждая из процессуальных норм, будучи общей к обязательным правилам поведения участника процесса, определяет не только объем прав и обязанностей его, но и способы и средства воздействия на его поведение (волю), то есть оказывает на него воспитательное воздействие. Реализация процессуальных правил (норм) обеспечивает установленное законами необходимое поведение субъектов процессуальных отношений и этим воспитывает граждан как субъектов общественных отношений.

В целях обеспечения выгодного и удобного обществу поведения, нормы, воздействуя на волю конкретных субъектов, подчиняют их поведение установленными правилами, воспитывают необходимость, неизбежность и предопределенность требуемого поведения.

Отличительной особенностью правового воспитания судом является то, что реализация его обеспечена возможностью государственного принуждения к определенному субъекту, подпадающему под действие конкретного правового правила.

Задача воспитания через принуждение заложена в каждой правовой норме, применяемой судом. Характер и суть воспитательного воздействия можно проследить при одновременном анализе содержания нормы как таковой и механизма применения ее судом.

Цель судебной деятельности — принуждение субъекта к выполнению правил, фиксированных нормой, к определенному ею поведению. Следовательно, механизм осуществления воспитательной функции гражданского судопроизводства можно свести к краткой формуле: воспитание через принуждение, обеспеченное возможностью применения гражданских процессуальных санкций как способа реализации процессуальной ответственности. Осуществление воспитательной функции, ее результативность зависят от нескольких факторов:

а) эффективность судебной деятельности, ее строгое соответствие принципу законности, что включает в себя быстрое, беспристрастное, объективное рассмотрение каждого дела, вынесение законных и обоснованных решений, а также обязательное и своевременное их исполнение;

б) разработка нового процессуального законодательства, которое должно включить в свой состав статьи, четко и достаточно полно формулирующие задачу воспитания граждан, а также правила, определяющие средства и способы воспитательного воздействия;

в) становление и развитие такого правосознания в обществе, в котором уважение к суду и закону станет приоритетной формой мышления и поведения. Проанализируем несколько подробнее третий фактор.

В переломный период развития нашего общества, при переходе от социализма к капитализму, в общественном правосознании произошли существенные изменения, которые явились источником формирования негативного отношения большей части общества к закону и суду. Становится почти

традицией подмечать лишь недостатки (как явные, так и мнимые) в содержании законов и в работе судов. Работа судов в этот период резко усложнилась: увеличилось количество дел в судах, которое постоянно растет (за 1997 год рассмотрено 3,5 миллиона гражданских дел), количество судей практически не изменилось, характер рассматриваемых дел усложнился в связи с новыми экономическими отношениями, новыми формами собственности, а также принятием новых законов (Гражданский кодекс РФ и другие). И, соответственно, работа судов стала менее эффективной: увеличились сроки судопроизводства, постановления суда не исполняются. Естественно, это вызывает у граждан отрицательное отношение к работе судов.

Чтобы обеспечить выполнение судами функции воспитания, необходимо преодолеть негативное отношение общества к суду.

Чтобы переломить негативное отношение, многое нужно сделать не только судам, но и другим организациям, действующим в обществе.

Возрождение уважения к суду — процесс сложный и длительный. Для этого недостаточно принять Закон “Об ответственности за неуважение к суду”, так как в декларативно-приказном порядке заставить уважать невозможно. Этот процесс должен стать фактом реальной действительности, при наличии которого правосознание, общественное сознание предполагало бы уважение со стороны подавляющего большинства граждан к судебной власти — разновидности государственной деятельности, и к судьям — лицам, уполномоченным осуществлять эту деятельность. Этот процесс невозможен без доброжелательного и делового контакта суда со средствами массовой информации.

Мы живем в эпоху средств массовой информации, они входят в каждый дом, с ними нужно считаться и принимать их как неизбежную реальность.

Осуществление правового воспитания возможно при нормальном, рабочем взаимодействии судов со средствами массовой информации. Как правило, в СМИ широко и настойчиво дается только отрицательная оценка работы судебных органов, зачастую неквалифицированно, но всегда недоброжелательно. При этом отдельные промахи и даже мелкие технические неточности преподносятся с радостью и ожесточением, как пороки, определяющие смысл всей судебной деятельности.

К сожалению, в наше нелегкое время СМИ не оказывают никакой поддержки судебным органам, не ставят перед собой задачу воспитания в гражданах уважения к закону: не пытаются выработать в обществе правосознание, которое необходимо гражданам правового государства.

Именно при помощи средств информации общество должно научиться понимать, что работа судей есть трудное служение обществу. Пока есть общество, которое нуждается в судах, труд судьи останется тяжелым, влекущим за собой колоссальные эмоциональные нагрузки, будучи членом общества и человеком, судья постоянно (ежедневно) связан с человеческой бедой, нечестностью, несправедливостью, а порой и глупостью. Даже оснащение судов техникой не поможет облегчить труд судьи — никакой компьютер не заменит грамотного, объективного, квалифицированного специалиста.

У этой проблемы есть и другая сторона. Суды не считаются с мнением средств массовой информации, воспринимают их как постоянных противников, не содействуют им в работе, порой не допуская на судебное заседание и запрещая ознакомление с материалами дела. Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время судьи и СМИ находятся в постоянной конфронтации. Судьи ко всем представителям СМИ относятся как к навязчивым “папарацци”, активно мешающим их трудной работе.

Попытки отгородиться от средств массовой информации ни к чему хорошему не приведут. Суд не может и не должен стать органом, деятельность которого нельзя освещать и подвергать критике. Необходимо стремиться к конструктивному диалогу со средствами массовой информации, взаимопониманию, добиваться того, чтобы СМИ помогали суду, поддерживали его авторитет в обществе.

В период проведения правовой реформы судам необходимо организовать и наладить постоянный рабочий контакт со средствами массовой информации. Средства массовой информации становятся властителями душ, активно влияют на граждан всех социальных слоев.

Действующее законодательство непосредственно не регламентирует отношения между судом и представителями СМИ.

Однако принцип гласности, закрепленный ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 9 ГПК РСФСР, устанавливает: разбирательство дел во всех судах открытое. Открытое судебное заседание предполагает возможность каждого гражданина, в том числе и представителя СМИ, присутствовать в судебном заседании при разбирательстве дела, если оно слушается не в закрытом судебном заседании. При этом для присутствия в зале закон не требует специального разрешения суда или судьи.

Способы осуществления (реализации) воспитательной функции гражданского судопроизводства, а также правила, которые регламентируют права и обязанности суда по отношению к средствам массовой информации, и, соответственно, права и обязанности представителей СМИ, включая ответственность за неисполнение обязанностей по отношению к суду, должны быть подробно описаны в новом ГПК РФ.

Проект ГПК РФ 1997 года в п. 4 ст. 147 следующим образом регламентирует эти отношения: "Кино- и фотосъемка, видеозапись, прямая радио- и телетрансляция допускаются с разрешения суда и с учетом мнения лиц, участвующих в деле. Эти действия не должны мешать нормальному ходу судебного разбирательства дела и могут быть ограничены во времени".

Полагаю, что если не изменятся отношения между судом и СМИ ко времени принятия нового ГПК, то применение вышеупомянутой статьи еще более усилит конфронтацию.

Итак, суд, осуществляя свою деятельность, оказывает воспитательное воздействие на участников процесса, понуждая их к определенному, необходимому обществу поведению, в первую очередь к соблюдению российской законности. Соответственно этой задаче в новом процессуальном законодательстве, регламентирующем гражданское судопроизводство, должны содержаться правила, которые бы обеспечивали выполнение функций воспитания.

Ю. А. ЛУКИЧЕВ,

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Нравственные нормы находят воплощение во всех областях жизни и деятельности людей: государственной, общественной, личной. Но особое значение имеет строжайшее соблюдение и правильное применение норм нравственности и отправления правосудия в судопроизводстве, в работе судебных, прокурорских и следственных органов. Меры борьбы с преступностью, применяемые при расследовании и разрешении судом уголовных дел, должны соответствовать не только требованиям законности, но и требованиям нравственности. Законная цель и нравственная цель, стоящие перед органами суда, прокуратуры и следствия, могут и должны достигаться законными и нравственными средствами.

Отсюда и возникает необходимость специального исследования нравственных проблем деятельности суда, прокуратуры, следственных органов. Реализация, правильное применение

законов всегда означает вместе с тем и реализацию нравственных требований, которые выражены в законах и заложены в них. А это значит, что при применении закона необходимо прежде всего уяснить его нравственный смысл, без чего применение закона может оказаться чисто формальным, а потому неправильным. Неправильным как с моральной, так и с юридической стороны.

Когда ставится задача выяснения, раскрытия нравственного содержания процессуальных норм, следует всегда иметь в виду, что нет возможности строго разграничить нравственные и процессуальные нормы при рассмотрении того или иного процессуального принципа или конкретного отдельного положения таким образом, чтобы определить: это — только процессуальная, правовая норма, а это — только нравственная норма. Нравственные нормы, реализуемые в области судопроизводства, не отделяются от процессуальных норм, они включаются в их содержание, являются необходимым ингредиентом правовых предписаний и требований, определяют нравственный смысл и значение процессуальных норм, указывают этически допустимые способы их реализации. Когда мы говорим о нравственных основах уголовного процесса, мы имеем в виду, что самим процессуальным нормам присущ определенный моральный характер, нравственный аспект и что способы их реализации могут быть только такие, которые являются и законными и нравственными.

Нравственная, моральная норма, включаемая в содержание правовой нормы, не теряет от этого своего морального, нравственного характера, не перестает быть нравственной нормой, но она усиливает значение правовой нормы, придает ей нравственное обоснование и нравственный авторитет. В практической следственной и судебной деятельности в каждом отдельном случае при расследовании и разрешении конкретного уголовного дела необходимо правильно понять наряду с юридическим содержанием и нравственный характер применяемых правовых норм, найти законные и нравственные пути и средства применения этих норм. При применении любой процессуальной нормы может возникнуть вопрос этического порядка. Любое правовое предписание в той или иной связи, близко или отдаленно, непосредственно или опосредованно может оказаться связанным с нравственным принципом, моральным предписанием. Это относится как к процессуальным нормам, устанавливающим и формулирующим основные процессуальные положения уголовного судопроизводства, нравственное содержание которых выражено очень ясно, например, неприкосновенность личности (ст. 11 УПК РСФСР); неприкосновенность жилища, охрана жизни и тайны переписки (ст. 12 УПК РСФСР); осуществление правосудия только судом (ст. 13 УПК РСФСР); осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 14 УПК РСФСР); независимость судей и подчинение их только закону (ст. 16 УПК РСФСР), так и к процессуальным нормам, касающимся более узких, частных и специальных вопросов.

Приведем такой пример: согласно ст. 201 УПК РСФСР при ознакомлении обвиняемого с материалами законченного предварительного следствия "все материалы дела предъявляются обвиняемому и его защитнику в подшитом и пронумерованном виде". Казалось бы, какое отношение имеет к требованиям нравственности и морали это по существу даже не юридическое, а чисто техническое правило? Но в действительности здесь выражена определенная процессуальная гарантия — обеспечение такого порядка, в соответствии с которым обвиняемому предъявлялись бы все материалы предварительного следствия полностью, без всяких исключений и устранялась бы возможность оставления какой-либо части материалов следствия непредъявленной обвиняемому. А это есть способ охраны прав обвиняемого, недопущения нарушения прав обвиняемого, то есть предписание правового характера, и оно, безусловно, есть требование и этического, нравственного характера.

Из вышесказанного вывод может быть только один: в уголовно-процессуальной деятельности нравственные нормы должны соблюдаться везде, где из них вытекают те или иные процессуальные действия; нарушение же нравственных норм при расследовании и разрешении уголовного дела не допускается нигде и никогда.

Ю. Я. БАСКИН,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Предпосылки формирования теории правового государства в России сложились к началу XIX века. Ими были: развитие идей естественного права, теории разделения властей и (что особенно важно) распространение учения Канта о категорическом императиве (А. П. Куницын, И. Х. Финке, Л. Г. Якоб и др.). Однако всесторонняя разработка учения о правовом государстве начинается лишь в конце XIX — начале XX вв. Необходимым условием и предпосылкой этого стало широкое распространение либерализма. Особенно важна была в этом отношении теоретическая деятельность Б. Н. Чичерина.

Именно в либеральной интерпретации теория правового государства была сформулирована Б. А. Кистяковским, П. И. Новгородцевым, И. В. Гессеном и др. В той или иной степени каждый из них испытал на себе влияние идеи категорического императива. Но в наибольшей степени — П. И. Новгородцев. Однако он существенно изменил его первоначальный (собственно кантовский) смысл. В работе «Нравственные проблемы философии Канта» (М., 1903) мы читаем: «Нравственный закон, который мы сознаем в себе, должен существовать во внешнем мире» (С. 24). Этот закон не есть только внутреннее состояние личности, но нечто большее. Он имеет основание в обществе. Но и в обществе нет последних основ нравственного закона. Они восходят к Божественному началу мира.

Характерной особенностью российской интерпретации теории правового государства была ее тесная связь с учением о естественном праве с изменяющимся содержанием (С. Н. Булгаков, Н. Л. Палиенко). Евг. Трубецкой, к примеру, указывал, что естественное право неизменно лишь в том, что соответствует правде, понимаемой как свобода личности, как синоним нравственности (то есть должного). «Все прочее в естественном праве преходяще и изменчиво: добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица всегда определялись одинаковым образом» (Лекции по энциклопедии права. М., 1913. С. 53).

Разработка теории правового государства была для многих русских юристов результатом их разрыва с марксизмом и рассматривалась ими как реальная альтернатива идеи диктатуры пролетариата и деспотизма «крайней демократии».

Но это (что весьма существенно не только в плане историческом, но и для современности) не исключало их позитивного отношения к идее социализма. Последнее особенно характерно для С. Н. Булгакова и Б. А. Кистяковского. «Несомненно, — писал Кистяковский, — что полное единение государственной власти с народом, то есть полное единство государства как целостной социальной организации, осуществимо только в государстве будущего, в народном или социалистическом государстве» (Государство и личность // Власть и право. Л.: Лениздат, 1990. С. 156). Конечно, не следует при этом забывать, что само понимание социализма в марксизме и у представителей русской либерально-демократической мысли не было тождественным.

Вместе с тем П. И. Новгородцев и его ученики (Ив. Ильин и другие) всегда были решительными противниками Маркса именно как автора одной из «величайших социалистических систем». Они полагали, что личность принципиально не может быть освобождена через освобождение «рода» (человеческого общества как рода), так как их взаимные отношения всегда носят антиномический характер. Возможно лишь освобождение «рода» через освобождение каждой личности. Она есть альфа и омега общественных отношений. Поэтому только она и есть основание для достижения свободы и справедливости, без которых невозможно правовое государство. Обобществившаяся же личность перестает быть личностью. «Из любви к грядущему человечеству рождается, — по

мысли С. Л. Франка, — великая ненависть к людям, страсть к установлению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером” (Сочинения. М., 1990. С: 95).

Поэтому для всех них правовое государство не может быть “исчерпанным”, построенным полностью и до конца. Оно не есть завершающий (конечный) этап политической и правовой эволюции человечества, но лишь ступень в его развитии.

При этом (за исключением, видимо, только С. Котляревского) считалось, что правовое государство возникает и (при определенных условиях) складывается лишь с переходом к буржуазному (гражданскому) обществу.

Характерная для русской философии, политической и правовой мысли тенденция перехода от материализма (и марксизма) к религии (особенно — православию) очень ярко проявилась и среди сторонников идеи правового государства. Этот процесс начался еще до революции 1905—1907 годов, он усилился после ее поражения и стал господствующим после 1917 года.

Практически все сколько-нибудь значительные русские правоведы видели в борьбе за правовое государство стремление реализовать Божественные заповеди, наиболее полно и истинно выраженные в православии. При этом они, конечно, отличали эти заповеди от принципов и норм не только естественного и позитивного права, но и от норм собственно человеческой морали, которая по своей природе может к ним только стремиться (приближаться).

Одним из немногих в этом отношении был Вл. Соловьев, для которого безусловным нравственным требованием (категорическим императивом) были слова апостола Матфея: “Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный” (Мф. 5. 48). Впрочем, вопрос об отношении Вл. Соловьева к идее правового государства достаточно сложен и еще требует своего дальнейшего изучения.

В. В. ВАНДЫШЕВ,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права предпринимательской деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

О КУЛЬТУРЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемам правовой культуры в юридической литературе уделяется много внимания. Тем не менее эти проблемы не только не теряют своей актуальности, но и приобретают особую остроту в связи со становлением в России гражданского общества и правового государства.

В специальной литературе существуют различные определения правовой культуры (Е. В. Аграновская, Н. Ф. Волкодав, Н. М. Кейзеров, А. П. Семитко и другие). Наиболее удачно понимание правовой культуры как меры освоения правовых ценностей и их использования в правовой сфере (В. С. Грачев), базирующееся на идее о том, что правовая культура — это “позитивное правовое сознание в действии” (В. П. Сальников). Представляется, однако, что данные положения нуждаются в уточнении, поскольку правовая культура — это степень усвоения не только правовых, но и иных культурных ценностей. Другой подход может привести к необоснованному отторжению правовой культуры от общей культуры, компонентом которой она является, и сужению богатого содержания этого понятия и, следовательно, к ограничению проблематики соответствующих исследований.

Необходимость этих предварительных замечаний обусловлена тем, что они имеют непосредственное отношение к вопросам культуры судебной деятельности.

Актуальность исследования усвоения судебными работниками культурных ценностей и практики их применения в судебной деятельности определяется по крайней мере тремя принципиальными

положениями. Во-первых, право, суд и механизмы взаимодействия судебной власти с другими ветвями власти являются центральными элементами правового государства. Во-вторых, юридизация общественных отношений, ярко проявляющаяся в последние годы, вынуждает российских граждан все чаще обращаться в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов. В-третьих, характерными и определяющими чертами судебной деятельности стали независимость судей, их несменяемость и неподотчетность населению, что кардинальным образом изменило функционирование судебной системы.

Непосредственное и постоянное общение с работниками судов приводит к неутешительному выводу, что уровень культуры судебной деятельности неуклонно снижается. Создается впечатление, что некоторые судебные работники (как из судейского корпуса, так и его технического персонала) понимают независимость суда как независимость не только от правовых, но и иных культурных ценностей. Между тем в судебной деятельности, кроме закона, действует культурный уровень, "который закону не подчинишь" (В. И. Ленин).

Известно, что важным элементом правовой культуры выступает культура общения. Элементарные правила культуры поведения требуют внимательного, доброжелательного и уважительного отношения к участникам или потенциальным участникам судебной деятельности. Однако в судах приходится нередко наблюдать безразличие, равнодушие, бестактность, резкость, грубость, обращение к незнакомым людям на "ты". Особенно этим грешат в канцеляриях районных судов. Однако этому не стоит удивляться. Очевидно, что примером техническому персоналу служат общая нравственно-психологическая атмосфера в суде и поведение профессиональных судей. В гласных судебных процессах нередко встречаешь пренебрежительное отношение, иногда граничащее с оскорбительным, не только к гражданам — подсудимым, потерпевшим, истцам, ответчикам и так далее, но и к адвокатам (защитникам или представителям), и даже прокурорам.

Несоблюдение элементарных правил общения объясняется, во-первых, низким общим уровнем культуры населения (а судьи-то — народные!), во-вторых, колоссальным объемом и интенсивностью судебной работы, поскольку борьба с правовым нигилизмом во всех сферах общественной жизни в настоящее время возможна практически лишь с помощью единственного органа — суда. Однако эти обстоятельства не могут служить оправданием низкой культуры судебной деятельности.

Другим важным элементом правовой культуры является организация деятельности всех структурных подразделений суда. Социальная значимость указанного элемента настолько велика, что некоторые авторы полагают, что правовая культура — это "эффективная организация труда..." (Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов). К сожалению, организация труда в судах оставляет желать лучшего. Несмотря на многократное увеличение числа уголовных и гражданских дел и, следовательно, нагрузки на штатную единицу, режим работы канцелярий суда не претерпел никаких изменений. Как и 30 лет назад, они продолжают принимать граждан два раза в неделю по три часа в день. Очереди на посещение канцелярий и на прием к судье состоят нередко из нескольких десятков человек. Наглядная информация о работе суда в целом и судебных процессах в частности очень скудная. Время рассмотрения дел нередко переносится, а участники процесса узнают об этом тогда, когда являются к ранее назначенному сроку. Все это вызывает обоснованное возмущение присутствующих в здании суда, порождает стрессовые состояния и конфликты как между гражданами, так и между гражданами и работниками суда.

В культуре судебной деятельности как специфической государственной деятельности отражается единство нравственного и эстетического в облике человека. Об этом ни в коем случае нельзя забывать, "ибо суд есть не только судилище, но и школа" (А. Ф. Кони).

Изложенное положение имеет два аспекта. Первый из них касается характеристики помещений судебных учреждений. Для них характерны ветхость, запущенность, теснота, духота, грязь, отсутствие гардероба, специальных комнат для курения, убогость мест общего пользования, которым часто придан статус помещений для служебного пользования. Очевидно, что здания судов, особенно находящиеся в историческом центре Петербурга, не приспособлены для отправления правосудия и воспитания граждан в духе уважения к закону, суду и его деятельности. Второй аспект

имеет отношение к внешнему виду судей как элементу судебного этикета. “Крикливость” в одежде или ее упрощенность, злоупотребление косметикой, чрезмерное увлечение изделиями из золота, бриллиантами противопоказаны имиджу судьи. Однако некоторые судьи, в том числе и председатели судов, страдают любовью к излишествам, нарушая судебный этикет. Это вызывает у подавляющего большинства граждан понятное раздражение и негативные оценки деятельности судей.

Общеизвестно, что культура любого человека, в том числе и судебных работников, характеризует его духовный облик, указывая на степень усвоения им культурного достояния человечества. Вместе с тем общий уровень культуры судебных работников вообще и судей в частности, условия и организация профессионального труда оказывают непосредственное влияние на элементы собственно правовой культуры.

Высшим проявлением правовой культуры считается соблюдение законов. Население притерпелось к нарушениям закона в деятельности органов расследования и прокуратуры, а в настоящее время начинает привыкать к нарушениям в судебной деятельности. Обычным делом стало нарушение процессуальных сроков, правил подсудности по выбору истца и несоблюдение других норм процессуального законодательства. К сожалению, коллегии по уголовным и гражданским делам Городского суда Санкт-Петербурга достаточно либерально относятся к такого рода нарушениям закона.

Одним из элементов правовой культуры судей является культура составления ими процессуальных документов. И вновь приходится констатировать, что документы не выдерживают критики с точки зрения их, в частности, грамотности, стиля, использования канцеляризма, наличия тавтологии и т. п. Самый главный их недостаток в том, что подавляющее большинство из них невозможно прочесть, поскольку они составлены в рукописном виде.

Изложенное свидетельствует о необходимости повышения культуры судебной деятельности. Для этого целесообразно привести штаты судей в соответствие с реальной нагрузкой; строить по специальным проектам здания судов или реконструировать старые; не допускать нахождения суда в одном здании с органами внутренних дел и прокуратуры, поскольку это противоречит нормам нравственности и принципу разделения властей; оснастить суды компьютерной и множительной техникой; усилить контроль вышестоящих судов над нижестоящими; активизировать работу органов судейского самоуправления; улучшить отбор кандидатов на должность судьи.

В. Г. ИВАНОВ,

доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

МОРАЛЬ СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Историческая роль нравственности и морали в жизни человека и общества определяется кратко и однозначно — “мораль есть фундамент культуры”. Это доказывается, с историко-генетической точки зрения, утверждением деятельностной сущности человека, необходимостью взаимодействия людей в обществе и взаимосвязи общества и природы и, наконец, пониманием того, что наш современный мир — ноосфера — есть результат деятельности человечества в его медленном, противоречивом, но неуклонном развитии. Причина фундаментальной роли нравственности и морали заключается в том, что необходимой предпосылкой любой формы взаимодействия людей оказывается определенное “поле морали и нравственности”. В противном случае исчезает основание социальности, культурной и культуротворческой деятельности.

Однако именно в XX веке, в условиях техногенной цивилизации нередко основополагающая роль нравственности и морали не только подвергалась сомнению, но и прямо отрицалась.

Разнообразие оценок места и роли морали сегодня, в конце XX века, похоже, имеет один общий знаменатель: от философов до экономистов, от политиков до священнослужителей, от журналистов до педагогов все говорят и пишут о “кризисе морали”.

То, что в сфере морали, общественной и индивидуальной, ситуация весьма далека от благополучной, очевидно. Однако рассуждения о “кризисе морали” являются слишком общими и мало что объясняют. Для того чтобы обсуждение современной ситуации в сфере морали и нравственности стало более конкретным, необходимо ответить на несколько вопросов.

Что подразумевается под “кризисом морали”? О какой морали идет речь? Не мешают ли осмыслить ситуацию некоторые мифы прошлого и определенные иллюзии настоящего?

Только ответив на эти вопросы, можно высказывать суждения, давать оценки и пытаться представить перспективы развития нравственности и морали.

Как правило, ссылаются на нарушение, неисполнение тех норм морали (морального сознания), которые считаются “общепринятыми”, восходят к заповедям религиозной морали, но возникли задолго до монотеистических религий: не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лги, возлюби ближнего и вообще “не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали по отношению к тебе” (так называемое “золотое правило нравственности”, нередко определяемое как “минимум морали”). Убивают — политические убийства, заказные, разгул организованной преступности; воруют — от элементарного воровства до финансовых махинаций и коррупции; прелюбодействуют; лгут на каждом шагу — от официальных лиц, политиков, журналистов до рутинного “бытового вранья”; что до “любви к ближнему” — всюду конфликты: в семье, между поколениями, в межэтнических отношениях; словом — повсеместное практическое несоблюдение, более того — попрание любой из общепринятых, казалось бы, норм морали. Это и есть “кризис морали”? А когда было иначе? В какой стране, в каком веке? Мудрый Екклесиаст еще в VIII веке до нашей эры сказал: “Все — суета...”. И — “Нет ничего нового под луною”. Те, кто подобные факты приводит в доказательство того, что наше общество находится в глубоком моральном кризисе, могли бы сослаться на США, Францию, Зимбабве или Бразилию и, если бы были последовательны, должны были бы — вслед за Блаженным Августином — сказать, что человечество со времен Адама и Евы находится в постоянном моральном кризисе.

Но может быть имеется в виду нечто другое? Не “кризис морали” вообще, а кризис вполне определенной системы морали — той морали, которую гордо называли “нашей новой, коммунистической моралью” и которую ностальгически противопоставляют сегодняшнему “аморальному беспределу”? Пожалуй, именно это имеют в виду примерно девять из десяти рассуждающих и пишущих о “моральном кризисе” нашего общества сегодня. Попробуем ответить на этот, бесспорно, более конкретный вопрос. Но прежде придется сказать о мифах и иллюзиях в сфере морали и нравственности.

Старые мифы и новые иллюзии. Есть два очень прочных мифа, связанных с моралью и нравственностью, традиционно рассматриваемые как противоположность морального абсолютизма и морального релятивизма. В первом случае предлагается идеальная модель морального сознания, представляемая как некая единая и охватывающая все человечество мораль, исток которой вневременной и внечеловеческий. И все беды людей происходят из того, что они неспособны выполнять ее заповеди. Красивый и печальный миф, ничего общего с действительной нравственностью и действительным моральным сознанием не имеющий, но до сих пор весьма прочный. Во втором случае, напротив, утверждается, что в сфере морали все относительно, а если и есть что-то общее и постоянное, то это результат насилия: где сила — там право, а право — масштаб нравственности, то есть общие нормы навязаны властью имущими всем остальным. И этот миф возник в глубокой древности, но отнюдь не преодолен.

Иллюзия двадцатого века образовалась из своеобразного смешения этих мифов и получила выражение в концепции институционализации морали и нравственности в условиях современной — техногенной — цивилизации. Ее теоретики — представители техницистски-сциентистского (в глубинной основе — утилитарного) направления в философии, а практики — создатели

тоталитарных режимов XX века. Суть ее кратко, но точно выражена формулой: “традиционная этика добродетелей вытесняется (заменяется) системной или институциональной этикой”.

Смешение двух мифов выражается в том, что провозглашаемая “институциональная этика” претендует на абсолютность, но утверждается силой, а то, что это всего лишь иллюзия, подтверждено крахом тоталитарных систем (режимов) и обнаружением полной несостоятельности утопической, “навязанной сверху”, призванной обслуживать систему тоталитаризма, универсальной, институциональной морали. Не надо упрощать: эта иллюзия не была “только кабинетной”, “головной”, она была воистину великой иллюзией, возникшей на основе революционного подъема и творчества масс, держалась на энтузиазме масс, но была и осталась иллюзией, утопией. И по мере иссякания энтузиазма никакие усилия идеологов не уберегли ее от крушения: утопия всегда мираж, ее невозможно воплотить в действительность. А коммунистическая мораль была одной из “составляющих” коммунистической утопии, быть может, наиболее привлекательной.

Действительная мораль и нравственность в XX веке. Прежде всего — никогда еще не было никакой “единообразной, монолитной морали и нравственности”. Уже в первобытности моральное сознание и нравственное поведение существуют в двух реальных формах, а начиная с возникновения государства и отличного от него общества и в третьей — идеальной — форме: групповое, индивидуальное и общечеловеческое.

Мораль формировалась и до сих пор формируется в значительной степени стихийно. Целенаправленные усилия общества и личности в сфере морали действуют на сознание и чувства человека, но не имеют надежного и однозначного результата. В реальной морали и нравственности переплетены многообразные связи, влияния, противоречия прошлого и настоящего, изменчивого и устойчивого. Если пользоваться сравнением, то мораль общества в любую эпоху не засеянное поле, а цветущий луг, она многоцветна, а не однотонна, пестра, более всего напоминает мозаику, но не статичную, а динамичную, меняющую сочетания и формы, как исняется картина цветных стекол в калейдоскопе. И с каждой эпохой эта картина усложняется.

Если говорить о тенденциях развития и совершенствования морали, то в самой общей форме можно сказать, что с развитием личности, личностного начала все большую роль играет индивидуальное моральное сознание: однако оно всегда находится в сложных опосредованиях с групповым моральным сознанием, нередко “вбирает в себя” те или другие компоненты морального сознания разных групп (например, той, к которой человек принадлежит по своему происхождению, которая ему “дана” от рождения: семья, социальная группа, родина, государство; и той, которая стала для него значимой, референтной). С ростом самосознания личности укрепляется ее индивидуальное моральное сознание и все большую роль играет ее “само” — самовоспитание, самодеятельность, саморазвитие, самостоятельность, самоограничение, самопринуждение, самореализация. Каждый человек — целый мир, его самопознание и самосовершенствование не имеют заданных границ, он обладает свободой выбора, и расширение границ этой свободы налагает на него все большую ответственность. Современный порядочный человек, обладающий чувством собственного достоинства, имеет прочные внутренние регуляторы поведения и не нуждается во внешних, принудительных способах моральной регуляции, традиционных для групповой морали.

Недостаток любой групповой морали (и прошлого, и настоящего) заключен в ее ограниченности данной группой и неизбежным вследствие этого “двойным стандартом оценок” по принципу “мы — они” (в самой элементарной форме: “мы — хорошие, они — плохие”).

Групповая мораль исторически, в конце XX века, изживает себя. Очень медленно понимание того, что человечество едино, пробивает себе дорогу. Необходимо ясно различать позитивные и негативные стороны групповой морали во всех современных социальных проблемах.

Современная ситуация в сфере морали и нравственности сложна и противоречива, не может быть сведена к однозначной оценке, требует каждый раз конкретного анализа. Только понимая сложность реальной моральной “мозаики”, можно определить пути влияния на совершающиеся в сфере морали процессы, отдавая себе отчет в том, что роль целенаправленного воздействия на процессы изменений морали и нравственности весьма ограничена.

В самой общей форме следует опираться на клятву Гиппократов: “Не навреди”, что в данной ситуации означает — поддерживать позитивные изменения в сфере нравственности и морали и по возможности нейтрализовать изменения негативные.

Более конкретно:

1. Всемерно способствовать развитию индивидуального морального сознания.
2. Всеми средствами воспитательного — прямого и косвенного — воздействия укреплять и развивать позитивные стороны групповой морали и нейтрализовать, преобразовывать ее негативные стороны, способствуя подъему уровня групповой морали к горизонту нравственного идеала — общечеловеческой морали.
3. Помогать — словом и делом — преодолевать как в индивидуальной, так и в групповой морали мифы и иллюзии морального сознания.
4. Учиться видеть и поддерживать то общечеловеческое, что уже достигнуто, практически реализуется или хотя бы провозглашается в направлении норм (правил, заповедей) общечеловеческой морали.

Главный путь решения всех этих задач — всемерное развитие и укрепление духовной культуры личности, ее самовоспитания, самоутверждения, самодеятельности, самореализации и самосовершенствования.

Есть лишь одно общее для всех моральное требование, моральная аксиома конца XX столетия, обращенная к каждому персонально: “Будь Человеком!”.

А. М. МИКЛИН,

доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

БИОЭТИКА КАК ЕДИНСТВО НРАВСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ В МЕДИЦИНЕ

Стремительный прогресс в последнее время в области изучения генетики человека и прежде всего успехи медицинской генетики в реализации программы “Геном человека”, а также успехи и перспективы практической генетической диагностики и геной терапии значительно расширяют и углубляют наши знания о природе человека и заставляют пересценивать многие устоявшиеся представления. Вместе с тем в связи с прогрессом медицинской генетики возникает немало новых сложнейших морально-этических и правовых проблем, связанных с охраной здоровья человека. И хотя эти проблемы непосредственно рождаются в сфере медико-генетических исследований и лечебной практики, их значение далеко выходит за рамки профессиональной медицины и становится предметом обсуждения философов, юристов, психологов, экономистов, теологов и т. п. Ибо на передний план выходят вопросы об отношении фактов и выводов генетики человека к юридическим и моральным нормам, здоровью и благополучию индивидуума в современном обществе. Эти вопросы и составляют предмет изучения новой науки — биоэтики, появление и развитие которой инициировано резко возросшим вниманием к правам человека в медицине, правовой защите пациента, а также и лечащего врача в связи с применением новейших биотехнологий и генно-инженерных методов.

Особенно много вопросов, относящихся к сфере юридического и морального урегулирования, возникает сегодня на уровне молекулярно-генетической диагностики, предполагающей необходимое генетическое тестирование, где объектом становятся хромосомы и сама ДНК, то есть объекты, которых раньше в медицине не было. Например, является ли обязательным тестирование носителей патологических генов — так называемых “мутантных” генов — или такого рода тестирование

целиком зависит от воли пациента? Какова степень конфиденциальности генетической информации? Имеют ли право на ознакомление с этой информацией государственные органы, суд, работодатели, школа и т. п.? Как следует поступать врачу, если прогноз о здоровье пациента неблагоприятен и болезнь ведет к летальному исходу — сообщать об этом пациенту, его родным или нет? Существуют ли пределы и каковы они в поддержании жизни смертельно больного человека? Где, после какой незримой черты врач вправе отключить аппарат искусственного дыхания, не совершая тем самым убийства? Допустимы ли дородовая диагностика и генетико-инженерное вмешательство с целью селекции, например, при определении пола? Применим ли вообще метод селекции к человеку? Имсет ли ученый право на генетико-инженерные манипуляции с зародышевыми клетками человека? Таких вопросов великое множество, и все они носят “пограничный” характер. Участие юристов в их обсуждении и решении должно быть обязательным.

Практика биоэтики формирует условия для публичного обсуждения острейших социально-этических и правовых проблем с участием гуманитариев различного профиля, по-разному понимающих, что истинно и что ложно, и тем самым вырабатывает навыки для достижения согласия в различении добра и зла. Биоэтика — это новая интегративная область знания, где конструктивно взаимодействуют медики-профессионалы, с одной стороны, и представители гуманитарных наук: философы, юристы, психологи, с другой стороны.

Биоэтика по существу формулирует новые модели моральных отношений между медиками-профессионалами и пациентами, исходя из принципа, согласно которому “самая фундаментальная проблема современной медицинской этики состоит в том, что охрана здоровья должна быть правом человека, а не привилегией для ограниченного круга лиц, которые в состоянии себе ее позволить” (Р. Бич). Именно развитие биоэтики в постиндустриальных странах Запада (например, в США) стимулировало переход от патерналистской модели взаимоотношений врача и пациента, при которой всю полноту ответственности за принятие клинических решений берет на себя врач, к непатерналистской модели этих взаимоотношений, для которой характерен приоритет моральной автономии пациента, в силу чего основной категорией такого подхода становится категория прав пациента.

Революционные изменения в медицине, связанные с прогрессом ее технико-технологического базиса, относительно быстро высветили ограниченность традиционных, известных еще со времен античной медицины, принципов патернализма и, в частности, хорошо известного принципа “Не навреди!”. Хотя этот принцип остается все еще очень распространенным среди медиков, в современном цивилизованном обществе существует гораздо более широкий набор моральных норм и принципов, которые могут быть положены в основу взаимоотношений в сфере медицины. Среди них важнейшими являются:

- а) приносить пользу и не наносить вреда;
- б) защита личной свободы и уважения человека как личности;
- в) охрана человеческого достоинства;
- г) правдивость и честность по отношению к пациенту;
- д) соблюдение принципа справедливости в распределении основных медицинских услуг и медицинской помощи.

Принцип справедливого распределения важнейших услуг здравоохранения — фундаментальный моральный принцип биоэтики: если охрана здоровья — право, то это право для всех. Фактически это право нарушается, и далеко не все слои и социальные группы имеют доступ к высококвалифицированной медицинской помощи. Так, формально все россияне имеют право пользоваться результатами исследовательской программы “Геном человека”, поскольку в этот проект начиная с 1989 года вложены значительные общественные ресурсы. Но де факто результаты работ по этому проекту приносят выгоду прежде всего тем, у кого власть и деньги. Например, один тест на болезнь Хантингтона (определяемую геном слабоумия) стоит 8 тысяч долларов, не считая стоимости необходимой медико-генетической консультации.

Перечисленные выше этические принципы составляют основу моральных отношений в современной медицине. Их объединяют в модель так называемого “контрактного”, согласительного типа или “информированного согласия”, когда именно пациент, а не врач, играет определяющую роль при принятии решения, затрагивающего его телесное или социальное благополучие. Без осознанного и добровольного согласия пациента, без предоставления врачом адекватной информации не должны проводиться никакие манипуляции: профилактические, диагностические, лечебные. Биоэтика среди прав пациента наиважнейшим рассматривает право на информацию. В США уже более двух десятилетий право информированного согласия находится в центре внимания биоэтики и получает широкое распространение в медицинской практике. Врач обязан информировать пациента: а) о характере и целях предлагаемого лечения; б) о степени риска, связанного с этим лечением; в) о возможных альтернативах данному виду лечения. Понятия “альтернативное лечение”, “степень риска”, “перечни риска”, “стандарты информирования” и другие давно уже вошли в обиход американской медицинской этики, а многие из этих феноменов закрепились и законодательно.

Биоэтика, помимо пересмотра принципов моральной медицины, вносит существенные коррективы в понимание целей медицины. Традиционно считалось, что основная цель профессиональной медицины — защита здоровья и жизни пациента. Но нередко средства для достижения этой цели приводили к ограничению свободы больного, а значит ущемляли его личность. Главная цель современной медицины, как ее формулируют биоэтики США, — это помощь благополучию пациента, а восстановление его здоровья подчинено этой цели как один из составляющих ее элементов. Такое понимание целей медицины вполне соответствует основополагающим ценностям современного цивилизованного общества, среди которых первое место принадлежит свободе и самоопределению индивида.

П. Д. БАРАБОЛЯ,

Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции в отставке

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ “МИР ОКЕАНАМ” И ЕГО МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

19 ноября 1997 года Международному комитету “Мир океанам” исполнилось десять лет.

Комитет был создан на базе Морской комиссии “Мир океанам”, образованной в 1987 году при Советском комитете защиты мира (ныне Федерация мира и согласия).

Создание Комитета было продиктовано настоятельной необходимостью решения актуальнейшей проблемы современности — превращения Мирового океана в зону мира, дружбы и сотрудничества между народами, свободную от военно-морского противостояния, в экологически чистую среду обитания. Международный комитет “Мир океанам” является головной координирующей общественной организацией в России и Содружестве Независимых Государств (СНГ) по военно-морскому разоружению и морской экологии. В его составе 11 отделений: в Российской Федерации — 5 (в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Владивостоке, Саяногорске), на Украине — 3 (в Одессе, Симферополе, Севастополе), в Беларуси, Грузии и Латвии по одному. В процессе становления находятся отделения комитета в Архангельске, Мурманске, Вологде, Алма-Ате, Астрахани, Новороссийске. Комитет объединяет 40 коллективных членов

(Центр подготовки космонавтов им. Юрия Гагарина, НПО "Красная звезда", ТОО Торговый Дом "Библио-Глобус". Нахимовское военно-морское училище в Санкт-Петербурге и другие), свыше 1000 индивидуальных членов в Москве и десятки тысяч членов в его отделениях. Среди членов Комитета — бывшие флотоводцы, адмиралы, генералы, офицеры, видные ученые, специалисты по проблемам Мирового океана, морской экологии и океанологии, ветераны войны, Вооруженных сил и труда. В составе бюро Комитета 27 человек, в президиуме Комитета 146 человек.

Комитет регулярно издает бюллетень "Мир океанам" на русском и английском языках. В 1992 году Комитет был принят Ассоциированным членом Департамента общественной информации ООН и получил право иметь своего постоянного представителя при Секретариате ООН. Комитет поддерживает деловые контакты со многими международными и национальными общественными организациями, а также органами исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, мэрией и правительством Москвы.

За десять лет своей деятельности Комитет провел целый ряд мероприятий на российском и международном уровнях. Наиболее важные из них:

— международный семинар по ограничению военно-морской деятельности в Мировом океане при участии свыше 250 российских и 120 иностранных представителей из 45 стран мира (1990);

— участие в конференции, посвященной 100-летию юбилею Международного бюро мира (1992);

— семинары в Москве в 1991 году и в Сеуле в 1992 году по глобальным проблемам Мирового океана и сотрудничества на Дальнем Востоке, три семинара и встреча с норвежскими представителями по вопросам безопасности на Севере Европы, три семинара с представителями Германии по вопросам мира, безопасности и экологии Балтийского моря;

— поездки делегаций Комитета на Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты для участия в выводе кораблей из боевого состава флота (1990—1993);

— участие в Международной экологической конференции в Стиглестадте (Норвегия, 1995), в Международной конференции "50 лет ООН и международное право" (1995);

— научно-практические конференции, посвященные 300-летию Российского флота (1995), проблемам Арктики и Антарктики (1996), Федеральной целевой программе "Мировой океан" (1997);

— участие в течение ряда лет в разработке Международной конвенции по морскому праву;

— организация и проведение четырех международных акций: в 1993 году на Балтике, в 1995 году на Черном и Средиземном морях. В этих акциях в общей сложности приняли участие около 1300 человек: делегации городов-героев, представители ветеранских и других общественных организаций, а также деловых кругов России, других стран СНГ и дальнего зарубежья. В ходе акций их участники посетили 18 стран. В море и портах захода во время траурных церемоний отдавались почести погибшим в войнах морякам, опускались на воду венки, возлагались венки и цветы на воинских кладбищах и мемориальных комплексах. Проводились "круглые столы", семинары, встречи с интересными людьми. Все четыре акции прошли с большим успехом и получили широкое освещение в средствах массовой информации в России и странах захода.

Указанные мероприятия международного и национального характера способствуют повышению престижа России на международной арене, уважения к ней как к государству, активно борющемуся за укрепление мира и безопасности. Активная деятельность Международного комитета "Мир океанам" направлена на пропаганду международного морского права и национального законодательства России за рубежом, оказывает воздействие на повышение уровня международно-правовой культуры, гуманитарного воспитания и уважительного отношения к нашей Родине. В работе Комитета активное участие принимают ученые юридического факультета Гуманитарного университета профсоюзов, такие как доктор юридических наук И. Е. Тарханов, Заслуженные юристы Российской Федерации А. И. Зябкин, Ю. А. Лукичев, П. П. Глущенко.

В свое второе десятилетие Международный комитет “Мир океанам” вступает монолитной организацией с ясным пониманием стоящих перед нею больших задач и готовностью приложить максимум усилий для их осуществления.

К числу основных задач Комитета и всех, кто в нем принимает участие, относятся: поддержание мира и безопасности в Мировом океане; пропаганда юридических знаний; участие в нормотворческой деятельности, направленной на повышение авторитета Российского государства как государства, ставящего перед собой цель стать правовым.

Д. В. РИВМАН,

доктор юридических наук, профессор кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ЛИЧНОСТЬ И СИТУАЦИЯ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В криминологии выработаны и рассматриваются различные определения преступности. Наиболее “возрастное” из остающихся до сих пор в научном обороте — определение преступности как совокупности всех преступлений, совершаемых в данном регионе в данный период времени. Но криминология не останавливается на изучении преступности как относительно самостоятельного явления и обращается к изучению ее социальной обусловленности. Это, в частности, объясняет и то, что все большее количество кримиологов определяют преступность “уже не как простую совокупность преступных деяний, а как социальное явление, выражающееся во всем множестве совершенных преступлений”. Преступность как статистическая совокупность обладает своими специфическими суммативными качествами: массовостью, иррегулярностью, устойчивостью. Таких качеств нет и не может быть у отдельного преступления. Соответственно и у преступности (явления массового), и у отдельного преступления свои сущностные качества. И у преступности, и у преступления есть своя детерминационная специфика. В настоящей статье речь идет о детерминации (от латинского *determinare* “обуславливать”, “определять”) отдельного преступления. Предварительно, однако, надо определиться относительно таких понятий, как причина, условие, связь, взаимодействие, которыми нам предстоит оперировать.

Причина — это явление, порождающее, производящее другое явление — следствие. Причинная связь — связь генетическая.

“Условиями явления в отличие от его причины называется комплекс явлений, которые сами не могут породить непосредственно данное явление-следствие, но сопутствуя причине в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия”.

Под детерминацией понимается любая закономерная зависимость между различными процессами и явлениями. “Она охватывает связь состояний и некоторые виды функциональной связи...”. Но именно “причинность есть внутреннее содержание детерминации, ее сущность, по своей природе причинная связь является генетической, поскольку причина вызывает, производит следствие”. Вместе с тем, далеко не все детерминанты могут быть отнесены к причинам (в нашем случае — к причинам преступления).

Преступление как следствие — конечный результат действий конкретного субъекта — нельзя объяснить, ориентируясь только на обстоятельства, непосредственно предшествующие ему. Здесь всегда реализуется сложный комплекс субъективных (личностных) и объективных (ситуативных) взаимодействующих факторов, имеющих различный характер, более или менее отдаленных от пре-

ступления во времени, связанных с ним непосредственно или опосредованно. Другими словами, чтобы объяснить “происхождение” преступления, необходимо исследовать не только непосредственные его причины и условия, но и причины и условия второго порядка, так сказать, “причины и условия непосредственных причин и непосредственных условий”.

Необходимость различать причины преступления и условия, способствующие его совершению, признается практически всеми отечественными криминологами, однако единого подхода к содержанию этих категорий, к тому, что следует относить к причинам, а что к условиям в криминологической теории, пока нет. Так, ряд криминологов полагает, что непосредственными причинами преступлений являются негативные социально-психологические качества личности, но не ситуация, предшествующая преступлению. Например, А. Р. Ратинов считает, что “непосредственные причины и истоки виновного поведения преступников всегда лежат в личности человека, совершившего преступление”. Последовательно отстаивает эту точку зрения Н. Ф. Кузнецова, полагающая, что причины конкретных преступлений — “это социально-негативные, кримиогенные элементы мелкобуржуазного индивидуализма, рудиментарно сохранившиеся в индивидуальном и групповом сознании”. На аналогичных позициях стоят Ю. М. Антонян, Б. В. Волженкин, Н. А. Стручков.

Сторонники иной точки зрения исходят из того, что ситуация может быть непосредственной причиной преступления, если налицо сильное влияние конкретной жизненной ситуации при отсутствии антиобщественной установки, но не социально-психологических аномалий вообще, или когда взаимодействуют более или менее развитые антиобщественные качества личности и более или менее напряженная ситуация, причем в этом взаимодействии главную роль играет ситуация. При совершении преступления лицом, имеющим глубокую и устойчивую антиобщественную установку, при отсутствии давления внешней ситуации, она, естественно, причиной преступления не является. Расхождения, как видим, касаются оценки детерминирующего значения ситуации, предшествующей преступлению.

Какие же аргументы можно привести в пользу признания ситуации непосредственной причиной (а точнее — одной из причин) конкретного преступления? Однозначный ответ здесь вряд ли возможен, если учесть, что “всякая причина является в определенном отношении условием, а всякое условие в другом отношении может быть причиной”. Ситуация — не исключение: она может быть и непосредственной причиной преступления, и условием, способствующим его совершению. Это зависит от конкретных обстоятельств, иногда решающим образом изменяющих ее детерминационное значение.

Вместе с тем, ситуация не является единственной причиной преступления, хотя во взаимодействии с качествами личности ее роль иногда решающая. Для того, чтобы выявить объективное значение ситуации в системе детерминант преступления, необходимо вникнуть в суть составляющих ее обстоятельств, определить, в какой мере она оказала давление на преступника. В противном случае за причину преступления можно ошибочно принять ситуацию, послужившую поводом к совершению преступления, но в действительности не содержащую никаких объективно толковых элементов. Такая ситуация не связана с преступлением генетически, не порождает его, а лишь более или менее значимо “накладывается” на уже сформировавшуюся преступную предротованность субъекта.

Отнести ситуацию к непосредственным причинам преступления, следовательно, можно лишь тогда, когда установлено, что давление на субъекта, не имеющего глубокой и устойчивой антиобщественной установки, решающим образом, объективно побудило его совершить преступление. Такова же роль ситуации, когда она, как элемент взаимодействия с негативными качествами личности, несет, как минимум, паритетную с ними “побудительную” нагрузку. Но причинное проявление ситуации этим не ограничивается, она не только “подвигает” субъекта к действию, но в большей или меньшей степени психологически изменяет его самого.

В качестве аргумента против признания ситуации непосредственной причиной преступления приводится то очевидное обстоятельство, что в аналогичной ситуации один человек совершит преступление, а другой нет. Вывод — поведение человека определяется социальными качествами. Спорить здесь не о чем, так как вне личностного восприятия ситуации виновного поведения действительно быть не может. Но резонно задаться и другим вопросом: разве не очевидно, что один и тот же человек в различных ситуациях поведет себя по-разному? В одном случае он не совершит преступление, а в другом, вполне возможно, совершит. Варианты поведения, как видим, меняются с изменением не личностного, а ситуативного компонента детерминации. Таким образом, можно сделать вывод, что ситуация, предшествующая преступлению, в зависимости от конкретных обстоятельств проявляется или в качестве причины, или как условие, способствующее совершению преступления.

Поскольку в конкретных жизненных ситуациях действуют преступники — носители определенных личностных качеств, условия их нравственного негативного формирования включаются в систему детерминантных компонентов криминологического механизма. Криминологическая ситуация, то есть система обстоятельств, относящихся к формированию личности преступника, предпреступной ситуации, ситуации преступления и посткриминальному поведению, рассматриваемых как единый причинно связанный процесс, всегда содержит наряду с условиями и причины конкретного преступления.

В. И. НОСАЧ,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики профсоюзной работы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРОФСОЮЗЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Современный социально-экономический кризис в Российской Федерации сопровождается невиданным разрушением производства, науки, социальной сферы, ростом безработицы, повсеместными невыплатами заработной платы, пенсий, стипендий, социальных пособий, снижением цены труда и уровня жизни большинства населения.

Продолжающийся спад производства, углубляющийся финансовый кризис крайне негативно воздействуют на рынок труда: сокращается число рабочих мест в сфере товарного производства и услуг, растут безработица и масштабы теневой занятости.

В настоящее время в России в трудоспособном возрасте находятся 80,9 млн человек населения, из них 74,2 млн человек составляют экономически активное население. Общая численность занятых равняется 67,0 млн человек, из них 60,3 млн человек — работники наемного труда.

Численность россиян, полностью или частично безработных, а также числящихся на работе (при отсутствии выплаты заработной платы), превысила 15 млн человек, то есть 20% экономически активного населения. Если учесть, что среднестатистическая семья в России составляет три человека, то 45 млн россиян или почти каждый четвертый испытывают социальную и психологическую нагрузку, связанную с таким социальным злом, как безработица, которая часто отбрасывает за черту бедности. В 17 регионах уровень безработицы в 2—3 раза превышает средний по стране. Такая ситуация, как отметил III съезд ФНПР, состоявшийся 5—7 декабря 1996 года, представляет социальную опасность даже для стран со стабильным положением в экономике и высоким уровнем жизни.

Непрекращающиеся кризисные явления в экономике и отсутствие продуманной государственной политики болезненно отразились на социальной сфере. С 1991 года реальные денежные доходы трудящегося большинства населения понизились более чем на 40%. Усилилось имущественное расслоение. Сегодня в нашей стране число граждан, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, составляет около четверти населения. Поэтому, исходя из сложившейся ситуации в экономической и социальной сфере, III съезд ФНПР определил приоритетные направления деятельности профсоюзов на ближайшие годы:

1. Борьба за справедливую и своевременную оплату труда, которая обеспечивала бы компенсацию расходов на жилье, образование, здравоохранение, культурные потребности и другие жизненно необходимые нужды.

2. Противодействие росту безработицы.

3. Укрепление правового положения профсоюзов, расширение их возможностей влиять на ситуацию.

4. Сохранение и развитие традиционной сферы деятельности профсоюзов — охраны труда, организации отдыха и оздоровления трудящихся и членов их семей и др.

Профессиональные союзы как исторически неизбежный и необходимый институт цивилизованного общества являются уникальной организацией наемных работников, призванной бороться против эксплуатации, за улучшение условий труда, защиту социальных и трудовых прав, за повышение материального и культурного уровня трудящихся.

В условиях перехода к рыночной экономике изменилось правовое положение профессиональных союзов России. Принят целый ряд федеральных законов, которые расширили правовую основу профсоюзной деятельности, а в ряде случаев и их возможности влияния на общественные процессы социально-экономической жизни страны. Это законы "Об общественных объединениях", "О порядке разрешения коллективных трудовых споров", «Об изменениях и дополнениях в Закон РФ "О коллективных договорах и соглашениях"». Впервые за многие десятилетия значительно повышена административная и уголовная ответственность за нарушение профсоюзных прав.

Важнейшее значение в реализации профсоюзами главных своих правовых возможностей занимает Федеральный закон "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности", в котором сконцентрированы сложившиеся в последние годы главные приоритеты российского профсоюзного движения, принципы организации и деятельности профсоюзов, их наиболее существенные права, основные направления, формы и гарантии деятельности. Закон определил правовую особенность профсоюзов, отличающую их от других общественных объединений, закрепив их право на представительство и защиту социально-трудовых прав и интересов работников. Согласно закону профсоюзам предоставлено право на содействие занятости, на ведение коллективных переговоров, заключение соглашений, коллективных договоров и контроля за их выполнением, на участие в урегулировании коллективных трудовых споров. Впервые в истории российского профдвижения для профсоюзов юридической реальностью стало право на забастовку. Активизировалась законодотворческая деятельность профсоюзов. Эта форма общественной активности профсоюзов важна для социальной защиты трудящихся, представительства в органах государственной власти прав и интересов людей труда. Речь идет о квалифицированном и непосредственном участии профсоюзов в разработке и общественной экспертизе подготавливаемых законопроектов, участии в дискуссиях при рассмотрении и принятии законов в органах законодательной власти и блокировании законопроектов, не отвечающих требованиям профсоюзов и интересам работников, а также внесении поправок и дополнений в уже действующие законы.

Наряду с позитивными факторами защитной деятельности профсоюзов в условиях радикального преобразования общества, профсоюзам самим приходится испытывать давление не только государственных органов, предпринимателей, но и средств массовой информации. В новой системе регулирования трудовых отношений против профсоюзного движения развернута компания по

очернению и компрометации их деятельности. Высказываются прямые обвинения в адрес профсоюзов о развале производства, торможении экономических реформ, снижении жизненного уровня трудящихся, неустойчивости социальных гарантий в обществе и прямой конфронтации с государственными органами. Приводятся ссылки на якобы соглашательские позиции профсоюзных организаций, нарушения принципов социальной справедливости.

В настоящее время в стране проявляются такие признаки, характерные для раннего капитализма, как подталкивание профсоюзного движения к расколу с целью ослабления его влияния в обществе; потеря трудящимися важных социальных завоеваний (и прежде всего гарантированного права на труд); обоснование "теории", что профсоюзы якобы тормозят развитие рыночных отношений; стремление вытеснить профсоюзы или приуменьшить их влияние на предприятии. Высказываются прямые призывы к ликвидации профсоюзов.

Вместе с тем профсоюзы России сами переживают в этих сложных условиях серьезные трудности. Наблюдается тенденция прекращения деятельности профсоюзных организаций на предприятиях. По сравнению с 1993 годом в 1994 году профорганизации перестали существовать на 12,5% предприятий обрабатывающей промышленности в пяти регионах России — Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Иванове. Ликвидация профсоюзов на одних предприятиях сопровождалась снижением их численности на других. Если в 1993 году профсоюзы в среднем охватывали 85,8% работающих, то в 1994 году — 74,1%. В 1994 году лишь на 27,6% предприятий профорганизации охватывали всех работников, включая администрацию, в то время как на 22,4% предприятий — менее половины всех занятых.

По данным статистических отчетов, представленных отраслевыми профсоюзными органами, входящими в Федерацию профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, по состоянию на 1 января 1997 года число членов профсоюзов составляло 1 млн 431 тысяча человек, или 81,1% всех работающих и учащихся. За 1996 год из профсоюзов вышли 19 339 человек, в 1995 году соответственно — 26 300 человек.

Сравнительный анализ статистических отчетов за 1995 и 1996 годы показывает, что число профсоюзных органов и членов профсоюза продолжает снижаться. За 1996 год количество профкомов и профорганизаторов сократилось на 523 единицы, в том числе профкомов — на 168 единиц, а профорганизаторов — на 355.

Сокращение профсоюзных органов произошло, в основном, в профсоюзных организациях работников инновационных и малых предприятий, торговли, народного образования, здравоохранения, госучреждений, культуры, Совета профсоюзов "Единение" (в том числе за счет укрупнения профорганизаций).

По-прежнему почти во всех отраслях продолжает снижаться количество работающих на предприятиях, имеющих профсоюзные организации. За 1996 год их число сократилось на 171 тыс. человек. Значительное сокращение числа работающих произошло на предприятиях радиоэлектронной, текстильной и легкой промышленности, "Электропрофсоюза", в учреждениях здравоохранения, торговли.

Сокращение числа работающих привело к оттоку членов профсоюза, за отчетный год их количество в целом по федерации сократилось на 161 576 человек.

Но несмотря на эти тенденции профсоюзы остаются влиятельной силой как на уровне предприятий, так и на уровне регионов и страны в целом. Руководствуясь Законом "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" и другими законодательными актами, профсоюзы, защищая права трудящихся, стремятся к сохранению общественного равновесия, атмосферы законности и порядка, недопущению крайних форм конфронтации и непримиримости, использованию эффективного механизма реализации выработанной социальной политики и социального партнерства на всех уровнях.

И. К. СТРЕЛКОВСКИЙ,

доцент кафедры правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И НРАВСТВЕННОСТЬ

Исследование любой проблемы предполагает прежде всего определение теоретических и методологических принципов. А поэтому попытка оценивать российскую кризисную ситуацию умозрительно, излишне эмоционально и даже конъюнктурно означает ориентировать общественное сознание на цели и задачи, реально не осуществимые. Многолетние обещания социально-экономического благоденствия обернулись для России продолжительным всеобщим кризисом, конца которому не видно.

Сегодня всем надо осознать, что Россия исторически исчерпала лимит поиска особого пути развития, а поэтому необходимо “подчиниться” всеобщим объективным законам общественного развития. Нынешняя трудная ситуация постсоветской России не безнадежна хотя бы и потому, что имеются историческая практика, опыт экономически развитых стран и, наконец, здравый смысл, из которых следует совершенно определенный вывод — стабильное социально-экономическое развитие общества возможно при наличии трех условий, а именно: а) рыночная экономика; б) гражданское общество; в) правовое государство. Иного пути история не предложила.

Анализ последствий разрушительного кризиса конца 1920-х — начала 1930-х годов убедительно подтверждает, что оздоровление общества в странах Западной Европы и США началось с возрождения правовой культуры, укрепления правозащитной функции государства, усиления нравственных начал в обществе. Это принципиально важный момент, ибо рассчитывать, что благополучие страны возможно вне правового поля, в условиях социальных “джунглей”, есть глубочайшее заблуждение, которое неизбежно обернется губительным застоєм, не имеющим исторических аналогов.

В связи с вышеуказанным необходимо определиться в логической последовательности изложения высказанной мысли. Морально-нравственные нормы являются первичными, в концентрированном виде они получили отражение в христианских заповедях. Однако последние тоже претерпевали кризисные периоды, подвергались ревизии и сомнению. Правовая деятельность государства на определенном этапе развития человеческого общества закрепляла важнейшие морально-нравственные нормы общества, превращая их в общественный императив. Таким образом морально-нравственные и правовые нормы как бы добровольно объединились, положив начало развитию правовой культуры общества, утвердившей сегодня в цивилизованных странах ту ценность, без которой население этих стран не представляет нормальной жизни, а именно — законопослушность. Нельзя не отметить и такой момент, когда с помощью права преодолевались отжившие, реакционные традиции и обычаи, мешавшие прогрессивному развитию общества. Примеров более чем достаточно. В эпоху Возрождения Западная Европа пошла на “штурм” реакционных церковных догматов, и, что самое важное, на что необходимо обратить внимание, именно в этот период наблюдается активизация законотворческой деятельности. Государство вынуждено было прибегать и к принудительным мерам, однако цель оправдывала средства. Активная просветительная деятельность общественно-государственных институтов позволила оздоровить морально-нравственный климат в обществе, положить начало формированию правовой культуры. Очевидное отставание России в этом отношении стало тормозом ее социально-экономического развития, и особенно сегодня, в условиях реформирования всех сфер общества.

СЕКЦИЯ 4. ИСКУССТВО И РЫНОК

(проблемы менеджмента, правового и экономического обеспечения)

В. А. ГУРЕВИЧ,

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой
искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов

ИСКУССТВО И РЫНОК В РОССИИ

(к постановке проблемы)

*“Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать”.*

А. С. Пушкин

“Разговор книгопродавца с поэтом”

Цитирование вынесенных в эпиграф строк А. С. Пушкина стало в последние годы ругинным делом нашего искусствоведения. Что понятно: как говорится, “у кого что болит, тот о том и говорит”. А болит, и болит сильно. Ибо grimасы формирующегося российского рынка, где господствует (пока?) игра без правил, а государство сознательно устранилось от регулярной, материально достаточной поддержки культуры, заставляют вновь и вновь вспоминать пушкинские слова о “веке железном”, в котором “без денег и свободы нет”. Добавим — без законно нажитых денег. Наша же криминализованная экономика во всем блеске реализует себя именно в сфере рынка произведений искусства.

В этом нет, конечно, ничего удивительного: ведь во времена плановой социалистической экономики в нашей стране судьба творений искусства как товара и 20, и 60 лет назад решалась в значительной мере путем купли-продажи из одних частных рук в другие, минуя государственный контроль, невзирая на все преграды и драконовские законы, ставившие, например, коллекционирование предметов искусства фактически в нелегальное положение. Любой опытный антиквар может рассказать на сей счет не одну занятную историю, никак не связанную с тогдашними “комиссионками”. В те времена, как, впрочем, и ныне, они были заполнены, в основном, не самыми лучшими вещами, лучшее же уходило “налево”, продавалось из-под полы, по спекулятивным ценам, хотя такой способ продаж влек за собой немалый риск как для продавца, так и для покупателя.

Были тогда и “сегменты” почти стопроцентного рыночного индивидуального характера: имею в виду музыкальные инструменты, приобретаемые частным путем, на базе цен, складывавшихся с учетом мировой конъюнктуры, союзного и местного спроса и предложения. Кстати, и сегодня это наиболее рыночная в истинном смысле слова сфера, в коей мало что изменилось (кроме, разумеется, цен: вследствие активного вывоза инструментов за рубеж они выросла многократно и, например, ничем не примечательная тирольская скрипочка конца прошлого века стоит 7—8 тысяч долларов, а о приличном мастеровом “итальянце” или “французе” менее чем за 12 тысяч и торговаться не следует).

Иное дело — изобразительное искусство. Высший уровень продаж — на аукционах типа прославленных “Сотби” и “Кристи” раньше был уделом наших крупнейших музеев, на государственные средства что-то приобретавших. Сейчас покупать музеям не на что: проблемы на сей счет есть даже у таких гигантов, как Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, которым власть имущие вынуждены выделять определенные средства под конкретные проекты или в связи с юбилейными датами. Обычные же музеи влачат жалкое существование, вынужденные заниматься всякого рода “отхожими промыслами” вроде сдачи помещений в аренду коммерческим структурам или предоставления залов для приемов, банкетов и тому подобных мероприятий. В этих условиях

продолжает существовать как продажа из рук в руки, так и реализация через сеть салонов и галерей, число которых быстро растет по всей России. Вот тут-то и вступают в свои права теневая экономика. Причем причины ее всевластия не только в переходном характере макроэкономических процессов, порождающем столь типичное для современного отечественного менталитета явление, как рэкет. Как считают многие ведущие искусствоведы-эксперты, руководители крупнейших частных галерей, коллекционеры, ситуация определяется в первую очередь нелпой налоговой политикой, когда вещь выгоднее продать и купить с черного хода, с риском для бизнеса и порой для жизни, но не отдавать государству фантастические проценты, съедающие прибыль подчистую.

Сейчас подобное положение выглядит тем более глупо, что поле для дилеров чрезвычайно расширилось: в связи с тяжелым материальным положением сотни семей потомственных петербуржцев вынуждены продавать фамильные ценности. На рынке то и дело появляются произведения — живописные, декоративно-прикладные, заслуживающие самого серьезного внимания и профессионального отношения. Но где ему — этому отношению — взяться, коли реализовывать товар приходится в условиях царящего правового беспредела. Следовательно, первейший вопрос, от решения коего зависит быть или не быть цивилизованному рынку искусства в России — вопрос правовой. Вместе с экономической проблематикой юридическая все более властно заявляет о себе, а значит, в будущем формирование действительно цивилизованного рынка в искусстве реально только при условии знания всеми участниками процесса купли-продажи норм и правил, регулирующих правовую сторону дела.

Не менее существенной и запутанной сферой в современной ситуации являются вопросы интеллектуальной собственности в искусстве. Нормы, тарифные ставки и прочие “прелести” плановой экономики ушли в прошлое. По логике вещей, их должны бы сменить все те же оговоренные международными правовыми рамками рыночные законы. Однако и здесь нам приходится констатировать крайне малый эффект их функционирования в российских условиях. Возникшее на развалинах ВААП Российское агентство по охране авторских прав оказалось не в состоянии контролировать рынок товаров и услуг, заполненный пиратской продукцией, в котором авторы и владельцы интеллектуальной собственности несут колоссальные убытки, недополучая миллионы и миллионы за пользование их трудом.

Т. В. ИЛЬИНА.

доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета

СУДЬБА ОДНОЙ КАРТИНЫ (Андрей Матвеев. Портрет Петра I)

1. Значение процесса “обмирщения”, победы светского искусства в общем контексте русской культуры Петровской эпохи. Три основных пути ознакомления с общеевропейским искусством:

1) Покупка за границей произведений искусства как живописных (нидерландские пейзажи, преимущественно “марины” соответственно личному вкусу Петра, etc.), так и скульптурных (от антиков, вроде Венеры, названной в Петербурге Таврической, до скульптур Летнего сада работы мастеров главным образом барочного, позднеберниниевского направления).

2) Приглашение иностранных художников на русскую службу: живописцев, таких, как И.-Г. Таиннауэр, Г. Гзелль, Л. Каравакк, скульпторов — К. Оснера ст., Н. Пино, А. Шлютера, Б.-К. Растрелли, графиков (и в первую очередь графиков вроде А. Шхонсбека или П. Пикарта).

3) Одно из самых важных начинаний Петра I: отправление русских людей учиться за границей на государственный счет, государственный “пенсион” (поэтому их стали называть “петровскими

пенсионерами”) как морскому делу, строительству кораблей, различным точным наукам, так и (с 1716 года) — ремеслам и искусствам.

II. Андрей Матвеев как один из первых “петровских пенсионеров” в Голландии и “Брабандии” (1716—1727). Его обучение сначала в Амстердаме у портретиста Арнольда Боонена (письма и счета резидента на русской службе Я. Фанденбурга, раскрывающие этот период жизни А. Матвеева), затем в Антверпене в Королевской академии, овеянной славой Рубенса и других блестящих мастеров фламандской школы XVII столетия. — уже не только портретописи, но и станковой живописи других жанров, а главное, живописи монументально-декоративной (ибо в протестантской Голландии было значительно меньше возможностей для обучения религиозной живописи, чем в католической Фландрии). Зачисление Матвеева в ученики Антверпенской академии 6 декабря 1723 года под № 18 к учителю Сперверу (документ сообщен автору доклада гл. архивистом Королевской академии изящных искусств в Антверпене 18 января 1978 года под № 293 (18) в списке учеников за 1691—1746 гг. Фамилия художника сначала писалась как “Matsches”, переправленная затем на “Matwjeff”.

“Аллегория живописи” — подписное и датированное Матвеевым 1725 годом первое светское произведение живописи в России на аллегорический сюжет.

III. Портрет Петра I кисти Андрея Матвеева из собрания Эрмитажа. История портрета и история его атрибуции. Бытование матвеевского портрета в Романовской галерее Зимнего дворца и в дворцовой описи 1859 года равно как и портрета Петра кисти голландского художника Карела де Моора. Потеря матвеевского портрета в середине 1860-х годов и его переатрибуция на К. де Моора в каталоге А. А. Васильчикова 1872 года. Последующая его научная жизнь как портрета К. де Моора (см., например, Таврическую выставку и каталог С. П. Дягилева 1905 года). Сравнительный искусствоведческий анализ и технико-технологическое исследование эрмитажного портрета Петра I и портрета Екатерины I, купленного Эрмитажем в 1956 году, подписного и датированного, исполненного как парный к портрету Петра в 1717 году К. де Моором, их полное несовпадение и выявление ярко выраженного почерка Матвеева. Исследование гравюр с петровских портретов Матвеева и К. де Моора.

Май 1982 года — обнаружение портрета Петра I работы К. де Моора на аукционе “Русское искусство” в Париже (см. Сент-Сир, К. де. Каталог аукциона “Русское искусство”. Париж, 1982. портрет значится под № 73), подписного и датированного, именно того, что был исполнен как парный к портрету Екатерины, — окончательное и безоговорочное доказательство портрета Петра I из собрания Эрмитажа как произведения Андрея Матвеева (приобретен на аукционе М. Л. Ростроповичем).

Д. Н. КАТЫШЕВА,

Заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения,
профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюз

ТЕАТРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И СВОБОДА ВЫБОРА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

По верному замечанию А. Свободина, театр является несравненной моделью государства. “По мере того, — замечает критик, — как последнее становилось образцово тоталитарным, тоталитарным становился театр. Лидер по призванию все чаще заменялся лидером по назначению” (Свободин А. Просуществоет ли театр до 2000 года? // Культура. 1997. 8 февраля). Сколько невосребованных актерских и режиссерских талантов кануло в Лету, ибо лидер по назначению мог каждому из них сказать, как отрезать: “Я вас не вижу!”.

Принцип несменяемости назначенных главных режиссеров в стационарных государственных театрах приводил к драматическим последствиям, да и новым театральным направлениям, где развертывалась творческая инициатива актера.

Немногим известна волна актерских бунтов против главных режиссеров в 1987—1988 годах. Но достаточно известно рождение целого направления в 1960—1970 годах — монотеатра, когда на сцену выходил один актер и наедине со зрителем творил моноспектакль, сценаристом, а иногда и режиссером которого он выступал сам.

В период становления рыночных отношений в нашей стране эти противоречия получили возможности для разрешения. Альтернативой стационарному выступили театр антрепризный, а также многочисленные негосударственные частные театры, театры-студии. Идея “культурной антрепризы” на коммерческой основе у нас не нова.

История русского театра знает блестящих антрепренеров: Соболевщикова-Самарина, Слонова, Синельникова, у которых играли выдающиеся актеры, гастролировавшие по городам и весям России, излучая свет подлинного искусства. Хотя наблюдалась и обратная сторона неких “Рычаловых” с их неискусством, дурновкусием и бескультурьем. Тем не менее, эта идея сегодня обрела второе дыхание. И нашлись ее страстные защитники и противники. К примеру, Л. Трушкин считает идею антрепризного театра “самой нравственной системой работы”, а А. Гончаров говорит: “Антреприза — это все-таки “прокат”, эксплуатация того, над чем работали другие люди, в другой системе, иных условиях” (Гончаров А. Жизнь или кошелек? // Культура. 1996. 23 мая. С. 9, 12). Да, антрепризный театр в России прошел свой исторический путь, уступив место стационарному, ставшему государственным. И вместе с тем исключился свободный выбор для творческого человека. А без свободы выбора нет свободы творчества, без которой искусство меркнет. Творческий замысел сопряжен с выбором, с правом принять одни варианты и отбросить другие. Как известно, выбор есть информация, на чем справедливо настаивает Ю. Лотман: “Там, где нет выбора, нет информации. Минимальная информация возникает при осуществлении выбора из двух равновероятных возможностей, и чем число возможностей выше, тем выше и величина возникающей при этом информации” (Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин, 1997. С. 25). От художественно осмысленного выбора зависит информация, которую получает зритель.

Второе рождение антрепризного театра, системы негосударственных частных театров отнюдь не умаляет сложившиеся формы и системы отечественного театра. Речь идет о праве на сосуществование различных систем, обеспечивающих свободу выбора, свободу творчества.

Безусловно, идеи стационарного ансамблевого российского театра, который держится на трех китах — школе, студии и собственно театре, — не оспаривается. Более того, на конференциях, посвященных столетию знаменательной встречи К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в Славянском базаре, положившей начало Московскому художественному театру, четко прозвучали мысли о важнейшем завосвании отечественной художественной культуры, фундаментальных ценностях, связанных с открытиями наших великих реформаторов сцены, — стационарного художественного общедоступного театра с постоянной труппой и обширным репертуаром, что позволяет зачинать новые театральные направления. Так родились театры А. Эфроса, О. Ефремова, Г. Товстоногова, Ю. Любимова, З. Корогодского, М. Захарова... Сформировались индивидуальности крупнейших драматургов и великих актеров. Этот тип театра впитал в себя идеи мирового театра для людей, рожденного христианской эрой цивилизации с ее нравственными и духовными приоритетами (в России — Ф. Волков, М. Щелкин, А. Пушкин, Н. Гоголь, А. Островский, А. Чехов, на Западе — И.-В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Ибсен, Л. Висконти, Дж. Стреллер, Ф. Дзэфирелли, П. Брук и др.).

Модель стационарного театра не устарела. Но то, что стали возникать альтернативные модели, преодолевающие застывшие театральные структуры, с их многолюдными труппами, где “проставляют” и дисквалифицируются актеры, — это вселяет надежду на обновление театрального искусства, преодоление кризиса, в котором оно сегодня находится.

Процесс рождения антрепризных театров, целой системы негосударственных частных театров, театров-студий, оказался жизнестойким. Поэтому его и определяют как способ самовыражения

одаренной молодежи, называют плодами экологии духа. Возник интерес к аналогичному процессу в 1930-х годах (Б. Голубовский. "Большие маленькие театры"), когда формировался фундамент, без которого не может быть нового художника и нового театра. Всякого рода запреты, "арифметические подходы" (М. Захаров) — неприемлемы, как и те рождающиеся маленькие театрики "для себя", возникновение которых продиктовано чисто эгоистическими амбициями без наличия существенной театрообразующей идеи.

З. Я. КОРОГОДСКИЙ,

Народный артист России, профессор, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ТЕАТР И ВРЕМЯ

Во всех направлениях современной жизнедеятельности нашего общества самая обсуждаемая, самая острая и парадоксальная проблема — проблема рыночных отношений в процессе перехода в новое социальное переустройство России. С особой остротой она обсуждается в сферах культуры и искусства, жизнь и развитие которых вроде бы и несовместимы с основными критериями рынка: купить-продать. Семь десятилетий культура и искусство были на содержании государства и вдруг оказались в пучине суровых обстоятельств самоокупаемости и борьбы за выживание. Ситуация требует новых навыков и умения, не накопленных в условиях бюджетного финансирования. Естественно, что деятели культуры и искусства растерялись.

Несомненно, государство, озабоченное будущим общества, культурой и образованностью нации, должно помогать тем, кто просвещает, духовно и нравственно воспитывает и облагораживает человеческое бытие и отношения людей, бескультурье и невежество которых превращает переустройство жизни в жестокий хаос, а спасительный рынок — в дикий и разрушительный процесс.

Испокон веков культуру и искусство защищало государство и вопрос только в том, по какому принципу — полного, частичного или остаточного финансирования. Это и обсуждается сегодня в нашем обществе, со ссылками на примеры зарубежного опыта. Ссылки на Америку, Европу и даже Азию не убедительны. У России своя история, свой путь и свой, веками укорененный, менталитет, свои отношения государства с культурой и искусством. В историческом опыте нашей страны особый период — советский, который внедрил в сознание и способ жизни деятелей искусства и культуры зависимость от государства, обслуживание его соцзаказа, верноподданническое отношение.

Рынок разрушил (еще не до конца) этот тип отношений, но разрушил резко, грубо, не дав возможность перестроиться, накопить новые навыки — адаптироваться. Это породило растерянность, нервозность, утечку умов и талантов, угодливость и находчивость преуспевающей масскультуры. Рабская зависимость от государства сменилась зависимостью от рынка: продается — торгуй, шикуй; не востребован "товар" — выкручивайся, приспосабливайся, — "не до жиру, быть бы живу".

Какая несвобода или зависимость культуры и искусства лучше (если зависимость может быть лучше или хуже) от государства-узурпатора или от беспардонного, неуправляемого рынка. Хуже обе! Где же выход?

На мой взгляд, надо учиться жить по-новому, но не по принципу "с волками жить — по-волчьи выть", а сохранять достоинство и самоуважение. Как бы ни относиться к агрессивности рынка, но он открывает возможности рождению новых культурных и художественных инициатив, освобождает от беспредела партконтроля и каприза беззакония. Рынок — закон. Жестокий, но

естественный. Речь идет о таких рыночных отношениях, когда их регулируют объективные критерии ценностей.

Однако рынок не отменяет заботу и ответственность государства за судьбу культуры и искусства, но обязывает обе стороны думать друг о друге. Деятели художественно-культурного фронта должны быть заинтересованы в благополучии государства, которое должно поддерживать создателей духовных ценностей. Можно ужесточить экономические отношения со многими "нерентабельными" очагами культуры и искусства, но нельзя посягать на систему образования, источник будущей культуры страны, новых творцов — творцов нового искусства. Искусству и культуре трудно, тем более в скоростном переустройстве социальной системы — необходимы годы, а то и десятилетия, чтобы народилось и выпестовалось не только культурное, художественно образованное поколение новых Третьяковых и Морозовых, но и другая генерация экономически грамотных и совестливых Станиславских и Немировичей-Данченко — создателей новых МХАТов и Третьяковских галерей.

А пока лучшим, уникальным явлениям культуры и искусства государство должно помочь. Должны помогать богатые — новая сила общества. Меценатство заложено в традиции русского художественно-культурного строительства и в опыте (даже инстинкте самосохранения) зарубежного отношения к создателям художественных ценностей. Необходим учебный срок — переходный период, в течение которого государство и предприниматели, поддерживая культуру, дадут творцам время на обретение опыта жизни и работы по самообеспечению.

Другого пути нет. Рынок — регулятор естественного отбора, если он цивилизованный; но до этого России еще далеко, а потому необходимо делать выбор. Либо рабство и унижение, оплачивая творчеством государственное насилие; либо обслуживание беспринципного рынка, теряя при этом культуру и художественность; либо учиться жить по-новому и служить людям, обществу, помня: "Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать".

Ю. А. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ,

доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член Специального ученого совета Российского института истории искусства, художественный руководитель Санкт-Петербургского театра "Суббота"

ИСКУССТВО—НЕ-ИСКУССТВО В МИРЕ-РЫНКЕ

Для данного сообщения применим способ "письма". Понятие "письмо" позволяет ограничиться произвольной цепочкой наблюдений и вопрошаний, эмоциональными жестами указаний в стороны разнородных элементов — идей, явлений, поразивших наше воображение парадоксов и прочее. Удобство такого подхода объяснимо: мы освобождаем себя от строгого анализа и разрешающей определенности, ведущих подчас к претенциозности и категоризму. Но и в нашем "письме" автор все же не застрахован от последних. Современное сознание открывает для себя мир как бы заново; вводятся новые измерения, заявляют о себе радикальные, "крутые" научные парадигмы, но, увы, при этом все происходит в отсутствие терминологического консенсуса, в ситуации бесконечных перемен смысла и объема понятий. Все это и побуждает обратиться к непритязательной методике разговора.

1. Итак, бизнес и искусство. В глубинном смысле это две противостоящие, разнородные и несоизмеримые реальности. В литературе уже проговаривалась ситуация опасного противоречия между ценностями в индустриальной системе координат и ценностями социокультурных сфер, таких, как, например, искусство.

Движение “частиц” разнонаправленное. Когда же возникают касания капитала и настоящего искусства, то не остается полной уверенности, что это закономерность. Напротив, плотные взаимодействия с не-искусством не случайны.

Прагматическое мышление бизнесмена ничуть не мешает ему понять и оценить подлинное произведение искусства, бескорыстно способствовать развитию художеств. Но настоящий бизнесмен никогда не поймет предельного основания мышления артиста, отчего тот (как когда-то заметил русский философ Федор Степун) никогда не согласится надеть корону короля, вместо того, чтобы сыграть короля.

Вкрадывается предположение: по своему мировосприятию бизнесмен комфортнее ощущает себя, когда имеет дело с наукой, и невольно, не по злему умыслу, часто оказывается причиной того, что разного рода технократические проекты подавляют гуманитарную сферу.

Но не следует опережать собственную мысль, мы только в начале драмы жизни, разыгрываемой человечеством, и просмотрели только первый акт представления с непредсказуемым финалом. Дальше.

2. Но что же означает это настоящее искусство? Открывая заново мир, научное познание в конце второго тысячелетия с известным удивлением обнаруживает, что в обновлении картины мира применимы оказываются принципы не только научного, но и художественного творчества. “Можно говорить, — замечают исследователи, — о суперпозиции рационального и чувственного восприятия мира при опоре не только на знания, но и на интуицию, опыт, чувство прекрасного” (Михайловский В. Н., Светов Ю. И. Научная картина мира: архитектура, модели, информатизация. СПб., 1993. С. 27). Заметим, что речь идет именно о научной картине мира (в отличие от имеющего хождение понятия “художественной картины мира”). Добавим, что интуиция, опыт и чувство прекрасного, эстетическое начало пронизывают, как известно, все сферы деятельности, однако не является ли художественность той сферой, той единственной областью, в которой интуиция оказывается “в своей специфике”, наиболее полно реализуется в своей всеобщности, схватывая ее синтетизм (целостное усмотрение)? Академику РАН Е. Л. Фейнбергу принадлежит справедливое утверждение своеобразного “паритета авторитетов” научного и интуитивного суждения. Ученый констатирует континуум, совместимость науки и искусства, искусства и религии, при этом суперфункцию искусства он видит в методе укрепления доверия к интуитивным суждениям, недоказуемым и неопровержимым дискурсивно.

Иными словами, все определеннее тайна искусства обретает свою легитимность для строгой науки, воспринимается не как стертое красивое выражение, но как рабочий термин, обозначающий фундаментальный признак настоящего искусства.

В ряде культурфилософских трудов искусство рассматривается в контексте принадлежности чувствований одновременно к бытию и сознанию человека.

Синергетические подходы к мироустройству позволяют также утверждать, что художественное мышление “наделено” изначально нелинейностью, сложностью как система. Художественная форма относительно устойчивое состояние в динамическом хаосе. Но ее положение зыбкое, пульсирующее. Форма как бы постоянно теряет равновесие, готова к неожиданным и множественным преобразованиям, ее движение разнонаправленно. В указанной особенности таится и ответ на вопрос о том, что собой представляют отмечаемые в “большой истории” переходы искусства в не-искусство и обратно. По аналогии с хаосом, культурная “Вселенная” также содержит как устойчивые формы художественности (скажем, шедевры), так и околохудожественные частицы, псевдохудожественные “имитации”, клетки, протофеномены. Имеются и автономные области “линейного” в необъятном пространстве (среде) сложного.

3. От объяснения природы искусства, доверия к его авторитету как одной из основных форм познания-общения, следующий шаг: признание вообще мышления человека в принципе как художественного.

Вероятно, именно художественное — та форма жизни, в которой поселяется дух. Н. А. Бердяев замечал — произойдет “подчинение техники духу” (Барабанов Е. В. Предисловие к публикации

статьи Н. А. Бердяева "Человек и машина" // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147). Впрочем, о красоте, которая спасет мир, мы говорим уже давно согласованным хором. Перефразируя философа, можно завершить нашу трехчастную пьесу словами: "Произойдет подчинение бизнеса искусству".

А. В. РЫЧКОВ-ГАЛАКТИОНОВ,

действительный член Международной академии энергоинформационных наук, член Союза художников России

ЭНЕРГЕТИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕРНИЗМА

Истинное открытие всегда граничит с абсурдом. За ним, как следствие, скрывается переворот в сознании. Рушатся, казалось бы, незыблемые истины. На самом деле происходит закономерное отторжение заплесневелых догм, отыгравших свою роль.

Эти изменения продиктованы временем, стремлением человека достичь нового уровня сознания, в результате открытия иных технических средств и форм.

Искусство всегда несет в себе мир непредсказуемой адекватности материи и духа, в основе единства которых — закономерная случайность.

Достаточно вспомнить открытия в науке Архимеда и Ньютона, Бора и Эйнштейна, произведения гениев мирового искусства Джотто и Мазаччо, Эль Греко и Тициана, Рембрандта и Рубенса.

XX век принес целое извержение стилей и направлений, основанных на закономерной случайности в открытии новых изобразительных средств и форм, вращающих колесо мировоззренческих концепций. Все основные направления и течения в искусстве XX столетия, начиная с фовизма и кубизма, имеют парадоксальное стремление к абсурду. Однако эта абсурдность кажущаяся. По острому выражению К. Малевича: "Художники стремились уйти из-под зеленого мира мяса и кости".

Это стремление уйти в другую реальность, не связанную с отражением действительности, началось с фовизма, окрепло в кубизме. Футуризм и супрематизм взорвали сам термин "изобразительное искусство", заменив его понятием "творчество".

На смену изобразительному искусству пришло формотворчество. Художник становится объектом собственного исследования, объектом самого себя, исходя в своем творчестве не из природного прообраза, а из абстрактного формообразования. Субъективное формовыражение становится более социальным явлением, чем социальная действительность.

Так Пит Мондриан пришел к открытию неопластицизма. Это была форма абсолютного лаконизма с идеей нониндивидуальности на основе гармонического сочетания "цвета и нецвета" (цветных и черно-белых прямоугольных форм с диссонансом параллельных и пересекающихся линий).

Открытие Р. Делоне спектрального сочетания цвета, создававшее трехмерное ощущение объемности, явило новое ответвление абстрактной живописи — орфизм.

Одним из последних проявлений абстракционизма был ташизм. Это метод прокатывания частично окрашенного вала или живого тела по загрунтованному холсту. Однако, несмотря на отдельные достижения, формотворчество все дальше уходило в тупик строительного декоративизма. Необходимо было вливание свежей мысли.

Философской опорой всего модернизма XX столетия стал философ Э. Гуссерль. Он писал: "Физическое воздействие цвета слишком поверхностно и кратковременно, если оно лишено психологического воздействия. Именно на этом уровне цвет несет душевную вибрацию, если не вызывает никакого внешнеговещательного действия".

После изощрений поп-арта, боди-арта, гиперреализма и театра абсурда с его знаменитыми "хэппинингами" (спектаклями-экскурсиями по неожиданным местам) искусство окончательно уходит

в концептуализм. Вы хотите идею, говорил Ворингер, оглянитесь — она везде, в каждом предмете. Зачем подменять природу искусством, носиться с собственной индивидуальностью? Достаточно обосновать концептуально тот или иной объект, чтобы назвать его произведением искусства.

Сколько еще можно искусственно углублять сухие факты природы: до выблисков духовного опыта, если любая форма — носитель мысли. Красивые слова не смогли спасти предательства искусства, подмены его псевдотеатром, псевдоцирком, шутовством и полным идиотизмом под лозунгами “китча”. И снова от холодного рационализма концептуальных рассуждений, шоу-программ время возвращает искусство в мир непредсказуемой адекватности материи и духа на новом уровне сознания.

Познание предстает как опознание мыслью ее собственной объективности, в субъективном образе мира.

Абстрактное мышление как ключ к познанию мирового единства выводит к энергоинформационной сущности искусства — энергетизму — вневременной форме сознания. Высокой целью искусства становится материализация и дематериализация пространства духа, подобно функции самой планеты. Не секрет, что биосфера Земли, как космического тела, представляет собой гигантский живой компьютер со сложнейшими энергоинформационными механизмами саморегуляции. Она влияет информационными уровнями внешней среды на сознание человека, определяет его психическое восприятие и, как следствие, формирует представление о красоте и гармонии. Нет больше никаких делений на физическое, витальное или ментальное. Есть единое пространство, впитавшее в себя, как опыт, парадоксальность взаимосвязи субстанций. “Вневременное сознание” освобождает человека из-под власти условности времени, связывая прошлое, настоящее и будущее в непрерывном знании, ибо любое “конечное” бесконечно во “вневременном состоянии”. Соотношение частей в целом — это азбука, за которой мир непредсказуемой адекватности — истинной вневременной гармонии.

Научные исследования В. Вернадского, К. Юнга, А. Кестлера в области единой информационной среды планеты и человека, опыты Керлиана о наличии тонких тел вокруг физического тела, а также многочисленные исследования академиков (МАЭИН) Е. Файдыша, А. Акимова и других доказывают неосознанное взаимодействие человека с внешней средой на энергоинформационном уровне. “Вневременное сознание” меняет представление о действительности, трансмутируя саму нашу биологическую природу. Происходит преобразование негативного начала деструктивной энергии. Невидимый (непроявленный) мир природы и человека объединяют понятием “тонкий план”, состоящий из энергоинформационных полей (окружающего пространства и биоэнергетики человека).

Биоэнергетика человека — это часть энергии окружающего пространства, входящая в него и преобразованная его биологической системой в отрицательную и положительную энергию, как (+) и (-) единого целого.

В измененном состоянии сознания (озарении) человек частично освобождается из-под защитных блокирующих систем собственной биологической природы в приеме информационного потока из внешней среды, становясь проводником незримых космических энергий.

Современные научные исследования, связанные с изучением процессов саморегуляции, качественно меняют наше представление о физической реальности окружающего мира. Оказалось, что в развитии человека и биосферы в целом определяющую роль играют информационные связи взаимодействия, которые определяют адаптивные возможности биосферы планеты и человека.

На уровне импрессионизма, фовизма, кубизма художник опирался на ассоциативное восприятие действительности.

На уровне экспрессионизма, сюрреализма и абстракционизма он был предоставлен рефлекторной интуиции формотворчества вне отражения действительности.

На уровне энергетизма художник становится проводником и преобразователем незримых космических энергий в формы искусства, вне дуализма материи и духа. Этому способствуют следующие факторы:

— развитие науки;
— трансмутация природы и человека;
— трансперсональный опыт вхождения в измененное состояние сознания. “Энергетизм” как мировоззрение и новое направление искусства закрывает зоологическую мораль с ее эстетическим восприятием, выдвигая качественно новые критерии в противовес прикладному концептуализму с его перформансами и инсталляциями.

Критерии “энергетизма”:

1. Энергоинформационный обмен, представляющий основу взаимосвязи видимого и тонкого мира, как процесс материализации духа.

2. Энергоинформационные отношения — это пропорции взаимного проникновения духовной и материальной субстанций

3. Энергоинформационное пространство — это форма обратной связи, где пространство, как обратная сторона времени существует в различных измерениях одновременно.

4. Энергоинформационная гармония — есть взаимосвязь энергий направленного и отраженного биополя, образующая энергетическое целое.

“Энергетизм”, в отличие от всех метафизических концепций, открывает реальность материализации пространства духа, не имеющую ничего общего с мистицизмом.

Трансмутация биосистемы человека обусловлена самой природой, эволюцией ее взаимосвязи с внешним галактическим миром.

Этот процесс необратим, природа содержит в себе новые формы бытия и новое сознание человека в понимании искусства.

И. А. АЛДОШИНА,

доктор технических наук, профессор кафедры музыкального искусства Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;

Н. И. ДВОРКО,

кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой музыкального искусства Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ЗВУКОРЕЖИССЕР В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Современные компьютерные технологии открыли принципиально новые возможности создания и массового распространения музыкальной информации. Появившиеся сравнительно недавно средства цифровой звукозаписи, цифрового радиовещания, компьютерные сети Multi-Media и др. расширили способы обработки звука, позволили улучшить качество звучания и обеспечить передачу пространственной информации (системы Home-Theatre и др.).

Все это существенно увеличило возможности распространения музыкальной культуры среди массовой аудитории и соответственно привело к изменению функций и роли звукорежиссера в средствах массовой информации.

На предыдущих этапах развития звукового вещания роль звукорежиссера сводилась к записи в студиях и концертных залах классической, эстрадной музыки, речи, обработке и передаче “естественного музыкального образа” широкой аудитории слушателей средствами радиовещания, звукозаписи и др. Работа звукорежиссера требовала специального музыкального образования, глубокого понимания стиля и манеры композитора и исполнителя, высокой музыкальной культуры, хорошей технической подготовки.

Современные технические средства (многодорожечная магнитофонная запись, компьютерные звуковые вещательные станции, использование электромузыкальных инструментов) позволили

создавать музыкальные произведения прямо в студиях, не имея в качестве эталона “естественного” образа. Ответственность за созданное произведение наравне с композитором и исполнителем в значительной степени легла на звукорежиссера, так как от его музыкальной и общей культуры зависит качество произведения, донесенного до массового слушателя.

Функции звукорежиссера значительно расширились, спрос на профессию резко вырос, его работа необходима в студиях радиовещания, телевидения, кино, шоу-бизнесе. Все это привело к приходу в значительной степени неподготовленных в техническом музыкальном и общекультурном отношении людей и способствовало снижению уровня массовой музыкальной культуры.

В современной ситуации уровень обучения и подготовки звукорежиссеров существенно определит уровень дальнейшего развития музыкальной культуры общества, так как результаты его деятельности тиражируются миллионными экземплярами.

Главной задачей в организации подготовки звукорежиссеров является сочетание глубокой технической подготовки (в том числе овладение современными компьютерными технологиями) и понимание специфики различных жанров (театра, кино, телевидения, шоу-бизнесу) с высокой общей гуманитарной и музыкальной культурой.

Е. В. ГЕРЦМАН,

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории искусства Российской академии наук, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РЫНОЧНАЯ ОДИССЕЯ “ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕОРЕТИКОНА”

Говорят, что собственный опыт является наиболее плодотворным, поскольку он дает возможность оценивать события не в качестве спокойного постороннего наблюдателя, а активного их участника. Именно это обстоятельство позволяет в дальнейшем, когда страсти и переживания остаются позади, досконально проанализировать ситуацию. И даже если не будут сделаны надеющиеся, так сказать, теоретические выводы, то сам акт познания останется неоценимым для будущего.

Такое напоминание просто необходимо для предлагаемого сообщения. Ведь я хорошо сознаю, что сфера моих научных интересов слишком далека от проблем рынка, связанного с искусством. Мне лишь известны отдельные тенденции на рынке греческих музыкальных рукописей середины и второй половины XIX века, когда архимандрит Порфирий Успенский приобретал их на христианском Востоке, а некоторые меценаты покупали для того, чтобы затем передать в дар Императорской Публичной библиотеке. Несмотря на всю ценность этой информации, обладание ею не дает возможности точно судить о сложном и постоянно меняющемся рыночном организме. Вместе с тем, мне показалось, что мой собственный практический опыт в этой области может заинтересовать специалистов, и если даже он не пополнит арсенал сведений по этому вопросу, то лишний раз подтвердит уже известные представления. Хотя я отдаю себе полный отчет в том, что ничего радикально нового для подлинных знатоков дела не скажу, однако смею надеяться, что информация, содержащаяся в моем кратком сообщении, не пройдет бесследно для заинтересованных.

Прежде всего, немного истории.

В книгохранилищах и архивах Петербурга, среди многих уникальных памятников хранится значительное количество греческих музыкальных рукописей, которые различными путями в XIX веке попали в столицу Российской Империи: преподношения от афонского монашества, дары русских дипломатов, работавших на Востоке, путешественников, меценатов и простых читателей.

Кроме того, Императорская Публичная библиотека сама покупала некоторые рукописи. Аналогичную деятельность осуществлял в свое время и Русский археологический институт в Константинополе (1894—1914), большая часть архива которого хранится теперь в Библиотеке Российской академии наук. В результате в нашем городе оказалось уникальное собрание источников, отражающих чуть ли не десятивековую историю музыки Греческой Церкви. Но его судьба была безрадостной. По многим объективным причинам (о них должен быть особый разговор) в России XIX — начала XX века не было ни одного специалиста по греческой музыке. После же рокового 1917 года в атеистической стране Советов никого не могли заинтересовать материалы даже по русской церковной музыке, а тем более — по греческой. И, таким образом, эти уникальные источники лежали не только неисследованными, но по большей части вообще оставались неизвестными.

В то же самое время за границей (там с 30-х годов XX столетия активно стала развиваться музыкальная византистика) специалисты знали, что в Петербурге хранится замечательный фонд греческих музыкальных рукописей. Они стремились ознакомиться с ним, поскольку эти манускрипты содержали важные сведения о музыкальном быте византийской и поствизантийской церкви, о творчестве духовных композиторов. Однако те отчаянные ученые, которые все же отваживались приехать в город на Неве, оказывались ни с чем: ведь мы прекрасно помним сколько препятствий каждому из нас приходилось преодолевать во времена советской власти при попытке проникнуть в архивы и рукописные отделы библиотек. Для иностранцев же эти преграды порой оказывались непреодолимыми. И если даже некоторым из них удавалось несколько часов держать в руке какую-либо рукопись, то о подлинно научном и тщательном ее изучении не могло быть и речи. Поэтому для зарубежных исследователей греческие музыкальные рукописи Петербурга продолжали оставаться тайной, хотя интерес к ним никогда не ослабевал.

Во времена, вошедшие в нашу историю под названием “перестройка”, когда постепенно стал меняться образ жизни страны, у меня появилась надежда, что недалек тот час, когда можно будет начать публикацию отдельных источников из этого фонда. Первым и наиболее целесообразным шагом мне представлялось издание важнейших музыкально-теоретических работ. На протяжении нескольких лет я трудился в этом направлении, в результате чего получился довольно солидный *compendium*, состоящий из малых и больших трактатов по теории греческой церковной музыки: греческие тексты XIII—XVIII вв., их русские переводы и обстоятельные исторические комментарии. Книга получила название “Петербургский теоретикон” (руководство по церковной музыке).

Не скрою, что моя активность в этой работе подогревалась не только сознанием того, что я делаю нужное и важное для исследования истории музыки дело, но и тем, что появился человек, готовый вложить средства в публикацию книги. Тогда меня мало волновало, что он недостаточно профессиональный издатель, а лишь бизнесмен, надеющийся заработать на этом мероприятии. Я знал, что моего компаньона не интересовала научная ценность издания, а беспокоила только его рыночная стоимость. Во время наших частных бесед, я старался обрисовать ему реальную ситуацию, акцентируя внимание на том, что основной рынок сбыта будет находиться не в России и не в странах СНГ (сам издатель — с Украины), а за их пределами. Поразмыслив над этим, он стал настаивать на том, чтобы книга вышла исключительно на английском языке, поскольку адресована в основном не русскоязычным читателям. Понимая его беспокойство, я все же постоянно помнил, что в “Петербургском теоретиконе” собраны источники из петербургских архивов, являющихся нашим историческим достоянием, и с морально-этической точки зрения недопустимо забывать об отечественных исследователях и библиотеках. Поэтому было решено, что книга выйдет в форме *bilinguis*, то есть, одновременно на русском и английском языках (при этом следует помнить, что сами первоисточники даются также и на языке оригинала — по-гречески). Чтобы повысить научную ценность издания, в конце книги были приложены фотокопии всех публикуемых рукописных листов. Благодаря этому читатель получал в свое распоряжение копии оригиналов. Таким образом, было сделано все для того, чтобы книга, содержащая более 1000 страниц, оказалась на достойном научном уровне. Правда, потом оказалось, что ее полиграфическое исполнение оставляло желать

лучшего: бумага оказалась не должного качества и переплет мог быть выполнен значительно лучше (очевидно, издатель сэкономил на типографских расходах). Вместе с тем, был убежден, что для ученых, которым предназначалась книга, это все не столь важные категории, не идущие ни в какое сравнение с научным наполнением тома. Поэтому я надеялся на лучший исход.

Однако самые большие трудности, неожиданности и разочарования начались для меня после того, когда труд был закончен, а все случившееся в дальнейшем с книгой не имело никакого отношения к ее научно-музыковедческому содержанию.

Недоразумение началось тогда, когда тираж книги уже был готов. Издатель, вложивший средства в его производство, как это ни странно, внезапно отказался от распространения книги. Его мотивы сводились к тому, что он не знает рынка, не знаком с его особенностями и даже не имеет возможности вступить на "рыночную площадь", поскольку возникает много проблем со специфической рекламой, с пересылкой книг, с таможенными правилами и т. д. Чтобы до конца были ясны причины страха, возникшего у издателя, безусловно достойного человека, к которому я до сих пор отношусь с уважением, поясню, что до того времени он не то чтобы никогда не занимался изданием книг, но в его предшествующей деятельности были лишь единичные опыты по изданию и распространению одного-двух популярных изданий, да и то, в рамках лишь одного сравнительно небольшого города. Его главный и основной бизнес вращался в совершенно иных плоскостях, не имеющих ничего общего с книгоизданием. И, судя по всему, он взялся за это дело, рассчитывая на легкий финансовый успех (конечно, в валюте, поскольку основной рынок — за рубежом), не задумываясь над всеми сложностями, обязательно возникающими перед дилетантом при работе со столь серьезной книгой на незнакомом рынке. Я же не придавал большого значения отсутствию достаточного издательского профессионализма у человека, которому вручил судьбу книги (хотя по своему образованию он, кажется, действительно, работник полиграфической промышленности). Для меня была важна публикация источников, научную ценность которых я хорошо понимал.

Конечно, с точки зрения здравого смысла, сложившаяся ситуация была совершенно абсурдной. В самом деле, как мог человек, никогда не занимавшийся изданием научной литературы, рискнуть вложить средства в неизведанное для себя дело, и как он мог, затратившись на производство книги, отказаться от ее продажи? Очевидно, ответ на первую часть вопроса связан с уровнем мышления "советников", окружавших моего издателя и работавших в его фирме. Что же касается второй его части, то здесь все было намного проще. Как я теперь понимаю, моя книга была лишь мимолетным эпизодом в его бизнесе. Причем это касалось не только количества времени и энергии, затраченных им на ее производство, но и мизерной доли средств, отпущенных для достижения этой цели по сравнению с теми финансовыми операциями, которые постоянно осуществляла его фирма. Мне кажется, когда он понял, что допустил оплошность, войдя в неизвестный для себя мир, то посчитал более благоразумным потерять меньшие деньги, уже затраченные на тираж книги, чем продолжать плавание по незнакомому бурному океану, в котором можно потерять куда больше.

Как бы там ни было, но я был поставлен перед фактом: издатель, в обязанности которого, естественно, входило и распространение книги, категорически отказался заниматься ее продажей. Я был в растерянности! Что делать? Ведь для меня недопустима была сама мысль, что книга не дойдет до своего читателя. Начались активные поиски тех профессионалов, которые могли бы заняться ее распространением. Но специалисты, более или менее удачно действовавшие на книжном рынке, либо вообще отказывались связываться с научной книгой, посвященной столь специфической тематике, либо ставили такие финансовые условия, на которые мой издатель, в распоряжении которого продолжал оставаться тираж, не мог пойти. Ведь тогда он еще не потерял надежды не только вернуть затраченные средства, но и кое-что заработать (конечно, уже не столь много, сколько ему представлялось возможным в самом начале "истории").

А время шло. Ему нужно было платить и за аренду склада, и объяснять своим компаньонам, почему он не распродает давно сделанный тираж книги. Кроме того, следовало платить налог за

продукцию, от которой он не получил еще никакой прибыли. Одновременно с этим, он должен был сосредоточиться на других сторонах своего многоликого бизнеса, от которого зависело не только его процветание, но и благополучие людей, работавших в фирме. А груз тиража висел на нем и давил своей тяжестью. Постепенно я стал понимать, что он хочет избавиться от него любыми средствами. Книга, являвшаяся этапной для моей научной биографии и самой жизни, была для него лишь ничем не значащим мимолетным эпизодом, а точнее — небольшой неудачной финансовой операцией, которую нужно было быстрее пережить и сразу же забыть. Тогда мне стало ясно, что, помимо моего желания, все заботы о тираже книги ложатся на меня. Я давал себе ясный отчет в своей полной беспомощности в предстоящем деле и хорошо понимал, что это может надолго отвлечь меня от научной работы. Но другого выхода тогда я не видел.

И вот осенью 1994 года, когда уже тираж прибыл в Петербург, в крупнейшие библиотеки мира, в библиотечки университетов и специализированные научные центры, мною была разослана следующая рекламная листовка:

Evgenij Gertsman PETERSBURG THEORETICON

This edition is conceived as a publication, translation and study of Greek musical theoretical manuscripts kept in Petersburg. No manuscript has ever been published.

This book includes concise manuals on musical theory, based on the manuscripts of XIII—XVIII centuries used in the musical practice of the Greek Church. It also contains the so-called "Dialogue on intervals" of XVIII century, a manual on musical theory constructed in the form of a dialogue between the teacher and the pupil, a treatise on musical assigned to St. John of Damascus: "Explication of music", a work of the illustrious Greek melourgos, priest Ioannes Plousiadenos (1429-1500), and "Introduction into music" created in XVIII by bishop Cyril from Tenos.

The edition present Greek primary sources, as well as their translation and study in Russian and English, and supplied with facsimile reproduction of the published manuscripts.

It is prepared by musicologist Evgenij V. Gertsman, the author of "Ancient musical thought" (Leningrad, 1986), "Byzantine musicology" (Leningrad, 1988), "Music of Ancient Greece and Rome" (Sankt-Petersburg, 1995), "Musical Boethiana" (Sankt-Petersburg, 1995) and series of articles concerning Ancient Greek and Byzantine musical theory and history.

The book "Petersburg theoreticon" has 1932 pages, including 130 colour illustrations of Greek Manuscripts. The book is printed on the offset paper 60 gramms, the format 60/90 in 1/16, with a hard binding and a dustcover.

Далее указывалась цена книги и соответствующий банковский счет, на который следует перечислять деньги за книгу.

Одновременно с этим ведущие европейские научные журналы, освещающие проблемы византистики и новоэллинической культуры, получили экземпляры книги. Конечно, самым близким коллегам я также послал их в надежде, что это послужит делу популяризации издания. И начал ждать.

Но ждал я долго и напрасно. Как я понял впоследствии, крупнейшие библиотеки мира, подобно университетским и прочим, предпочитают иметь дело с диллерскими организациями, специализирующимся на продаже книг конкретного профиля. Продавцы-одиночки, вроде меня, не вызывают у них доверия. Поэтому все мои попытки распродать тираж наталкивались на хорошо организованную и давно устоявшуюся торговую сеть, которая не дает возможности проникнуть в нее случайным людям.

Вся "рыночная одиссея" закончилась следующим. В течение нескольких лет, с 1994 по 1997 годы, в России и за ее пределами было куплено около 70 экземпляров. Если же учесть, что в России книга продавалась по цене в два раза меньшей, то станет ясно, что вырученной суммы едва-едва хватило голько на то, чтобы покрыть расходы, связанные с хранением тиража. А когда и они иссякли, передо мной вновь возникла сложнейшая проблема: где и как хранить книги? В минуты отчаяния

меня осенила идея передать весь тираж в дар Российской Национальной библиотеке, что я и сделал с огромной радостью, даже не поинтересовавшись мнением издателя, поскольку он фактически бросил тираж на произвол судьбы.

Теперь Российская Национальная библиотека, имеющая обширную сеть торговых связей, как в России, так и вне ее, насколько мне известно, успешно распродает тираж и активно использует его в международном межбиблиотечном обмене. Да это и не случайно, поскольку уникальные материалы, изложенные на ее страницах, слишком важны для научного освоения истории музыки.

В настоящее время я понимаю, что весь казус произошел не из-за научной слабости книги, не из-за некоторых дефектов ее полиграфического выполнения, а из-за полного пренебрежения законами рынка, успешная работа на котором доступна только профессионалам.

Р. Б. ГРОМАДСКИЙ,

Народный артист России, декан факультета искусства, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В УСЛОВИЯХ РЫНКА

На протяжении всей своей многовековой творческой истории искусство драматического театра впитывало в себя все лучшее из научно-технического прогресса; затем с появлением кинематографа, телевидения, видеондустрии и, наконец, системы Internet театру пришлось отстаивать свое право на существование перед теми, кто пытался доказать близкую "кончину театра", так как кинематограф и телевидение имеют перед "архаичностью" и "условностью" театра огромные преимущества.

Я же хочу сказать об одном преимуществе театра перед кинематографом и телевидением. Преимущество, которое всегда было, есть и будет и которым никогда не будут обладать ни кинематограф, ни телевидение, как бы они ни совершенствовались. Я имею ввиду зрителя, а точнее его роль.

В кино и на телевидении зритель является просто созерцателем. В театре он — создатель. Зритель в театре оказывает самое непосредственное влияние на ход всего происходящего на сцене. Спектакль как бы рождается на премьере, а дальше начинает свою творческую жизнь. На протяжении всей этой жизни он может видоизменяться, находить новые оттенки и нюансы, и все это происходит при непосредственном участии зрителя. И так будет всегда. На мой взгляд, это принципиальное отличие театра от всех остальных видов искусств.

Сейчас театр вошел в новую очень сложную полосу своего становления. Театр в России никогда не был самокупаемым. Он может жить либо за счет государства, либо за счет меценатства.

Что касается царской России, то в ней театр не был доступен широким слоям населения, поэтому малое количество театров давало возможность содержать их за счет государства и содержание это было вполне приличным. СССР поставил перед собой сложную задачу сделать театр доступным для широких слоев населения, но, к сожалению, не смог найти верного способа ее решения. В ряде городов началось строительство огромных театров и домов культуры, которые были рассчитаны прежде всего на количество зрителей, а не на качество спектаклей. В СССР было более шестисот театров, бюджетных ассигнований при этом катастрофически не хватало. Это не могло не привести к общему спаду уровня театральной культуры.

Сейчас государство практически прекратило финансирование театров, не контролирует репертуарную политику, но при этом дало театру полную творческую свободу и самостоятельность. И как ни странно это нездоровое положение имеет свои плюсы и минусы. Отсутствие бюджетных

средств заставляет руководителей театров искать источники их получения. Занятие это сложное и опыта у руководителей творческих организаций пока очень мало, поэтому они идут самым простым и не всегда оправдывающим себя путем. Продастся или сдастся в аренду все, что только можно. Зачастую под крышей драматического театра обосновываются полукриминальные, а иногда и просто криминальные структуры. Нищенские оклады руководителей театров часто толкают их на то, что большая часть средств, которые мог бы получать театр за аренду, уходит в бездонные карманы нечестных руководителей.

Но самое удивительное, что при этом катастрофическом финансовом положении количество театров (особенно в крупных городах) резко возросло. В чем же здесь секрет? Мне думается, что прежде всего в свободе творчества, в специфике нашего ремесла. Личность, наделенная творческим даром, готова недоедать, жить в полной нужде, но заниматься своим любимым делом. И, конечно же, это новое чувство свободы и самостоятельности дает людям искусства право на эксперимент и надежду на успех.

О. Ф. ПЕТРОВА,

профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

НОВОЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ВОПРОСАМ АРТМЕНЕДЖМЕНТА И АРТМАРКЕТИНГА

Традиции художественного рынка (с участием массового покупателя) в России оказались утраченными. В течение последних 75 лет советского периода основным покупателем было государство. Художественный рынок монополизирован. "Потолок" ценника определялся закупочной комиссией Министерства культуры и Союза художников. Затруднены были покупки произведений современных художников, в том числе и неофициальных художников (не членов Союза художников). Этим объясняются пробелы в собраниях отечественного искусства указанного периода и утрата для России большого числа художественных произведений.

В современных исследованиях по вопросам артменеджмента и маркетинга на конференциях и коллоквиумах по проблемам художественного рынка (1996—1998) под руководством президента Фонда содействия развитию культуры и искусства в странах Центральной и Восточной Европы Джулиана Пуля Вашингтон, на научно-практической конференции по вопросам артмаркетинга в Государственном Русском музее (1998) наместились главные направления в создании новейших методик по проблемам художественного рынка. Современных методик по проблемам художественного рынка в настоящее время в России не существует.

Первый круг вопросов предполагает необходимым изучение прежде всего портрета покупателя, его потребностей, анализ эволюции пути к выяснению "высшей потребности", т. е. собирание максимально полной информации о покупателе, "потребителе" (банки, фирмы, биржи, корпоративные коллекционеры, банкиры и др.). Необходимо также изучение самого процесса формирования массового покупателя и определение роли художественного музея, его особой роли в приобретении художественных произведений и развитии художественного рынка.

Второй круг вопросов связан с созданием портрета предпринимателя, продавца, с изучением организации художественного рынка (комиссионные, антикварные магазины, галереи, салоны, фирмы, суперфирмы), их деятельности, взаимосвязи, уровня знаний.

Третий круг вопросов включает историю создания художественного рынка и четвертый — искусство и интернет. В настоящее время разрабатывается программа обучения маркетологов в области изобразительного искусства. Данная программа разрабатывается О. Ф. Петровой и

Е. Ю. Турчинской и состоит из следующих курсов: истории искусства XVII—XX веков (по различным видам искусства); специфика ценообразования художественного произведения; стилистические особенности художественных произведений XVII—XX веков (большое внимание в этом курсе уделяется выявлению стилистических особенностей произведений отечественного искусства 20—90 годов XX века); сохранность произведений искусства; методика общения с покупателем (предусматривает разные психологические формы этого общения); экспертиза произведений искусства (курс предполагает работу в реставрационных мастерских Русского музея и Эрмитажа). Данная программа может быть использована как в учебном процессе нашего университета, так и в других учебных учреждениях.

И. М. ГУРЕВИЧ,

Заслуженный работник культуры России, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ, ИСКУССТВА И ТУРИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Трудно переоценить то значение, которое может иметь туризм для развития различных областей экономики страны.

Благосостояние ряда государств полностью или в значительной степени зависит от состояния сферы туризма (Греция, Испания, Италия, Франция, Болгария и др.). Россия обладает богатейшим культурным наследием — только под охраной государства находится более 20 тысяч памятников истории, архитектуры и монументального искусства. Кроме того, в стране имеется целая сеть исторических, художественных и других музеев (1143).

Однако эти богатства еще недостаточно используются для развития туризма, расширения его географии, обогащения содержания, увеличения количества экскурсантов и путешественников. Если в 1980 — начале 1990-х годов, в связи с распадом СССР, нестабильной обстановкой в ряде регионов страны, экономическими трудностями наблюдался определенный спад туризма, особенно внутреннего, то за последние годы наметилась тенденция к улучшению положения, определились факторы, способствующие развитию туристской отрасли.

Рассмотрим вопросы взаимоотношений памятников культуры и туризма на примере работы государственных музеев-заповедников: Царское Село, Петергоф, Павловск, Гатчина, Ораниенбаум, которые стали своеобразными туристскими центрами.

Несмотря на задержку, а иногда и полное отсутствие целевого государственного финансирования, консервацию, а зачастую прямое свертывание реставрационных работ, за последние годы, благодаря чрезвычайным усилиям, собственной коммерческой деятельности государственных заповедников (хотя коммерциализация музеев — явление совсем неоднозначное), развитию экспозиционно-выставочной деятельности за рубежом, удалось провести ряд значительных работ по реставрации и восстановлению памятников архитектуры и искусства.

Это, прежде всего, реконструкция Большого каскада в Петергофе, открытие экспозиции историко-бытового музея в Большом корпусе Монплезира, завершение работ и открытие Розового павильона в Павловске, восстановление 12 корпусов Китайской деревни и Белой башни в Александровском парке города Пушкина, открытие музея, в первую очередь восстановление интерьеров Александровского дворца, Зала на острове и Голландского зала Адмиралтейства в Царском Селе, открытие ряда парадных залов Гатчинского дворца, восстановление Японского павильона и ряда парадных помещений Меншиковского дворца в Ораниенбауме и др.

Все это несомненно привлечет к данным памятникам культуры и искусства еще большее количество экскурсантов.

Однако следует отметить, что социологическое исследование, проведенное в государственном музее-заповеднике "Петергоф" показало, что среди посетителей музеев, количество жителей Петербурга не превышает 5%.

Такое положение существует и из-за значительных цен на билеты; даже имеющиеся скидки для школьников, студентов, пенсионеров не способствуют притоку посетителей.

Музеи живут главным образом за счет иностранного туризма, билеты для иностранных туристов в среднем в 5 раз превышают стоимость билетов для граждан России.

Здесь стоит отметить и недостаточную рекламу музеев, особенно новых экспозиций, отсутствие подробной информации о реставрационных работах на телевидении и в других средствах массовой информации. Каждый день по телевидению демонстрируется реклама зарубежных туристических поездок, курортов и почти полностью отсутствует реклама о достопримечательных местах и маршрутах в России.

Также следует подчеркнуть необходимость реализации потребностей в реставрационно-восстановительных работах. Требуется значительно улучшить положение с реставрацией памятников архитектуры и искусства, укрепить материально-техническую базу мастерских, обеспечить их необходимыми кадрами, строительными и реставрационными материалами и механизмами. Хотя в последние годы были ликвидированы многие препятствия в проведении реставрационных работ (потолок заработной платы, строгое регулирование количества фонда заработной платы относительно сметной стоимости того или иного вида работ, строгое нормирование лимитов на проведение проектных работ и т. п.), что приводило подчас к увеличению сроков реставрации; в настоящее время все еще остаются устаревшие ценники, только в 1999 году планируется изменение нормативной базы на проектные, ремонтно-строительные и реставрационные работы. Необходим возврат к конкурсной системе торгов на проведение реставрационных работ. Пока не решены вопросы финансирования, возникают трудности с сохранением кадров квалифицированных реставраторов.

За последнее время усилилась тенденция ухода реставраторов на работу по строительству и оформлению частных особняков, и, таким образом, развала реставрационных организаций. Так, сейчас на последнем издыхании находится прославленное когда-то объединение "Реставратор". Не решены полностью вопросы подготовки и обучения новых реставрационных кадров. Одной из основных проблем комплексной подготовки памятников к показу заключается в научно-обоснованном решении градостроительных задач с учетом потребностей туризма. Необходимо сохранить и восстановить не только отдельные сооружения, но и ценную в историческом и художественном отношении структуру музеев-заповедников, в сочетании с ландшафтными особенностями, строгое следование режиму функционирования охранных зон заповедников и зон регулирования застройки. Утверждение Указом Президента от 30 июля 1996 года № 1112 Положения о государственных музеях-заповедниках как особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации и включение их в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, несомненно, будет способствовать решению вопросов сохранения и реставрации памятников, потребностей культурно-исторического туризма. Это, в свою очередь, вызовет необходимость уделить большее внимание развитию и упорядочению системы экскурсионного обслуживания, подготовке кадров экскурсоводов и гидов-переводчиков, улучшению организационной и методической деятельности экскурсионных организаций. Следует значительно большее внимание уделять организации досуга молодежи. К сожалению, в настоящее время во многих школах программы гуманитарных предметов не скоординированы с необходимостью посещения музейных экспозиций. Практика проведения занятий в музеях, организация культпоходов в музеи и театры, летних туристских походов под девизом "Люби и знай свой край" и т. п. становятся исключительным явлением, а не правилом.

Рост наркомании, криминальных проявлений не в последнюю очередь зависят от того, что молодые люди предоставлены самим себе. Туризм, посещение музеев, изучение памятников способствуют формированию духовного облика человека.

Ю. В. МУДРОВ,

заместитель директора по развитию и внешним связям Государственного музея истории религии, первый заместитель председателя Правления Санкт-Петербургского фонда культуры, член Международного совета музеев при ЮНЕСКО;

И. А. КОРМАНОВСКАЯ,

референт Правления и эксперт Санкт-Петербургского фонда культуры, научный сотрудник издательства "БЛИЦ"

АНТИКВАРНЫЙ РЫНОК ПЕТЕРБУРГА (начальный этап развития)

Без исторического исследования начальных этапов торговых отношений в сфере распространения художественных произведений нельзя глубоко понять специфику сегодняшнего дня антикварного рынка.

Становление антикварного рынка и дальнейшее его развитие внутри города Петербурга, помимо социальных, экономических и политических причин, было вызвано новыми культурными потребностями обитателей молодой столицы.

За небольшой промежуток времени в Петербурге (нач. XVIII века) формируется первоначальная база, состоящая из произведений искусства прошлых веков — предметов антиквариата. Основная заслуга в этом принадлежит Петру I и его "комиссионерам".

Первые поездки Петра I за границу способствовали тому, что в Петербурге стали появляться старинные произведения искусства, "древности". Это затем привело к значительному интересу богатых слоев российского общества к художественным произведениям прошлых веков.

Привлекая внимание к собственному собирательству, Петр I, тем самым, приобщал к нему современников. Таким образом, возникает влечение к коллекционированию, что впоследствии получило большое развитие (вторая половина XVIII — первая половина XIX веков).

На протяжении всех времен царствования Дома Романовых, поставкой художественных произведений из Европы в Россию, в молодую столицу — Петербург, занимались "комиссионеры", являвшиеся посредниками между Европой и Российской Империей, между европейским антикварным рынком и зарождающимся петербургским.

Художественные предметы покупались за границей либо самими коллекционерами, либо их поверенными лицами — комиссионерами. С начала XVIII века стало обычным делом иметь специальных агентов для подбора и покупки произведений искусства для русского двора и частных коллекционеров в различных городах Европы.

От компетентности в финансовых и художественных вопросах, от окружения и расторопности посредников зависело очень многое. Торговля произведениями искусства напрямую была связана с проблемой вкуса и материальной состоятельностью заказчика, а также профессиональной подготовкой комиссионера.

В XVIII веке среди комиссионеров, оказавших влияние на зарождение и формирование антикварного рынка в Петербурге, были Ю. Кологривов, П. Баклемишев, И. Шумахер, П. Салуций, С. Рагузинский, Б. Куракин, А. Матвеев, А. Белосельский, С. Воронцов и другие.

Петр I, приобретая художественные произведения для своих собраний "на славу города", являл собой пример для окружения и соответственно оставил много подражателей и последователей. Складывалась предметная база для развития рынка. Комиссионеры, осуществляя желание своих заказчиков, пополняли эту базу, а затем и рынок, различными предметами искусства.

Подавляющее большинство произведений, ввозимых в город в первой половине XVIII века, принадлежало мастерам высокого и позднего Возрождения, а также художникам XVII столетия.

Торговцы, привозившие предметы антиквариата в столицу, прежде всего стремились предложить их двору — в собрания императора. И только после этого предлагали к распродаже частным лицам.

В течение второй половины XVIII и первой половины XIX веков торговля предметами антиквариата усиленно развивалась.

Происходило это в связи с дальнейшим развитием коллекционирования и вовлечением в него более широкого круга лиц. Появившийся к концу XVIII века новый контингент коллекционеров, который часто не в состоянии был выезжать за границу для составления или пополнения своих коллекций, способствовал развитию внутренней художественной торговли и сложению антикварного рынка.

Коллекционирование становилось одним из важнейших явлений художественной жизни. Оно характеризовалось желанием обладать художественными сокровищами, стремлением к познанию искусства других стран.

Традиционно рядом с собирателем и коллекционером находился профессиональный знаток: художник, комиссионер, эксперт. Он “направлял вкус”, посредничал при покупке произведений, составлял описания собраний. С каждым годом спрос на предметы искусства приводил к развитию рынка художественных изделий, в том числе предметов антиквариата. В России такого рода торговля сосредоточивалась главным образом в Петербурге, куда ежегодно в большом количестве свозились из Европы предметы искусства.

Предметы, предлагаемые для продажи, были удивительно разнообразны. Коллекционирование живописи было наиболее популярным, однако во второй половине XVIII века возрос интерес к фарфору, к составлению коллекции из “парцелина”.

В первой половине XIX века все большее внимание коллекционеров и собирателей привлекают различные виды часов, табакерок, шкатулок и других предметов декоративно-прикладного искусства.

Так формирование художественного фонда, распространение собирательства, коллекционирования “открыло” ко второй четверти XVIII века внутреннюю торговлю художественными произведениями.

Все формы торговли строго регламентировались законами, правилами, указами государства. Уже в начале XVIII века свободная продажа в России была запрещена, и желавший что-либо продать должен был официально засвидетельствовать свое намерение в письменном виде, а потом передать его в канцелярию Сената.

Одним из видов узаконенной торговли, подтверждающих наличие рынка, было существование публичных торгов — аукционов. Уже в начале тридцатых годов XVIII века аукционы получают широкое распространение.

Еще при Петре I начали строить для публичного торга “пристойные места”, которые в последствии стали называть “аукционными камерами”.

Проводились они под руководством избираемого аукциониста в аукционных камерах, нанимаемых в частных домах, у художников, у переплетчиков, которые продавали не только свои работы, но и произведения старых мастеров.

Самостоятельно, по своим законам и правилам, утвержденным государством, проводились торги с аукциона и на таможне.

В XVIII веке и позднее продажа с аукциона в Петербурге делилась на казенную, частную и “вольную”.

Продавцами в основном выступали отъезжающие иностранцы, начиная от торговых людей до министров. Распродавались с аукциона и вещи умерших владельцев. Среди них часто встречались художественные произведения, предметы антиквариата. В состав “продавцов” также входили разорившиеся владельцы.

Большое значение для проведения аукционов оказали изданные в 1723 году Правительствующим Сенатом “Правила продажи с публичного торга движимого имущества”. Художественные произведения, в том числе и предметы антиквариата, представляли именно этот вид имущества.

На торгах с аукциона было обязательным присутствие представителя из Магистрата, в его функции входило записывать в определенную книгу ценовую разницу с продажи. Существовал торг с первичной ценой и с дальнейшей “ценовой конкуренцией”. В первой половине XIX века

оценку художественных произведений проводили определенные присяжные, или “ценовщики”. Сам факт существования “ценовщиков” убеждает в том, что цены определялись профессионалами.

К концу первой половины XIX века “входит в жизнь” сертификация предлагаемых для продажи предметов. И соответственно авторитетность антиквара определялась не суммами денежных оборотов его “предприятия”, стоимостью подписанных им сертификатов. Экспертиза была не менее важной областью деятельности антикваров, нежели сама торговля. Выданный им сертификат прилагался к предмету и повышал цену, а тем самым репутацию антиквара.

Все торги, проводимые в Петербурге XVIII — первой половины XIX века, сопровождались документальными свидетельствами.

Обязательность сопроводительных реестров на продажу с указанием первоначальной стоимости движимого имущества была введена Указом от 1723 года. “Реестры” картин, предметов искусства предлагались в основном бесплатно.

Тем, кто продавал собственное имущество по своему желанию, разрешено было самим оценивать и “росписывать” предметы и сдавать данные собственной оценки для записи в отдельную книгу.

Опись предметов с указанием цены была обязательной для всех видов продажи. Также была обязательной запись в специальную книгу всех покупателей.

Спрос рождает предложение. И одной из главных форм видимого проявления спроса являлась общепринятая форма объявлений. По ним, в свою очередь, можно судить о растущей популярности торговли старинными предметами искусства в XVIII веке и далее в первой половине XIX столетия. Они же раскрывают во всей полноте активность аукционных торгов в Петербурге.

Сами предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства в середине XVIII века перед продажей не атрибутировались специально, а предлагались как “изрядные”, “живописные”, “лучших мастеров”. Излагались они кратко и лаконично, например:

“В декабре 1748 года у Галерного двора в доме дворянина Демидова у английского трактирщика Рубло с публичного торга продаваться будет собрание нескольких живописных картин славных мастеров”.

Позднее встречаются объявления с более подробным изложением: в 1766 году “в доме итальянского купца Бранка с аукционного торга предлагались разные мебели, серебряная, медная посуда, живописные картины разных мастеров — оригинальные”.

Аукционы для Петербурга XVIII века были явлением новым и интересным. Они явились неким обычаем времени, но они не всегда были выгодны для продавцов, так как денежный процент шел в пользу аукциониста. Продавец не должен был делать объявлений “от себя лично”, этим занимались аукционисты.

Дома, где проводились аукционы, посещались публикой с большим желанием и охотой, а продавец имел большую уверенность в скорой продаже.

В начале XIX века все чаще встречается ряд имен, в чьих домах проводились аукционы, маскарады, лотереи.

Кусовников, Тамизьс, Граби, Косиковский и многие другие участвовали и проводили в своих владениях часто именно аукционы, состоявшие из предметов антикварната и современных художественных произведений.

Постепенно некоторые адреса связываются в этих объявлениях не только с фактами публичных торгов, но и с видами художественно-общественной деятельности.

С именем Косиковского связано появление специального центра антикварной торговли — “Справочного места” (1825), в котором проводились как аукционы, так и продажи “по вольной цене”.

В специально назначенный час “увлеченные до художеств” могли предложить, обменять, продать различные произведения искусства.

Одной из увлекательных форм торговли было разыгрывание художественных произведений в лотереях, которые особенно часто проводились в середине XVIII и в первой половине XIX столетия. Они были регламентированы рядом правил и указами государства, и проводились в благотворительных целях.

С развитием интереса к предметам антиквариата и других “художеств” торговля получает распространение в специальных лавках, магазинах. Первоначально, во второй половине XVIII века, такая торговля носила характер чисто случайный, но в последствии представляла собой более самостоятельное направление.

К концу XVIII века в Петербурге становятся известными лавки и магазины Еверса, Миллера, Логана, Роспини, Клостермана, Меллсотти и многих других владельцев, уделявших внимание художественным произведениям и предметам антиквариата.

В первой половине XIX века часто среди названий магазинов можно встретить “Музыкально-искусный и красочный магазин”, “Магазин старинных вещей” и другие.

Среди предлагаемых предметов на рубеже XVIII—XIX веков и позднее часто встречались полотна, авторство которых обозначалось именами Рафаэля, Рубенса, Веласкеса и других “лучших мастеров”. Однако продавцы всячески старались обратить внимание на свой товар и часто выдавали копии и подделки за произведения известных мастеров. А это в свою очередь говорит о существовании на антикварном рынке уже в то время конкуренции.

С середины XVIII столетия получает распространение продажа “по вольной цене”. Такие продажи проходили чаще всего в частных домах и не имели официальной предварительной оценки, а цена могла изменяться от желания продавца или покупателя.

Исследованные формы торговли (аукционы, лотереи, магазины, продажа “по вольной цене”) с их регламентацией, участие постоянных имен и адресов в них, обязательное сопровождение этих форм торговли “росписями”, каталогами, реестрами — все это позволяет говорить не просто о торговле художественными произведениями, а о сложении и существовании в Санкт-Петербурге в XVIII—XIX веках серьезного антикварного рынка.

Г. И. ЕЛИНЕР,

президент Ассоциации независимой экспертизы и реставрации

АНТИКВАРНЫЙ БИЗНЕС В РОССИИ

Торговля антиквариатом претерпевала в России множество трансформаций. И эти перемены всегда четко отражали исторический период в жизни русского народа.

Как самостоятельный, оформившийся бизнес антикварная торговля сложилась к концу XVII века, а наибольшего расцвета достигла при Петре I и Екатерине II, когда богатые люди, стремясь подражать жизни при императорском дворе, обставляли свои особняки и усадьбы ввозимыми из-за границы предметами роскоши. Спрос опережал предложение. В XVIII веке уже составлялись антикварные каталоги, в которых содержались сведения о произведениях искусства и о предметах антиквариата, поступивших в специальные хранилища. Затем эти хранилища постепенно приобретали вид галерей, выставочных залов, а в XIX веке уже и музеев, открытых для широкой публики.

Санкт-Петербург как столица России был центром антикварной торговли и ювелирного дела. К концу XIX века в нем насчитывалось несколько десятков фирм и антикварных магазинов, владельцы которых боролись за честь быть поставщиками двора его императорского величества и великокняжеских дворов. Развивалась и аукционная торговля. На аукционы поступали как отдельные предметы, так и целые коллекции, изъятые в судебном порядке у должников и банкротов, а также добровольно выставяемые произведения искусства. Появились к этому времени и определенные законы торговли антикварными ценностями, ограничивающие прибыль от этой деятельности. В то же самое время зарождаются богатые частные коллекции произведений искусства, предметы из которых в настоящее время являются гордостью лучших музеев России и мира. Вспомним таких собирателей, как Шувалов, Строганов, Свиньин, Кокорев, Прянишников, братья Третьяковы.

Непосредственно перед революцией 1917 года и сразу после нее торговля антиквариатом замерла, ушла в тень. Открытость границ позволила уезжающим из России вывозить ценности за рубеж, многие произведения искусства были рассеяны по всему свету, большая их часть осела в Париже. Замечу, что сейчас имеется реальная возможность их возврата на родину, но отсутствие у страны денег превращает эту мысль в утопию.

Во времена нэпа, вплоть до 1927 года, антикварные магазины росли, как на дрожжах. Предшествующая нэпу революция и гражданская война привели к тому, что антиквариат менял собственника. В связи с разграблением особняков он оказался в руках бедных и, чаще всего, неграмотных людей. Магазины ломались от антиквариата. Новые собственники легко расставались с ним, так как не понимали его истинной ценности, чем пользовались старые антиквары.

Наживался и новый вид дельцов-спекулянтов, скупающих за бесценок все подряд и здесь же продающих это в два-три раза дороже. Жалобы антикваров сводились, как и сегодня, к тому, что предложение намного опережало спрос. Ведь покупателями был лишь один процент населения — нэпманы. Но вот Иосиф Сталин решил железной рукой навести порядок в стране. Государство становилось хозяином всего и вся. Магазины теряли своих хозяев, которые спешно покидали Россию. Кто мог, вывозил самое ценное, находя различные лазейки. Те же, кто оставались, попадали под уголовные статьи о сокрытии ценностей. Страна в очередной раз меняла курс, голод железной рукой хватал за горло, и власть предпринимала отчаянные попытки найти деньги... На многих серебряных и золотых изделиях мы и сейчас обнаруживаем стертые, забитые или вырванные клейма. Хозяева пытались таким образом избежать их изъятия, пользуясь некомпетентностью лиц, производивших обыск.

Голод, аресты, безработица заставляли за бесценок сдавать в ломбард произведения искусства, драгоценности — оценка их производилась по преysкурантам и инструкциям, составленным в чрезвычайных комиссиях, и по ценам, совпадающим с ценой куска хлеба или сахара. Конечно, почти никто не мог выкупить заложенную вещь, это был путь антиквариата в одну сторону, вещи поступали в госхран, большинство переплавлялось в слитки и шло на закупку зерна за границей. В это же время средствами массовой информации в сознание граждан внедрялась мысль, что золото, украшения — это признаки буржуазной культуры, что быт советского человека должен быть свободен от предметов старого уклада, что табуретка практичнее кресла, а железный матрас полезнее кровати эпохи Людовика XIV.

Многими экспонатами пополнились в это время запасники музеев страны Советов. Отсутствие специалистов — реставраторов, экспертов, химиков, физиков, знакомых с правилами хранения предметов искусства, губило и губит до сих пор ценности на миллиарды долларов.

Сразу после стабилизации положения в стране были открыты торгсины — магазины по торговле с иностранцами. Затем началась война.

В осажденном Ленинграде люди жгли старинную мебель, стараясь хоть как-то согреться, пыгались жечь багетные рамы от картин, но они горели плохо... На импровизированных барахолках за кусочек хлеба, щепотку сахара или ломтик сала можно было купить и золотые часы с массивной цепью фирмы "Павел Буре", и золотой кулон Фаберже, и серебряную скульптурную группу ювелирных дел мастера Овчинникова... Многим ленинградцам, обладавшим антиквариатом, эти великие мастера спасли жизнь. Конечно, были и другие люди, которые наживались на несчастье других, скупали за бесценок удивительные шедевры, торгуясь с несчастным человеком, желающим спасти своих детей, родственников и свою жизнь...

Но, безусловно, антикварной торговлей это назвать было нельзя, желающих продать было тысячи, а могущих купить — единицы. Выручала новая форма торговли — скупка, где по бросовой цене как металлолом можно было сдать золотую уникальную вещь и по одинаковой цене принимались и простые серебряные ложки, и великолепные кубки, и ковши, и чаши с расписной перегородчатой эмалью... По всему Советскому Союзу люди несли свои украшения, сдавали их бесплатно в помощь фронту.

Как посчитать теперь то, что невозполнимо, то, что является смыслом истории, ведь именно по произведениям искусства можно воссоздать историческое прошлое страны, народа, а без учета истории нет и не может быть развития цивилизации...

Но вот страна за 10—15 послевоенных лет поднялась из руин, появились люди, коллекционирующие антиквариат, люди, желающие украсить свой быт предметами искусства. Сначала это были крупные научные работники, известные артисты, крупные писатели, художники, юристы. А как известно, спрос диктует и предложение. Появились так называемые спекулянты, которые снабжали этих людей предметами антиквариата... На барахолках ими скупалось уже все, что в той или иной мере можно отнести к антиквариату. Спрос на антиквариат, конечно, был замечен преступным миром, квартирные кражи стали самой распространенной формой преступления, о 144 статье знали все... Также и государство в лице правоохранительных органов не могло не обратить внимания на теневую сторону антикварной торговли: и барахолки, и так называемые “толчки” прикрыли... Сама антикварная деятельность стала опасным, хотя и весьма выгодным занятием. Преступники грабили антикварщиков, грабило их и государство, подводя под статью о спекуляции, о скупке краденого и, что еще хуже, под 88 статью о спекуляции валютными ценностями, в число которых входили и произведения искусства. Во всех этих статьях предусматривалась конфискация имущества, если прибыль была в особо крупном размере, а в СССР “крупная прибыль” для отдельного человека составляла в деньгах 1961 года 200 рублей: как раз стоимость более или менее приличного пальто.

Логическим завершением такого отношения к коллекционной и антикварной деятельности явился Закон “Об охране памятников” 1976 года, вступивший в силу в марте 1977 года, которым запрещалось любое отчуждение антикварного предмета, как представляющего памятник союзного, республиканского или местного значения, без разрешения государства. Правда, этот закон, как и многие законы, остался только лишь на бумаге. Но он делал любого человека, занимающегося антикварной деятельностью, преступником.